

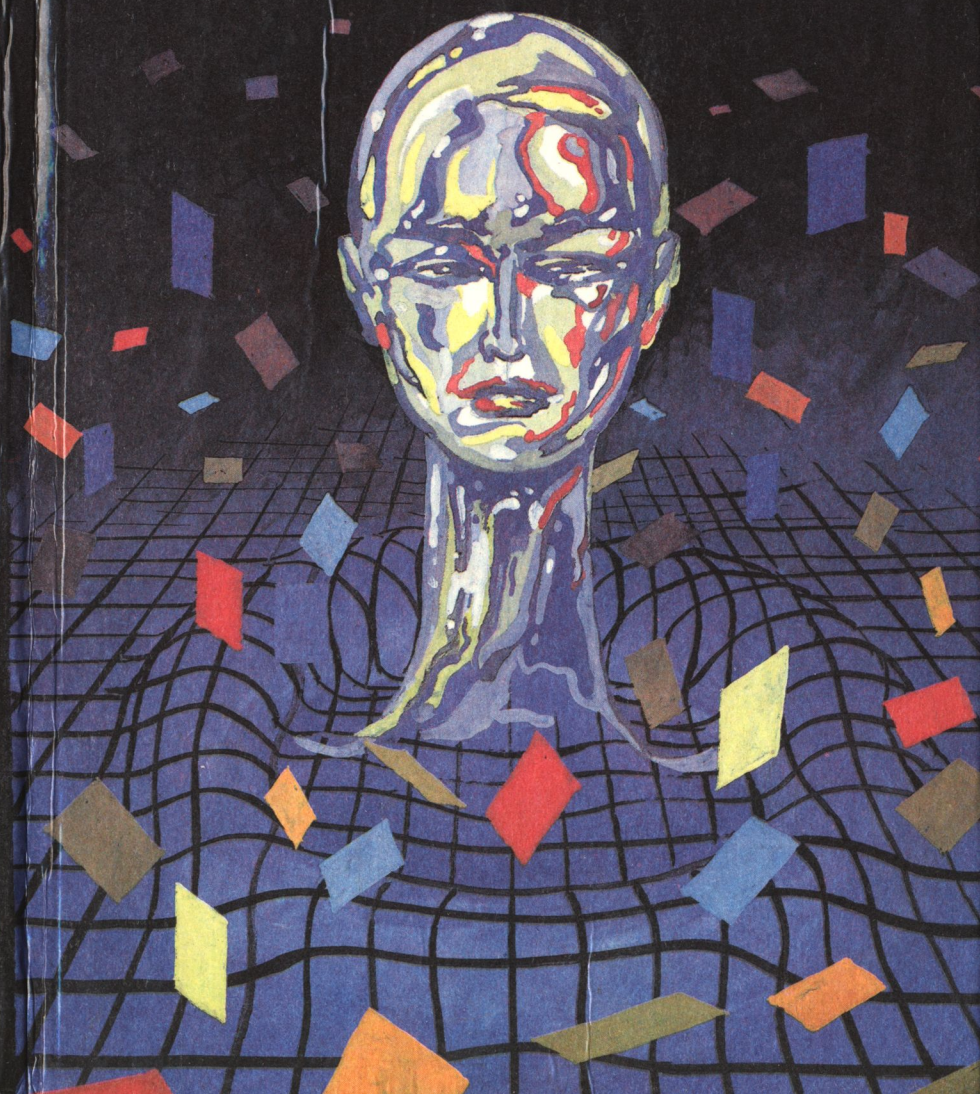
ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА
МИРА

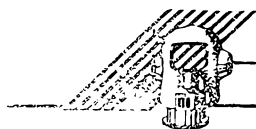
АЙЗЕК

АЗИМОВ

КАМЕШЕК В НЕБЕ

АЙЗЕК АЗИМОВ

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА МИРА

Айзек АЗИМОВ

**КАМЕШЕК
В
НЕБЕ**

СТАРЫЙ СВЕТ

Publicity

Минск

«Старый Свет» — ИПКА «ПАБЛИСИТИ»

1993

ББК 87.7 США

А 35

Серия основана в 1993 году

Для старшего школьного возраста

Перевод с английского

Составитель А. В. Березнев

А 4703040100

ISBN 5-88016-008-4

(Старый Свет).

ISBN 5-86958-043-9

(Паблисити).

© Серия «Лучшая фантастика
мира», 1993

© Перевод, составление и
оформление серии.
ИПКА «Паблисити», 1993

КАМЕШЕК В НЕБЕ

Глава первая

МЕЖДУ ДВУМЯ ШАГАМИ

За две минуты до исчезновения с лица той Земли, которую он знал, Иосиф Шварц брел по оживленным улицам предместья Чикаго, повторяя про себя строки из Браунинга.

В некотором смысле это было странным, ибо Шварц едва ли производил впечатление человека, способного декламировать Браунинга. Он казался тем, кем и был на самом деле: удалившимся на покой портным, абсолютно лишенным того, что сегодняшние софисты называют «истинным образованием».

Однако Шварц удовлетворял природное любопытство обильным и бессистемным чтением, повинувшись необузданной страсти. Он подбирал все, что только мог, и, благодаря особенности памяти, сохранял в ней обрывки полученных сведений.

Например, «Рабби Бен Эзра» Браунинга он прочел в юности дважды и, конечно, запомнил наизусть. Большая часть произведения осталась непонятой, но первые три строки стали для Иосифа за последние несколько лет подобными биению сердца. Вот и сейчас, в этот солнечный летний день, полюбившиеся слова звучали в глубине его разума:

«Так старься же со мной!

Быть может, лучшее еще впереди —

Та, последняя эпоха жизни,

Ради которой была прожита первая».

Шварц ощущал эти строки во всей их полноте. После бурной юности, проведенной в Европе, и трудных лет становления в Соединенных Штатах безмятежность спокойной старости была особенно приятной. Имея собственный дом и деньги, Шварц мог уйти на заслуженный отдых, что и сделал. Имея жену в добром здравии, двух удачно вы-

шедших замуж дочерей, внука, скрашивающего последние годы, — о чем еще можно беспокоиться?!

Была, конечно, атомная бомба и какая-то сладострастная болтовня о третьей мировой войне, но Шварц верил в лучшие качества человеческой природы и не допускал возможности еще одной войны, не верил, что Земля когда-нибудь снова увидит, как солнцеподобный атомный ад извергает свою злобу. Иосиф кротко улыбался детям, мимо которых проходил, и молча желал им быстрого и не слишком трудного перехода от юности к тому лучшему, что, может быть, еще впереди.

Шварц поднял ногу, намереваясь перешагнуть через куклу неряхи Энн, лежавшую, бессмысленно улыбаясь, посреди тротуара, но ступить на землю уже не успел...

В другой части Чикаго находился институт по исследованию атомной энергии, служащие которого могли бы располагать теориями относительности человеческой природы, хотя с некоторым стыдом должны были признаться себе, что нет пока инструмента, который позволил бы измерять это качество. Когда они об этом думали, им хотелось, чтобы провидение удержало человеческую натуру (и проклятую человеческую гениальность) от склонности каждое невинное и интересное открытие превращать в смертоносное оружие.

В то же время ученый, который все свое любопытство направлял на поиски ответа, способного убить пол-Европы, пожертвовал бы своей жизнью для спасения абсолютно ничтожного человека.

Внимание доктора Смита привлекло голубое свечение за полуоткрытой дверью химической лаборатории.

Химик, веселый молодой человек, орудовал с волометром, наполненным раствором, что-то при этом напевая.

Белый порошок постепенно опускался в жидкость, медленно растворяясь. Доктор Смит сначала только это и заметил, но вскоре тот же инстинкт, что заставил его остановиться, побудил к действию.

Смит вбежал в комнату, схватил линейку и смахнул на пол то, что находилось на крышке стола. Раздалось смертоносное шипение плавящегося металла. Доктор Смит почувствовал, как на носу его повисла капелька пота.

Юноша непонимающим взглядом уставился на бетонный пол. Пятна серебристого металла распространяли жар.

— Что случилось? — чуть слышно спросил химик.

Доктор Смит пожал плечами. Он и сам не мог этого толком объяснить.

— Не знаю. Скажите-ка мне... Что здесь происходит?

— Ничего не происходит,— пробурчал юноша.— Это был всего лишь образец необработанного урана. Я производил вычисления на медном электролите. Не знаю, что могло случиться.

— Что бы там ни случилось, молодой человек, могу описать вам, что видел собственными глазами: на платиновом тигле возникло сияние. Имела место жесткая радиация. Уран, вы говорите?

— Да, но не обогащенный уран, а это не опасно. Я имею в виду, что безупречная чистота является одним из самых важных качеств для расщепления, не так ли? — Химик быстро провел языком по губам.— Вы думаете, это было расщепление, сэр? Это не плутоний, и он не подвергался бомбардировке.

— И масса была ниже критической,— задумчиво добавил доктор Смит.— Или, по крайней мере, ниже той критической массы, которая нам известна.

Смит посмотрел на запятнанный стол, на испорченную краску шкафов, на серебристые полосы на бетонном полу.

— И все же уран плавится примерно при 1800 градусах основной градации, а атомные явления не настолько хорошо нам знакомы, чтобы мы могли особенно красноречиво рассуждать на эту тему. Теперь это помещение должно быть насыщено случайной радиацией. Когда металл охладится, молодой человек, он должен быть добросовестно обработан, собран и тщательно изучен.

Смит задумчиво огляделся, потом подошел к противоположной стене и недовольно нахмурился, глядя на пятно, находившееся на уровне его плеча.

— Что это? — спросил он у химика.— Это всегда здесь было?

— Что, сэр?

Молодой человек нервно выпрямился и подошел к указанному месту.

Дырка была крошечной, будто бы проделанная ногтем, если вдавить его в стену и повернуть. Но отверстие было сквозным, проходило через всю толщу стены и пропускало дневной свет.

Химик покачал головой.

— Этого я раньше не видел. Но я сюда никогда и не смотрел, сэр.

Доктор Смит ничего не ответил. Он приблизился к термостату, коробке в форме параллелепипеда из тонкого листа железа. Вода в нем медленно вращалась по мере

того, как взбалтыватель поворачивался с механической монотонностью, а электрические лампочки под водой, служившие нагревателями, вспыхивали и гасли одновременно со щелчками ртутного реле.

— А это что такое?

Доктор Смит легонько постучал ногтем по пятну, находившемуся недалеко от верхней части широкой стороны термостата.

Это был аккуратный, тонкий кружок, просверленный в металле. Вода не доставала до него.

Глаза химика округлились.

— Нет, сэр, этого раньше здесь не было, готов поклясться.

— Гм. А на другой стороне есть такое?

— Ну, черт побери! Я хотел сказать — есть, сэр.

— Хорошо. Подойдите сюда и посмотрите сквозь отверстие. Прошу вас, закройте термостат. А теперь встаньте здесь.— Смит указал пальцем на отверстие в стене. — Что вы видите?

— Ваш палец, сэр. Он там, где дырка?

Доктор не ответил. Со спокойствием, весьма далеким от того чувства, которое на самом деле испытывал, Смит проговорил:

— Посмотрите в другом направлении. Что вы видите теперь?

— Теперь ничего.

— Но это то место, где стоял тигель с ураном. Вы ведь смотрите в верном направлении, не так ли?

— Думаю, так, сэр,— последовал неуверенный ответ.

Бросив взгляд на табличку, прикрепленную ко все еще приоткрытой двери, доктор Смит холодно заметил:

— Мистер Дженнингс, то, что здесь происходит, прошу считать в высшей степени секретным. Я не хочу, чтобы вы говорили об этом с кем бы то ни было. Вы меня поняли?

— Конечно, сэр!

— Тогда уйдем отсюда. Поручим людям, занимающимся радиацией, проверить место, а сами отправимся в изгнание к медикам!

Химик побледнел.

— Вы хотите сказать, что возможно облучение?

— Узнаем.

Но серьезных признаков радиоактивного облучения найдено не было. Исследования крови дали отрицательный результат, излучение корней волос ничего не показало.

Легкая тошнота явно носила психосоматический характер, никаких дополнительных симптомов не обнаружили.

Единственным заключением стала мысль о том, что атомная физика — странная область, и ее изучение таит в себе неведомые опасности.

Однако доктор Смит так никогда и не осмелился изложить всю правду в отчете. Он не упомянул о дырах в лаборатории, не сказал о том факте, что дыра, находившаяся в месте, где стоял тигель, была еле заметна; та, что появилась на одной из сторон термостата, была несколько больше, в то время как третья, расположенная на стене, на расстоянии, в три раза превышающем первое, достигала таких размеров, что можно было просунуть ногу.

Луч, распространяющийся по прямой, мог бы путешествовать несколько миль, прежде чем земной эллипс заставил поверхность отступить настолько, чтобы воспрепятствовать дальнейшим разрушениям, и тогда луч оказался бы в десяти футах.

После этого вспышка нырнула бы в пространство, рассеиваясь и слабая, — странное пятно на ткани космоса.

Ученый никогда никому не говорил об этой своей фантазии. Не говорил также и о том, что на следующее утро потребовал газеты — он все еще находился в амбулатории — и отыскал нужную колонку с определенной целью.

Но в гигантских метрополисах каждый день исчезает множество людей! И никто не примчался в полицию с криками и нелепой выдумкой о том, как на его глазах неожиданно исчез человек (или, может быть, полчеловека). Во всяком случае, ни о чем подобном газеты не сообщали.

И доктор Смит заставил себя забыть об этом.

Для Иосифа Шварца все произошло между одним и другим шагом. Он поднял правую ногу, намереваясь переступить через куклу неряхи Энн, и на мгновение почувствовал головокружение, будто частица времени закрутилась в водовороте и увлекла его за собой. Когда же Шварц поставил правую ногу на землю, у него перехватило дыхание, и он вдруг понял, что опускается на траву.

Долгое время Шварц сидел с закрытыми глазами, потом резко открыл их.

Все было правдой! Он сидел на траве в том месте, где раньше шел по бетону.

Дома исчезли. Белые дома, каждый со своей лужайкой, стоявшие ряд за рядом, — все исчезло!

И сидел Шварц не на лужайке, ибо трава была буйной, нетронутой, а кругом виднелись деревья, много деревьев, уходящих к самому горизонту.

Лишь когда прошел первый шок, Иосиф заметил, что многие листья красноватые, а под ладонями шуршат и совсем сухие. Он был горожанином, но мог распознать осень.

Осень! Однако, когда Шварц приподнял правую ногу, был июньский день, и зелень вокруг радовала свежестью и чистотой.

Подумав об этом, Иосиф машинально взглянул на правую ногу и, резко вскрикнул... Маленькая тряпичная кукла, через которую он не перешагнул, маленький знак реальности...

Но нет! Шварц повернул куклу дрожащими руками и обнаружил, что она разрезана.

Она не была разорвана — она была разрезана.

Ну разве это не странно? Разрезана вдоль так аккуратно, что ни одной ниточки не потерялось. Так она и лежала, плоская и неподвижная.

Внимание Шварца привлекло сверканье на левой туфле. Все еще сжимая в руках куклу, он потянул к себе ногу, согнув колено. Верхний слой подошвы был срезан наклонно и гладко, так гладко, что ни один земной нож не смог бы повторить подобного среза. Свежая поверхность блестяла почти как жидкость, столь неправдоподобной была ее гладкость. Смятение проникло в нервные центры Шварца, оттуда — в мозг и вернулось в виде леденящего ужаса.

Наконец, поскольку даже звук собственного голоса был чем-то успокаивающим в этом совершенно безумном мире, Иосиф заговорил вслух. Голос, который он услышал, казался тихим, напряженным и как будто задыхающимся.

— Во-первых,— сказал он,— я не сумасшедший. Я чувствую себя так же, как чувствовал всегда. Впрочем, возможно, будь я сумасшедшим, я бы этого не знал. Или знал? Нет...

Иосиф ощутил, как в нем назревает истерическая вспышка, и усилием воли подавил ее.

Должна быть какая-то другая возможность.

Он подумал:

— Может, я сплю? А как узнать, сон это или нет? — Шварц ущипнул себя и почувствовал боль, но покачал головой. — Я мог бы видеть сон, что чувствую боль. Это не доказательство.

В отчаянии Шварц огляделся. Может ли сон быть таким ясным, таким детализированным, таким продолжительным? Как-то он читал, что большая часть снов длится около пяти секунд. Сны вызываются мельчайшими раздражителями, действующими на спящего, и их кажущаяся долгота всего лишь иллюзия.

Жестокое утешение! Иосиф поднял манжету рубашки и посмотрел на часы. Секундная стрелка вращалась не переставая. Если это был сон, то она, наверное, сошла с ума.

Шварц посмотрел вдаль и машинально провел рукой по лбу, стирая холодный пот.

Как насчет амнезии?

Не ответив на этот вопрос, Иосиф медленно опустил голову и спрятал лицо в ладони.

Если он поднял ногу, и за это время разум покинул его, если осенью, тремя месяцами позже, или годом и тремя месяцами, или десятью годами и тремя месяцами позже он вновь опустил эту ногу в незнакомом месте, и в это время разум вернулся к нему... Да, тогда все могло бы показаться одним-единственным шагом.

— Но в таком случае где я был и что делал все это время? Нет, невозможно!

Шварц почти прокричал последние слова.

Он посмотрел на свою рубашку, это была та самая, которую он надел сегодня утром — или тем, которое казалось сегодняшним, — и это была свежая рубашка. Иосиф подумал, сунул руку в карман пиджака, вытащил яблоко и, как безумный, вонзил в него зубы.

Яблоко все еще хранило прохладу холодильника, откуда его достали двумя часами раньше — или тем, что казалось двумя часами.

А эта маленькая тряпичная кукла, как насчет куклы?

Иосиф устремился вперед. Это должно быть сном, иначе он действительно сошел с ума.

Его поразило, что время дня изменилось. Был уже вечер, — по крайней мере, тени удлинились. Иосиф вдруг заметил, какая тишина и спокойствие вокруг, и это наполнило его еще большей тревогой.

Очевидно, нужно найти людей, каких угодно людей. И столь же очевидно, нужно найти дом, а для этого — найти дорогу.

Шварц автоматически повернул в том направлении, где деревья, как будто, было меньше.

Легкая вечерняя прохлада проникла под его пиджак, вершины деревьев стали неясными и далекими, когда Шварц вышел к обычной щебеночной полосе. Он устремился к ней с невыразимым облегчением и любовно поставил ногу на твердую поверхность. Но и с той, и с другой стороны царила абсолютная пустота, и на мгновение холод снова коснулся его груди. Иосиф надеялся увидеть машины. Было бы легче легкого помахать рукой и сказать — он даже произнес это вслух:

— Вы случайно не в сторону Чикаго?

А что, если он совсем не рядом с Чикаго? Что ж, любой большой город, любое место даст ему возможность телефонной связи. В кармане лежит всего лишь четыре доллара семь центов, но ведь везде есть полиция.

Никаких машин! Ничего! А темнота становилась все гуще.

Шварц все шел по шоссе, по самой середине, все время озира! Заход солнца остался незамеченным им, так же, как и появление звезд.

Шварц решил, что вновь возвращается в состояние нереальности, потому что горизонт слева замерцал. Сквозь просветы между деревьями виднелось холодное голубое сияние. Это было не зарево, которое, по его понятиям, сопровождает горящий лес, а какое-то, ползущее свечение, и щебенка под ногами, казалось, слабо вспыхивала. Иосиф наклонился и протянул руку — на ощупь ничего необычного, но крохотные искорки продолжали плясать перед глазами.

Иосиф вдруг осознал, что мчится по шоссе, громко, неровно стуча каблуками, заметил, что держит в руках поврежденную куклу, и отшвырнул ее в сторону.

Гнусное, издевательское напоминание о жизни!

Вдруг Шварц в панике остановился. Чем бы ни было это напоминание, оно являлось доказательством его психического здоровья, а он в этом нуждался, поэтому вернулся и, опустившись на колени, стал искать куклу среди темных искр ультраслабого свечения. Внутренности куклы вываливались, Иосиф рассеянно затолкал их назад и снова пошел, слишком несчастный, чтобы бежать.

Иосиф проголодался. Он был испуган, по-настоящему испуган, когда увидел искру света справа от себя.

Конечно, дом!

Шварц дико закричал, но ему никто не ответил. Однако это был дом, искорка реальности, подмигивавшая ему сквозь жуткую безымянную пустоту последних часов.

Шварц свернул с дороги и устремился напрямик через канавки вокруг деревьев, сквозь кусты, через ручей.

Странная вещь! Даже ручей слабо светился, фосфоресцировал! Но он заметил это лишь каким-то уголком зрения.

И вот он уже рядом с домом, может пощупать руками твердое белое сооружение.

Дом был не из кирпича, не из камня и не из дерева, вещество, из которого было построено здание, напоминало фарфор. Шварц не обратил на это внимания, он видел лишь дверь, но подойдя ближе, заметил, что никакого звонка нет. Тогда он принялся громко стучать и неистово орать.

Шварц услышал возню за дверью и прекраснейший звук — звук человеческого голоса. Он снова закричал:

— Эй, откройте!

Раздался слабый ровный стук, и дверь отворилась. На пороге появилась высокая худая женщина с встревоженным лицом, за нею маячила фигура мужчины в рабочей одежде.

Нет, не в рабочей одежде. Собственно, она не была похожа на что-либо виденное Шварцем раньше, но каким-то непонятным образом угадывалось, что это — одежда, в которой человек работает.

Шварц не был аналитиком. Для него и люди, и их одежда были прекрасными настолько, насколько может быть прекрасным все, что касается друзей.

Женщина заговорила. Голос ее оказался мелодичным, но властным, и Шварц ухватился за дверь, чтобы не упасть. Губы его беззвучно зашевелились и мгновенно все страхи с удвоенной силой стиснули его сердце.

Женщина говорила на языке, которого Шварц никогда не слышал.

Глава вторая

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ НЕЗНАКОМЦА

Лоа Марен и ее флегматичный муж Арбин в тот прохладный вечер играли в карты, а старый человек, сидевший в углу в кресле на колесиках, сердито шелестел газетой.

— Арбин! — позвал он.

Арбин Марен ответил не сразу. Осторожно постукивая пальцами по гладкому прямоугольнику стола, он обдумывал следующий ход. Неторопливо приняв решение, Арбин ото-звался:

— Чего тебе, Грю?

Седой Грю бросил на зятя яростный взгляд поверх газет и снова зашелестел бумажным листом. Шум подобного рода действовал на него самым благотворным образом. Когда человек, переполненный энергией, вынужден безотлучно находиться в кресле на колесиках, имея вместо ног две бесчувственные плети, должно быть что-то, клянусь Космосом, что помогало бы ему хоть как-то выражать свои чувства. Грю использовал для этого свои газеты. Он шелестел ими и жестикулировал. В случае крайней необходимости он хлестал ими по вещам.

Повсюду, кроме Земли, как было известно Грю, применялись машины теленовостей, выпускавшие мотки микропленки с текущими новостями. Для чтения употребляли стандартные книговизоры. Но Грю молча презирал подобный обычай. До чего же ничтожный и бесполезный обычай!

— Ты читал насчет археологической экспедиции, которую посылают на Землю? — спросил Грю.

— Нет, не читал, — спокойно ответил Арбин.

Грю и так это знал, поскольку никто, кроме него, газеты еще не видел, а от видео семья отказалась в прошлом году. Однако подобный вопрос являлся обычным первым ходом начинаемой партии.

— Ну так вот, она уже в пути, — сообщил Грю. — И с имперского соизволения, как вам это нравится?

Он начал читать с той странной, неестественной интонацией, какой большинство людей машинально сопровождают чтение вслух.

— Бел Арвардан, старший научный сотрудник Имперского археологического института, в интервью Галактик-пресс подчеркнул важность археологических изучений, которые планируется провести на Земле, расположенной на окраине Сектора Сириус (см. карту). «Земля, — заявил он, — с ее архаичной цивилизацией и единственным в своем роде окружением, представляет собой причудливую культуру, на которую наши ученые-социологи слишком долгое время не обращали внимания, если не считать проблем в контактах с правительством. Я очень надеюсь, что ближайшие год-два внесут коренные изменения в некоторые из наших фундаментальных концепций

относительно человеческой истории». И так далее, и тому подобное,— закончил Грю с пафосом.

Арбин Марен слушал его вполслуха. Он пробормотал:

— Что имеется в виду под словами «причудливая культура»?

Лоа Марен не слушала вообще, она просто заметила:

— Твой ход, Арбин.

Грю продолжал:

— Ну, так вы не собираетесь спросить меня, почему «Трибюн» это опубликовала? Вы же знаете, эта газета не перепечатывает сообщений Галактик-пресс, заплати ей хоть миллион имперских кредиток, если на то нет веской причины.

Старик напрасно подождал ответа и затем продолжил:

— Потому что она сделала из этого полновесную передовицу, вышибающую дух из Арвардана, того самого парня, который собирается приехать сюда с научными целями, а они из кожи вон лезут, чтобы ему помешать. Вы только посмотрите на этот кусок дурацкой болтовни! — Грю потряс газетой.— Почитайте!

Лоа Марен отложила карты и крепко сжала тонкие губы.

— Отец,— сказала она,— у нас был трудный день, так что давай пока оставим политику в покое. Может, попозже, а? Прошу тебя, отец.

Грю нахмурился и передразнил:

— «Прошу тебя, отец!» А мне кажется, ты просто устала от своего старого отца, если скупись на несколько слов о последних событиях. Думаю, я стою у вас на пути, сидя здесь в углу и позволяя вам двоим работать за троих. Чья это вина?

Я сильный, я хочу работать. И вы знаете, что я мог бы вылечить свои ноги и стать таким же бодрым, как раньше.— Говоря это, старик энергично топал ногами, слышал этот топот, но ног не чувствовал.— Единственная причина, мешающая мне это сделать, в том, что я становлюсь слишком стар и им невыгодно меня лечить. Так не назовете ли вы это «причудливой культурой»? Как еще можно назвать мир, где не позволяют работать человеку, способному трудиться? Клянусь Космосом, пришло время прекратить всю эту чушь с так называемым «своеобразным устройством». Оно не своеобразное, оно просто свихнутое! Думаю...

Грю размахивал руками, его сердитое лицо налилось краской.

Арбин встал со стула, и его тяжелая рука легла на плечо старика.

— Ну, к чему так расстраиваться, Грю? Когда ты покончишь с газетой, я прочту передовицу.

— Конечно, но ты с ними согласишься, так какая от этого польза? Вы, молодые, просто стадо молокососов, просто резиновые губки в руках Древних.

— Тише, отец,— быстро произнесла Лоа,— не надо об этом.

Некоторое время она сидела и прислушивалась, не в силах толком объяснить к чему, но...

Арбин ощутил легкий холодок, как всегда, когда упоминалось Общество Древних.

Было просто небезопасно, подобно Грю, насмехаться над древней земной культурой и...

Что ж, таков обычай ассимиляции. Арбин сглотнул. Да, если разобраться, мир уродлив, устроен слишком несовершенно.

Конечно, в дни юности Грю было много глупой болтовни о забытых старых путях, но настали иные времена. Грю следовало бы это знать, и он, возможно, знал, но только нелегко быть благоразумным и следовать здравому смыслу, когда сидишь в тюрьме на колесиках и ждешь, и считаешь дни до следующего Ценза.

Вероятно, страсти еще бушевали в груди Грю, однако он замолчал. Шло время, старик становился все спокойнее, взгляд его все реже сосредоточивался на нужном месте в газете. Он не успел дойти до спортивной страницы и критических заметок, медленно опустил голову на грудь, тихонько засопел, и газета выпала из скрюченных пальцев с легким бесплотным шелестом.

Лоа с беспокойством в голосе зашептала:

— Может, мы недостаточно добры к нему, Арбин. Для такого человека, как отец, эта жизнь ужасно тяжела. По сравнению с той жизнью, которую он вел раньше, он, можно сказать, просто мертвый.

— Ну, ничто не может быть похожим на смерть, Лоа. У него есть газеты, книги. Пусть так и будет! Немного возбуждения, вроде таких споров, пойдет только на пользу. Теперь несколько дней хорошее настроение будет помогать ему жить.

Арбин снова задумался над своими картами, когда слышался стук, сопровождаемый хриплым криком. Слова разобрать было невозможно.

Рука Арбина дернулась и остановилась.

Глаза Лоа наполнились страхом. Нижняя губа ее задрожала.

— Увези отсюда Грю,— спохватился Арбин.— Быстро!

Он не успел еще договорить, как Лоа оказалась возле кресла и стала успокаивающе пощелкивать языком.

Старик вздрогнул, выпрямился и машинально потянулся за газетой.

— В чем дело? — раздраженно спросил он.

Голос Грю никак нельзя было назвать шепотом.

— Ш-ш-ш. Все в порядке,— прошептала Лоа.

Она выкатила кресло в соседнюю комнату, закрыла дверь и прижалась к ней спиной, не сводя глаз с мужа.

Стук повторился.

Открывая дверь, супруги прижались друг к другу, как бы готовясь к защите, и прямо-таки излучали враждебность, когда оказались лицом к лицу с невысоким полным человеком. Незнакомец глядел на них со слабой улыбкой.

— Что мы можем для вас сделать? — спросила Лоа с церемонной вежливостью.

Неожиданно она отшатнулась назад — человек охнул и схватился за дверь, чтобы не упасть.

— Он болен, — удивленно проговорил Арбин.— Ну-ка, помоги мне втащить его в дом.

Прошли часы. В тишине спальни Лоа и Арбин медленно готовились ко сну.

— Арбин,— произнесла Лоа.

— В чем дело?

— Это не опасно?

Арбин, казалось, намеренно не хотел понимать смысл ее слов.

— Я имею в виду — держать этого человека в доме. Кто он?

— Откуда мне знать? — последовал раздраженный ответ.— Но, в конце концов, мы же не можем отказать в убежище больному человеку. Завтра, если личность его окажется неизвестной, мы проинформируем региональный Отдел безопасности, и дело с концом.

Арбин отвернулся с явным намерением положить конец неприятному разговору. Но его жена нарушила молчание, и на этот раз ее тонкий голос прозвучал более решительно.

— Ты не думаешь, что он может оказаться агентом Общества Древних? Ведь есть Грю, как тебе известно.

— Ты хочешь сказать, из-за того, что он наговорил сегодня вечером? Такое предположение превышает границы разумного. Я даже спорить с тобой не хочу.

— Я не это имею в виду, ты прекрасно знаешь, я имею в виду то, что мы держим Грю нелегально уже два года, тем самым нарушая Обычай.

— Ничего мы не нарушаем,— пробормотал Арбин.— Мы же выполняем свою работу, даже если нам приходится работать за троих? А если это так, почему они должны что-то подозревать? Мы ведь его даже из дома не выпускаем.

— Они могли проследить за креслом на колесах. Тебе следовало бы купить мотор и прочее на стороне.

— Не начинай, пожалуйста, все сначала. Я много раз объяснял тебе, что ничего такого для этого кресла, я не покупал кроме стандартного кухонного оборудования. К тому же, предположение, что этот человек может быть агентом Братства,— полная бессмыслица. Неужели ты думаешь, они пошли бы на такую хитрость ради несчастного старика, прикованного к креслу? Они явились бы прямо днем и предъявили бы законный ордер на обыск. Прошу тебя, будь благоразумной.

— Ну что ж, Арбин...— глаза Лао вдруг прояснились и тревога покинула их.— Если ты действительно так считаешь, а я надеюсь, что это правда, тогда он пришелец извне. Он не может быть землянином.

— Почему «не может»? Еще более смехотворное предположение. Зачем человеку из Империи являться именно сюда, на Землю?

— Не знаю, зачем! Хотя нет, знаю. Вероятно, он совершил преступление.— Собственная фантазия захватила Лао.— Почему бы и нет? Это имеет смысл. Земля стала бы удобным местом в случае поиска укрытия. Кто подумает искать его здесь?

— Если он пришелец извне! А какие у тебя основания так думать?

— Он ведь не знает языка, правда? Уж здесь можешь мне поверить. Или ты смог что-нибудь понять? Он, наверное явился из самого отдаленного уголка Галактики, где довольно странные диалекты. Говорят, люди с Фомальгаута должны постоянно упражняться в новом языке, чтобы их понимали при Имперском дворе на Транторе. Неужели ты не понимаешь, что все это означает? Если он чужой на Земле, то он не зарегистрирован в Цензорном отделе и, думаю, с радостью избежит этого отдела. Мы

можем использовать его на ферме вместо отца, и нас снова будет трое, а не двое, и мы получим тройную долю в следующем году. Сейчас он даже мог бы помочь нам с жатвой.

Лоа с беспокойством смотрела на мужа, лицо которого выражало неуверенность. Тот долго молчал, потом сказал:

— Ладно, давай-ка спать, Лоа. Поговорим завтра. Утро вечера мудренее.

Шепот прекратился, свет погас.

На следующее утро пришла очередь Грю обдумывать дело. Арбин с надеждой задал ему вопрос. Он испытывал доверие к своему тестю, доверие, которого не смог бы объяснить.

Грю заявил:

— Ваши неприятности, Арбин, конечно же, вызваны тем фактом, что я зарегистрирован как рабочий, так что доля продукции выделяется на троих. Я устал быть причиной неприятностей. Вот уже второй год я живу свыше положенного времени. Хватит.

Арбин пришел в замешательство.

— Да нет, речь совсем не об этом. Я вовсе не намекал на то, что ты причиняешь нам неприятности.

— Но, в конце концов, какая разница? Через два года появится Цензор, и мне все равно нужно будет уйти.

— По крайней мере, у тебя еще два года книг и отдыха. Зачем от этого отказываться?

— Потому что другие отказываются. А как насчет тебя и Лоа? Когда они придут за мной, то и вас тоже заберут. Кем же нужно быть, чтобы прожить эти два воюющих года за счет...

— Прекрати, Грю. Мы много раз говорили тебе, что собираемся сделать. Мы заявим о тебе за две недели до прихода Цензора.

— И обманете доктора, я полагаю?

— Мы подкупим доктора.

— Гм. А этот новый человек удвоит вину. Вы и его собираетесь скрывать?

— Мы его освободим. Ради Космоса, зачем беспокоиться? У нас еще два года. Что мы с ним будем делать?

— Чужак,— пробормотал Грю.— Он пришел и стал стучать в дверь. Он из ниоткуда. Он говорит так, что ничего нельзя понять. Не знаю, что и посоветовать.

— Он действует как безумный,— заметил фермер.— Он как будто до смерти испуган. Он же причинит нам зла.

— Испуган, а? А что, если он слабоумный? Что, если его бормотание вовсе не иностранный диалект, а болтовня сумасшедшего?

— Вряд ли такое возможно.

Однако Арбин тревожно шевельнулся.

— Ты говоришь так, потому что хочешь его использовать. Ладно, я посоветую тебе, что делать. Увези его в город.

— В Чику? — ужаснулся Арбин. — Это все испортит.

— Вовсе нет, — спокойно ответил Грю. — Беда ваша в том, что вы не читаете газет. К счастью для этой семьи, их читаю я. Так вот, Институт атомных исследований изобрел прибор, который должен облегчить людям процесс обучения. В воскресном «Спилмент» была целая страница об этом. Им нужны добровольцы. Возьми этого человека. Пусть он будет добровольцем.

Арбин решительно покачал головой.

— Ты с ума сошел. Я не могу сделать ничего подобного, Грю. Они прежде всего спросят о его регистрационном номере, отсутствие которого вызовет у них подозрения и заставит провести дальнейшее расследование. И они обнаружат тебя.

— Ошибаешься, Арбин, не обнаружат. Причина, по которой институту нужны добровольцы, в том, что машина — пока эксперимент. Возможно, она убила несколько человек, поэтому, я уверен, вопросов задавать не станут. А если чужак умрет, то тебе от этого хуже не будет. Ну-ка, Арбин, дай мне ручной проектор и поставь отметку на бобину шесть. Принеси мне газету, как только она придет, ладно?

Когда Шварц открыл глаза было уже за полдень. Он ощутил тупую, будоражащую сердце боль от того, что нет рядом жены и знакомый мир потерян.

Однажды он уже испытал подобную боль, и воспоминание о ней оживило давно забытую сцену.

Вот он, двадцатилетний стоит у заснеженной деревни, приближаются сани, в конце путешествия будет поезд, а потом огромный корабль. Всепоглощающий, огромный страх потери знакомого мира охватил юношу, эмигрировавшего в Америку.

Ощущение было слишком реальным, чтобы оказаться сном.

Шварц вскочил, так как свет над дверью погас, и прозвучал баритон хозяина. Дверь отворилась, и появился

завтрак — овсяная каша. Иосиф не узнал ее по виду, но вкус был похожим. И молоко.

— Спасибо.— Он энергично кивнул головой.

Фермер произнес что-то в ответ, взял рубашку Шварца со стула, тщательно осмотрел, обратив особое внимание на пуговицы. Потом, швырнув ее на место, мужчина отвел в сторону скользящую дверь стенного шкафа, и Шварц в первый раз обратил внимание на теплое молочное свечение стен.

— Пластик,— пробормотал он сам себе, используя это многозначное слово с уверенностью неспециалиста.

Потом в глаза бросилось то, что в комнате нет углов, все уровни переходили один в другой плавными кривыми.

Фермер уже держал перед ним предметы и делал жесты, смысл которых не оставлял сомнений. Шварц явно должен был вымыться и переодеться.

Он повиновался, но не нашел ничего, чем можно было бы побриться, и не сумел облечь свое недоумение в более вразумительную форму, нежели верчение головой, сопровождаемое непонятными звуками и потиранием подбородка. Так что Шварц поскреб седую щетину и продолжительно вздохнул.

Арбин привел его к маленькой вытянутой двухколесной машине и велел залезть в нее. Земля под ними покачнулась, и пустая дорога помчалась мимо с обеих сторон. Это продолжалось до тех пор, пока впереди не возникли низкие сверкающие белые здания, а за ними, еще дальше, блестящая голубая вода.

Иосиф указал вперед:

— Чикаго?

Но последняя надежда, еще тлевшая в его душе, теперь угасла, потому что не было видно ничего, что хоть сколько-нибудь напоминало этот город.

Фермер промолчал.

И это был конец.

Глава третья

ОДИН МИР — ИЛИ МНОГО?

Бел Арвардан, еще не остывший от интервью с газетчиками по случаю предстоящей экспедиции на Землю,

пребывал в состоянии полного мира с сотнями миллионов звездных систем всеобъемлющей Галактической Империи.

Известность его в том или ином секторе была бесспорной, а если подтвердится теория относительно Земли, то репутация его на каждой населенной планете Млечного Пути, на каждой планете, на которую ступала нога человека, станет прямо-таки незыблемой.

Потенциальные возможности известности, озарения, сопровождающие оригинальные научные открытия, пришли к Арвардану очень рано, но путь в науке был нелегким. Едва он достиг тридцатилетнего возраста, как возникли серьезные трудности. Все началось со взрыва, прогребовавшего в холлах Арктурианского университета, когда Арвардану присвоили звание старшего археолога в несолидном возрасте двадцати трех лет. Взрыв — нематериальный, но от этого не менее эффектный — был вызван отказом «Журнала Галактического Археологического Общества» печатать его диссертацию. Это первый случай в истории университета, когда подобную диссертацию отклонили. Равно впервые подобный солидный журнал отклонил диссертацию в таких резких выражениях.

Для неархеолога причина столь сильного гнева, направленного против маленькой, сухой работы, озаглавленной «Взгляд на античный период Сектора Сириус с учетом теории о влиянии радиации на происхождение человека» могла показаться таинственной. На самом же деле сыграло роль то обстоятельство, что Арвардан с самого начала одобрительно отнесся (и даже принял потом за собственную отправную точку) к гипотезе, выдвинутой ранее группой мистиков, которые имели большее отношение к метафизике, чем к археологии. Суть ее заключалась в том, что человечество зародилось на определенной планете, а потом стало осваивать Галактику. Это была излюбленная теория писателей-фантастов того времени, но ее категорически отрицали все уважающие себя археологи Империи.

Однако Арвардан сделался силой, почитаемой даже самыми прославленными специалистами, ибо в течение десятилетия он стал признанным авторитетом в распознавании остатков примперских культур, все еще находившихся в затерянных уголках Галактики.

Например, он написал монографию о механической цивилизации Сектора Ригель, где развитие роботехники привело к созданию отдельной культуры, главенствующей столетия, пока совершенство механических рабов не снизило инициативу людей до такого плачевного состояния,

что энергично действующий флот Военного Повелителя Морей легко смог взять над ними контроль. Ортодоксальная археология настаивала на самостоятельной эволюции человеческого типа на различных планетах и использовала такие антиподные культуры, как, например, на Ригеле, подтверждая, что все еще существуют расовые различия, несмотря на многолетнее сближение культур. Арвардан эффектно разрушил подобные концепции, показав, что ригелианская роботехническая культура была не чем иным, как детищем экономических и социальных сил своего времени и места.

Кроме того, имелись еще варварские миры Офиучуса, которые ортодоксальное учение уже давно классифицировало как образцы примитивного человечества, не продвинувшиеся еще до стадии межзвездных путешествий. Каждый учебник использовал эти миры в качестве лучшего доказательства теории Мержера, то есть того, что человечество является естественной вершиной эволюции любого мира, основанного на водно-кислородной химии с определенной интенсивностью температуры и гравитации; того, что каждый независимый виток человечества может смешиваться с другим; того, что с открытием межзвездных перелетов такое смешение имело место.

Арвардан, тем не менее, открыл следы ранней цивилизации, предшествовавшей эпохе офиучусанского варварства тысячелетней давности, и доказал, что эти данные свидетельствуют о предпринимаемых уже в ту пору межзвездных путешествиях. Заключительным аккордом явилась убедительная демонстрация того факта, что человек эмигрировал на эту территорию в уже цивилизованном состоянии.

Именно после этого «Журнал Галактического Археологического Общества» решил напечатать диссертацию Арвардана, написанную им десять лет тому назад.

А теперь разработка любимой теории привела Арвардана на планету, возможно, наименее значительную в Империи — на Землю.

Арвардан приземлился на том единственном участке Земли, который принадлежал Империи и был расположен на высоком плато к северу от Гималаев. Здесь, где радиоактивности не было ни теперь, ни раньше, находилось сооружение, не имевшее никакого отношения к земной архитектуре. По сути дела оно было копией вице-королевского дворца, детища более удачливых миров.

Для комфорта создали мягкую пышную почву, забытые скалы покрыли землей, полили водой, погрузили в искусственную атмосферу и климат и превратили в занимающие пять квадратных миль луга и сады.

Стоимость энергии, вовлеченной в эти преобразования, была ужасающей по земным масштабам, но являлась мизерной для совместных ресурсов десятков миллионов планет, число которых постоянно увеличивалось. Определили, что в год галактической эры восемьсот двадцать седьмой в среднем пятьдесят новых планет каждый день достигали провинциального статуса, а подобного положения можно было достичь, когда население составляло не менее пяти миллионов человек.

В таком месте жил Прокуратор Земли, и иногда среди этой искусственной роскоши забывалось о том, что он Прокуратор всего лишь крысиной норы, припоминалось, что он аристократ из очень древней и пользовавшейся большим уважением семьи.

Его жена, пожалуй, гораздо реже подвергалась подобному заблуждению, особенно в такие моменты, когда, поднявшись на поросший травой холм, могла видеть на расстоянии резкую неровную линию, отделявшую эту землю от яростной дикой Земли. И тогда ни цветные фонтаны, люминесцирующие в темноте с помощью холодного жидкого пламени, ни цветники, ни идиллические рощи не могли заглушить сознания того, что это изгнание.

Так что, возможно, Арвардан был принят более тепло, чем мог на то рассчитывать. В конце концов, для Прокуратора Арвардан явился дыханием Империи, космичности, свободы.

Арвардан же, в свою очередь, нашел здесь много такого, что было достойно восхищения.

— Хорошо сделано, со вкусом, — заметил он. — Удивительно, что влияние центральной культуры достигает даже таких отдаленных уголков, как этот, лорд Энниус.

Энниус улыбнулся.

— Боюсь, посещать здешний прокураторский дворец гораздо приятнее, нежели жить в нем. Он не более чем пустая оболочка, приятно позванивающая при прикосновении. Подумайте о том, что мы располагаем здесь только такими случайными визитерами, как вы — и это все, что может дать нам центральная культура. Думаю, этого вряд ли достаточно.

Они сидели в беседке, наблюдая, как уходит за горизонт солнце, окрасившее край неба в пурпур. Воздух был на-

сыщен густым ароматом цветов и трав, и казалось, будто любое движение в нем делается с усилием.

Конечно, Прокуратору было неудобно выказывать слишком большое любопытство относительно намерений гостя, но следовало принять во внимание почти полную изолированность этого мира от всей Империи.

— Собираетесь ли вы остаться здесь на некоторое время, доктор Арвардан? — поинтересовался Энниус.

— Не знаю, что вам ответить, лорд Энниус. Я прибыл раньше остальных членов экспедиции, чтобы самому ознакомиться с земной культурой и выполнить необходимые формальности. Например, я должен получить от вас официальное разрешение на разбивку лагеря в намеченном месте и тому подобное.

— О, конечно! Но когда же вы начнете раскопки? И что, собственно, вы ожидаете найти в этой жалкой горстке булыжников?

— Надеюсь, если все пойдет хорошо, через несколько месяцев основать лагерь. А относительно этого мира должен заметить, что он может быть чем угодно, но только не жалкой горсткой булыжников. Он единственный в своем роде в Галактике.

— Единственный? — недоверчиво переспросил Прокуратор. — Отнюдь нет! Вполне обычный мир. Его можно назвать хлебом мира, или ужасной дырой мира, или заворками мира, дать любое другое малоэстетичное определение, какое только можно придумать. Однако, при всей омерзительности, в нем нет и подобия оригинальности, он груб и примитивен до предела.

— Но этот мир радиоактивен, — сказал Арвардан. Он был несколько озадачен запальчивостью собеседника.

— Ну и что из этого? В Галактике несколько тысяч радиоактивных планет, и некоторые из них — значительно более радиоактивные, чем Земля.

В этот момент их внимание привлек передвижной бар, который остановился на расстоянии вытянутой руки. Энниус указал на бар и спросил:

— Что вы предпочитаете?

— У меня нет любимого напитка. Может быть, лимонный коктейль.

— Пожалуйста. Бар имеет все ингредиенты. С ченси или без?

— Лишь чуть-чуть, — ответил Арвардан, коснувшись ногтем большого пальца верха указательного.

— Подождем немного.

Где-то в глубинах бара (возможно, самого популярного предмета из всех изобретений человеческого гения) пришел в действие автоматический смеситель, оперирующий не долями, а атомами, и состав всегда оказывался безупречным. Ни один человек не смог бы достичь подобной точности.

Из ниоткуда появились высокие бокалы, словно они только и ждали распоряжения. Арвардан взял зеленый, коснулся им щеки и, ощутив холод, поднес бокал к губам.

— Превосходно.

Поставив бокал на подлокотник кресла, гость продолжал:

— Тысячи радиоактивных планет, Прокуратор, именно так, как вы сказали. Но только одна из них населена — вот эта.

— Ну...— Энниус отпил из бокала, и его голос утратил прежнюю резкость.— Возможно, в этом смысле она и единственная, но отличие это не слишком значительно.

— Речь идет не просто о статистической уникальности,— осторожно добавил Арвардан. Он сделал еще два глотка.— Дело гораздо серьезнее. Здесь таятся огромные возможности. Биологи доказали или заявляют, будто доказали, что на планетах с интенсивной радиоактивностью в атмосфере и морях, которая превышает определенный уровень, жизнь развиваться не может. Радиоактивность Земли превышает этот уровень.

— Интересно, я этого не знал. Думаю, именно по этой причине жизнь Земли так резко отличается от жизни остальной части Галактики. Вас это устроит, поскольку вы с Сириуса.

На лице лорда мелькнула сардоническая улыбка, и он продолжил доверительным тоном:

— А знаете, управлению этой планетой мешает необходимость находить общий язык с многочисленной армией антиземлян, которая распространяет свое влияние в Секторе Сириус? Я не говорю, конечно, что антиземляне не существуют в других местах Галактики, они есть, но не в таком количестве, как на Сириусе.

Арвардан вспыхнул.

— Лорд Энниус, я протестую против какой-либо причастности к этому. Как человек, я обладаю столь малой долей нетерпимости, какая только возможна. Согласно моей теории, наступит время, когда человечество объединится, и это коснется даже Земли. Основа всей жизни едина. Она базируется на протеиновых соединениях в коллои-

дальной дисперсии, которую мы называем протоплазмой. Действие радиации, о котором я только что говорил, не относится к каким-то формам человеческой жизни или к некоторым формам любой жизни; оно относится ко всей жизни, поскольку базируется на квантовой механике протеиновых молекул. Это касается вас, меня, землян, пауков, зародышей. Видите ли, протеин, о чем мне, возможно, и не нужно вам говорить, представляет собой невероятно сложные группировки аминокислот и некоторых других особых соединений, собранных в запутанные группы, столь же нестабильные, как лучи солнца в дождливый день. Именно эта нестабильность и является жизнью, ибо она вечно изменяет свое положение в усилии достичь единства по образцу того, как длинный прут балансирует на носу акробата. Но прежде чем возникнет жизнь, это великолепное соединение, протеин, должно возникнуть из неорганических веществ. Итак, в самом начале, под влиянием энергии солнечной радиации на огромные резервуары растворов, которые мы называем океанами, органические молекулы постепенно усложняются в своем строении от метана к формальдегиду и, наконец, к сахарам в одном направлении и от мочевины к аминокислотам и протеину в другом направлении. Конечно, уже вопрос удачи, займут ли эти процессы миллионы лет или только сотни, но гораздо более вероятным является первый вариант. Может случиться и так, что подобный процесс вообще окажется бесконечным. Химики, занимающиеся физической органикой, с большой точностью определили всю цепь вовлеченных в процесс реакций, практически выстроили энергетическую цепь. Ведь деятельность каждого атома неразрывно связана с энергетическими процессами. Теперь не подлежит уже никакому сомнению, что некоторые критические шаги в построении жизни зависят от отсутствия энергии радиации. Если вам это кажется странным, Прокуратор, я могу только сказать, что протеиновая химия, изучающая реакции, побуждаемые лучевой энергией, является хорошо развитой отраслью науки, и имеется огромное число очень простых реакций, которые могут пойти в одном из двух совершенно различных направлений в зависимости от того, будут ли они происходить в присутствии или отсутствии квантов энергии света. В обычных мирах солнце является единственным источником лучевой энергии или, по крайней мере, главным ее источником. Под прикрытием облаков или ночью угольные и азотистые составы соединяются снова и снова в образец, ставший возможным благодаря отсут-

ствию тех маленьких сгустков энергии, которые выпускает в их среду солнце, как кипящие шарики среди бесконечного числа бесконечно малых кеглей. Но в мирах радиоактивных, есть солнце или его нет, каждая капелька воды (даже самой глубокой ночью, даже в пяти милях под землей) пронизывается стрелами гамма-лучей, питающих атомы угля — активизирующих их, как говорят химики, — побуждающих к тому, чтобы ключевые реакции проходили только определенным путем, конечным пунктом которого никогда не бывает жизнь.

Бокал Арвардана опустел. Он поставил его на бар. Бокал мгновенно исчез в особом отделении, где был вымыт, простерилизован и подготовлен для следующего напитка.

— Еще порцию? — предложил Энниус.

— Лучше после обеда, — ответил Арвардан. — Пока что хватит.

Энниус постучал ногтем указательного пальца по ручке кресла.

— Вы описали этот процесс самым завораживающим образом, но если это все так, то как же тогда насчет жизни на Земле? Как развилась она?

— Вот видите, даже вы заинтересовались. Ответ, я думаю, прост. Радиоактивность, при условии, что количество ее не избыточно, еще не обязательно должна уничтожить уже сформировавшуюся жизнь. Она может ее изменить, но, если не считать замедления отдельных процессов, не может уничтожить. Видите ли, химические процессы протекают другими путями. В первом случае простые молекулы должны потерять возможность перестраиваться, в то время как во втором случае уже сформировавшиеся комплексы молекул должны быть разрушены. Это совсем не одно и то же.

— Я не улавливаю значимости всего этого, — признался Энниус.

— Разве она не очевидна? Жизнь на Земле возникла раньше, чем планета стала радиоактивной. Дорогой мой Прокуратор, это единственное возможное объяснение, позволяющее не включать в него ни отрицания факта жизни на Земле, ни таких предположений, которые перечеркнули бы половину науки.

Энниус посмотрел на своего собеседника с недоумением.

— Но вы же не имеете это в виду.

— Почему же?

— Потому что... как может мир стать радиоактивным? Жизнь радиоактивных элементов в окружении планеты

равняется миллионам и миллиардам лет. По крайней мере, такие сведения я получил в университете и даже на подготовительных курсах. Радиоактивные элементы должны были существовать в бесконечном прошлом.

— Есть такое явление, как искусственная радиоактивность, лорд Энниус, даже в большом масштабе. Известны тысячи водородных реакций значительной энергии, способные создать все виды радиоактивных изотопов. Если мы предположим, что человеческое существо могло использовать определенный вид водородных реакций в промышленности без должного контроля или даже в военных действиях (вообразите себе нечто подобное в войне, ведущейся на одной планете), то большая часть поверхности почвы могла бы, конечно, превратиться в искусственные радиоактивные материалы. Что вы на это скажете?

Солнце окрасило в кровавый цвет горы, и худое лицо Энниуса тоже сделалось красноватым в отражении этого света. Подул мягкий вечерний ветерок, и шорох от движения тщательно отобранных насекомых казался более деликатным, чем когда-либо.

— Для меня все это звучит слишком затейливо,— сказал Энниус.— Во-первых, не могу понять, как можно использовать водородные реакции в войне или позволять им выйти из-под контроля до такой степени...

— Естественно, сэр, вы тяготеете к взгляду на водородные реакции с позиций вашей сегодняшней жизни, когда их легко взять под контроль. Но что, если некто— или какая-то армия — использовала подобное оружие раньше, чем была разработана система защиты? Например, это похоже на использование фугасных бомб до того, как кто-либо узнал, что вода или песок могут совладать с огнем.

— Гм,— задумался Энниус,— вы говорите как Шект. Арвардан быстро поднял голову.

— Кто такой Шект?

— Один из немногих честных землян, один из тех, кого можно назвать джентльменом. Он физик и однажды высказал предположение, что Земля могла не всегда быть радиоактивной.

— Это не удивительно, потому что теория придумана не мною. Она является частью «Книги Древних», которая содержит традиционные или мистические истории о доисторической Земле. Я повторяю лишь то, что там написано, только использую несколько иную фразеологию.

— «Книга Древних»? — Энниус насторожился. — Где вы ее достали?

— Везде понемногу. Это было нелегко, и мне удалось получить лишь разрозненные части. Конечно, вся традиционная информация относительно нерадиоактивности, пусть она даже не имеет ничего общего с научными положениями, важна для моего проекта. А почему вы спрашиваете?

— Эта книга является священным текстом радикальной секты Земли. Она запрещена для людей извне. Я на вашем месте не стал бы распространяться о том, что читал ее, находясь здесь. Неземлянин, вторженец, как они вас называют, может быть подвергнут линчеванию и за более мелкий проступок.

— Неужели имперская полиция здесь бессильна.

— Когда речь идет о святотатстве, да, доктор Арвардан!

Мелодичный вибрирующий звук удивительно напоминал шелест деревьев. Он медленно утих, словно слился с окружающими звуками.

Энниус встал.

— Полагаю, подошло время обеда. Не присоединитесь ли вы ко мне, сэр, не разделите ли со мной то, что может дать кусочек Империи на Земле?

Случай для изысканного обеда представлялся нечасто, поэтому любой предлог, даже самый незначительный, не упускался. Обилие блюд, великолепное окружение, мужчины прекрасно одеты, женщины очаровательны.

Нужно добавить, что доктор Б.Арвардан из Баронна, с Сириуса, никоим образом не ударил в грязь лицом.

Он воспользовался этим обедом, чтобы во второй половине банкета повторить присутствующим большую часть того, что сказал Энниусу, однако здесь его речь имела не такой большой успех.

Цветущий джентльмен в форме полковника наклонился к нему и произнес с уверенностью кадрового военного:

— Если я правильно вас понял, доктор Арвардан, вы пытаетесь объяснить нам, что эти негодяи с Земли представляют собой древнюю расу, которая могла когда-то явиться началом всего человечества?

— Я бы не стал, пожалуй, облекать свое предположение в столь уверенную форму, полковник, но думаю, что это возможно, и надеюсь, что через год смогу располагать определенными документами.

— Если вы обнаружите, что это так и есть, доктор, в чем я пока сомневаюсь,— продолжал полковник,— то удивите меня сверх всякой меры. Я на Земле вот уже четыре года, у меня немалый практический опыт, и я нахожу этих землян убогими и плутоватыми, всех до одного. Они явно стоят ниже нас в интеллектуальном отношении, лишены той искры, которая двигала человеческую расу по Галактике. Они ленивы, суеверны, недалеко, им совершенно чуждо какое-либо душевное благородство. Прошу вас или кого-нибудь показать мне землянина, который хоть в каком-то отношении равен настоящему человеку, такому, как я или вы, например,— только тогда я поверю, что он может представлять наших предков. Но до тех пор, прошу вас, избавьте меня от подобных предположений.

Представительный человек, сидевший во главе стола, неожиданно произнес:

— Говорят, хороший землянин — это мертвый землянин, да и то, как правило, воняет! — И он расхохотался во все горло.

Арвардан нахмурился, не поднимая взгляда от стоявшего перед ним блюда.

— Не хочу спорить относительно расовых различий, тем более что в данном случае они не имеют отношения к делу. Речь идет о человеке предысторической эпохи. Его сегодняшние потомки долгое время находились в изоляции, и все же я не стал бы подвергать их подобным унижениям.— Он повернулся к Энниусу.— Милорд, кажется, перед обедом вы упомянули об одном землянине.

— Вот как? Не помню.

— О физике Шекте.

— Ах, да!

— Это не Аффозкт Шект?

— Действительно. Так вы о нем слышали?

— Думаю, что да. Я не мог вспомнить, откуда мне знакомо его имя, это беспокоило меня во время обеда, но теперь все встало на свои места. Он из Института ядерных исследований, находящегося... как оно, это проклятое слово? — Арвардан потер лоб.— Чика?

— Вы вспомнили совершенно точно. И что же?

— Только это. В августовском выпуске «Физического журнала» была его статья. Я отметил ее, потому что интересуюсь всем, что связано с Землей, а статьи землян крайне редко появляются в журналах галактической циркуляции. Во всяком случае, этот человек заявляет, будто он изобрел прибор, названный им Синапсифером, который,

якобы, улучшает способности маммалианской нервной системы к процессу обучения.

— Вот как? — несколько поспешно подхватил Энниус. — Я об этом не слышал.

— Могу найти для вас копию. Это чрезвычайно интересная статья, хотя, конечно, не стану делать вид, будто понял всю ее математическую подоплеку. Суть, однако, состоит в следующем. Шект взял несколько местных животных — кажется, здесь их называют «крысами», — воздействовал на них Синапсифером, а потом поместил в лабиринт. Вы знаете, что я имею в виду: животные учатся находить в лабиринте путь к кормушке. Для контроля ученый использовал необученных крыс и обнаружил, что в любом случае животные, имевшие дело с Синапсифером, решают задачу лабиринта за одну треть времени. Вам понятна значимость этого, полковник?

Военный, ставший инициатором всей дискуссии, безразличным тоном ответил:

— Нет, доктор, не понятна.

— Тогда я объясню. Я твердо уверен, что любой ученый, способный провести подобные исследования, даже если он землянин, обладает интеллектом по крайней мере не ниже моего и, простите за мое предположение, вашего...

— Извините, доктор Арвардан, — прервал его Энниус, — я бы хотел вернуться к Синапсиферу. Шект экспериментировал с людьми?

Арвардан засмеялся.

— Сомневаюсь, лорд Энниус. Девять десятых его подопытных крыс погибли во время эксперимента. Вряд ли он осмелился бы использовать людей на подобной стадии исследования.

Энниус опустил в кресло, нахмуился и в течение вечера больше не разговаривал и не ел.

Около полуночи Прокуратор тихо оставил собравшихся и, сказав лишь что-то жене, отбыл в личном круизере в город Чику. Он по-прежнему хмурился, в душе его нарастало беспокойство.

Все это случилось в тот самый день, когда Арбин Марен привез Иосифа Шварца в Чику для лечения Синапсифером Шекта. Шект в этот день больше часа беседовал с самим Прокуратором Земли с глазу на глаз.

ДОБРОВОЛЕЦ ДЛЯ СИНАПСИФЕРА

Арбину было тревожно в Чике, он чувствовал себя в западне. Где-то в этом, одном из самых больших городов на Земле — говорили, что здесь живут пятьдесят тысяч человек, — находились представители внешних миров Империи. Собственно, Арбину никогда не приходилось видеть человека из Галактики. Однако тут, в Чике, он без конца оглядывался по сторонам, словно ожидая, что это может произойти. Если расспросить его подробнее, Арбин не смог бы вразумительно объяснить, каким образом собирается отличить пришельца извне от землянина, просто интуитивно он должен почувствовать разницу.

Входя в институт, Арбин оглянулся. Его бьюхил был припаркован на открытой площадке, шестичасовой купон гарантировал, что она останется свободной в течение этого времени. Однако сейчас Арбина пугало все. Казалось, воздух был полон глаз и ушей.

Только бы этот странный человек запомнил, что ему следует оставаться в глубине заднего отсека. Он энергично покивал, но понял ли? Внезапно Арбин рассердился на себя: зачем он позволил Грю вовлечь его в это безумие?

Дверь вдруг отворилась, и чей-то голос нарушил размышления Арбина.

— Что вам угодно?

Интонация была нетерпеливой. Видимо, вопрос этот задавался уже не один раз.

С трудом выговаривая слова, Арбин прохрипел:

— Это здесь человек объявлял насчет Синапсифера? Девушка внимательно взглянула на него и сказала:

— Распишитесь тут.

Арбин положил руки в карманы и еще более хрипло проговорил:

— Где мне узнать насчет Синапсифера?

Грю сообщил ему название, но слово звучало странно, вроде какой-то абракадабры.

Девушка с металлом в голосе ответила:

— Я ничего не могу для вас сделать, пока вы не распишитесь в книге посетителей. Таковы правила.

Не говоря ни слова, Арбин повернулся, намереваясь уйти. Женщина, сидевшая за столом, сжала губы и дотянулась до кнопки сигнала.

Арбина охватило отчаяние. Девушка смотрела на него в упор жестким взглядом, казалось, читала его мысли. Марена охватило дикое желание вернуться к машине, на ферму.

Из другой комнаты поспешно вышел кто-то в белом халате, и девушка указала на Арбина.

— Доброволец для Синапсифера, мисс Шект. Он не хочет назвать себя.

Арбин поднял голову. Еще одна девушка, помоложе, появилась в комнате. Он встревоженно посмотрел на нее.

— Вы занимаетесь машиной, мисс?

— Нет, вовсе нет.

Девушка улыбнулась самым дружелюбным образом, и Арбин почувствовал, как его тревога стала отступать.

— Но я могу отвести вас к нему,— продолжала она.— Вы действительно хотите стать добровольцем для Синапсифера?

— Я просто хотел повидать человека, который им занимается,— деревянным голосом ответил Арбин.

— Отлично.

Казалось, ответ несколько ее не смутил. Девушка повернулась к двери. Ему пришлось немного подождать, потом девушка жестом позвала его. Арбин последовал за ней с колотящимся сердцем и оказался в маленькой комнате ожидания. Девушка мягко сказала:

— Если вы согласны подождать примерно полчаса, а может, и меньше, доктор Шект примет вас. Сейчас он очень занят. Если вы хотите какую-нибудь видеокнигу или व्यер, чтобы скоротать время, то я вам принесу.

Арбин покачал головой. Четыре стены маленькой комнаты сомкнулись вокруг него и как будто сделали его неуклюжим. Может, это ловушка? Не придут ли за ним Древние?

Это было самое долгое ожидание за всю жизнь Арбина.

Лорд Энниус, Прокуратор Земли, не встретил подобных трудностей, когда пожелал увидеться с доктором Шектом, хотя и испытал подобное волнение. За те четыре года, в течение которых он являлся Прокуратором, визит в Чику все еще не перестал быть для него событием. Поскольку Энниус представлял здесь далекого Императора, номинально его статус равнялся статусу наместника огромного галактического сектора, распространявшего свое влияние на сотни кубических парсеков, однако фактически его пост был немногим лучше изгнания.

Пойманный в ловушку стерильной пустоты Гималаев и сидящий в ней среди столь же стерильных и ненавидящих ее обитателей, лорд Энниус даже поездку в Чикку склонен был рассматривать как временный побег.

Собственно, эти его побеги бывали кратковременными, да и должны были таковыми оставаться, ибо здесь, в Чике, необходимо было находиться в пропитанных свинцом одеждах даже во время сна и, что еще хуже, постоянно вводить себе дозы метабалина. Прокуратор с горечью сказал Шекту, держа приготовленную для инъекции ампулу:

— Метаболин является, возможно, настоящим символом всего, что ваша планета означает для меня, друг мой. В его функции входит увеличение всех метаболических процессов, пока я сижу здесь, погруженный в радиоактивное облако, о котором вы даже не имеете понятия.— Он ввел лекарство.— Ну вот, теперь мое сердце забьется быстрее, дыхание станет более учащенным, а печень начнет процесс химического синтеза, который, как объяснили мне медики, является самой сложной фабрикой в организме. И за это я плачу последующими головными болями и усталостью.

Доктор Шект слушал его с некоторым удивлением. Он производил впечатление очень близорукого человека, и не потому, что носил очки и щурился, а просто в силу давно выработанной привычки долго всматриваться в находившееся перед ним и как бы взвешивать все факты, прежде чем дать ответ. Это был высокий, слегка сутулый человек средних лет. Он достаточно много читал о различных галактических культурах, был относительно свободен от той враждебности и подозрительности, которые делали среднего землянина столь отталкивающим даже для такого имперского космополита, каким являлся Энниус.

— Я уверен,— заявил Шект,— что вы не нуждаетесь в лекарстве. Метаболин является лишь одним из ваших предрассудков, и вы знаете об этом. Если бы я заменил этот раствор водой без вашего ведома, вам вовсе не стало бы хуже. Более того вы даже не ощущали бы потом головных болей.

— Говоря так, вы делаете комплимент окружающей вас среде. Вы отрицаете, что ваш базовый метаболизм выше моего?

— Конечно, нет,— ответил Шект,— но какая разница? Все это — имперские предрассудки, Энниус. Люди на Земле не отличаются от других человеческих существ. Может, вы приходите сюда в качестве миссионеров?

Энниус застонал.

— Ради жизни Императора, — продолжал Шект. — Да, вы, друзья Земли, являетесь лучшим образцом миссионеров. Жить здесь, запертыми на этой смертоносной планете — что может быть ужаснее?

— Я говорю серьезно, Шект. Какая еще планета сохраняет в повседневной жизни столько ритуальных обычаев и доводит себя до такой мазохической ярости? Не проходит и дня, чтобы ко мне не прибыла делегация от того или другого из ваших правящих органов с просьбой о смертном приговоре для какого-нибудь бедняги, все преступление которого состояло в том, что он вошел в запретную зону, уклонился от Шестидесяти или просто съел больше, чем полагается по норме.

— Но вы всегда даете согласие на смертный приговор. Ваше идеалистическое неприятие силы как будто прекращает сопротивление.

— Звезды свидетели, я борюсь с собой, давая согласие на смертный приговор. Но что может сделать одиночка? Император поступил бы так же, потому что все подданные Империи должны придерживаться местных обычаев, и это верно и мудро, ибо поддерживает оборону против тех дурaków, которые в противном случае подняли бы восстание из-за отмены какого-нибудь вторника или четверга. Кроме того, стоит мне воспротивиться, когда ваши советы, сенаты и палаты настаивают на очередной смерти, и поднимется такой крик, такой шум, что я предпочел бы спать среди легиона дьяволов, чем находиться на Земле даже десять минут.

Шект вздохнул и пригладил редкие волосы.

— Для всей Галактики, если она вообще что-нибудь о нас знает, Земля — только камень в небе; для нас же это дом, единственный дом, который мы знаем. И все же мы не отличаемся от вас, живущих во внешних мирах. Просто мы невезучие. Мы толпимся здесь, в этом мире, за стеной радиации, окруженные огромной Галактикой, которая отрицает нас. Что мы можем сделать, чтобы противостоять пожирающему нас ощущению краха? Вот вы, Прокуратор, захотели бы, чтобы мы посылали излишек нашего населения за границу?

Энниус пожал плечами.

— А какое мне до этого дело? Зато население внешних миров это беспокоило бы. Они не захотят пасть жертвами земных болезней.

— Земные болезни! — нахмурился Шект. — Это бессмысленный предрассудок, который нужно искоренять. Мы не несем с собой смерти. Разве вы умираете из-за того, что живете среди нас?

— Если говорить честно, я делаю все, чтобы предотвратить личный контакт, — улыбнулся Энниус.

— Это потому, что вы сами боитесь пропаганды, созданной в конце концов только глупостью ваших изуверов.

— Но, Шект, разве теория о том, что земляне сами по себе радиоактивны, не имеет под собой совсем никакой научной базы?

— Ну конечно же, они радиоактивны. Как они могут этого избежать? И вы тоже, и любой из жителей сотен миллионов планет Империи. Мы подвержены этому немного больше, согласен, но не настолько, чтобы причинить кому-то вред.

— Боюсь, средний житель Галактики верит в противоположное и вовсе не желает стать жертвой эксперимента. Кроме того...

— Кроме того, хотите вы сказать, мы — другие. Мы не люди, потому что гораздо быстрее мутируем в связи с влиянием атомной радиации и поэтому изменились очень во многом? Но это тоже не доказано.

— Однако в это верят.

— И поэтому внешние презирают землян. Боюсь, что и мы ненавидим вас. Нет, нас обижают гораздо больше, чем обижаем мы.

Энниус был огорчен тем, что вызвал такой прилив гнева. Даже лучшие из этих землян, подумал он, абсолютно слепы в этом вопросе, наивно считая Землю превыше всего во Вселенной. Прокуратор тактично заметил:

— Шект, простите мою неловкость, пожалуйста. Пусть утомление и дурное настроение послужит мне извинением. Вы видите перед собой неудачника, молодого сорокалетнего человека — сорок лет ведь детский возраст для профессиональных гражданских служащих, — который безнадежно застрял здесь, на Земле. Пройдут, вероятно, годы, прежде чем дураки из Бюро внешних провинций вспомнят обо мне достаточно отчетливо, чтобы предложить нечто менее тягостное. Таким образом, мы оба являемся пленниками Земли и оба мы — граждане великого мира разума, который не знает различия ни в месте жительства, ни в физических характеристиках. Дайте же мне вашу руку и будем друзьями.

Морщины Шекта разгладились, точнее, заменились другими, указывающими на хорошее расположение духа. Он рассмеялся.

— В ваших словах слышна мольба, но тон по-прежнему принадлежит дипломату имперского полета. Вы плохой актер, Прокуратор.

— Тогда уравновесьте это мое качество, показав, что вы хороший педагог, и разрешите взглянуть на Синапсифер.

Шект нахмурился и, видимо, насторожился.

— Как, вы слышали об этом приборе? Значит, вы не только администратор, но и физик?

— Я в любой науке чувствую себя как рыба в воде. Но если говорить серьезно, Шект, мне действительно очень хотелось бы увидеть прибор.

Физик задумчиво посмотрел на своего собеседника, затем встал и в растерянности прикоснулся к губам.

— Просто не знаю, с чего начать.

— Ну, если вы имеете в виду, с какой части математической теории, то я упрощу вашу проблему: оставьте математику вообще в стороне. Я ничего не знаю ни о функциях, ни о тензорах, ни о том, что там еще есть.

У Шекта блеснули глаза.

— Что ж, если брать самую суть, могу сказать, что прибор этот должен увеличивать способности человека к учению.

— Человека? Вот как? И он работает?

— Я бы тоже хотел это знать. Я сообщу вам основное, Прокуратор, и судите сами. Нервная система человека и животного состоит из ньюпротеинового материала. Этот материал представляет собой ткань из больших молекул, электрический баланс которых очень непрочен. Ничтожный стимул способен разрушить одну из них, которая в свою очередь разрушит следующую, и процесс этот будет повторяться, пока не подключится мозг. Сам мозг являет собой огромное средоточие подобных молекул, которые связаны друг с другом всеми возможными способами. Поскольку здесь имеет место сила, равная примерно десяти в двадцатой, то есть с двадцатью нулями после основного числа — подобные ньюпротеины имеют число возможных комбинаций соответственно десять в двадцатой степени. Число это так велико, что если бы все электроны и протоны Вселенной сами составили бы вселенные, а все электроны и протоны этих новых вселенных вновь составили вселенные, а потом все электроны и протоны во всех вселенных

повторили бы этот процесс, то все равно сравнения не получилось бы. Вы следите за моей мыслью?

— Благодарение звездам, совершенно нет. Если бы я попытался, то взбунтовался бы, не выдержав, мой интеллект.

— Гм... Хорошо. Во всяком случае то, что мы называем нервными импульсами, является на самом деле всего лишь прогрессивной электронной неуравновешенностью, которая движется по нервам к мозгу, а потом от мозга назад вдоль нервов. Это вы понимаете?

— Да.

— Хорошо, значит, в вас есть искра таланта. Пока этот импульс развивается в нервной клетке, он распространяется с большой скоростью, поскольку ньюпротеины практически находятся в контакте. Тем не менее, протяженность нервных клеток ограничена, и между каждой нервной клеткой и следующей имеется тончайшая перегородка на нервной ткани. Другими словами, две соседние нервные клетки не соединены друг с другом непосредственно.

— И нервные импульсы должны преодолевать барьер,— подхватил Энниус.

— Вот именно! Перегородка ослабляет силу импульса и замедляет скорость этой трансмиссии согласно с площадью, шириной и так далее. Все это отражается и на мозге. А теперь представьте себе, что можно найти способы, ослабляющие диэлектрическую постоянную этой перегородки между клетками.

— Какую постоянную?

— Изоляцию силы перегородки. Вот все, что я имею в виду. Если мы ее уменьшим, то импульс уже легче перепрыгнет через барьер. Вы сможете думать легче и запоминать быстрее.

— Тогда я вернусь к своему первоначальному вопросу. Прибор работает?

— Я испытал его действие на животных.

— И каковы результаты?

— Ну, большая часть очень быстро погибла от денатурации мозгового протеина — иными словами, коагуляции, как в случае с переваренным яйцом.

Энниус поморщился.

— И в этом непробиваемом хладнокровии науки есть что-то невыносимо жесткое. Как насчет тех, которые не умерли?

— Прямых заключений сделать нельзя, поскольку они не люди. Обстановка казалась благоприятной для них. Но мне нужны люди. Ведь суть в естественных электронных владениях индивидуального мозга. Каждый мозг чувствителен к микропотокам определенного типа. Дубликатов не бывает. Это как отпечатки пальцев или рисунок сетчатки глаза. Собственно, они даже еще более индивидуальны. Во время лечения, насколько я понимаю, необходимо принять это во внимание, и, если я не ошибаюсь, большой денатурации не произойдет. Но у меня нет людей, на которых я мог бы экспериментировать. Я приглашал добровольцев, но...— Шект развел руками.

— Я, конечно, не виню их, старина,— признался Энниус.— Но, если говорить серьезно, то что бы вы стали делать с аппаратом, если бы он действовал превосходно? Физик пожал плечами.

— Не мне отвечать на этот вопрос. Он, конечно, поступил бы в распоряжение Большого Совета.

— Вы не рассчитываете сделать изобретение достоинством Империи?

— Я? У меня нет против этого никаких возражений, но такие вопросы может решать только Большой Совет.

— О,— нетерпеливо проговорил Энниус,— дьявол с ним, с вашим Большим Советом. Я не имел с ним дел. Вы согласны переговорить с ними в надлежащее время?

— Но какое я могу иметь на них влияние?

— Вы могли бы сказать им, что изобретение Синапсифера гарантирует безопасность Земли, и если прибор станет доступным для Галактики, то некоторые преграды относительно эмиграции на другие планеты могли бы быть устранены.

— Как? — с сарказмом произнес Шект.— А риск эпидемии? А наши отличия? А наша нечеловечность?

— Вы могли бы,— спокойно продолжал Энниус,— переместиться на другие планеты даже массовым путем. Подумайте об этом.

Дверь отворилась. В комнату вбежала молодая женщина и кинулась к шкафу с фильмокнигами. Она нарушила напряженную атмосферу кабинета, как нарушает чопорность прибора вырвавшаяся на свободу пружина. Увидев незнакомца, девушка слегка покраснела и повернулась намереваясь уйти.

— Подожди, Пола,— поспешно окликнул ее Шект. Вы, кажется,— обратился он к Энниусу,— ни разу

встречались с моей дочерью. Пола, это лорд Энниус, Прокуратор Земли.

Прокуратор уже стоял. Он встал с такой непринужденной галантностью, что первое намерение девушки убежать сразу исчезло.

— Дорогая мисс Шект,— обратился к ней Прокуратор,— вы — украшение Земли, на которое я просто не считал ее способной. Позвольте мне также заметить, что вы явились бы украшением любого мира.

Он взял руку Пола, протянутую ему быстро, но несколько застенчиво. На мгновение Энниус сделал движение, как будто собирался поцеловать руку девушки — по образцу приветствия прошлых поколений. Однако если такое намерение у него и было, то в жизнь оно не воплотилось. Энниус приподнял руку мисс Шект и тут же выпустил, возможно, слишком быстро.

Пола, слегка нахмурившись, сказала:

— Я просто ошеломлена вашей добротой, милорд, удивительной для обычной земной девушки. Вы галантны и смелы, если решаетесь забыть об инфекции.

Шект кашлянул и прервал ее:

— Моя дочь, Прокуратор, завершает свою учебу в чикском университете, и для закрепления полученных знаний два дня в неделю проводит в моей лаборатории в качестве техника. Она умная девушка, и, хотя мои слова могут показаться отцовской нескромностью, я думаю, со временем сможет занять мое место.

— Отец,— мягко произнесла Пола,— у меня важные новости для тебя.— Девушка замялась.

— Мне уйти? — спокойно спросил Энниус.

— Нет,— возразил Шект.— В чем дело, Пола?

— У нас есть доброволец, отец.

Шект непонимающе уставился на нее.

— Для Синапсифера?

— Так он говорит.

— Что ж,— сказал Энниус,— я, как будто, принес вам удачу.

— Похоже, что так.

Шект повернулся к дочери.

— Попроси его подождать. Отведи его в комнату Ц, я скоро туда приду.

После ухода Пола он повернулся к Энниусу.

— Вы извините меня, Прокуратор?

— Конечно. Сколько времени займет операция?

— Боюсь, несколько часов. Хотите посмотреть?

— Не могу представить себе ничего более отвратительного, дорогой Шект. Я ведь должен быть в Штат-хаузе до завтрашнего дня. Вы сообщите мне о результатах?

Шект выглядел довольным.

— Безусловно.

— Хорошо. И обдумайте то, что я вам сказал насчет Синапсифера. О вашей новой королевской дороге к знаниям.

Энниус вышел вряд ли более спокойным, чем до прихода сюда. Знания его не стали больше, а страхи не уменьшились.

Глава пятая

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ПАЦИЕНТ

Оставшись один, доктор Шект коснулся кнопки звонка, и в комнату поспешно вошел молодой техник. Халат его сверкал белизной, длинные каштановые волосы были аккуратно зачесаны назад.

— Пола говорила вам...— начал доктор Шект.

— Да, доктор Шект. Я обозревал его через глазок. Это, без сомнения, настоящий доброволец. Он абсолютно не похож на субъекта, посылаемого обычным способом.

— Как вы считаете, следует ли мне обратиться в Совет?

— Просто не знаю, что и сказать. Совет не одобрил бы никакой обычной коммуникации. Все, как вы знаете, должно быть записано на пленку.— Молодой человек с энтузиазмом продолжал: — Предположим, я постараюсь от него избавиться. Я могу сказать, что нам нужен человек моложе тридцати лет. Этому же не меньше тридцати пяти.

— Нет, лучше я сам посмотрю на него.

Разум Шекта напоминал холодный водоворот. До сих пор все складывалось самым наилучшим образом. Информации как раз достаточно, чтобы отношения сохранили видимость дружелюбия, но не более того. А теперь — настоящий доброволец, и сразу после визита Энниуса. Была ли здесь связь? Сам Шект имел лишь смутное представление о тех гигантских невидимых силах, которые сейчас начали разгуливать во всех направлениях по неровной поверхности Земли. Но все-таки он знал достаточно, чтобы

считать себя в милости у этих сил, и, конечно, знал больше, чем об этом подозревали Древние.

И что он мог сделать, несмотря на то что его жизнь подвергалась двойной опасности?

Через несколько минут доктор Шект пристально и безнадежно рассматривал стоявшего перед ним неуклюжего фермера. Тот мял в руках шляпу и старался слегка повернуть голову, словно желая избежать слишком детального изучения. «Конечно,— подумал Шект,— ему еще нет сорока, но суровая жизнь на Земле оказала на него свое влияние». Сквозь коричневую дубленую кожу щек пробивался яркий румянец, на лбу и висках виднелись капельки пота, хотя в комнате было прохладно. Человек этот с такой силой сжал руки, что костяшки его пальцев побелели.

— Итак,— мягко произнес Шект,— вы, насколько я понимаю, отказываетесь сообщить свое имя.

Арбин был само упрямство.

— Мне говорили, что добровольцам не станут задавать никаких вопросов.

— Гм... А есть ли что-то такое, что вы хотели бы сказать? Или вы предпочитаете немедленно приступить к делу?

— Я? Здесь, сейчас? — фермером явно овладела паника.— Я не доброволец, ничего такого не сказал, чтобы вы так подумали.

— Конечно. Но я хотел бы знать, кто же тогда им является?

— Я должен...

— Значит, с вами есть другой человек?

— Некоторым образом,— осторожно ответил Арбин.

— Хорошо. А теперь расскажите нам только то, что сами считаете нужным. Все, что вы скажете, останется строго между нами, и мы поможем вам всем, чем только сможем. Согласны?

Фермер наклонил голову — рудиментарное подобие жеста, выражающего согласие.

— Спасибо вам. Дело вот в чем, сэр: у нас на ферме есть человек, дальний родственник. Он помогает, понимаете...

Арбин с трудом проглотил слюну, и Шект серьезно кивнул. Арбин продолжал:

— Он очень старательный и хороший работник. У нас был сын, понимаете ли, но он умер, и моя добрая жена, и я сам, видите ли, нуждались в помощи. Она не

слишком здоровая женщина, и без него нам было бы трудно управляться.

Фермер чувствовал, что его рассказ почему-то превращается в полную чепуху, но сутулый ученый согласно кивнул:

— И именно этого вашего родственника вы хотите подвергнуть лечению?

— Ну да. Понимаете, у бедняги не все в порядке с головой. Он не болен, с ним не происходит ничего такого, за что его нужно было бы удалить. Просто он медлительный и не говорит.

— Не может говорить? — удивился Шект.

— Может. Просто это ему не нравится. Он плохо говорит.

Физик посмотрел на него с сомнением.

— Вы хотите, чтобы Синапсифер поправил его психику?

Арбин медленно кивнул.

— Если бы он понимал немного больше, сэр, он ведь смог бы выполнять ту работу, которую приходится делать моей жене.

— Он может умереть. Вам это понятно?

Арбин смотрел на ученого беспомощным взглядом, нервно перебирая пальцы.

— Мне нужно его согласие, — сказал Шект.

Фермер медленно и упрямо покачал головой.

— Он не поймет. — Затем напористо, почти шепотом добавил: — Послушайте, сэр, я вижу, вам можно довериться. Вы не похожи на того, кто не знает, что такое тяжелая жизнь. Этот человек стареет. Нет, тут вопрос не о Шестидесяти, но что, если в следующий Цензус его сочтут слабоумным и заберут? Мы не хотим его терять и поэтому привезли сюда. Я хочу сохранить все это в тайне, так как... — Арбин вдруг настойчиво впился глазами в стену, желая выяснить, не скрывается ли за ней нежелательный слушатель. — Ну, может быть, Древним не понравится то, что я делаю. Может, спасение такого человека посчиталось бы преступлением против обычаев, но жизнь тяжела, сэр. А для вас это безопасно. Вы ведь искали добровольцев.

— Понимаю. Где ваш родственник?

Арбин сразу же воспользовался случаем.

— В моем бьюхиле, если только его никто не нашел. Он не сможет позаботиться о себе, если кто-нибудь...

— Ну, будем надеяться, что с ним ничего не случилось. Сейчас мы с вами выйдем и перегоним машину в гараж нашего здания. Я постараюсь, чтобы никому, кроме меня и моих помощников, не было известно о его присутствии. Уверю вас, никаких затруднений с Братством у вас не будет.

Рука физика самым дружелюбным образом опустилась на плечо Арбина, и тот судорожно улыбнулся, почувствовав, что узел веревки, затянутой у него на шее, ослаб.

Шект смотрел на полного, лысоватого человека, лежавшего на диване. У пациента не было видимых признаков понимания окружающего. Он дышал глубоко, ровно, говорил неразборчиво, на вопросы не реагировал. И все же физических признаков слабоумия не наблюдалось. Рефлексы были нормальными для старого человека.

Старого! Гм...

Шект посмотрел на Арбина, который внимательно наблюдал за происходившим.

— Как вы отнесетесь к костному анализу?

— Нет! — вскричал Арбин, и добавил уже спокойнее: — Я не хочу ничего такого, что могло бы послужить идентификацией.

— Было бы лучше для его безопасности, если бы мы знали его возраст, — пояснил Шект.

— Ему пятьдесят, — ответил Арбин.

Физик пожал плечами. В конце концов, это не имеет значения. Он снова посмотрел на спящего.

Когда наблюдаемого привели, он был или казался подавленным, растерянным, несчастным. Даже гипнопилюли явно не вызывали у него никаких подозрений. Он принял их с вымученной спазматической улыбкой.

Техники уже вкатывали последнюю из довольно объемистых частей Синапсифера. При прикосновении к кнопке поляризованное стекло, вставленное в окна операционной, претерпело молекулярные изменения и сделалось непрозрачным. Единственным источником света стал холодный белый поток, излучаемый мощным диамагнитным полем.

Арбин все еще сидел в темноте, ничего не понимающий, но твердо решивший самым фактом своего присутствия предотвратить любой опасный трюк, хотя не имел ни малейшего понятия, в чем этот трюк может заключаться.

Физики не обращали на него никакого внимания. На голове пациента укреплялись электроды. Это была долгая работа. Прежде всего следовало изучить форму черепа и состав покрывавшей его ткани. Шект мрачно улыбнулся

про себя: ткань черепа не являлась бесспорным мерилom возраста, но в данном случае она говорила достаточно красноречиво.

Возраст человека превышал объявленные пятьдесят лет. Через некоторое время Шект перестал улыбаться и нахмурился: бороздки мозга были какими-то странными, не совсем... На мгновение он готов был поклясться, что форма черепа примитивна, но тогда...

Однако психика человека оказалась субнормальной. Почему бы и нет?

Внезапно Шект удивленно воскликнул:

— Да я же не заметил! У этого человека на лице волосы! — Физик повернулся к Арбину: — Он всегда был бородатым?

— Бородатым?

— Волосы на лице! Идите сюда! Неужели вы их не замечали?

— Замечал, сэр. — Арбин судорожно подыскивал ответ. Он действительно заметил их утром, но потом забыл об этом. — Он таким родился.

Потом фермер несколько разбавил уверенность своего заявления, добавив:

— Я думаю.

— Что ж, нужно их удалить. Вы ведь не хотите, чтобы он бродил по округе как дикое животное, не так ли?

— Нет, сэр.

Волосы быстро исчезли под облаченными в перчатки руками техника.

— У него и на груди волосы, доктор Шект, — сказал техник.

— Великая Галактика! — произнес Шект. — Позвольте, я взгляну. Да это просто ковер какой-то! Ладно, пусть так и останется. Сквозь рубашку их не будет видно, а я хочу продолжать работу с электродами. Давайте провода сюда, сюда и сюда.

Протянулись тонкие платиновые волоски.

— Теперь сюда и сюда.

Десятки соединений, чувствующих сквозь кожу костный мозг, а в его глубине — нежные тени и отголоски тех микропотоков, которые волнами струятся в мозгу от клетки к клетке.

Физики внимательно наблюдали за легкими отклонениями стрелки амперметра по мере того, как создавались и нарушались соединения. Кошечные указатели отметчиков прокладывали нежную паутинку по разграфленной бумаге,

оставляя на ней след из неровных пиков и обрывов.

Потом графики были сняты и размещены на светящемся стекле. Все склонились над ними, перешептываясь.

До Арбина донеслись обрывки фраз:

— Замечательная регулярность... Посмотрите на высоту квинтового пика... Подумайте, это необходимо проанализировать... Настолько ясно, что видно невооруженным глазом...

Потом, как ему показалось, ужасно долго шла утомительная возня с Синапсифером. Поворачивались ручки, загорались глазки, записывались данные, снова и снова изучались различные электроприборы, делались новые приспособления.

Потом Шект улыбнулся Арбину.

— Скоро все кончится.

Огромная машина медленно надвинулась на спящего, подобно голодному чудовищу. Четыре длинных провода протянулись к конечностям человека, плоский черный кусок чего-то похожего на твердую резину был осторожно помещен на тыльную сторону его шеи, а зажимы возле плеч удерживали его на месте. И, наконец, как два щупальца, были разделены и прикреплены к бледной округлой голове электроды, каждый из которых заканчивался на виске.

Шект не спускал глаз с хронометра. В другой руке он держал выключатель. Большой палец его руки шевельнулся, но ничего заметного не произошло.

Потом, казалось, время остановилось, хотя на самом деле прошло менее трех минут. Большой палец Шекта снова пришел в движение.

Его ассистент поспешно наклонился над спящим Шварцем, поднял голову и победно взглянул на Шекта.

— Он жив!

Прошло еще несколько часов, в течение которых изымались многочисленные данные, шли взволнованные разговоры то шепотом, то прерывавшиеся чуть ли не криками восторга. Наконец гиподермическая игла вновь проделала свое путешествие, и глаза спящего открылись.

Шект отошел, бледный, но счастливый, и потер лоб тыльной стороной ладони.— Все в порядке! — Затем уверенно повернулся к Арбину.

— Он должен остаться у нас на несколько дней, сэр. Во взгляде Арбина появилась тревога.

— Но...

— Нет, вы должны положиться на меня. Он будет в безопасности, клянусь собственной жизнью. Оставьте его нам. Кроме нас, никто его не увидит. Если вы сейчас заберете его с собой, он может не выжить. Что вам это даст? Если он действительно умрет, вам придется объяснять Древним, откуда взялось тело.

Это решило дело. Арбин пробормотал:

— Но послушайте, откуда мне знать, когда прийти за ним? Я не сообщу вам своего имени!

Это уже можно было считать согласием. Шект сказал:

— Я не спрашиваю вашего имени. Приходите через неделю, в десять вечера. Я буду ждать вас у двери того самого гаража, в который мы поставили ваш бьюхил. Вы должны верить мне, дружище. Вам нечего бояться.

Был вечер, когда Арбин выехал из Чики. Прошло двадцать четыре часа с тех пор, как незнакомец оказался у дверей его дома, и за это время он удвоил преступления, совершенные им против обычаев. Будет ли он когда-нибудь снова в безопасности?

Пока бьюхил катился по пустынной дороге, Арбин то и дело оглядывался. Не преследует ли его кто-нибудь? Кто-то, кто хочет проследить, где он живет. А может, его лицо уже снято на пленку? Ведутся ли неторопливые наблюдения где-то вдали, за Братством в Вашине, где собраны досье на всех землян для нужд Шестидесяти. Арбин предполагал еще четвертью столетия, до их прихода, однако страх жил с ними каждый день — из-за Грю, а теперь еще и из-за незнакомца. Что, если он не вернется в Чикку? Нет, они с Лоа не смогут долго работать за троих, а как только это произойдет, их первое преступление — укрывательство Грю — выплывет наружу, и тогда потянется цепь преступлений.

Арбин знал, что он вернется, несмотря на риск.

Было уже далеко за полночь, когда Шект решился уйти, да и то лишь потому, что на этом настояла встревоженная Пола. Но уснуть он все равно не смог. Подушка казалась ему жесткой, простыни жгли, как раскаленные. Шект встал и уселся у окна.

Теперь город был темным, но там, на горизонте, на стороне, противоположной озеру, остался слабый след голубого смертоносного свечения, которое преобладало над всей Землей, не считая отдельных ее территорий.

Все события этого сумасшедшего дня пронеслись перед мысленным взором Шекта в безумном танце. Первое, что

он сделал после того, как убедил испуганного фермера уехать, — связался со Штат-хаузом.

Энниус, должно быть, ждал звонка, потому что ответил сам. Он все еще носил на себе броню пропитанных свинцом одежд.

— А, Шект, добрый вечер. Ваш эксперимент закончен?

— Мой доброволец в тяжелом состоянии, бедняга.

— Значит, мое решение было верным, когда я отказался остаться, — грустно заметил Энниус. — Мне кажется, что вы, ученые, немногим отличаетесь от убийц.

— Он еще не умер, Прокуратор, и, вероятно, нам удастся его спасти, но...

— Я бы предпочел, чтобы вы имели дело с крысами, Шект. Вы сами на себя не похожи, дружище. Вам это тоже, должно быть, досталось нелегко.

— Я старею, милорд, — признался Шект.

— Опасные земные последствия, — прозвучал сухой ответ. — Вам нужно лечь, Шект.

А Шект сидит, глядя на темный город умирающего мира.

Вот уже два года, как Синапсифер находился в стадии испытания, и два года он, Шект, был рабом и игрушкой в руках Общества Древних, или Братства, как они себя называли.

У Шекта насчитывалось семь или восемь работ, которые могли быть опубликованы в «Сирианском журнале нейропсихологии», и это принесло бы ему столь желанную галактическую известность. Труды эти громоздились на его столе, а вместо них в «Физикл ревю» была напечатана неясная и нарочито путанная работа. Таков был девиз Братства: лучше полуправда, чем ложь.

И все-таки Энниус расспрашивал его. Почему? Сочеталось ли это с тем, другим, о чем он узнал? Подозревала ли Империя о том, о чем он сам подозревал?

За двести лет Земля трижды поднималась под лозунгами, провозглашавшими возвращение к былому величию. Земля восставала против имперских гарнизонов. Три раза терпела она поражение — и это естественно — и, если бы Империя не была столь просвещенной, а большинство членов Галактического Совета не были бы гуманоидами, Земля была бы полита кровью и превращена в необитаемую планету.

Но теперь все могло измениться. Могло ли? Насколько он может доверять словам умирающего сумасшедшего, три четверти речей которого невозможно разобрать? Какова

польза от всего этого? В любом случае он не осмеливается предпринять какие-либо действия. Он может только ждать. Он старел, и, как сказал Энниус, это были тяжелые земные последствия. Шестьдесят надвигались на него, и уклониться от этой неизбежной схватки было почти невозможно.

Даже на этом несчастном, безумном шаре Земли он все равно хотел жить.

Шект снова лег и, прежде чем уснуть, успел еще подумать о том, был ли его звонок Энниусу зарегистрирован Древними. В то время он еще не знал, что Древние располагали другими источниками информации.

Наступило утро, и молодой техник окончательно принял решение. Он восхищался Шектом, но хорошо понимал, что тайное лечение неизвестного добровольца шло вразрез с приказом Братства.

Техник взвесил все детали. Кто, в сущности, был тот человек, которого они лечили? Кампания по набору добровольцев была тщательным образом продумана с целью получить достаточно информации о Синапсифере и устранить подозрения относительно возможных имперских шпионов. Общество Древних присылает для лечения своего человека, и этого достаточно. Кто же прислал этого? Общество Древних, но тайным путем, чтобы проверить, насколько надежен Шект?

Может, Шект — предатель? Днем он с кем-то долго разговаривал, закрывшись в кабинете, — с кем-то в плотной одежде, какую носят, боясь радиоактивности, пришедшие из внешних миров.

В любом случае Шект мог оказаться обреченным, так почему же он, техник, должен позволить вовлечь себя в это дело? Он молод, перед ним еще почти четыре десятилетия жизни. Зачем же ему противостоять Шестидесяти?

Кроме того, для него это означает запрет, а Шект так стар, что следующий Цензус, вероятно, лишит его перспективы, так что для него не будет большого вреда, практически никакого.

И техник решил. Его рука потянулась к коммуникатору и набрала номер, ведущий прямо к личному кабинету Верховного Министра всей Земли, который, не считая Прокуратора и Императора, держал в руках жизнь и смерть каждого человека на Земле.

Снова был вечер, когда неясные впечатления в мозгу Шварца обострились уколом боли. Он вспомнил поездку к низким, беспорядочно громоздившимся зданиям у берега

озера, долгое ожидание в неудобной позе в задней части машины.

А что потом? Его разум откинул неясные мысли. Да, за ним пришли. Была комната, приборы и диски и две пилюли, вот и все. Ему дали пилюли, и он охотно принял их. Что ему было терять? Яд стал бы для него настоящим спасением.

А потом — ничего.

Что-то копошится в его мозгу. Люди, склонившиеся над ним... Холодное прикосновение стетоскопа к груди... Девушка кормила его...

Пришла мысль об операции. Объятый паникой, Шварц откинул простыни и резко сел.

Девушка оказалась рядом с ним. Она положила руки ему на плечи, пытаясь заставить его опуститься на подушки, что-то успокаивающе говорила, однако он ее не понимал, пытался сбросить с себя эти тонкие руки, но тщетно. Силы покинули его.

Шварц поднес собственные руки к глазам: руки оказались нормальными. Он шевельнул ногами и почувствовал, как они двигаются под простынями. Значит, конечности не ампутированы.

Иосиф повернулся к девушке и без особой надежды спросил:

— Вы меня понимаете? Где я?

Он едва узнал собственный голос. Девушка улыбнулась и внезапно издала поток быстрых журчащих звуков. Шварц застонал. Потом вошел тот самый пожилой человек, который давал ему пилюли. Человек и девушка заговорили друг с другом, потом девушка повернулась к Шварцу, указала на его губы и сделала приглашающий жест.

— Что? — спросил он.

Девушка энергично кивнула, и ее хорошенькое личико просияло от удовольствия, так что Шварц почувствовал радость от того, что смотрел на нее.

— Вы хотите, чтобы я говорил? — спросил он.

Человек уселся возле его кровати и знаком попросил его открыть рот.

— А-а-а,— протянул он.

Шварц повторил.

Пальцы человека в это время массировали его кадык.

— В чем дело? — возмутился Шварц, когда его шея оказалась на свободе.— Вы удивляетесь, что я могу говорить? Да за кого вы меня принимаете?

Проходили дни, и Шварц кое-что узнал. Человек был доктором Шектом — первым человеком, имя которого он узнал с тех пор, как остановился над тряпичной куклой. Девушка была дочерью Шекта, Полой. Шварц обнаружил, что ему больше не нужно бриться: волосы на лице перестали расти. Это испугало его: неужели они никогда больше не вырастут?

Силы быстро возвращались к Шварцу, ему разрешили одеваться и ходить, кормить стали не только кашей.

Может, это была амнезия и его пытались лечить? Был ли этот мир нормальным и естественным, а тот, который он помнил, — лишь фантазией пораженного амнезией мозга?

Шварцу так и не позволили выходить из комнаты, даже в коридор. Кто же он тогда, пленник? Может, он совершил преступление?

Самый беспомощный и потерянный человек — это тот, который заблудился в коридорах собственной памяти — туда никто не может добраться, чтобы спасти его.

Пола забавлялась, уча его словам, а Шварца вовсе не удивляла легкость, с которой он подхватывал их и усваивал. Он помнил, что в прошлом обладал удивительной памятью, — по крайней мере, хоть память осталась прежней. Через два дня Шварц понимал простые предложения. Через три он смог произносить их так, что понимали его.

Тем не менее на третий день был удивлен и сам Иосиф. Шект учил его числам и давал примеры. Шварц должен был решать их, а Шект смотрел на показания приборов. Потом Шект объяснил ему термин «логарифм» и попросил назвать логарифм двух.

Шварц осторожно подбирал слова. Запас их был еще ничтожным, в ход часто шли жесты.

— Я...я не... говорить. Ответ не цифра.

Шект кивнул головой и сказал:

— Не цифра. Не это и не то: часть того и часть другого.

Шварц понял, что Шекту стало ясно его заявление — ответ выражается не целым числом, а дробью, и тогда он проговорил:

— Точка три ноль один ноль три и много цифр.

— Достаточно!

Тогда возникло удивление. Как он мог знать ответ? Шварц был уверен, что никогда не слышал о логарифмах, однако ответ появился в мозгу сразу, как только был поставлен вопрос. Иосиф понятия не имел о том, каким

образом вычислил этот логарифм. Будто его мозг являлся независимым единством и использовал его самого лишь как изначальный источник информации. Может, он был когда-то математиком?

Дни тянулись бесконечно долго, ожидание стало мучительным. Шварц все острее чувствовал, что должен вернуться в мир и каким угодно способом получить ответ, который, видимо, он никогда не получит в этой комнате, в тюрьме, где, похоже, к нему относились как к подопытному образцу.

Возможность предоставилась на шестой день. Ему начали доверять, и однажды Шект, уходя, не запер дверь, хотя обычно запирали так тщательно, что даже самой тоненькой щелки между дверью и стеной не было заметно.

Шварц подождал немного и, убедившись, что Шект не возвращается, медленно приложил руку к блестящей полоске света, как это делали другие.

Дверь тихо отворилась — коридор оказался пуст и Шварц предпринял побег.

Разве мог он знать, что уже прошло шесть дней с тех пор, как Общество Древних послало агента, который наблюдал за больницей, за комнатой и за ним?

Глава шестая

НОЧНЫЕ ОПАСЕНИЯ

В ночные часы дворец Прокуратора походил на волшебную сказку. Вечерние цветы — ни один из них не был родом с Земли — раскрывали свои белые чашечки и наполняли благоуханием даже стены дворца. Под поляризованным светом Луны искусственные силикатные пряди, умело вкрапленные в алюминиевую структуру дворца, посвечивали фиолетовыми искорками на фоне окружающего их металлического сияния.

Энниус посмотрел на звезды. Именно они были для него истинной красотой, потому что принадлежали Империи.

Земное небо относилось к небесам среднего типа. Оно не обладало непереносимым блеском небес Центральных Миров, где одна звезда так тесно соседствует с другой, что чернота ночного неба почти теряется в потоках света;

было лишено и одинокого величия небес Периферии, где нереальная тьма лишь кое-где нарушается неяркой сиротливой звездой.

На Земле одновременно бывают видимыми две тысячи звезд. Энниус мог видеть Сириус, вокруг которого вращалась одна из тысяч наиболее населенных планет Империи.

Там находился Арктурус, столица его родного сектора. Солнце Трантора, столичного мира Империи, терялось где-то во Млечном Пути, даже в телескоп его невозможно было рассмотреть.

Мягкая рука прикоснулась к плечу Энниуса, и он накрыл ее своей.

— Флора? — прошептал он.

— Кто же еще? — в голосе жены послышалась насмешка. — Тебе известно, что ты не спал с тех пор, как вернулся из Чики? Более того, тебе известно, что уже светает? Прислать сюда завтрак?

— Почему бы и нет?

Энниус нежно улыбнулся, ощутив в темноте прикосновение пушистого локона, погладил его.

— И почему ты должна оставаться со мной здесь, пряча самые прекрасные в Галактике глаза?

Флора поправила волосы и мягко ответила:

— Ты же сам прячешь свои за тобою же приготовленным сахарным сиропом, но я уже видела тебя таким, меня не обманешь. Что тебя сегодня беспокоит, дорогой?

— Только то, что и всегда. То, что я похоронил тебя здесь, в то время как ты могла бы служить украшением вице-королевского общества Галактики.

— Есть и еще кое-что! Ну же, Энниус! Я не позволю играть с собой.

Энниус покачал головой.

— Не знаю. Думаю, меня выбил из колеи ряд мелких неприятностей. Есть Шект со своим Синапсифером. Есть этот археолог, Арвардан, и его теории. Есть еще кое-что. А какой в этом толк, Флора! Я все равно ничего не могу сделать!

— Конечно, подобное время суток не слишком подходит для душевного анализа.

— И эти земляне! — продолжал Энниус, стиснув зубы. — Почему маленькая их горстка должна быть такой тяжелой ношей для Империи? Ты помнишь, Флора, предостережения старого Фарула, когда я только получил прокураторство?

Он был прав и не так уж далеко зашел в своих предположениях. А я в то время посмеялся над ним и счел про себя жертвой собственной некомпетентности. Я был молод и деятелен, дорогая. Мне было бы лучше...— Энниус помолчал, погруженный в свои мысли, потом начал уже о другом: — И все же очень много независимых друг от друга мелочей доказывают, что эти земляне снова мечтают о восстании.— Энниус посмотрел на жену.— Тебе известно, что доктрина Общества Древних состоит в том, что Земля была когда-то единственным домом человечества, что она является центром расы.

— Но ведь Арвардан говорил нам об этом два дня назад, не так ли?

В такие минуты Энниусу надо было дать выговориться.

— Да, говорил,— мрачно подхватил он,— но даже в таком контексте он говорил только о прошлом. А Общество Древних смотрит и в будущее. Земля снова, по их мнению, будет центром расы. Они даже утверждают, что мистическое Второе Земное Королевство уже существует. Они предупреждают, что Империя будет уничтожена во всеобщей катастрофе, которая оставит Землю триумфатором во всей ее предысторической славе, с ее варварством и приверженностью к собственным традициям.— Голос Энниуса дрогнул.— Земля уже знала подобные бессмысленные восстания, но все разрушения ничему не научили этих глупых фанатиков.

— Они всего лишь несчастные существа,— сказала Флора,— эти земляне. Что бы у них осталось, если бы не их вера? Во всем остальном они явно ущемлены — и в приличном мире, и в приличной жизни. Они ущемлены даже в достоинстве, которым сопровождается принятие базиса равенства в числе остальных миров Галактики. Вот они и вернулись к своим мечтам. Можно ли их за это винить?

— Да, я виню их! — закричал Энниус.— Пусть они откажутся от своих грез и начнут борьбу за признание. Они не отрицают, что отличаются от других; просто они желают заменить слово «худшие» словом «лучшие», но нельзя ожидать, что остальная часть Галактики согласится с этим. Пусть оставят свои странности, свои возмутительные и обидные «обычаи». Пусть будут людьми, и люди признают их. Но если они останутся только землянами, то таковыми их и будут считать. Но хватит об этом. Что, например, происходит с Синапсифером? Это тоже одна из проблем, которая не дает мне спать.

Энниус, задумчиво нахмурившись, смотрел на полосу, появившуюся в черноте восточной части неба.

— Синапсифер? Это тот самый прибор, о котором говорил доктор Арвардан? Ты из-за него ездил в Чику?

Энниус кивнул.

— Что ты там узнал?

— Да ничего,— ответил Энниус.— Я знаю Шекта. Хорошо знаю. Я могу определить, когда он чувствует себя принужденно, а когда — по-другому. И я должен заметить, Флора, что этот человек терзался мрачными предчувствиями, пока разговаривал со мной. Когда же я ушел, он вздохнул свободно. Это нехорошая тайна, Флора.

— Но машина будет работать?

— Разве я нейропсихолог? Шект говорит, что не будет. Он подводил меня к тому, чтобы рассказать о почти убитом ею добровольце, но я в это не верю. Он был взволнован, и даже более того. Он торжествовал! Его доброволец пережил эксперимент, который оказался удачным. Если я неправ, значит, я никогда не видел счастливого человека. А теперь скажи, почему же тогда он мне солгал? Как ты думаешь, Синапсифер действует? Как ты думаешь, может он создать расу гениев?

— Но если так, почему его держат в секрете?

— Почему? Неужели непонятно? Почему Земля терпела поражение во время восстаний? На это есть только один ответ, не так ли? Подними средний уровень интеллекта землянина, удвой его, утрой. И что будет тогда?

— О, Энниус!

— Мы можем оказаться в положении обезьян, нападающих на людей. Что можно к этому добавить?

— Ты борешься с тенью. Они не смогли бы скрыть что-либо подобное. Ты всегда можешь сделать так, что Отдел внешних провинций пришлет сюда несколько психологов и подвергнет тестам взятых наугад землян. И, конечно же, любое отклонение от нормального КИ сразу будет обнаружено.

— Да, я тоже так думаю. Но может получиться и по-другому. Я ни в чем не уверен, Флора, кроме того, что в воздухе пахнет восстанием. Готовится нечто вроде восстания 750, только в худшем варианте.

— А мы к нему готовимся? Я хочу сказать, если ты так уверен...

— Готовимся? — Смех Энниуса прозвучал отрывисто, как лай.— Я готовлюсь. Гарнизон наготове и полностью вооружен. Я сделал все, что мог, с материалом, находя-

щимся под рукой. Но, Флора, я не хочу, чтобы это восстание разразилось, не хочу, чтобы мое прокураторство вошло в историю как прокураторство периода восстания, не хочу, чтобы мое имя было связано со смертью и убийствами. Я буду во всем этом лишь пешкой, но через столетия исторические книги назовут меня кровавым тираном. Помнишь вице-короля шестого столетия, Анганини? Могли он сделать что-либо, кроме того, что сделал, хотя умерли миллионы? Тогда он был в почете, но кто скажет о нем доброе слово теперь? Я предпочел бы получить известность как человек, предотвративший восстание и спасший бесполезные жизни двадцати миллионов дураков.

В голосе лорда слышалась безнадежность.

— Ты уверен, Энниус, что это невозможно?

Флора села рядом и провела кончиками пальцев по его щеке. Энниус поймал их и крепко сжал.

— Как я могу? Все против меня. Сам Отдел оказался на стороне землян, послав сюда Арвардана.

— Но, дорогой, мне не кажется, что этот археолог совершит что-нибудь ужасное. Я допускаю, что он говорит вещи, которые кажутся нелепостью, но какой это может причинить вред?

— Неужели неясно? Арвардан хочет доказать, что Земля является истинной колыбелью человечества, пытается придать суевериям научную основу.

— Так останови его.

— Не могу. Честно тебе говорю — не могу. Считается, что наместники могут все, но это не так. Этот человек, Арвардан, имеет письменное разрешение от Отдела внешних провинций. Оно одобрено Императором, так что полностью превосходит мои полномочия. Я ничего не могу сделать, не обратившись предварительно в Центральный Совет, что займет месяцы. И какую я могу объявить причину? Если же я попытаюсь остановить его силой, то мое действие будет рассматриваться как попытка восстания, а ты знаешь, с какой готовностью Центральный Совет удаляет каждого исполнителя, преступившего, по их мнению, определенную черту, еще со времен гражданской войны восьмидесятых. И что потом? Меня заменят кем-нибудь, кто вообще не разбирается в ситуации, и Арвардан с успехом сделает все, что сочтет нужным. И это еще не самое худшее, Флора. Знаешь, как он намерен доказать изначальность Земли? Попробуй догадаться.

Флора тихо засмеялась.

— Ты шутишь, Энниус. Как я могу догадаться? Я не археолог. Полагаю, он хочет выкопать старую статую или кости и датировать их.

— Хорошо, если бы это было так. Арвардан сообщил мне вчера, что он намеревается сделать — хочет войти в радиоактивные зоны Земли, найти там следы пребывания человека, доказать, что человек существовал до тех времен, когда Земля стала радиоактивной, ибо он настаивает, что радиоактивность — дело человеческих рук. Таким образом будет произведена датировка.

— Но это почти то, что я говорила.

— Ты знаешь, что значит войти туда, где есть радиоактивность? Это запретные зоны. Один из самых наистрожайших обычаев, которых придерживаются земляне. Никто не смеет проникнуть в Запретные Земли, а все радиоактивные земли — запретные.

— Но тогда все в порядке. Арвардана остановят сами земляне.

— О, прекрасно! Он будет остановлен самим Верховным Министром! А каким образом мы потом сможем убедить его в том, что Империя не намеревалась провести намеренный акт святотатства?

— Верховный Министр не должен быть таким чувствительным.

— Не должен? — Энниус подался назад, глядя на жену. Лицо ее было едва видно в ночной тьме. — Твоя наивность просто трогательна. Известно ли тебе, что произошло лет пятьдесят тому назад? Я расскажу, а потом суди сама. Получилось так, что Земле было позволено не носить знаков господства Империи, поскольку она настаивала на своем праве правления в Галактике. Но потом мальчик-император Станнель II, который оказался не вполне здоровым душевно и через два года правления был убит, — ты должна это помнить — приказал, чтобы знаки имперского отличия были установлены на здании Совета в Вашине. Само по себе это требование было разумным, поскольку такие знаки есть на здании каждого Планетного Совета Галактики — они символизируют имперское единство. Но что происходит в этом случае? В день появления знаков город превратился в скопище безумцев. Сумасшедшие Вашина сорвали все знаки и поднялись против гарнизона. Со стороны Станнеля II было полным абсурдом требовать выполнения приказа — это означало убийство каждого землянина — но он сам был убит раньше, прежде

чем успел закончить свое начинание, а Эдвард, его преемник, отменил приказ, и снова установился мир.

— Ты хочешь сказать, — неуверенно произнесла Флора, — что имперские знаки не были водворены на место?

— Именно это я и имею в виду. Клянусь звездами, Земля единственная из миллионов планет не имеет знаков Империи на здании своего Совета. Вот какова эта несчастная планета, на которой мы находимся. И даже сегодня, если мы попытаемся снова повесить эти знаки, земляне станут драться до последнего человека, нам придется убить всех, прежде чем мы выполним то, что хотим. А ты говоришь о чувствительности. Объясняю тебе, они безумцы.

Они долго молчали, пока вновь не зазвучал голос Флоры, на этот раз несколько нерешительный.

— Энниус...

— Да?

— Ты обеспокоен не только возможностью восстания и влияния его на твою репутацию. Я бы не была твоей женой, если бы не умела хоть наполовину читать твои мысли. Мне кажется, ты ожидаешь чего-то по-настоящему опасного для Империи. Не нужно ничего скрывать от меня, Энниус. Ты боишься, что земляне победят.

— Флора, я не могу об этом говорить. — В его глазах застыло мученическое выражение. — Это даже не предчувствие. Может, четыре года на этой планете — чересчур для психики здорового человека. Но почему эти земляне такие самоуверенные?

— Откуда ты это знаешь?

— Это так. У меня тоже есть собственные источники информации. В конце концов, их три раза сминали. У них не могло остаться иллюзий. И все же они смотрят в лицо двум миллионам миров, каждый из которых намного сильнее их, и чувствуют себя уверенно. Могут ли земляне действительно быть такими крепкими в своей вере в Судьбу или в какую-то сверхъестественную Силу, в чем-то, что имеет смысл только для них? Может быть! Может быть...

— Что может быть, Энниус?

— Может быть, у них есть свое оружие.

— Оружие, которое позволит одному миру победить миллионы миров? Ты шутишь. Ни одно оружие не способно на такое.

— Я уже говорил тебе о Синапсифере.

— А я говорила о том, как об этом позаботиться. Тебе известен какой-нибудь тип оружия, который они могли бы использовать?

— Нет,— последовал неохотный ответ.

— Конечно, нет, потому что такое оружие невозможно. А теперь я скажу тебе, что нужно сделать, дорогой. Почему бы тебе не повидаться с Верховным Министром и как можно искреннее не предупредить его о планах Арвардана — с глазу на глаз, неофициально, так, чтобы он тебе поверил? Тогда у него не останется никаких сомнений в том, что у имперского правительства нет намерений нарушать земные обычаи, и в то же время это позволит тебе остановить Арвардана, не показываясь самому на сцене. Потом Отдел мог бы прислать двух хороших психологов — лучше просить четырех, тогда двух пришлют наверняка — и они исследуют возможности Синапсифера. Обо всем остальном позаботятся солдаты, а потомки пусть сами заботятся о себе. А теперь, почему бы тебе не поспать прямо здесь? Мы можем поставить кресло вон туда, а моя меховая накидка послужит тебе одеялом. Завтрак же тебе принесут, когда проснешься. При дневном свете все покажется иным.

Так и случилось. Пробудрствовав всю ночь, Энниус уснул за пять минут до рассвета. Это произошло за восемь часов до того, как Верховный Министр впервые узнал о Беле Арвардане и его миссии от самого Прокуратора.

Глава седьмая

РАЗГОВОР С БЕЗУМЦАМИ

Что касается Арвардана, то он был озабочен только своими каникулами. Прибытие корабля «Офиукус» ожидалось не раньше, чем через месяц, таким образом, Арвардан мог провести это время по своему усмотрению.

Итак, на шестой день после прибытия на Эверест Бел Арвардан взял в воздушной транспортной компании билет на самый большой стратосферный реактивный самолет, совершающий рейс между Эверестом и земной столицей Вашином.

Если он воспользовался не скоростным крейсером, предоставленным в его распоряжение Энниусом, а торговым лайнером, то сделал это намеренно, из-за понятного интереса чужеземца и археолога к обычной жизни людей, населяющих такую планету, как Земля, а также и по другой причине.

Арвардан был родом из Сирианского сектора, жители которого считали себя выше всех в Галактике, там были сильны антиземные настроения...

Однако самому ему нравилось думать, что он свободен от такого рода предубеждений. Как ученый, как археолог, Арвардан не мог этого допустить. Конечно, он вырос среди привычных мыслей о землянах как некоей карикатуре на человека, и даже сейчас слово «землянин» казалось ему уродливым. Но настоящего предубеждения у него не было, по крайней мере он так думал. Например, если бы землянин вдруг пожелал присоединиться к его экспедиции или выполнить для него какую-то работу, обладая достаточными способностями и компетенцией, Бел бы согласился. Разумеется, если бы нашлась вакансия и не слишком возражали другие члены экспедиции.

В этом и был камень преткновения. Обычно другие работники возражали, и что с этим поделаешь? Бел обдумал такую возможность. Конечно, он не стал бы протестовать против того, чтобы есть в обществе землянина или даже переночевать в случае необходимости, если бы землянин был достаточно чистым и здоровым. Естественно, он обращался бы с ним как со всяким другим. Не стоило, однако, отрицать тот факт, что землянин все-таки оставался землянином, тут уже ничего не поделаешь. Такое отношение к землянам, явившееся результатом воспитания, стало словно его второй натурой. И вот теперь предоставлялась возможность испытать себя. Бел находился в самолете, в окружении одних землян, но чувствовал себя почти так же, как обычно.

Арвардан оглядел ничем не примечательные лица своих попутчиков. Предполагалось, что они должны быть иными, эти земляне, но смог бы он выделить одного из этих людей случайно в толпе? Вряд ли.

Женщины оказались отнюдь не уродами. Арвардан нахмурился. Терпимость имела свои пределы. Например, смешение путем браков невозможно было даже представить.

Самолет показался Белу небольшой штуковиной несовершенной конструкции. Он работал на атомной энергии, но принцип эксплуатации был далек от совершенства. Прежде всего, силовое поле не было как следует защищено. Потом Арвардан подумал, что наличие потока гамма-лучей и высокой нейтронной плотности в атмосфере могло с

успехом воздействовать на землян, по крайней мере, эффективнее, чем на других.

Затем взору его открылось интересное зрелище. С высоты темных винно-пурпурных слоев атмосферы Земля производила странное впечатление. Обширные мгlistые массивы земли, затемненные облаками, были окрашены в оранжевый цвет пустыни. За ними начиналась темная ночная полоса, за которой сумрачной тенью маячили радиоактивные территории.

Смех пассажиров отвлек Арвардана от созерцания этой картины. Внимание всех было обращено на пожилую улыбающуюся пару.

Арвардан наклонился к соседу.

— Что происходит?

Сосед, помолчав, ответил:

— Они женаты сорок лет и совершают Большой Тур.

— Большой Тур?

— Да. Вокруг Земли.

Пожилый человек, покраснев от удовольствия, описывал свои впечатления и делился опытом. Его жена тоже время от времени вставляла замечания, уточняя ничего не значащие детали. Оба находились в превосходном расположении духа.

Остальные слушали их с напряженным вниманием, так что Арвардану показалось, что земляне столь же человечны, как и остальные люди Галактики.

Потом кто-то спросил:

— И когда же вы подойдете к Шестидесяти?

— Примерно через месяц,— последовал радостный ответ.— Шестнадцатого ноября.

— Что ж,— продолжал тот, что задал вопрос,— надеюсь, в этот день будет хорошая погода. Мой отец достиг своих Шестидесяти в чертовски дождливый день. Лило как из ведра. Я ничего подобного не видел ни до, ни после. Я отправился с ним — в такой день, знаете, каждому хочется иметь провожатого,— и он всю дорогу жаловался на дождь. У нас был открытый бьюхил, понимаете, и мы все вымокли. «Слушай,— сказал я,— тебе-то на что жаловаться, папа? Возвращаться-то придется мне!»

Раздался общий взрыв смеха, к которому с готовностью присоединилась и пожилая пара. Арвардан, однако, почувствовал, как ужас проник в его душу и в мозг зародилось смутное и неприятное подозрение. Он обратился соседу:

— Эти Шестидесят, предмет вашего разговора, я понимаю так — старики подвергаются аутоназии. Я хочу сказать, вы убираете их с пути, когда они достигают шестидесятого года рождения, не так ли?

Голос Арвардана заметно дрогнул, так как его сосед, издав довольный смешок, повернулся на сидении и окинул своего спутника долгим подозрительным взглядом, а затем спросил:

— Ну, а что, вы думаете, он имел в виду?

Арвардан неопределенно махнул рукой и довольно глупо улыбнулся. Он знал про обычай, но только теоретически, как о чем-то, что обсуждалось в научном журнале. Теперь этот обычай предстал перед ним в ином свете, как касающийся живых людей, мужчин и женщин, окружавших его. Все они, согласно обычаю, не могли жить больше шестидесяти лет.

Человек, сидящий рядом, по-прежнему не спускал с него глаз.

— И откуда ты такой взялся, парень? Неужели там, откуда ты родом, ничего не знают о Шестидесяти?

— Мы называем это «временем»,— слабо ответил Арвардан.— Сам я из тех мест.— Он ткнул большим пальцем через плечо. Еще четверть минуты спутник сверлил его недоверчивым взглядом.

Губы Арвардана дрогнули. Эти земляне были так подозрительны. По крайней мере, эта черта культурного образа совпадала с действительностью.

— Она отправляется вместе со мной,— снова заговорил пожилой человек и кивнул в сторону своей улыбавшейся жены.— У нее остается еще три месяца, но она думает, что ей нет смысла ждать, и мы отправляемся вместе. Ведь правда, Чабби?

— О да,— ответила женщина и радостно хихикнула.— Все наши дети имеют семьи и свои дома. Я была бы им только обузой. Кроме того, без моего старика я не смогу как следует насладиться оставшимся временем, так что мы отправимся вместе.

Пассажиры в полном составе, казалось, углубились в подсчеты, сколько времени еще осталось у каждого из них, и процесс этот даже вызвал споры среди нескольких супружеских пар.

Один невысокий мужчина в плотной одежде решительно заявил:

— Мне остается двенадцать лет, три месяца и четыре дня. Ни днем больше, ни днем меньше.

— Если только вы не умрете раньше,— благоразумно вставил кто-то.

— Чепуха,— последовал немедленный ответ,— я не имею намерения умирать раньше. Разве я похож на того, кто собирается умереть раньше времени? Я проживу ровно двенадцать лет, три месяца и четыре дня, и никто не смеет этого отрицать.

Вид он приобрел самый свирепый.

Стройный молодой человек извлек изо рта длинную щегольскую сигарету и проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Хорошо тем, кто может так просто вычислить свой день. Ведь многие живут и после своего времени.

— Конечно,— подхватил кто-то, и все закивали друг другу с возмущенным видом.

Молодой человек повел рукой с зажатой в ней сигаретой, как будто намеревался стряхнуть пепел.

— Нет,— продолжал он,— я вовсе не вижу ничего удивительного в том, что кто-то хочет после своего дня рождения пожить до следующего Совета, особенно, если есть какие-то дела, которые надо решить. А вот всякие там уклонщики и паразиты, которые пытаются проскочить через Цензус, едят пищу следующего поколения...

Казалось, его негодование носит личный характер.

Арвардан мягко спросил:

— Разве возраст каждого не регистрируется? Ведь невозможно успешно и надолго проскочить свой день рождения, не так ли?

Последовало общее молчание, насыщенное презрением к подобной наивности. Наконец кто-то попытался дипломатически закончить разговор на эту тему.

— Ну, я полагаю, особых возможностей жить после Шестидесяти нет.

— Если только ты не фермер,— сердито вставил другой.— После того как проработаешь полстолетия на полях, будешь просто безумцем, если не захочешь с этим покончить. А вот как насчет администраторов и бизнесменов?

Наконец пожилой человек, чья сороковая годовщина свадьбы послужила началом разговора, решил высказать свое мнение, ободренный, возможно, тем, что ему как ближайшей жертве нечего терять.

— Если говорить об этом, то все зависит от того, кого вы знаете.— Он подмигнул с таинственным видом.— Я когда-то знал человека, которому исполнилось шестьдесят через год после восьмьсот девятого цензуса, и он прожил до восьмьсот десятого, на котором и попался. Ему

было шестьдесят девять лет, когда он ушел. Шестьдесят девять, подумать только!

— Как ему это удалось?

— У него было немного денег, а его брат являлся одним из Общества Древних. Имея подобную комбинацию, можно сделать все, что угодно.

Это замечание встретило явное одобрение.

— Послушайте,— с чувством начал молодой человек с сигаретой,— у меня был дядя, который жил год после, только год. Он был одним из тех самодовольных парней, у которых не возникает желания уходить, а до нас, остальных, ему не было дела.

Я об этом не знал, понимаете ли, а то бы я о нем сообщил, уж вы мне поверьте, потому что парень должен уйти, когда приходит его время. Это только честно по отношению к другому поколению. Во всяком случае, его распрекрасно поймали, и я об этом впервые услышал, когда Братство вызвало меня и моего брата и пожелало выяснить, почему мы о нем не сообщили. Я сказал, что, черт возьми, ничего об этом не знал, никто в моей семье не знал. Я сказал, что мы его десять лет не видели, и мой старик нас поддержал. И все равно нам пришлось выложить пятьсот кредиток. Тут уж никуда не денешься.

Тревога охватывала Арвардана все больше и больше. Неужели эти люди безумны, что так легко соглашаются со смертью, не желают помогать своим родственникам и друзьям избежать ее? Может, он по какому-то стечению обстоятельств оказался на корабле, везущем безумцев в лечебницу или в аутоназорий? Или все земляне такие?

Сосед Бела снова посмотрел на него нахмурившись, и его голос прервал течение мыслей Арвардана.

— Эй, парень, а где это «вон там»?

— Простите?

— Я спросил — откуда вы взялись? Вы сказали — «вон оттуда». Что значит «оттуда»?

Арвардан увидел, что глаза всех присутствующих устремились на него. Может, его сочли членом Общества Древних? Или его вопросы навели на мысль о том, что он принадлежит к категории агентов-provокаторов?

Археолог решил ответить со всей откровенностью:

— Я не с Земли. Я — Бел Арвардан с Баронна, с Сириуса. А вас как зовут? — Он протянул руку.

Такой же эффект произвела бы брошенная в центр самолета бомба.

Первой реакцией собравшихся был молчаливый ужас, отразившийся на их лицах, следующей — гнев, вспыхнувший, как пламя. Человек, сидевший рядом с Белом, быстро вскочил и кинулся к другому сидению. Два попутчика, уже занимавших его, подвинулись, чтобы дать место новичку.

Все отвернулись от Бела, он оказался отгороженным рядами спин. На мгновение Арвардан ощутил прилив негодования: земляне смеют так обращаться с ним! Земляне!

Он протянул им руку дружбы, он, сирианин, пришел к ним с миром, а они отвергли его.

Арвардан с усилием отогнал эти мысли. Было ясно, что презрение никогда не бывает односторонним, ненависть вызывает ненависть!

Он почувствовал, что за его спиной кто-то завозился, и обернулся.

— Да?

Это был молодой человек с сигаретой.

— Хелло,— сказал парень,— меня зовут Грин. Не позволяйте этим ничтожествам задевать вас.

— Меня никто не задевает,— коротко ответил Арвардан.

Он был не слишком доволен этой компанией и находился в настроении, не подходящем для выслушивания советов от землян, но Грин не был приучен различать оттенки интонаций. Он еще раз пыхнул сигаретой и сбросил пепел в проход.

— Провинциалы! — с презрением прошептал он.— Кучка фермеров — и только. Они лишены галактической широты. Не обращайтесь на них внимания. Возьмите вот меня. У меня иная философия — живи сам и не мешай жить другим, вот что я говорю. Я ничего не имею против внешних. Если они со мной дружелюбны, я буду с ними взаимно дружелюбным. Какого черта... Они же не могут быть не внешними, как я не могу не быть землянином. Ведь я прав? — Парень фамильярно коснулся запястья Арвардана.

Арвардан кивнул, хотя прикосновение вызвало в нем странное чувство. Тесный контакт с человеком, сожалеющим об упущенном удобном случае сообщить о грядущей смерти своего дяди, был не из приятных, на какой бы планете не жил этот человек.

Грин подался вперед.

— Вы в Чику? Как, вы сказали, вас зовут? Арвардан?

— Да, Арвардан. Я направляюсь в Чику.

— Это мой родной город. Лучший, черт побери, на Земле. Вы долго собираетесь там пробыть?

— Вероятно. У меня нет определенных планов.

— Гм... Вы не будете возражать, если я скажу, что обратил внимание на вашу рубашку? Можно, я посмотрю поближе? На Сириусе сделана, да?

— Да.

— Отличный материал. На Земле ничего такого не достанешь. Послушайте, приятель, в вашем багаже нет такой запасной, а? Я бы заплатил, если бы вы захотели ее продать. Отличная штука.

Арвардан решительно покачал головой.

— Очень жаль, но я взял с собой мало вещей. Я рассчитывал купить их здесь, на Земле.

— Я дам пятьдесят кредиток,— пообещал Грин.

Наступило молчание. Грин добавил:

— Это хорошая цена.

— Очень хорошая,— согласился Арвардан,— но, как я вам уже сказал, у меня нет рубашки, которую можно было бы продать.

— Ну...— Грин пожал плечами.— Вы рассчитываете пробыть на Земле достаточно долго, как я понимаю?

— Возможно.

— А чем вы занимаетесь?

Арвардан подавил готовое вырваться раздражение.

— Послушайте, мистер Грин, если вы не возражаете, я хотел бы отдохнуть. Я устал. Вас это не обидит?

Грин нахмурился.

— А что с вами такое? Ваши люди что, не знают вежливости? Я задал вам вежливый вопрос, и нечего наступать мне на пятки.

Разговор, протекавший сперва вполголоса, теперь возвысился почти до крика.

Враждебность висела в воздухе, и губы археолога сомкнулись в тонкую нить.

«Сам на это напросился»,— с горечью подумал Бел. Он не попал бы в подобную переделку, если бы не стал испытывать силы своей дурацкой терпимости на людях, которым она совершенно не нужна, если бы сидел и молчал. Бел примирительно сказал:

— Мистер Грин, я не просил вас присоединяться ко мне и не собирался быть невежливым. Повторяю, я устал и хотел бы отдохнуть. Думаю, ничего необычного в этом нет.

Молодой человек поднялся, гневно отбросил сигарету и ткнул пальцем в своего противника.

— Послушайте, не ведите себя со мной так, будто я собака или что-то в этом роде. Вы, вонючие внешние, являетесь сюда со своими прекрасными речами и со своей надменностью и думаете, что это дает вам право топтать всех нас. Мы не намерены этого терпеть, не думайте. Если вам не нравится, можете убираться туда, откуда явились, и нечего губы сжимать, я все равно скажу все, что считаю нужным. Думаете, я вас испугался?

Арвардан отвернулся и неподвижным взором уставился в окно.

Грин ничего больше не сказал, но снова занял свое место. Со всех сторон слышался взволнованный шепот, который Арвардан старался не замечать. Он скорее чувствовал, чем видел обращенные на него недовольные взгляды. Но всему приходит конец. На Арвардана перестали обращать внимание, и путешествие он закончил в одиночестве и в молчании.

Вид с воздуха на «лучший, черт возьми, город на Земле» заставил Арвардана улыбнуться, но, тем не менее, он нашел это место неплохой заменой тревожной и недружелюбной атмосфере самолета.

Арвардан проследил за выгрузкой багажа и его погрузкой в бьюхил. По крайней мере, здесь он был единственным пассажиром, поэтому, если он воздержится от бесполезных разговоров с водителем, все должно благополучно обойтись.

— Дом Совета,— сказал он водителю, и они отправились.

Так Арвардан впервые попал в Чику и сделал это в тот день, когда Иосиф Шварц бежал из своей комнаты в Институте атомных исследований.

Грин насмешливо проследил за отъездом Арвардана, затем извлек маленькую записную книжку и внимательно изучил ее, попыхивая сигаретой. Он мало что вытянул из пассажиров, несмотря на историю насчет своего дяди, которая раньше давала хорошие результаты. Правда, старикан пожаловался на живущего дольше времени и обвинил в «соучастии» Древних, но старик все равно через месяц подойдет к Шестидесяти, так что нет смысла записывать его имя. А вот с внешним — другое дело. И Грин с нескрываемым удовольствием отметил: «Бел Арвардан, Баронн, Сектор Сириус, любопытство насчет Шестидесяти,

не хочет говорить о своих планах, прибыл в Чику на коммерческом самолете в одиннадцать вечера по чикскому времени первого октября. Ярko выраженные антиземные настроения».

Может, на этот раз ему действительно повезло. Собира-ть всякие замечания нытиков — нудная работа, а вот такие вещи могут сработать. Братство получит его рапорт менее чем через полчаса. Грин лениво побрел с поля.

Глава восьмая

РАЗГОВОР В ЧИКЕ

Доктор Шект в двадцатый раз пробежал книгу последних заметок об опыте и взглянул на вошедшую в его кабинет Полу. Она нахмурилась, надевая рабочий халат.

— Отец, неужели ты еще не поел?

— А? Конечно, поел.

— А это что?

— Это ленч. То есть был когда-то ленч.

— То, что ты съел, было завтраком. Ну скажи, зачем я готовлю тебе еду? Ты и не думаешь про нее.

— Не волнуйся. Я все съем. Я не мог прервать важный эксперимент ради еды.— Взгляд Шекта загорелся.— Ты не представляешь, какой он добрый человек, этот Шварц. Я говорил тебе о строении его черепа?

— Ты говорил, что оно примитивное.

— Это еще не все. У него тридцать два зуба: три коренных вверху и внизу, справа и слева, считая один искусственный, наверное, домодельный. Во всяком случае, мне никогда не приходилось видеть мост, который имел бы металлические зубцы, соединяющие его с соседними зубами — и все это вместо того, чтобы просто врастить зуб в челюсть. Но ты видела кого-нибудь с тридцатью двумя зубами?

— Я не считаю у людей зубы. А сколько их должно быть? Двадцать восемь?

— Верно, как Космос. Но это еще не все. Вчера мы сделали анализы пищеварительных органов. И что, ты думаешь, мы нашли? Угадай!

— Кишки?

— Пола, ты нарочно меня дразнишь, ну да ладно. Можешь не гадать, я тебе скажу: у Шварца имеется аппендикс длиной в три с половиной дюйма, и он открытый! Великая Галактика, это же совершенно непонятно! Я справился в Медицинской школе — осторожно, конечно — аппендиксы практически не бывают длиннее, чем полдюйма, и никогда не бывают открытыми.

— И что же это значит?

— Он же ходячий атавизм, допотопность какая-то.— Шект поднялся с кресла и принялся расхаживать по комнате.— Вот что, Пола, мы не позволим Шварцу уйти. Он слишком ценный экземпляр.

— Нет, отец,— быстро произнесла Пола,— мы не можем его оставить, ты обещал фермеру вернуть Шварца и должен сделать это ради самого Шварца. Он несчастен.

— Несчастен! Но мы же обращаемся с ним как с богатым внешним.

— Какая разница? Бедняге нужны его родственники и его ферма. Он прожил там всю жизнь. А теперь он пережил потрясение, и, судя по всему, разум его работает по-иному. Он не ждет, что его поймут. Мы должны подумать о его человеческих правах и вернуть Шварца домой.

— Но, Пола, требования науки...

— Ох, перестань! Причем тут требования науки? Как ты думаешь, что скажет Братство, когда узнает о твоём самостоятельном эксперименте? Думаешь, ему есть дело до требований науки? Я хочу сказать — подумай о себе, если не хочешь подумать о Шварце. Чем дольше ты его будешь держать, тем больше шансов, что об этом узнают. Отправь его домой завтра вечером, как договорились, слышишь? А сейчас я пойду и узнаю, не нужно ли Шварцу чего-нибудь.

Не прошло и пяти минут, как Пола вернулась, бледная и потрясенная.

— Отец, он ушел.

— Кто ушел? — непонимающе спросил Шект.

Девушка не в силах была сдержать слезы.

— Ты, очевидно, забыл запереть дверь, когда последний раз уходил от Шварца.

Шект схватился за стену, чтобы не упасть.

— Когда?

— Не знаю. Должно быть, не очень давно. Ты когда вернулся?

— И пятнадцати минут не будет. Я пробыл здесь минуты две, когда ты пришла.

— Тогда ладно. Я бегу,— решительно сказала Пола.— Может, он просто блуждает по окрестностям. Ты останешься здесь. Если его кто-нибудь поймает, то его не должны связывать с тобой. Понимаешь?

Шект только кивнул в ответ.

Иосиф Шварц не почувствовал особого волнения, когда вышел из замкнутого больничного помещения на простор города. Он обманывал себя, что имеет определенный план действий. Он просто импровизировал. Если Шварцем и руководил какой-то рациональный импульс, хоть чем-то отличный от слепого желания изменить бездеятельный образ жизни, то это была надежда на случай, который вернет ему ускользнувшую память — если только он действительно оказался жертвой амнезии, но полной уверенности в этом не было.

Первое впечатление от города, однако, не принесло Шварцу радости. Дело шло к вечеру, и в солнечном свете Чика казалась молочно-белой. Здания, наверное, были построены из фарфора, как тот фермерский дом. Иосиф ожидал, что город будет коричневато-красным и гораздо более грязным.

Он медленно брел вперед. Почему-то ему казалось, что систематических поисков организовано не будет. Шварц знал это, сам не понимая откуда. Если говорить точнее, то за последние пять дней он обнаружил в себе растущую чувствительность к «атмосфере», к окружающим его вещам. Это была одна из странностей его разума с тех пор...

Тут мысли Шварца споткнулись о невидимую преграду. В любом случае атмосфера больницы-тюрьмы была атмосферой тайны и, как ему казалось, пугающей тайны. Поэтому и не должно быть открытого преследования.

Шварц это знал, но откуда он мог это знать? Была ли странная деятельность его разума частью того, что входит в понятие «амнезия»?

Он дошел до следующего перекрестка. Колесные машины встречались довольно редко. Пешеходы были как пешеходы, но одежда их удивляла: бесшовная, беспуговичная, многоцветная. Такой же была и его собственная. Шварц недоумевал, куда делась его одежда, та, которую он помнил. Трудно быть уверенным в чем-то, если сомневаешься в своей памяти. Но Шварц так ясно помнил свою жену, детей. Они не могли быть фикцией, только, возможно, являлись искаженными версиями реальных лю-

дей в этой, кажущейся такой нереальной, но, видимо, реальной жизни.

Люди пронеслись мимо Шварца, и некоторые бормотали что-то недружелюбное. Иосиф пошел дальше и внезапно поймал себя на мысли о том, что голоден или скоро проголодается, а денег нет.

Шварц огляделся: ничего, что напоминало бы ресторан, а надписи прочесть невозможно.

Он всматривался в каждый встречный магазин. Увидел такой, внутри которого стояли маленькие, отделенные друг от друга столики, каждый на два человека. За одним из них сидели двое, за другим — один. Люди ели. По крайней мере, хоть это не изменилось. Люди жевали и глотали. Шварц сделал шаг, но тут же остановился и задумался. Не было ни стойки, ни приспособлений для готовки, ни признаков кухни. Он собирался предложить свои услуги для мытья посуды, но кому можно их предложить?

Решившись, Шварц подошел к двум обедавшим, указал на еду и жалобно проговорил:

— Еда. Где? Пожалуйста.

Мужчины удивленно посмотрели на него. Один заговорил быстро и непонятно, похлопывая по небольшому сооружению у того конца столика, который примыкал к стене. Второй тоже что-то сказал.

Шварц опустил глаза и повернулся, намереваясь уйти, но тут на его рукав легла чья-то рука.

Гранц увидел Шварца, когда тот еще только нерешительно заглядывал через стекло, и спросил:

— Что он хочет?

Месстер, сидевший спиной к улице, оглянулся, пожал плечами и ничего не ответил.

— Он входит, — не унимался Гранц.

— Ну и что?

Через несколько мгновений вошедший, показывая на вареную говядину, спросил со странным акцентом:

— Еда. Где? Пожалуйста.

Гранц поднял голову.

— Еда здесь, приятель, придвинь к себе стул за любым столом, какой тебе по вкусу, и используй автомат. Неужели ты не знаешь, что это такое? Месстер, ты только посмотри на этого несчастного. Он смотрит на меня так, будто не понимает ни слова из того, что я сказал. Эй, парень, вот, смотри: опусти сюда монетку, и будет еда, понял?

— Оставь его,— проворчал Месстер.— Обычный попрошайка, подачки ждет.

— Эй, подожди-ка! — Гранц схватил Шварца за рукав, когда Шварц собирался уйти, и, несмотря на протесты Месстера, сказал: — Космос, да пусть парень поест. Возможно, он скоро достигнет Шестидесяти. Может, это последнее, чем я могу помочь. Эй, парень, у тебя деньги есть? Да будь я проклят, если он хоть что-нибудь понимает. Деньги, приятель! Это...— Он вытащил сверкающую монету в полкредитки и подбросил в воздух.— Есть у тебя такая?

Шварц покачал головой.

— Ну, тогда держи эту от меня! — Гранц убрал полкредитки на место и достал другую монету, значительно мельче.

Шварц неуверенно взял ее.

— Отлично. Только не стой здесь, а сунь ее в автопит, вон в ту штуковину.

Внезапно Шварц обнаружил, что понимает говорящего.

Автопит имел ряд отверстий для монет разных размеров и ряд кнопок, расположенных напротив маленьких молочного цвета многоугольников с названиями, которые Шварц не мог прочесть. Он указал на еду на столе и пробежал пальцем вверх и вниз по рядам кнопок, вопросительно поднимая брови.

Месстер раздраженно заметил:

— Сандвич для него нехорош. Попрошайки в наши дни просто обнаглели. И нечего с ним церемониться, Гранц.

— Ладно, так и так завтра выплата. Сюда,— подозвал Гранц Шварца.

Он поместил собственные монеты в автопит и из отверстия в стене извлек большой металлический поднос.

— Забирай его на другой стол. На-ка, держи еще десятку. Купишь себе чашку кофе.

Шварц осторожно понес еду к следующему столу, затем нажал на выступ, который имелся сбоку у чашки, стоявшей на подносе, и крышка отъехала в сторону.

Еда не походила на то, что ели остальные, была холодная. Но через минуту-другую еда вдруг стала теплеть, а сама чаша нагрелась до такой степени, что к ней нельзя было притронуться. Встревоженный Шварц перестал есть.

Поднялась струйка пара. Потом еда снова охладилась, и Шварц закончил обед.

Гранц и Месстер еще обедали, когда он уходил. Был там и третий человек, на которого, впрочем, Шварц не обратил внимания.

Точно так же Шварц не заметил, что худой маленький человечек появился неподалеку, когда он вышел из Института, и куда бы Шварц ни пошел, этот человек все время оказывался поблизости.

Бел Арвардан, помывшись и переодевшись, решительно последовал своему первоначальному намерению обозревать людей и животных земного образца в их естественной среде обитания. Погода была прохладная, легкий ветерок освежал, сама деревня... ах, простите, город... оказался светлым, спокойным и чистым.

Не так плохо.

Чика — первая остановка. Самая большая коллекция землян на планете. Потом идет Вашинг, местная столица, Сенду, Сенфран, Бонэр. Он осмотрит весь западный континент, где проживает большая часть скудного земного населения и, потратив на это дня два-три, вернется в Чика, как раз в то время, когда должен прибыть экспедиционный корабль. Очень познавательная поездка.

Когда день стал клониться к вечеру, Бел вошел в автопит. За едой он стал свидетелем маленькой драмы, разыгравшейся между двумя землянами, вошедшими после него, и пухлым пожилым человеком, который пришел последним. Наблюдение было отрывочным и рассеянным, Бел отметил его просто как противоположность неприятному инциденту, происшедшему в реактивном самолете. Двое за столом были скорее всего водителями воздушных кэбов и небогатыми людьми, однако проявили великодушие.

Попрошайка ушел, две минуты спустя вышел и Арвардан.

Улицы стали более многолюдными, так как рабочий день близился к концу.

Бел чуть не столкнулся с девушкой и поспешно отскочил в сторону.

— Извините, — произнес он.

Девушка была в белой одежде, похожей на форменную. Виновница возможного столкновения, она беспокойно озиралась по сторонам, хотя и старалась делать это как можно незаметнее. Ситуация была ясной.

Арвардан слегка коснулся ее плеча.

— Не могу ли чем-нибудь вам помочь, мисс? У вас неприятности?

Девушка остановилась и, обернувшись, посмотрела на Арвардана. Бел определил ее возраст между девятнадцатью и двадцатью одним годами, внимательно изучил ее каштановые волосы и темные глаза, высокие скулы и тонкий подбородок, изящную талию и грациозную осанку. Внезапно он подумал, что принадлежность ее к землянам сообщает ей некую долю пикантности.

Девушка нерешительно ответила:

— О, ничего страшного. Не беспокойтесь обо мне, прошу вас. Смешно надеяться найти кого-то, когда не имеешь никакого понятия о том, куда он пошел.

Тут она совсем потеряла присутствие духа, на глазах появились слезы. Девушка выпрямилась и глубоко вздохнула.

— Вы не видели полного человека лет пятидесяти четырех, одетого в зеленое и белое, без шляпы, лысоватого? Арвардан с удивлением взглянул на нее.

— Что? Зеленое и белое? О, мне просто не верится. Послушайте, человек, которого вы ищете, говорит с трудом?

— Да. Так вы его видели?

— Меньше чем пять минут назад он был здесь и ел вон с теми двумя. Вот они. Послушайте! — помахал он двоим мужчинам.

Гранц первым подошел к нему.

— Кэб, сэръ?

— Нет, но если вы скажете молодой леди, что случилось с человеком, с которым вы ели, то все равно получите плату.

Гранц произнес с печальным видом.

— Что ж, я с радостью помог бы вам, но я видел его впервые.

Арвардан повернулся к девушке.

— Послушайте, мисс, он не мог пойти в том направлении, откуда вы пришли, иначе вы бы его встретили. И он не мог уйти далеко. Что, если нам пройти немного к северу? Я узнаю его, если увижу.

Он предложил свою помощь, повинувшись импульсу, хотя по натуре вовсе не был импульсивным. Бел заметил, что улыбается.

— А что он сделал, леди? — поинтересовался Гранц. — Он нарушил какой-нибудь обычай?

— Нет, — поспешно ответила девушка. — Просто он немного болен, вот и все.

Когда молодые люди удалились, Месстер посмотрел им вслед.

— Немного болен? — Он сдвинул на затылок форменную шапку и поскреб подбородок. — Как тебе это нравится, Гранц? Немного болен! — Он выжидающе посмотрел на своего спутника.

— Да в тебя-то что вселилось? — тревожно отозвался Гранц.

— Нечто, что делает меня немного больным. Этот парень, должно быть, прямо из больницы. Его ищет медсестра, и медсестра довольно взволнованная, я бы сказал. Зачем ей так беспокоиться, если он немного болен? Он почти не мог говорить и плохо понимал. Ты ведь это заметил, не так ли?

В глазах Гранца вдруг появился панический страх.

— Ты не думаешь, что это лихорадка?

— Именно — лихорадка, радиационная лихорадка, а он был примерно в футе от нас, вот что. Это никогда не приносит ничего хорошего.

Рядом с ним оказался маленький человечек, худенький, с яркими внимательными глазами и щебечущим голосом, возникший как будто ниоткуда.

— В чем дело, джентльмены? У кого это радиационная лихорадка?

Его оглядели с явным неудовольствием.

— А вы кто такой?

— Хо,— сказал юркий человечек,— хотите знать? Случилось так, что я — посланник Братства, если уж быть точным.— Он блеснул маленьким сверкающим значком, приколотым к лацкану пиджака с внутренней стороны.— А теперь, именем Общества Древних, прошу ответить мне, что означают эти разговоры о радиационной лихорадке.

Угрюмо, полным страха голосом Месстер произнес:

— Не знаю. Тут была медсестра. Она искала какого-то больного, я и подумал, не радиационная ли это лихорадка. Это ведь не против Обычаев?

— Хо! Это вы мне говорите насчет Обычаев, да? Занимайтесь своим делом, а уж об Обычаях предоставьте заботиться мне.

Человечек потер руки, бросил быстрый взгляд на собеседника и поспешил к северу.

— Вот он!

Пола лихорадочно вцепилась в локоть своего спутника. Все произошло быстро, легко и случайно. Только что не

было ничего, кроме отчаяния, и вдруг он материализовался у входа в магазин самообслуживания, менее чем в трех кварталах от автопита.

— Я его вижу,— прошептал Арвардан.— Лучше отойдите в сторону и позвольте мне подойти к нему. Если он увидит вас и нырнет в толпу, вам его никогда не найти.

Они осторожно начали погоню. Внутри магазина человеческий поток тек то быстро, то медленно, сдерживаемый барьерами, которые неожиданно возникали.

Арвардан ловко огибал прилавки, ведя Шварца как рыбу на крючке, наконец настиг и крепко взял за плечо.

Шварц на мгновение застыл с непонимающим выражением лица, потом рванулся вперед. Однако рука Арвардана могла бы удержать и более сильного человека, чем Шварц. Не желая привлекать внимания толпы, Арвардан произнес, дружески улыбаясь:

— Хелло, приятель, давненько я тебя не видал. Как поживаешь?

Обман слишком явен, подумал он, глядя на недоумевающие лица вокруг. Но тут подоспела Пола.

— Шварц,— прошептала она,— пойдете с нами.

На мгновение на лице Шварца выразился протест, но потом он сдался и с трудом проговорил:

— Я... идти вместе... вы...

Слова его утонули в громких звуках внезапно заработавшего репродуктора:

— Внимание!

Это был требовательный призыв, который все хозяева магазинов, расположенных на Пятидесятой улице, восприняли совершенно однозначно.

Все были обязаны предъявить свои регистрационные карточки охранникам возле двери, причем как можно быстрее.

— Внимание!

Воззвание повторили три раза, в последний раз под звук ритмичного шарканья ног, поскольку толпа начала выстраиваться в очередь у входа. Повсюду слышались голоса:

— Что случилось? Что происходит?

Арвардан пожал плечами и предложил:

— Давайте встанем в очередь, мисс. Нам все равно нужно уходить.

Пола покачала головой.

— Мы не можем.

— Почему? — нахмурился археолог.

Девушка только отвернулась. Как могла она признаться, что у Шварца нет регистрационной карточки? Кто этот человек? Почему он ей помогает? Рой отчаянных подозрений закружился в ее голове, и она поспешно сказала:

— Вам лучше уйти, иначе вы попадете в беду.

Им пришлось сесть в лифт, так как верхние этажи освобождались. Арвардан, Пола и Шварц походили на маленький островок солидарности среди людской реки.

Позже, вспоминая возникшую ситуацию, Арвардан подумал, что в тот момент он мог оставить девушку. Оставить, никогда не увидеть ее снова, и ему не за что было бы себя упрекнуть. И все сложилось бы по-другому. Огромная Галактическая Империя шагнула бы навстречу хаосу и разрушению.

Арвардан не оставил девушку. Ее едва ли можно было назвать хорошенькой сейчас, в страхе и отчаянии, но Бел был тронут ее несчастьем. Он уже сделал шаг в сторону, но тут же обернулся к незнакомке.

— Вы намерены здесь остаться?

Девушка кивнула.

— Но почему? — спросил Бел настойчиво.

— Потому что... — У нее хлынули слезы. — Я просто не знаю, что еще делать.

Она была просто маленькой испуганной девочкой, хоть и землянкой.

— Если вы объясните мне, — тихо проговорил Арвардан, — я попытаюсь помочь вам.

Ответа не последовало. Шварц присел на корточки. Он чувствовал такую слабость, что даже не пытался принять участие в разговоре, или просто полюбопытствовать, почему магазин внезапно опустел, или вообще хоть что-нибудь предпринять. Он только опустил голову на руки, как в последнем приливе отчаяния. Пола, рыдая, сознавала только, что она никогда еще не была так испугана, как сейчас. Озадаченный Арвардан, неуклюже и безрезультатно пытался успокоить Пола, глядя ее по плечу и думая лишь о том, что он впервые прикасается к землянке.

И тут к ним подошел юркий человечек.

Глава девятая

КОНФЛИКТ В ЧИКЕ

Лейтенант Мак Клауди из чикского гарнизона медленно зевнул и уныло уставился в никуда. Заканчивался второй год службы на Земле, и он с нетерпением ждал, когда его наконец заменят.

Нигде в Галактике проблема содержания гарнизона не стояла так остро, как в этом ужасном мире. На других планетах существовали определенные товарищеские взаимоотношения между солдатом и гражданином, особенно гражданином женского пола. Чувствовались свобода и откровенность.

Но здесь гарнизон был тюрьмой, стояли противорадиационные бараки с фильтрами, очищающими воздух от радиоактивной пыли, приходилось носить пропитанную свинцом холодную и тяжелую одежду, которую нельзя снять, не подвергаясь при этом риску. А венцом всего было то, что общение с населением (а отчаяние одиночества вполне могло бы привести солдата к общению с земной девушкой) абсолютно исключалось. Что же оставалось, кроме сна, безделья и медленного отупения?

Лейтенант Клауди покачал головой, напрасно пытаясь прояснить ее, снова зевнул и принялся чистить туфли. Посмотрев на часы, он решил, что время ужина еще не пришло.

Вдруг лейтенант вскочил на ноги в одной туфле и, забыв о включенных волосах, отдал честь.

Полковник недовольно оглядел его, но ничего не сказал по этому поводу, а начал официальным тоном:

— Лейтенант, имеются рапорты о буйствах в деловом квартале. Отправьтесь со своими людьми к универмагу Дунхама и возьмите магазин под стражу. Проследите, чтобы все ваши люди как следует защитили себя от возможной инфекции радиационной лихорадки.

— Радиационной лихорадки! — воскликнул лейтенант. — Извините, сэр, но...

— Через пятнадцать минут вы должны быть готовы, — ледяным тоном произнес полковник.

Арвардан застыл, увидев юркого человечка, а тот приветливо махнул рукой.

— Привет, дружок, привет, высокий парень. Скажи маленький леди, что ей вовсе нечего лить слезы.

Пола покачнулась, затаив дыхание, и машинально прильнула к Арвардану, под защиту его высокой крепкой фигуры.

Так же машинально Бел бережно обнял девушку за плечи, и ему уже не пришлось в голову, что он во второй раз прикасается к землянке.

— Что вы хотите? — резко бросил Арвардан.

Человек с острым взглядом решительно вышел из-за усеянного пакетами прилавка. Его развязность и самоуверенность настораживали.

— У входа стоит охрана, но вас она не будет беспокоить, мисс. Я отвезу вашего человека в Институт вместо вас.

— В какой Институт? — испуганно спросила Пола.

— А, да перестаньте вы, — сказал человечек. — Я — Наттер, парень, который стоит у фруктового ларька как раз напротив Института атомных исследований. Я видел вас много раз.

— Послушайте, — вмешался Арвардан, — в чем, собственно, дело?

Маленькое личико Наттера лукаво сморщилось.

— Они думают, что у этого парня радиационная лихорадка.

— Радиационная лихорадка? — в один голос воскликнули Пола и Арвардан.

Наттер кивнул.

— Верно. С ним вместе ели два кэбмена, они это предположили. Такие вещи быстро распространяются, знаете ли.

— Так эти охранники снаружи просто ищут кого-то с лихорадкой? — спросила Пола.

— Верно.

— А почему вы не боитесь лихорадки? — быстро спросил Арвардан. — Насколько я понимаю, именно страх заражения заставил людей так быстро покинуть магазин.

— Конечно. Представители ждут на улице, они тоже боятся войти, ждут, пока внешние не приведут сюда войска...

— А вы лихорадки не боитесь?

— Чего мне бояться? У этого парня никакой лихорадки нет. Посмотрите на него: где болячки на губах? И жара у него нет, глаза нормальные. Я знаю, как выглядит эта самая лихорадка. Идемте, мисс, отсюда.

Но Пола опять испугалась.

— Нет, мы не можем. Он...— Девушка не смогла продолжить.

Наттер настойчиво сказал:

— Я могу вывести его. Никаких вопросов не зададут. Регистрационные карты спрашивать не будут.

Пола не удержалась и вскрикнула, а Арвардан с нескрываемым отвращением спросил:

— А что вас делает таким важным?

Наттер хрипло рассмеялся и отогнул лацкан.

— Посланник Общества Древних. Мне никто не задает вопросов.

— А вам-то что до всего этого?

— Деньги! Вы в затруднении, я могу вам помочь. Не очень дорого, скажем, за сотню кредиток. Пятьдесят сейчас, пятьдесят после.

— Вы отведете его к Древним? — в ужасе прошептала Пола.

— Зачем? Он им не нужен, а мне он стоит сотню кредиток. Если вы хотите дождаться внешних, то они с удовольствием убьют парня раньше, чем обнаружат, что никакой лихорадки у него нет.

— Возьмите с собой молодую леди,— предложил Арвардан.

Маленькие глазки Наттера были острыми и лукавыми.

— О, нет. Это — нет, дружище. Я иду на то, что вы называете вычисленным риском. С одним я могу пойти на риск, с двумя — нет. А уж если я беру одного, то того, кто дороже. Ну, теперь вам понятно?

— А что,— не выдержал Арвардан,— если я схвачу вас за шиворот и переломаю вам ноги? Что тогда будет?

Наттер съежился, но тут же овладел собой и издал легкий смешок.

— Вам же хуже. Вас все равно схватят, и будет еще одно убийство. Так что, приятель, держите свои руки при себе.

Пола потянула Арвардана за руку.

— Прошу вас. Мы должны воспользоваться случаем. Пусть он сделает, как сказал. Ведь вы будете честным с нами, не так ли, мистер Наттер?

Губы Наттера изогнулись.

— Ваш большой друг чуть не сломал мне руку. Ни к чему было это делать, я не люблю, когда меня хватают, и возьму за это еще сто кредиток. Всего двести.

— Мой отец вам заплатит.

— Сотню вперед,— упрямо повторил тот.

— Но у меня нет с собой ста кредиток,— жалобно произнесла Пола.

— Все в порядке, мисс,— каменным голосом сказал Арвардан.— Я позабочусь об этом.— Он открыл бумажник, вытащил несколько банкнот и швырнул Наттеру.— Убийайтесь!

— Идите с ним, Шварц,— прошептала Пола.

Ничего не сказав и не раздумывая, Шварц повиновался. В этот момент он столь же безропотно отправился бы даже в ад.

Пола и Бел остались одни и стали молча глядеть друг на друга. Пожалуй, Пола впервые по-настоящему рассмотрела Арвардана. Девушку удивили его высокий рост, привлекательность, спокойствие и уверенность в себе. До сих пор она воспринимала его как некоего безликого помощника с немотивированными поступками, но теперь... Внезапно девушка почувствовала робость, все события последних часов смешались перед ней в один клубок, и сердце учащенно забилося. Они даже не знали имен друг друга.

— Я — Пола Шект,— представилась она с улыбкой.

Арвардан впервые увидел ее улыбку и поймал себя на том, что это захватило его, сияние ее лица... Бел заставил себя думать о другом. Земная девушка! И поэтому сказал с меньшей сердечностью, чем намеревался:

— Мое имя — Бел Арвардан.

Он протянул бронзовую руку, и на мгновение ее маленькая ладонь утонула в его ладони.

— Я должна поблагодарить вас за помощь,— произнесла девушка.

Арвардан только отмахнулся.

— Можем ли мы уйти? Я хочу сказать, что теперь, когда ваш друг ушел и находится, как я полагаю, в безопасности...

— Думаю, мы слышали бы страшный шум, если бы его схватили. А вы как считаете?

Глаза Пола умоляюще смотрели на Бела, ища подтверждения ее словам, но он не поддавался искушению проявить мягкость.

— Мы уходим?

Лицо Пола стало более строгим.

— Да, конечно,— холодно ответила она.

Тут до них донесся резкий воющий звук, и глаза девушки округлились, а рука снова рванулась к руке спутника.

— Что это? — спросил Арвардан.

— Имперцы.

— Вы и их тоже боитесь?

В Беле заговорило превосходство неземянина. Предубеждение ли то было или логически оправданное рассуждение, но для него приближение имперских солдат могло означать проявление здравого смысла и человечности. Чувство это оставляло место и для снисхождения, и Бел подобрел.

— Не беспокойтесь насчет внешних, — он даже использовал их термин, для обозначения неземян. — Я с ними справлюсь, мисс Шект.

Пола вдруг встревожилась.

— О, не пытайтесь делать ничего подобного. Не разговаривайте с ними, выполняйте все, что они скажут, и лучше на них не смотрите.

Улыбка Арвардана стала шире.

Охранники увидели имперцев, когда те подходили к главному входу, и отступили.

Группы солдат со стеклянными шарами на головах стали прыгивать с платформ бронированных машин. Толпа в панике расступилась перед ними, и ее энтузиазм еще более усиливался от свиста невротических хлыстов.

Находившийся впереди лейтенант Клауди подошел к охраннику-земянину у главного входа и спросил:

— Эй, ты, где тут лихорадка?

Голос его был слегка искажен защитным стеклом и казался металлическим.

Охранник наклонил голову в знак глубокого уважения.

— Если угодно вашей чести, мы изолировали больного внутри магазина. Те двое, что были с больным, теперь стоят в дверях перед вами.

— Вот эти? Хорошо! Пусть там и стоят. А теперь в первую очередь мне нужно, чтобы отсюда убралась толпа. Сержант! Очистить площадь!

Солдаты принялись за дело. Сумерки сгущались над Чикой, и толпа растворялась в темноте. На улицах замерцал мягкий искусственный свет.

Лейтенант Клауди тронул тяжелый ботинок кончиком невротического хлыста.

— Вы уверены, что больной земянин внутри?

— Он не выходил, ваша честь. Он должен быть там.

— Ладно, допустим, что он там и не будем терять времени. Сержант, обеззаразить здание!

Часть солдат, герметически изолированных от возможных контактов с Чикой, устремилась к зданию. Прошло четверть часа. Арвардан наблюдал за происходящим как бы со стороны, словно присутствовал при эксперименте, интересовавшем его с профессиональной точки зрения.

Последний солдат выбежал на улицу, и опустевший магазин погрузился во тьму.

— Запечатать двери!

Еще пять минут — и баки с дезинфекторами, помещенные в различных точках каждого этажа, пришли в действие. Струи вырвавшейся из них жидкости обрушились на стены, не оставляя сухого места, и наполнили воздух почти невыносимым зловонием. В такой атмосфере протоплазма выжить просто не могла.

Лейтенант направился к Арвардану и Поле.

— Как его имя?

В голосе Клауди не было жестокости, только крайнее безразличие. Был убит землянин, что ж, в этот день он убил еще и муху. Итого — двое.

Лейтенант не получил ответа. Пола робко склонила голову, а Арвардан продолжал с любопытством наблюдать. Имперский офицер, не сводя с них взгляда, коротко бросил:

— Проверьте их на предмет инфекции.

Офицер со знаками различия имперских медицинских войск подошел к ним. Его обследование отнюдь не отличалось деликатностью. Затянутая в перчатку рука ощупала их подмышки и растянула углы ртов, исследуя внутреннюю поверхность щек.

— Инфекции нет, лейтенант. Если бы они заразились днем, уже бы появились отчетливые признаки.

— Гм...

Лейтенант Клауди снял свой шар и с удовольствием глотнул «живой», пусть даже земной воздух. Прикоснувшись к стеклянному предмету у сгиба локтя, он хрипло спросил:

— Как твое имя, земная баба?

Сам по себе термин был достаточно оскорбителен, а тон добавлял еще несколько унижительных штрихов, но Пола не выразила признаков недовольства.

— Пола Шект, сэр,— шепотом ответила она.

— Твои бумаги!

Пола опустила руку в карман и вытащила розовый бумажник.

Офицер взял его и при свете карманного фонарика внимательно изучил содержимое, затем швырнул назад. Бумажник, не долетев, упал на пол, и Пола быстро наклонилась, чтобы поднять его.

— Стоять,— нетерпеливо приказал лейтенант и отшвырнул бумажник ногой. Побелевшая Пола отдернула пальцы.

Арвардан нахмурился и решил, что настало время вмешаться.

— Ну-ка, послушайте,— сказал он.

Лейтенант мгновенно повернулся к нему, поджав губы.

— Ты что-то сказал, землянин?

Пола тут же очутилась между ними.

— Прошу вас, сэр, этот человек не имеет никакого отношения к тому, что случилось сегодня. Я его никогда прежде не видела.

Лейтенант оттолкнул ее.

— Я спросил: ты что-то сказал, землянин?

Арвардан окинул его долгим холодным взглядом.

— Я сказал: ну-ка, послушайте. И собирался сказать, что мне не нравится, как вы обращаетесь с женщинами, и что я хочу улучшить ваши манеры.

Арвардан был настолько рассержен, что даже не подумал внести ясность в свое происхождение.

Лейтенант Клауди улыбнулся, но его улыбка отнюдь не являлась признаком хорошего настроения.

— Ты где воспитывался, землянин? Ты разве не знаешь, что, обращаясь к человеку, следует добавлять слово «сэр»? Ты не знаешь, где твое место? Что ж, прошло уже достаточно времени с тех пор, как мне представлялась возможность проучить здорового землянина. Ну-ка...

Его раскрытая ладонь, как вспышка молнии, метнулась к лицу Арвардана. Раз. Два. Арвардан в изумлении отступил, затем ощутил в ушах настоящий рев. Его рука рванулась и перехватила руку противника. Лицо лейтенанта перекосилось в крайнем изумлении. Мускулы плеч Арвардана легко сработали, и лейтенант с грохотом растянулся. Его стеклянный шар покатился и разлетелся на множество осколков. Лейтенант все еще лежал, когда Арвардан с ужасающей улыбкой проговорил:

— Ну что, еще какой-нибудь подонок собирается поиграть с моим лицом?

Сержант поднял невротический хлыст. Контакт замкнулся, и тускло-фиолетовая вспышка опоясала археолога. Каждый мускул тела Арвардана окаменел от непереносимой

боли, он медленно опустился на колени. Потом все его тело оказалось парализованным, и он потерял сознание.

Когда Арвардан выплыл из окутавшей его дымки, первым, что он ощутил, было холодное прикосновение ко лбу. Он попробовал открыть глаза, но обнаружил, что веки его поворачиваются с огромным трудом, как заржавленные, и отказался от безуспешной попытки. Серией медленных коротких движений, каждое из которых отдавалось резкой болью во всем теле, Бел поднес к лицу ладонь.

Маленькая рука поддерживала у его лба сырое полотно.

Борясь с надвигающимся туманом, он с трудом открыл один глаз.

— Пола!

Послышался легкий радостный вскрик.

— Да. Как вы себя чувствуете?

— Так, будто я был мертвым, — хрипло ответил Бел, — но при этом не терял способности чувствовать боль. Что случилось?

— Нас привезли на военную базу. Здесь был полковник. Вас обыскали. Не знаю, что они собираются делать, но... О, мистер Арвардан, вам не нужно было бить лейтенанта. Я думаю, вы сломали ему руку.

Болезненная улыбка исказила лицо Арвардана.

— Хорошо! Жаль только, что не шею.

— Но нападение на имперского офицера — самая большая провинность. — Голос Пола перешел в полный ужаса шепот.

— Действительно? Ладно, посмотрим.

— Ш-ш-ш! Они опять идут.

Арвардан закрыл глаза и расслабился. Крик Пола отошел в его ушах слабым и отдаленным шумом, и когда он почувствовал укол гиподермического шприца, то не смог заставить свои мускулы шевельнуться.

Потом его сосуды и нервы погрузились в благоговейную волну спокойствия. Никакой боли. Судороги прекратились, спину оставило напряжение, и Бел смог сесть. Он быстро открыл веки и выпрямился окончательно.

Полковник задумчиво изучал Арвардана. Пола тоже смотрела на него изучающе и радостно.

— Итак, доктор Арвардан, — сказал полковник, — с вами произошло сегодня вечером в городе неприятное недоразумение.

Доктор Арвардан... Пола поняла, как мало о нем знала, не знала даже, чем он занимается. Она никогда не ощущала ничего подобного.

Арвардан коротко рассмеялся.

— Неприятное, говорите. Что ж, думаю, это весьма понятно.

— Вы сломали руку имперскому офицеру при исполнении им служебных обязанностей.

— Офицер первый меня ударил. В его обязанности не может входить нанесение оскорблений, как моральных, так и физических. Он посягнул на честь офицера и джентльмена. Как свободный гражданин Империи, я имею право подвергнуть подобного, с позволения сказать, кавалера соответствующему лечению.

Полковник хмыкнул и, казалось, не нашелся, что ответить. Пола смотрела на них обоих огромными непонимающими глазами.

Наконец полковник мягко произнес:

— Мне нечего объяснять, что я сам считаю все случившееся досадным недоразумением. Нанесение телесных повреждений явно имело место с обеих сторон. Лучше всего забыть о том, что произошло.

— Забыть? Ну, нет! Я был гостем во дворце Прокуратора, и его может заинтересовать, как гарнизон на Земле подчиняется приказам.

— Но, доктор Арвардан, если я уверю вас в том, что вы получите публичные извинения...

— К черту это. Что вы намерены делать с мисс Шект?

— Что предложили бы вы?

— Немедленно освободить ее, вернуть ей бумаги и извиниться перед ней прямо сейчас.

Полковник покраснел и с усилием выдавил из себя:

— Конечно.— Он повернулся к Поле: — Если молодая леди согласна принять мои самые глубокие сожаления...

Темные стены гарнизона остались позади. После десяти молчаливых минут в такси они теперь стояли в пустынной темноте Института. Было за полночь.

— Я не совсем понимаю, кто вы, но, наверное, очень важная персона. С моей стороны глупо не знать вашего имени. Я даже не представляла себе, что внешние могут так обращаться с землянами.

Арвардан почувствовал странное облегчение при мысли о том, что наступает конец недомолвкам.

— Я не землянин, Пола. Я археолог из Сектора Си-риус.

Девушка быстро повернулась к нему, лицо ее казалось белым при свете луны. Она не сразу заговорила.

— Значит, вы ударили солдата, потому что чувствовали себя в безопасности. А я думала... Мне следовало знать.— Все ее существо излучало горечь.— Прошу у вас, сэр, прощения за свое невежество. Я допустила с вами совершенно невозможную фамильярность.

— Пола,— крикнул Бел сердито,— в чем дело? Ну и что из того, что я не землянин? Разве это делает наши отношения иными, нежели пять минут назад?

— Вы должны были сказать мне, сэр.

— Прошу вас не называйте меня «сэр». Не будьте подобной остальным, хорошо?

— Кому остальным, сэр? Остальным отвратительным животным, живущим на Земле? Я должна вам сто кредиток.

— Забудьте об этом,— с отвращением сказал Арвардан.

— Не могу следовать вашему приказу. Если вы дадите мне ваш адрес, я пришлю вам деньги завтра же.

Арвардан внезапно сделался грубым.

— Вы должны мне гораздо больше, нежели сто кредиток.

Пола прикусила губу и тихо произнесла:

— Я могу оплатить лишь часть своего огромного долга. Ваш адрес?

— Штат-хауз,— бросил он ей через плечо и исчез в ночи.

Пола неожиданно для себя заплакала.

Шект встретил Полу у дверей своего кабинета.

— Шварц вернулся,— сообщил он.— Его привел какой-то человек.

— Хорошо,— с трудом выговорила Пола.

— Он попросил двести кредиток. Я дал.

— Он должен был попросить сто, но это неважно.

Она пронеслась мимо отца, и тот жалобно сказал:

— Я ужасно беспокоился. Вся эта возня по соседству... Я не осмеливался спросить, боясь повредить тебе.

— Все в порядке, ничего не случилось. Позволь мне переночевать сегодня здесь, отец.

Но как Пола ни устала, все-таки не могла уснуть, ибо случилось нечто важное: она встретила мужчину, а он оказался внешним.

Правда, у нее был его адрес.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ

Они являли собой полный контраст, эти два землянина— один, обладающий огромной властью на Земле, другой— столь же огромным сознанием реальности.

Поскольку Высший Министр был самым важным человеком на Земле, признанным правителем планеты, он напрямую подчинялся декретам Императора Галактики, не считая, конечно, того, что являлся подданным имперского Прокуратора. Секретарь же Высшего Министра не казался чем-то особенным, просто рядовой член Общества Древних, теоретически побуждаемый Высшим Министром к решению некоторых неспецифических проблем и теоретически же являющийся выразителем его воли.

Высший Министр был известен всей Земле и рассматривался как высшая инстанция по делам Обычаев. Именно он оглашал исключения из Шестидесяти и судил нарушителей ритуалов, вторженцев на запретные территории и тому подобное. Секретарь же не был известен никому даже по имени, кроме как Обществу Древних и самому Верховному Министру.

Верховный Министр хорошо владел языком и часто произносил речи перед народом, речи высокого эмоционального накала, обильно сдобренные сентиментальными вставками. У него были длинные белокурые волосы и нежное патрицианское лицо. Секретарь же, курносый, с неправильными чертами лица, предпочитал короткое слово длинному и молчание вздохам, по крайней мере, на людях.

Конечно, полнотой власти обладал Верховный Министр, секретарь обладал сознанием реальности. И в обособленности кабинета Верховного Министра эти обстоятельства были достаточно очевидны, ибо Верховный Министр был слегка озадачен, а секретарь безразличен.

— Я не вижу,— говорил Верховный Министр,— связи между событиями, о которых вы мне отчитались. Отчеты, отчеты! — Он поднял руку и сердито ударил по солидной стопке бумаг.— У меня нет для них времени.

— Конечно,— холодно отозвался секретарь.— Именно поэтому вы меня и наняли. Я читаю их, перевариваю и передаю.

— Тогда, милый Балкис, насчет ваших дел. И быстро, ибо дела эти незначительны.

— Незначительны? Ваше превосходительство в один прекрасный день понесет большие потери, если будет продолжать считать их незначительными. Во-первых, у нас есть оригинальный отчет уже семидневной давности от служащего Шекта, и именно он навел меня на след.

— На какой след?

В улыбке Балкиса сквозила горечь.

— Могу ли я напомнить Вашему превосходительству о некоторых важных проектах, которые зародились здесь, на Земле, несколько лет назад?

— Ш-ш-ш! — Верховный Министр, внезапно потеряв достоинство, испуганно оглянулся по сторонам.

— Ваше превосходительство, нам нужна не нервозность, а доверительность. Вам известно, что успех этого проекта зависит от эффективного использования маленькой игрушки Шекта, Синапсифера. До сих пор, по крайней мере, насколько мы знаем, он использовался только под нашим руководством и для твердых целей. А теперь Шект без предупреждения испробовал Синапсифер на неизвестном человеке, полностью выйдя из повиновения нашим приказам.

— Все довольно просто,— сказал Верховный Министр,— призвать Шекта к порядку, наказать его, и делу конец.

— Нет. Вы слишком прямолинейны, Ваше превосходительство. Вы упустили суть. Главное не в том, что сделал Шект, а в том, почему он это сделал. Отметьте, что есть некое совпадение, целая серия самых значительных совпадений. Прокуратор Земли посещает Шекта в тот самый день, и Шект преданно сообщает нам об этом, а также о том, что между ними произошло. Энниус желает получить Синапсифер для Империи. Он сделал предложение, пообещав помощь и понимание со стороны самого Императора.

— Гм...— Верховный Министр задумался.

— Вы заинтригованы? Подобный компромисс кажется привлекательным в сравнении с опасностями, заложенными в настоящем курсе? Вы помните, как нам обещали предоставить пищу, во время голода пять лет назад? Владельцы кораблей отказались везти ее, потому что у нас не было имперских кредиток, вещи, изготовленные на Земле, не принимались, поскольку считается, что они радиоактивны. Получили ли мы продукты в дар, как было обещано? Хотя бы один груз? Сотни тысяч землян умерли от голода. У нас достаточно причин не верить обещаниям внешних. Но не это важно. Важно то, почему Шект проявил такую

нелояльность. Мы, конечно, никогда больше не сможем ему доверять. Мы не могли подозревать его в предательстве вплоть до сегодняшнего дня, и все же это произошло.

— Вы имеете в виду незапланированный эксперимент, Балкис?

— Именно так, Ваше превосходительство. Кем был подопытный? У нас есть фотографии этого субъекта и еще кое-какие данные, переданные нам техником Шекта. В Планетной Регистратуре не обнаружено никаких сведений о нем. Таким образом, напрашивается вывод, что он не землянин, а внешний. Более того, Шект должен знать об этом, поскольку регистрационная карта не может быть забыта или изменена, если сделана обычным образом. Итак, серия неоспоримых фактов приводит нас к заключению, что Шект намеренно проверил Синапсифер на внешнем. Зачем? Ответ на этот вопрос может быть обескураживающе простым. Шект не является идеальным инструментом для наших целей. В юности он был ассимилятором. Он даже как-то выбирался в Совет Вашина на платформе соглашения с Империей. Между прочим, он был побежден.

— Я этого не знал,— сказал Верховный Министр.

— Того, что он был побежден?

— Нет, что он выбирался. Почему меня об этом не проинформировали? Шект — очень опасный человек, учитывая положение, которое он сейчас занимает.

Балкис улыбнулся мягкой и терпеливой улыбкой.

— Шект изобрел Синапсифер и все еще является человеком, наиболее осведомленным во всем, что касается его действия. Он всегда был под наблюдением, а теперь за ним будут наблюдать еще более тщательно. Не забывайте, что предатель, знающий нас, может причинить врагу больше вреда, чем лояльный человек может сделать нам добра. Теперь давайте вернемся к фактам. Шект испытал Синапсифер на внешнем. Почему? Есть лишь одна причина, по которой Синапсифер может быть использован — улучшение работы мозга. Таким образом разумы наших ученых, уже улучшенные Синапсифером, могут оказаться преодоленными. Это означает, что Империя подозревает о том, что происходит на Земле. Вы согласны, Ваше Превосходительство?

На лбу Верховного Министра выступили капли пота.

— Вы действительно так думаете?

— Факты являются частями картины, которые можно сложить только так. Внешний, с которым все это произошло, человек обычной, даже презренной внешности.

Это тоже примечательно, поскольку лысый толстый старик может быть умелым шпионом. Да. Кому еще доверили бы подобную миссию? Но мы проследили за этим чужестранцем, чей псевдоним, между прочим, Шварц. Давайте возьмем вторую пачку отчетов.

Верховный Министр покосился на Балкиса.

— Ту, что касается Бела Арвардана?

— Доктора Бела Арвардана,— подчеркнул Балкис,— выдающегося археолога галактического Сектора Сириус, этого мира храбрых и благородных фанатиков.— Последнее слово он как бы выплюнул.— Ладно, неважно. Во всяком случае, мы имеем здесь странное зеркальное отражение Шварца, почти поэтический контраст. Он не безызвестен, наоборот, является видной фигурой; он не тайный вторженец, а wpłyвает в мир на волне популярности; нас предупреждает о нем не какой-нибудь техник, а сам Прокуратор Земли.

— Вы думаете, здесь есть связь, Балкис?

— Ваше превосходительство, можете предположить, что один появляется для того, чтобы отвлекать внимание от другого. Или же, поскольку правящие классы Империи достаточно поднаторели в интригах, мы имеем здесь образец двух методов камуфляжа. В случае со Шварцем свет притушен, в случае с Арварданом свет бьет прямо в глаза. Но в любом случае, можем ли мы что-нибудь разглядеть? Кстати, о чем предупреждал нас Энниус в связи с появлением Арвардана?

Верховный Министр задумчиво потер нос.

— Арвардан, сказал он, является одним из членов археологической экспедиции на имперском спонсорском корабле. Он желает с научными целями войти в Запретные Земли. Ни о каком святотатстве, говорит он, речи не идет, и если бы могли остановить археолога каким-нибудь мягким способом, он поддержал бы наши действия перед Имперским Советом. Нечто в этом роде.

— Так что мы будем внимательно наблюдать за Арварданом, но с какой целью? Ну как же, для того чтобы знать, не совершит ли он неразумного вторжения в Запретные Земли. Здесь глава археологической экспедиции без людей, кораблей и оборудования. Здесь внешний, который не остается на Эвересте, как надлежит, а бродит по Земле по какой-то неизвестной причине и, в первую очередь, попадает в Чику. Каким образом наше внимание отвлекается от всех этих в высшей степени любопытных

и подозрительных деталей? Да, побуждает нас наблюдать за тем, что на самом деле не имеет значения. Но отметьте, Ваше превосходительство, Шварца держали в Институте атомных исследований в течение шести дней, а потом он бежал. Не странно ли это? Дверь неожиданно оказалась незапертой, коридор неожиданно оказался неохраняемым. Какая странная цепь небрежностей! И в какой же день он бежал? Да в тот самый, когда в Чику приехал Арвардан. Еще одно странное совпадение.

— Вы думаете, что...

— Я думаю, что Шварц — внешний агент на Земле, а Шект находится в контакте с живущими на Земле предателями-ассимиляционистами. Арвардан же контактирует с Империей. Отметьте умение, с которым была организована встреча Арвардана и Шварца. Шварцу дается возможность бежать, и после разумного интервала его медсестра, дочь Шекта, между прочим, отправляется за ним. Если бы в их расписании что-нибудь не связалось, то, очевидно, она внезапно нашла бы его; он стал бы несчастным больным пациентом в глазах окружающих любопытных и был бы в безопасности доставлен обратно до следующей попытки. И действительно, двум подвернувшимся на пути кэбменам было сказано, что он больной человек, но это, по иронии судьбы, как раз и повергло кэбменов в панику. Теперь следите внимательно: Шварц и Арвардан впервые встречаются в автопите. Они явно не знают о существовании друг друга. Это предварительная встреча, просто для того, чтобы убедиться, что все идет хорошо и можно приступать ко второму этапу. По крайней мере, нельзя сказать, что они нас недооценивают, и на том спасибо. Потом Шварц уходит, а несколькими минутами позже выходит Арвардан и встречается с дочкой Шекта. Это ключевое действие. Разыграв небольшую комедию для возможных зрителей, они направляются к универмагу Дунхана — и вот они уже троим. Где же, как не в универмаге? Идеальное место для встреч. Такую секретность не может предоставить ни одно убежище в горах. Оно слишком открытое, чтобы вызвать какие-то подозрения, слишком людное. Гениально! Я готов поздравить наших противников!

Верховный Министр поерзал в кресле.

— Если противник заслуживает слишком больших поздравлений, то он победит.

— Невозможно. Он уже побежден. И в этом отношении мы должны принести свои поздравления превосходному Наттеру.

— А кто такой Наттер?

— Мелкий агент, чьи способности после случившегося должны быть использованы в полную силу. Вчера он действовал превосходно! Его постоянное задание — наблюдение за Шектом. С этой целью он должен был держать ларек с фруктами, расположенный через дорогу от института. Неделию назад агент начал следить, как развивается дело Шварца, и находился на месте, когда Шварц бежал. Он наблюдал за каждым его шагом, сам пребывая вне поля зрения, и именно его отчет пролил свет на вчерашние события. Невероятная интуиция помогла Наттеру прийти к выводу, что истинной целью «побега» является встреча «бежавшего» с Арварданом. В том положении, в котором он оказался — один, без всякой поддержки, — он не мог следить за встречей и решил ей помешать. Кэбмены заподозрили радиационную лихорадку. Наттер с быстротой гения построил на этом факте игру. Как только он стал свидетелем встречи в универмаге, сразу же уведомил местные власти Чики о лихорадке, и те, хвала Земле, отреагировали оперативно. Магазин опустел, и заговорщики оказались на самом виду. Наттер пошел дальше: он предложил проводить Шварца назад, в институт. Те согласились, а что им еще оставалось? Таким образом, день прошел, а Арвардан и Шварц не смогли обменяться и словом. Не совершил Наттер и глупости, не пытался арестовать Шварца, так что оба они — Шварц и Арвардан — по-прежнему в неведении относительно того, что за ними следят, и могут вывести нас на большую игру. Более того — Наттер пошел еще дальше: он уведомил имперский гарнизон, и это уже выше всяких похвал. Такой поворот дела поставил Арвардана перед ситуацией, на которую он, возможно, не рассчитывал. Он должен был либо обнаружить себя как внешнего и таким образом перечеркнуть свою миссию, которая, очевидно, базировалась на том, что он вел себя на Земле как землянин, либо скрыть тайну и нарваться на самые неприятные последствия. Он выбрал наиболее героическую альтернативу и даже сломал руку имперскому офицеру, настолько сильна в нем страсть к героизму. Это, по крайней мере, должно быть записано в его положительный актив, но зато доказывает, что он тот, кто есть. Зачем внешнему пробовать на себе действие

невротического хлыста ради земной девушки? Значит, нашлись очень важные причины.

Сжатые в кулаки руки Верховного Министра лежали на столе. Из груди его вырвался яростный стон, а продолговатое гладкое лицо сморщилось в гримасе отчаяния.

— Гениально с вашей стороны, Балкис, по таким ничтожным деталям воссоздать всю картину, выстроить сеть всей этой паутины. Это очень умело сделано. Логика не оставляет нам других альтернатив. Но это означает, что они подобрались совсем близко, Балкис, слишком близко. Теперь они будут безжалостны.

Балкис пожал плечами.

— Они не могут быть слишком близко, иначе, судя по свойственной Империи страсти к разрушению, они бы уже ударили. А время для них бежит быстро. Арвардан должен встретиться со Шварцем, чтобы договориться, так что я могу предсказать вам будущее.

— Пожалуйста.

— Шварца надо отослать, чтобы он никоим образом не был на виду.

— Но куда?

— Нам и это известно. Шварц был привезен в институт неким человеком, по-видимому, фермером. Мы получили его описание как от техника, так и от Наттера. Мы просмотрели регистрационные данные каждого фермера в радиусе шестидесяти миль от Чики, и Наттер опознал в неизвестном человеке Арбина Марена. Техник с уверенностью поддержал Наттера. Мы осторожно провели расследование и обнаружили, что этот человек прячет тестя, бесполезного калеку.

Верховный Министр стукнул кулаком по столу.

— Подобные явления действительно стали чересчур частыми, Балкис. Нужно усовершенствовать законы.

— Теперь речь не об этом, Ваше превосходительство. Суть в том, что поскольку фермер нарушил Обычай, он может подвергаться шантажу.

— О...

— Шекту и его союзникам-внешним нужен инструмент для подобного случая, нужно убежище, где Шварц мог бы оставаться в безопасности в течение длительного периода, более долгого, чем может предоставить ему институт. Этот фермер, возможно, невинный и беспомощный, является великолепным объектом. Итак, за ним будут наблюдать, и Шварц не сумеет оказаться вне слески. Конечно, будет сделана попытка устроить другую встречу между

ним и Арварданом, но на этот раз мы будем во всеоружии. Теперь вам все понятно?

— Да.

— Хорошо, хвала Земле. Тогда я оставляю вас.— И Балкис добавил с сардонической усмешкой.— С вашего позволения, конечно.

Верховный Министр, совершенно нечувствительный к сарказму, разрешающе махнул рукой.

Секретарь на пути к своему маленькому кабинету был один, а в таких случаях его мысли иногда убегали из-под его контроля и блуждали в укромных уголках разума.

Эти мысли были далеки от доктора Шекта, Шварца, Арвардана и еще дальше — от Верховного Министра. Они рисовали в сознании Балкиса планету Трантор, откуда осуществлялось правление всей Галактикой. Еще они рисовали дворец, шпили и изогнутые своды которого секретарь никогда не видел, как не видел их любой другой землянин. Он думал о незримых лучах силы и славы, которые протягивались от солнца к солнцу, оплетая их невидимой паутиной, и центр ее находился во дворце возле человека, Императора — да, человека, обычного человека.

Балкис внимательно исследовал эту мысль о власти — единственном, что могло даровать божественность при жизни. Мысли секретаря сконцентрировались в итоге на том, кто был просто человеком, как и он сам!

Он тоже мог бы стать...

Глава одиннадцатая

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ РАЗУМ

Шварц не сразу заметил начало изменения. Много раз в абсолютном спокойствии ночи — насколько спокойнее они теперь стали, да и были ли они вообще когда-нибудь шумными, яркими и насыщенными энергией миллионов? — в полной тишине он пытался проследить, когда же наступил этот момент.

Прежде всего был тот давний, день страха, когда он оказался один в странном мире, день, казавшийся ему сейчас таким же нереальным, как само воспоминание о Чикаго.

Что-то, касающееся машины, пилюль, которые он принял, дни выздоровления, потом побег, блуждание, неожиданные события в универмаге — эту часть, он, кажется, не мог припомнить как следует. Однако по прошествии двух месяцев, каким ясным все стало, каким безошибочным.

Уже тогда все начало казаться странным. Шварц стал чувствителен к атмосфере.

Старый доктор и его дочь встревожились, даже испугались. Знал ли он это тогда, или это было всего лишь беглое впечатление, усиленное впоследствии ходом его мыслей?

Но тогда, в универмаге, как раз перед тем, как высокий человек протянул руку и схватил Шварца, он осознал приближение опасности. Предостережение не было достаточным для того, чтобы его спасти, однако Шварц почувствовал какое-то изменение.

С тех пор появились головные боли. Нет, не то что боли, скорее какое-то гудение, будто в голове безостановочно работала динамо-машина, и вибрация пронизывала каждую косточку черепа. Ничего похожего на это не происходило с ним в Чикаго, если предположить, что его фантастическое Чикаго имело смысл, и даже в первые несколько дней этой реальности, в Чике. Что сделали с ним в тот день в Чике? Машина... Пилюли — они были анестезаторами. Операция? Но и в сотый раз, когда Шварц пытался это вспомнить, мысли останавливались.

Через день после своего неудачного побега Шварц оставил Чикку, и теперь все пошло по-другому. Был Грю в своем кресле на колесиках, повторявший слова и указывающий на предметы, как раньше делала девушка Пола. В один прекрасный день Грю перестал говорить чепуху и заговорил по-английски. О нет, это он, Иосиф Шварц, перестал говорить по-английски и заболтал чепуху. Но дело в том, что это не казалось чепухой.

Все было очень легко. За четыре дня Шварц научился читать. Когда-то в Чикаго он обладал феноменальной памятью, но такие победы ему все же были неведомы. Однако Грю вовсе не выглядел удивленным, и Шварц перестал удивляться.

Потом, когда осень стала поистине золотой, все снова прояснилось, и Шварц начал работать в поле. Удивительно, с какой легкостью у него пошла работа; после первого же объяснения он мог управлять сложными машинами.

Иосиф ждал наступления холодов, но по-настоящему их так и не было. Зима прошла в очистке и удобрении

земли, в подготовке к весеннему севу дюжиной способов. Шварц расспрашивал Грю, пытаясь объяснить, что такое снег, но тот непонимающе смотрел на него и говорил:

— О! Знакомое слово — снег! Я знаю, что он есть на других планетах, но только не на Земле.

Тогда Шварц начал наблюдать за температурой и обнаружил, что она едва изменяется день ото дня, хотя дни все же укорачивались, как этого и следовало ожидать в северных районах, таких, как, скажем, Чикаго. Шварц стал сомневаться, действительно ли находится на Земле, пытался читать некоторые из фильмокниг Грю, но сдался. Люди по-прежнему оставались людьми, но события обыденной жизни, исторические и социальные ссылки не значили для Иосифа ровным счетом ничего, и это очень мешало.

Время приносило все новую пищу для удивления. Например, теплые дожди, строжайшие запреты приближаться к некоторым районам.

Однажды вечером Шварца страшно заинтриговало голубое свечение на юге. Он выскользнул из дома после ужина, но не успел пройти и мили, как за его спиной послышался шум мотора бьюхила, и сердитый голос Арбина нарушил тишину вечернего воздуха.

Дома Арбин втолковывал:

— Держись подальше от всего, что сверкает ночью.

— Почему? — спросил Шварц.

Ответ был обыденно-категоричным:

— Потому что это запрещено.

Наступила долгая пауза.

— Ты действительно не знаешь, что там такое, Шварц? Шварц развел руками.

— Откуда ты пришел? Ты внешний?

— Что такое внешний?

Арбин пожал плечами.

Та ночь имела огромное значение для Шварца, потому что пока он преодолевал эту короткую милю, шел навстречу сиянию, странность его разума превратилась в Прикосновение Разума.

Именно так он назвал это явление, и чем больше думал о нем, и тогда, и потом, тем сложнее было описать то, что произошло.

Шварц был один. Приглушенный звук его шагов по пружинящей мостовой. Он никого не видел, никого не слышал, ничего не трогал. Но было что-то — прикосно-

вание — нет, не совсем прикосновение, а присутствие, очень похожее на едва ощутимое щекотание.

Было два прикосновения. Второе — можно ли говорить о нем в отдельности? — росло быстрее, становилось все отчетливое. Потом Шварц понял, что вторым был Арбин. Он знал это по крайней мере за пять минут до того, как уловил звукдвигающегося бьючила, и за десять минут до того, как увидел Арбина.

Затем это стало повторяться снова и снова, все чаще и чаще. Шварц уже всегда знал, когда Арбин, Грю или Лоа оказывались футак в ста от него, даже когда он не мог этого знать, даже когда у него были основания предполагать противоположное. В это трудно было поверить, однако такое положение дел стало казаться Иосифу естественным. Он стал экспериментировать и обнаружил, что точно знает, где и в какое время бывает каждый из них, ощущал различия между ними, ибо Прикосновение Разума отличается одно существо от другого. Но ни разу Иосиф не смог собраться с духом и рассказать об этом остальным.

Иногда он начинал размышлять над тем, чем же было первое Прикосновение тогда, на пороге Сияния. Оно не было связано ни с Арбином, ни с Лоа, ни с Грю. И что же, имело ли оно какое-то отличие?

Это повторилось позже. Шварц снова ощутил то же Прикосновение, когда однажды пригонял домой скот, подошел к Арбину и спросил:

— А что это за скопление деревьев за Южными Холмами, Арбин?

— Да, ничего,— последовал недовольный ответ.— Это министерская земля.

— Что это такое?

— Тебе-то какое до этого дело? — с досадой буркнул Арбин.— Она называется министерской, потому что является собственностью Верховного Министра.

— Почему же она не возделывается?

— Она не предназначена для этого.— Арбин казался шокированным.— В древности это был большой Центр, сейчас — священное место, и его нельзя трогать. Послушай, Шварц, если ты хочешь оставаться здесь в безопасности, умерь свое любопытство и занимайся работой.

— Земля настолько священна, что там никто не живет?

— Конечно. Тут ты прав.

— Ты уверен?

— Уверен. И не вздумай туда соваться, иначе тебе конец.

— Я не буду.

Шварц отошел, задумчивый и немного встревоженный. Именно с этой лесистой территории пришло Прикосновение Разума, и весьма сильное, а теперь к этому ощущению добавилось кое-что еще: это было недружелюбное Прикосновение, угрожающее Прикосновение. Почему? Шварц по-прежнему не осмеливался об этом никому сказать. Ему бы не поверили, а впоследствии с ним произошло бы из-за этого что-то неприятное. Он и это тоже знал, и знал хорошо.

В те дни Шварц почувствовал себя моложе. Собственно, это сказывалось не в физическом смысле, хотя у него стал меньше живот и шире плечи, мускулы — тверже и сильнее; это был результат работы на свежем воздухе. Но изменилось в первую очередь не это: изменился образ мыслей.

Старые люди склонны забывать стиль мышления своей юности: быстроту, с которой делаются заключения, смелость юношеской интуиции, свежесть восприятия. Они привыкают к более подробному изучению возможных вариантов, и поскольку речь идет о накоплении опыта, старые люди считают себя более мудрыми, чем молодые. Но опыт Шварца сохранился в неприкосновенности, и, когда он понял, что все может схватывать налету, что он не только понимает объяснения Арбина, но способен интерпретировать их и развивать дальше, это доставило ему острое ощущение восторга. В результате Иосиф чувствовал себя намного моложе и тоньше умом, чем это могло бы дать ему его великолепное физическое состояние.

Прошло два месяца. Шварц играл с Грю в шахматы под деревом. Шахматы каким-то образом не изменились, если не считать названий фигур. Сама игра осталась такой, какой он ее помнил, так что уже это было утешением, хоть в этом воспоминании бедный разум Иосифа не подвел его.

Грю рассказал Шварцу о вариантах шахматной игры. Существовали четырехручные шахматы. Каждый игрок имел доску, касавшуюся углом угла доски соседа, а в центре помещалась пятая доска, являвшаяся нейтральной зоной. Существовали трехмерные шахматы, когда восемь прозрачных досок помещали одну над другой, а каждая фигура двигалась в трех измерениях, как раньше двигалась в двух, номера же фигур и пешек дублировались, и победа

наступала только тогда, когда в безвыходном положении оказывались оба короля. Были популярные разновидности, в которых положение игроков разрешалось путем жребия, такие, в которых нахождение на определенных клетках давало игроку некоторое преимущество или, наоборот, лишало его хода, и такие, в которых вводились новые фигуры со странными функциями.

Но сами по себе шахматы оставались теми же, и турнир между Шварцем и Грю проходил так же, как раньше.

Шварц имел очень слабое представление о ходах, когда они начали играть, так что всегда проигрывал. Но потом положение дел изменилось, и он стал проигрывать реже. Грю стал играть медленнее и осторожнее, делал частые интервалы между ходами, раздумывал, попыхивая трубкой, а потом вдруг, взбунтовавшись, делал самые рискованные ходы, приводившие к поражению.

Грю играл белыми, и пешка его была уже на К-4.

— Давай,— кисло сказал он, крепко сжав зубами трубку, и забегал глазами по шахматной доске.

Сумерки сгущались. Шварц сел и вздохнул. Играть стало поистине неинтересно, с тех пор как он стал узнавать о ходах Грю заранее, будто у Грю имелось в мозгу тусклое окошко. И тот факт, что сам Иосиф знал почти инстинктивно весь путь шахматной игры, был еще одним звеном в цепи его проблем.

Они играли на ночной доске, которая светилась в темноте, так что клетки были голубыми и оранжевыми. Фигуры, при солнечном свете обычные неуклюжие фигурки из красной глины, ночью преображались. Половина их купалась в кремовом свете, что делало их похожими на нежные фарфоровые, другие переливались красными искрами.

Первые ходы были быстрыми. Сияющие фигурки скользили по доске, и пальцы их владельцев тоже казались сверхъестественными в вечерней тьме.

Шварца снова охватил испуг. Может, он погружается в безумие? Нет, он должен все выяснить.

— Где я? — резко спросил Иосиф.

Грю недовольно отвел глаза от фигур.

— Что?

Шварц не знал нужного слова для понятия «страна» или «нация». Он спросил:

— Какой это мир? — И сделал ход слоном.

— Земля,— последовал краткий, совершенно неудовлетворительный ответ.

Слово, которое произнес Грю, Шварц перевел как «Земля». Но что такое «Земля»? Любая планета является землей для того, кто на ней живет. Он сделал ход королевской пешкой, и слону Грю пришлось отступать. Потом Шварц и Грю продвинули королевские пешки, каждый с намерением ввести в бой своего слона, так как в центре поля вот-вот должна была начаться битва.

Спокойно и небрежно, как только мог, Шварц обронил:

— Какой сейчас год? — И сделал ход ладьей.

Грю как будто насторожился.

— Да что с тобой сегодня? Ты что, играть не хочешь? Если ты почувствуешь себя от этого счастливее, то восемьсот двадцать седьмой. — И с сарказмом добавил: — Г.Э.

Нахмурившись, Грю посмотрел на доску, потом сделал ход конем, закрывая ферзя. Шварц ловко увернулся от последствий этого хода и двинул своего коня в контратаку.

Последовало несколько напряженных ходов, после чего обстановка разрядилась. Нарушая паузу, Шварц холодно спросил:

— Что такое Г.Э.?

— Что? — сердито переспросил Грю. — О, ты все еще беспокоишься насчет того, какой сейчас год? Каким же дураком... Ах, я забыл, что ты научился говорить только около месяца назад. Но ты умный. Неужели ты действительно не знаешь? Ну так вот: сейчас восемьсот двадцать седьмой год с момента образования Галактической Эры — Г.Э., понятно? То есть восемьсот двадцать седьмой год с образования Галактической Империи, восемьсот двадцать семь лет с года коронации Франкенна Первого. Ну, теперь твой ход.

Шварц сидел, зажав в кулаке коня, и словно окаменел. Затем сказал:

— Минуточку. — Сделал ход конем. — Тебе знакомы названия: Америка, Азия, Соединенные Штаты, Россия, Европа? — И стал ждать ответа.

Край трубки Грю мрачно светился красным, а темная его тень шевелилась, будто существовала отдельно, сама по себе. Возможно, Грю тихонько покачал головой. Но Шварц не мог этого видеть. Он и не хотел видеть, но почувствовал отрицание собеседника так же отчетливо, как если бы тот его высказал.

Шварц попытался снова.

— Ты не знаешь, где можно достать карту?

— Нет никакой карты,— проговорил Грю,— если ты только не собираешься рисковать головой в Чике. Я не географ. Я никогда не слышал названий, которые ты упомянул. Это что? Люди?

Рисковать головой? Почему? Шварц похолодел. Он совершил преступление, и Грю об этом известно? Он неуверенно спросил:

— У Солнца ведь девять планет, не так ли?

— Десять,— уверенно ответил Грю.

Шварц колебался. Что ж, могли обнаружить еще одну и не сообщить об этом. Но почему тогда Грю знает? Он посчитал по пальцам и спросил:

— Как насчет шестой планеты? У нее есть кольца?

Грю неторопливо сделал ход, дождался ответного и сказал:

— Ты имеешь в виду Сатурн? Конечно, у него есть кольца.

Теперь он рассчитывал. Он мог взять одну из фигур на выбор, но пока еще не решил какую.

— А еще должно быть кольцо астероидов — маленьких планет — между Марсом и Юпитером. То есть между четвертой и пятой планетами,— заметил Шварц.

— Угу,— пробормотал Грю, вновь раскурив свою трубку и лихорадочно размышляя.

Шварц уловил неуверенность и страх Грю, и это раздосадовало его. Для него теперь, когда он уверился в том, что Земля — это Земля, игра потеряла всякий интерес. Вопросы вихрем закружились в голове, образуя спутанный клубок.

— Значит, твои фильмокниги говорят правду? Есть и другие миры с людьми?

Теперь Грю поднял глаза от шахматной доски, безрезультатно пытаясь разглядеть в темноте лицо противника.

— Ты что, серьезно?

— Так есть?

— Клянусь Галактикой, ты действительно не знаешь! Наивность Грю даже тронула Шварца.

— Прошу тебя...

— Конечно, есть другие миры, миллионы других миров! Каждая звезда, которую ты видишь, имеет миры, а также большинство тех, которых ты не видишь. Все это части Империи.

Шварц ощущал в себе слабое эхо настойчиво произносимых слов Грю, ощущал, как они перемещаются от разума к разуму. Шварц чувствовал, что с каждым днем

крепнут контакты разумов. Может вскоре он услышит эти слова своим разумом даже в том случае, если его собеседник не произнесет их?

Теперь впервые у него возникла мысль о том, что кроме возможного психического расстройства есть и другой вариант. Не путешествовал ли он каким-то образом во времени? Летаргия, может быть? Он хрипло спросил:

— Сколько времени прошло с тех пор, как все это случилось, Грю? С тех пор, как была только одна планета?

— Что ты имеешь в виду? — Грю внезапно насто-рожился. — Ты что, принадлежишь к Древним?

— К кому? Ни к кому я не принадлежу, но разве Земля не была когда-то одной планетой? Не была?

— Древние говорят, что была, — мрачно ответил Грю. — Но кто знает? Кто на самом деле знает? Насколько мне известно, эти миры существовали в течение всей истории.

— Но как долго?

— Думаю, тысячи лет. Пятьдесят, сто тысяч. Не могу сказать.

Тысячи лет! Шварц подавил рвущийся наружу смешок. И все это между двумя шагами? Вдох, мгновение, проблеск времени — и он перемахнул через тысячи лет? Ему захотелось вернуться к мысли об амнезии.

Его идентификация солнечной системы могла быть результатом отчетливых воспоминаний, проникших сквозь мглу сознания.

Грю сделал следующий ход, и Шварц почти механически отметил, что этот выбор неверен. Последовало еще несколько ходов. Прежде чем начать решающую атаку, Шварц спросил:

— Земля главная?

— Над чем?

— Над Имп...

Грю окинул его бешеным взглядом.

— Слушай, ты! Я устал от твоих вопросов. Ты что, полный дурак? Неужели Земля хоть в чем-нибудь похожа на главную?

Послышался свистящий звук — Грю подкатил в своем кресле к противоположному краю стола. Шварц ощутил хватку его пальцев на своей руке.

— Послушай! — голос Грю перешел в шипение. — Ты видишь горизонт? Видишь, как он сверкает?

— Да.

— Это Земля — вся Земля. Кроме небольших участков, где существует несколько таких островков, как этот.

— Не понимаю.

— Земля заражена радиацией. Почва всегда светится и вечно будет светиться. Ничто не растет, никто не может жить. Ты и в самом деле ничего про это не знаешь? Почему, ты думаешь, у нас есть Шестьдесят?

Паралитик съехался и снова объехал на своем кресле вокруг стола.

Шестьдесят! Снова Прикосновение Разума с едва различимым привкусом угрозы.

Шахматы Шварца передвинулись словно сами собой, а он размышлял об услышанном. Ходы следовали один за другим, пока создавшееся на шахматной доске положение не заставило Грю задуматься. Несколько минут он размышлял, потом направил своего ферзя по диагонали навстречу слону Шварца.

Старик снова помедлил, переводя дыхание, обстановка на доске складывалась как будто в его пользу.

— Твой ход,— в голосе Грю слышалось удовлетворение.

Шварц, наконец, произнес:

— Что такое «Шестьдесят»?

— Почему ты об этом спрашиваешь? К чему ты клонишь?

В голосе Грю звучало явное недоброжелательство.

— Пожалуйста,— жалобно пробормотал Шварц. Мужество почти покинуло его.— Я не знаю, кто я такой, что случилось со мной. Может, это амнезия.

— Очень правдоподобно,— последовал полный презрения ответ.— Ты бежишь от Шестидесяти? Отвечай правду.

— Но я же тебе говорю, что не знаю, что такое Шестьдесят!

Шварц сказал это с такой искренностью, что трудно было ему не поверить.

Последовало долгое молчание. Прикосновение Разума Грю было для Шварца ясно различимо, но выделить отдельные слова он не мог.

Грю медленно проговорил:

— Шестьдесят — твой шестидесятый год. Земля выносит присутствие двадцати миллионов человек, не более. Чтобы жить, ты должен производить. Если ты не можешь производить — не можешь жить. После шестидесяти ты не можешь производить.

— И, значит...— Рот Шварца так и остался открытым.

— Ты уходишь. Это безболезненно.

— Тебя убивают?

— Это не убийство. Так должно быть. Другие миры не принимают нас, и мы должны освобождать место для детей. Старшее поколение освобождает место для молодого.

— А если я не скажу, что мне шестьдесят?

— А почему? Жизнь после Шестидесяти — не шутка. И есть Цензусы, которые проводятся каждые десять лет, чтобы ловить тех, кто оказался настолько глупым, что захотел жить. Кроме того, есть записи с указанием возраста.

— Только не моего.— Эти слова вырвались у Шварца сами собой, и он не мог их остановить.— К тому же, мне будет только пятьдесят.

— Это неважно. Твой возраст определяют по костной структуре. Ты этого не знаешь? Его нельзя скрыть. В следующий раз меня сцапают. Давай, твой ход.

Шварц не обратил внимания на этот призыв.

— Ты хочешь сказать...

— Конечно, мне только пятьдесят пять, но посмотри на мои ноги. Я не могу работать, видишь? От нашей семьи зарегистрировано трое, и наша доля рассчитывается исходя из трех работников. Когда у меня был удар, об этом не сообщили. Если бы сообщили, то доля была бы уменьшена. Но тогда я получил бы Шестидесят раньше времени, а Арбин и Лоа не хотели этого. Они дураки, потому что работают сверх меры — до отупения. А в следующем году они все равно меня потеряют. Твой ход.

— В следующем году Цензус?

— Верно. Твой ход.

— Подожди.

Окрик получился резким.

— Каждый ли уходит после Шестидесяти? Исключений нет?

— Есть, только не для нас с тобой. Верховный Министр проживет всю жизнь целиком, как и члены Общества Древних, некоторые ученые и те, кто представляет большую ценность. Немногие. Может быть, десяток в год. Твой ход.

— А кто решает, важный человек или нет?

— Верховный Министр, конечно. Ты будешь ходить? Шварц встал.

— Незачем. Через пять ходов все равно мат. Мой ферзь берет твою пешку, ты пытаешься продвинуть коня, я беру его и угрожаю королю. Ты вынужден ходить слоном,

мой ферзь угрожает твоему королю, ты ходишь конем, мой ферзь блокирует коня, ты вынужден идти ладьей, и тогда мой ферзь ставит тебе мат.— Он автоматически добавил: — Хорошая игра.

Грю долгим взглядом посмотрел на доску и с криком сбросил ее со стола. Сверкающие фигурки раскатились по лужайке.

— Это все твоя проклятая болтовня!

Шварц даже не заметил ничего, он был потрясен, полон решимости избежать Шестидесяти, ибо, хотя Браунинг сказал:

«Так старься же со мной!

Может быть, лучшее еще впереди...», но это было сказано на Земле неограниченных биллионов и неограниченной еды. Сейчас самое лучшее упиралось в Шестидесят — в смерть.

Шварцу было шестьдесят два.

Глава двенадцатая

УБИТЫЙ РАЗУМ

Решение, возникшее в методически работающем мозгу Шварца, стало непреложным. Поскольку умирать он не хотел, необходимо было покинуть ферму. Если он останется тут, придет Цензус и с ним — смерть.

Итак — покинуть ферму. Но куда он пойдет?

Была больница в Чике. Там о нем забылись. Но почему? Потому что он представлял собой интересный медицинский «случай». Оставался ли он по-прежнему интересен для медицины? Теперь он мог говорить, мог описать свои ощущения, что ранее было ему недоступно, мог даже рассказать о Прикосновении Разума.

А может, Прикосновение Разума доступно всем? Да и как, собственно, можно это описать? А если никто не знает, что это такое...

Нет, такого Прикосновения не было ни у Арбина, ни у Лоа, ни у Грю, Шварц бы почувствовал. Они не могли определить, где он находится, если не видели или не слышали его. Да и возможно ли так легко обыгрывать Грю в шахматы, если бы тот знал...

Стоп. Ведь шахматы — популярная игра, но люди не могли бы играть в нее, если бы обладали Прикосновением Разума.

Итак, это явление придавало ему особенность, делало его интересной с точки зрения психологии особью. Вероятно, быть особью не так уж и приятно, но это хоть даст ему возможность сохранить жизнь.

Допустим, кто-то заинтересуется возникшей возможностью.

Предположим, он вовсе не жертва амнезии, а человек, шагнувший сквозь время. Тогда, в довершение к Прикосновению Разума, он станет еще и человеком из Прошлого, станет особью, ценной с исторической точки зрения, с археологической точки зрения. Его не станут убивать. Если ему поверят.

Доктор должен поверить. В то утро, когда Арбин привез его в Чику, Шварцу нужно было побриться. Он хорошо это помнил. Но потом волосы перестали расти, значит, с ним что-то сделали. Итак, доктор знал, что Шварц, имел на лице волосы. Будет ли это иметь значение? Грю и Арбин никогда не брились. Однажды Грю сказал ему, что волосы на теле бывают только у животных.

Итак, ему нужно идти к доктору. Как его звали? Шект? Да, Шект, именно так.

Но ведь Шварц так мало знал об этом ужасном мире. Ночное путешествие могло бы привести его в таинственные места, туда, где царствовала опасная, всепроникающая радиация. Но все же, с твердой решимостью человека, которому нечего терять, Шварц вышел однажды днем на шоссе.

Его не станут ждать раньше ужина, а к этому времени он будет уже далеко. У них нет Прикосновения Разума, и его не найдут.

Первые полчаса Иосиф испытывал подъем, впервые с тех самых пор, как все началось. Наконец-то можно что-то сделать, попытаться вступить в борьбу с окружающим. Теперь у него была цель.

Что касается старости, то это мы еще посмотрим. Он им покажет.

Потом Шварц остановился на середине шоссе, потому что его беспокоило присутствие чего-то почти забытого.

Странное Прикосновение Разума, незнакомое Прикосновение, то самое, которое он впервые различил, когда хотел достичь сияющего горизонта и был остановлен Арбином, то самое Прикосновение, которое он чувствовал

вблизи министерской земли. Теперь оно было рядом, следило.

Шварц сосредоточился: Прикосновение Разума не приближалось, но и не отставало. Ясно ощущалась наблюдательность и враждебность, но не безрассудность.

Стали очевидны и другие вещи. Преследователь стремился не терять его из виду, и этот преследователь был вооружен.

Осторожно, почти автоматически Шварц обернулся и внимательным взглядом обвел горизонт. Прикосновение Разума мгновенно изменилось. Оно сделалось полным сомнения и стало осторожным, заботящимся как о собственной безопасности, так и об успехе своего предприятия, каким бы оно ни было. Тот факт, что у преследователя было оружие, сделался еще более реальным, как будто его обладатель размышлял, не прибегнуть ли к нему в случае, если он будет обнаружен.

Шварц понимал, что сам он безоружен и беспомощен, понимал, что преследователь скорее убьет его, чем позволит скрыться, убьет при первом же неверном движении. Но Шварц никого не видел.

Итак, он продолжал путь, зная, что его преследователь находится достаточно близко для возможного убийства. Спину его сводило от напряжения, вызванного ожиданием удара. Как смерть даст о себе знать?

Эта мысль шла рядом с ним, в ногу с ним, эхом отдаваясь в сознании, ворочалась в подсознании, пока не увеличилась до непереносимых размеров.

Шварц цеплялся за Прикосновение как за единственное спасение. Его задача — различить мгновенное изменение в напряжении, означающее, что оружие поднято, палец на спуске, контакт вот вот замкнется. В этот момент необходимо уклониться, побежать...

Но почему? Если из-за Шестидесяти, то почему не убить его открыто?

Теория о переходе сквозь время вновь отступила на задний план, а мысль об амнезии сделалась более отчетливой. Он, возможно, был преступником, опасным человеком, за которым следует наблюдать.

Может, он был раньше высокопоставленным лицом, которое нельзя просто так убить, а следует выследить. Возможно, амнезия использовалась его подсознанием для того, чтобы избежать чувства вины?

Итак, Шварц шел по пустому шоссе навстречу сомнительной судьбе, а смерть шла за ним по пятам.

Темнело, и ветер нес в себе ледящий холод. Как обычно, все не совпадало, по подсчетам Шварца сейчас должен быть декабрь, и заход солнца в половине пятого вечера закономерен для того времени, но холод был недостаточным для середины зимы.

Шварц давно уже пришел к выводу, что причиной преобладающей на Земле умеренности было то, что планета (Земля?) уже не зависела всецело от солнечного тепла. Сама радиоактивная почва отдавала тепло, небольшое на квадратном футе, но значительное на миллионе квадратных миль.

В темноте присутствие Прикосновения Разума стало более ощутимым. Игра продолжалась все с той же настойчивостью. Таким же было преследование в ту первую ночь, когда Шварц направлялся к Сиянию.

— Эй, парень!

Голос был носовой, довольно высокий.

Шварц окаменел. Медленно, но единым движением, он обернулся. Маленькая фигурка неторопливо приближалась к нему, помахивая рукой, но из-за усиливавшейся темноты разглядеть человека было невозможно. Шварц ждал.

— Эй, послушай! Рад тебя видеть. Не слишком-то приятно тащиться одному по этой дороге. Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

— Привет,— тусклым голосом произнес Шварц. Прикосновение Разума не обмануло: это — преследователь. И лицо знакомое, выплывшее из того смутного времени в Чике.

Преследователь сам дал ключ к опознанию.

— Слушай, а я тебя знаю. Ну конечно! А ты меня помнишь?

Шварц не мог сказать, поверил бы он в искренность говорившего или нет при обычных обстоятельствах и в другое время. Но теперь он не мог игнорировать того, что подсказывало ему Прикосновение — вся эта история с узнаванием была выдумкой, человек знал его с самого начала, имел при себе смертоносное оружие, готов был пустить его в ход в любое время.

Шварц покачал головой.

— Конечно,— настаивал маленький человек.— Это было в универмаге. Я увел тебя прочь от толпы.— Он подтвердил свои слова деланным смехом.— Все думали, что ты болен радиационной лихорадкой. Помнишь?

Шварц смутно припомнил человека, похожего на этого, и толпу, которая вначале свела их, а потом разделила.

— Да,— сказал он,— рад вас видеть.

Разговор получился не очень умным, но Шварц не мог придумать ничего лучшего, а маленькому человеку, казалось, было все равно.

— Меня зовут Наттер.— Он протянул Шварцу влажную руку.— Простый раз мне не представилось возможности с тобой поговорить, слишком уж все было жестко, но я рад, что теперь нас свел случай. Давай знакомиться.

— Я Шварц.

— Ты чего так идешь? — спросил Наттер.— Куда-нибудь направляешься?

Шварц пожал плечами.

— Просто иду.

— Пешеход, а? Для меня это тоже годится. Я тоже круглый год на дороге — люблю путешествовать.

— Что?

— Ну, знаешь, нужно чувствовать жизнь острее. Вдыхай воздух и накачивай им тело, верно? На этот раз я слишком далеко зашел. В темноте одному идти не хотелось. Всегда рад компании. Ты куда собрался?

Наттер задал этот вопрос уже второй раз, и Прикосновение Разума отметило этот факт особенно остро. Шварц не знал, сколько времени он сможет продержаться. Разум незнакомца был проникнут беспокойством, а Шварц слишком плохо знал этот новый мир, чтобы с уверенностью лгать, поэтому ответил:

— Я иду в больницу.

— В больницу? В какую больницу?

— В Чике, я уже был там.

— А, ты про институт. Это ведь он? Я тебя отвел туда из магазина.

Чувство беспокойства и напряжения нарастало.

— Я иду к доктору Шекту,— продолжал Шварц.— Ты его знаешь?

— Только слышал о нем. Большая шишка. Ты болен?

— Нет, но время от времени мне нужно ему показываться.

Достаточно ли разумно такое заявление?

— Пешком? — продолжал допытываться Наттер.— Неужели он не присылает за тобой машину?

Шварц ничего не ответил, просто промолчал, да и все. Но Наттер не унимался.

— Послушай, приятель, тут недалеко общественная коммуна. Я закажу такси из города, оно нас подберет по дороге.

— Коммуна?

— Ну да. Они раскиданы вдоль всего шоссе. Смотри, вот как раз одна.

Наттер сделал шаг в сторону. Шварц обнаружил, что кричит:

— Стоп! Не двигаться!

Наттер остановился, обернулся и холодно проговорил:

— Что это с тобой, приятель?

Хотя Шварц еще не вполне овладел новым языком, на сей раз слова вылетали словно пули:

— Я устал от этой игры, знаю тебя и знаю, что ты собираешься делать. Ты хочешь позвонить кому-то и сказать, что я иду к доктору Шекту. Меня будут ждать в городе и, как только я появлюсь, возьмут в машину. А ты попытаешься меня убить, если я побегу.

Наттер нахмурился и пробормотал:

— Насчет последнего ты не ошибся.

Слова эти не предназначались для ушей Шварца, и были произнесены про себя, но внутренний слух Иосифа уловил их.

Вслух Наттер произнес:

— Мистер, да вы меня просто в краску вгоняете, вы сами меня одной левой положите!

Однако рука его явно двинулась к бедру.

Шварц потерял контроль над собой. Он взмахнул руками в дикой ярости.

— Оставь меня в покое, слышишь? Что я тебе сделал? Убирайся?

Голос его поднялся до самых высоких нот, лоб прорезали морщины ненависти и страха перед этим существом — живым выражением враждебности. Собственные чувства Шварца сжались в комок, старясь избежать Прикосновения Разума, избавиться даже от его дыхания.

Вдруг оно внезапно и полностью ушло. Моментальное ощущение ошеломляющей боли — не его, а того, другого — и потом ничего, никакого Прикосновения. Оно ослабло, как разжавшиеся пальцы, и умерло.

Скорчившееся тело Наттера лежало на темной дороге. Шварц наклонился над ним.

Наттер был маленьким человеком, и перевернуть тело оказалось легко. Очевидно, конец был очень мучительным, потому что даже сейчас морщины на лице преследователя

не разгладились. Шварц попытался прослушать его сердце, но ничего не услышал и выпрямился, вне себя от ужаса.

Он убил человека!

Потом его захлестнула волна удивления: он ведь не прикасался к этому человеку, убил его одной лишь ненавистью, воздействуя каким-то образом на Прикосновение Разума!

Какими же еще силами он обладает?

Шварц быстро принял решение — обыскал карманы убитого и нашел деньги. Они пригодятся. Затем он оттащил тело к полю и оставил его в густой траве.

Шварц шел пешком около двух часов. Больше Прикосновения не беспокоили его.

Эту ночь он проспал в поле, а следующим утром, прошагав еще два часа, достиг Чики.

Чика для Шварца была всего лишь деревней в сравнении с Чикаго, движение здесь казалось вялым. Но все-таки Прикосновение Разума здесь впервые стало многочисленным, это ошеломило и взволновало Шварца.

Как их много! Некоторые вялые и безразличные, другие — интенсивные. Разум части прохожих походил на крошечные взрывы, у остальных в мозгу не было ничего, кроме, может быть, приятного воспоминания о недавно закончившемся завтраке.

Вначале Шварц поворачивался или шарахался при каждом мимолетном Прикосновении, принимая его за личный контакт, но примерно через час перестал обращать на это внимание.

Теперь он слышал слова, даже если они и не произносились вслух. Это было нечто новое, и Шварц поймал себя на том, что вслушивается. Это были шелестящие, какие-то неестественные фразы, несогласованные между собой, уносимые ветром. А вместе с ними были живые, шевелящиеся эмоции и другие тонкие ощущения, которые невозможно передать, так что весь мир превратился в панораму кипящей жизни, видимой только Шварцем.

Он обнаружил, что может на ходу проникать в здания, пропускать через мозг мелькавшие за стенами мысли, вытягивая их из людских голов.

У большого, с каменным фасадом, здания Шварц остановился и задумался. Они (кем бы они ни были) охотились за ним. Он убил одного преследователя, но должны быть другие, которым тот хотел позвонить. Лучше всего

было бы не появляться у доктора в течение нескольких дней, но как это сделать? Работа?

Он сосредоточил внимание на здании, перед которым стоял. Внутри различалось смутное Прикосновение, которое могло бы означать работу для него. Там искали рабочих-текстильщиков, а он когда-то был портным.

Шварц вошел внутрь. Никто не обратил на него внимания. Иосиф тронул кого-то за плечо.

— С кем можно поговорить насчет работы?

— Вон в ту дверь!

Прикосновение Разума, исходившее от говорящего, было полно раздражения и подозрения.

Шварц прошел в указанную дверь, и худой, с острым подбородком парень засыпал его градом вопросов, указав пальцем на классификационную машину, которой нужно было отвечать.

Шварц принялся отвечать, с равной неуверенностью перемешивая ложь с правдой.

Зато уверенность служащего была непоколебимой. Вопросы посыпались градом:

— Возраст? Пятьдесят два? Гм...

— Состояние здоровья?

— Женат?

— Квалификация?

— Работа с текстилем? Какого рода? Термопластик? Эластомерик?

— У кого работали последний раз?

— Четко повторите имя. Вы не из Чики?

— Где ваши бумаги? Вам придется принести их сюда. Каков ваш регистрационный номер?

Шварц растерялся, он не предвидел такого конца. Прикосновение Разума сидящего перед ним человека изменилось: сделалось предельно подозрительным и очень осторожным. Виднелся слой доброты и дружелюбия, но такой далекий и покрытый таким толстым слоем враждебности, что это внушало серьезные опасения.

— Я думаю,— нервно сказал Шварц,— что не подхожу для работы такого рода.

— Нет, нет, вернитесь.— Человек устремился за ним.— У нас есть кое-что для вас, позвольте мне только посмотреть бумаги.

Он улыбался, но его Прикосновение стало еще более враждебным. Рука человека потянулась к кнопке звонка на столе.

Шварц во внезапном приступе паники бросился к двери.

— Держите его! — мгновенно крикнул служащий и выскочил из-за стола.

Шварц ударил по Прикосновению Разума, с яростью оттолкнув его своим разумом и услышал за спиной стон. Он бросил быстрый взгляд через плечо. Служащий опускался на пол с искаженным от боли лицом, зажав ладонями виски. Другой склонился над ним, а потом, резко выпрямившись, устремился за Шварцем. Шварц не стал ждать.

Он выскочил на улицу, полностью сознавая теперь, что поднимется тревога, сообщат подробное описание внешности. Служащий, во всяком случае, узнает его.

Шварц наугад мчался по улицам и все больше привлекал внимание, потому что улицы заполнились. Повсюду было подозрение. Подозрение, потому что он бежал, потому что его одежда была помятой и плохо сидела. В путанице Прикосновений Разумов и собственного страха и отчаяния он не мог отличить настоящего врага, того, который не только подозревал, а знал, от мнимого, так что не получил ни малейшего предупреждения перед ударом невротического хлыста.

Ужасная боль, все увеличивающаяся и расширяющаяся. Несколько секунд Шварц стоял, корчась в агонии, а потом упал на спину.

Глава тринадцатая

ПАУТИНА В ВАШИНЕ

Территория Колледжа Древних в Вашине отличается удивительной простотой. К ней даже скорее подходит слово «аскетизм». Есть что-то торжественно-суровое в том, как послушники прогуливаются под деревьями Квадрангла, куда не разрешен вход никому, кроме Древних.

Иногда можно различить фигуру облаченного в зеленое одеяние Старшего Древнего, изящно отвечающего на приветствия.

И очень редко здесь может появиться Верховный Министр. Но не подобным образом, почти бегом, почти задыхаясь, не обращая внимания на поднимавшиеся в приветствии руки, безразличный к осторожным взглядам, преследующим его, к едва заметному обмену взглядами и недоуменно поднимающимся бровям.

Он ворвался в Легислатив-холл через личный вход и бегом ринулся по пустой, звенящей от шагов лестнице. Дверь, в которую он забарабанил, отворилась, и Министр вошел внутрь.

Его секретарь едва взглянул поверх маленького скромного стола, за которым сидел, склонившись над телевизором с защищенным полем. Он смотрел на экран не обращая внимания на громоздившуюся перед ним гору бумаг — деловых, судя по их внешнему виду.

Верховный Министр сердито постучал пальцем по столу.

— Что это? Что тут?

Секретарь бросил на него холодный взгляд и отодвинул телевизор.

— Приветствую, ваше превосходительство.

— Не надо мне никаких приветствий! — неторопливо отозвался Министр.— Я хочу знать, что происходит.

— Этот человек бежал.

— Вы имеете в виду того, кого Шект лечил Синапсифером, внешнего, шпиона с фермы близ Чики?

Неизвестно, что еще стал бы говорить Верховный Министр с нарастающим беспокойством, если бы секретарь не прервал его:

— Именно.

— Почему меня не проинформировали?

— Необходимы были немедленные действия, а вы оказались заняты. Тем не менее, я сделал все, что было в моих силах.

— Да, вы удивительно внимательны к моей занятости, когда хотите действовать без моего ведома. Но теперь я положу этому конец. Я не позволю, чтобы меня держали где-то на задворках. Я не...

— Мы будем ждать ваших указаний,— скромно сказал секретарь.

Гнев Верховного Министра сразу утих. Он кашлянул, поколебался и уже совсем другим тоном спросил:

— Каковы детали, Балкис?

— Их очень мало. После двух месяцев терпеливого ожидания, в течение которых он совершенно не проявлял себя, он уходит. Его преследуют, но он теряется.

— Как это — теряется?

— Мы не уверены, но получено такое сообщение: агент Наттер пропустил вчера три отчетных периода, тогда наши помощники отправились по его следам в Чику и на заре нашли его труп в канаве у шоссе.

Верховный Министр побледнел.

— Внешний убил его?

— Возможно, хотя наверняка мы сказать не можем. Если не считать искаженного лица, никаких следов насилия не видно. Конечно, будет сделано вскрытие. Он мог умереть от удара в самый неподходящий момент.

— Это было бы удивительнейшим совпадением.

— И я так думаю,— последовал холодный ответ.— Но если Шварц его убил, то становятся странными последующие события. Видите ли, ваше превосходительство, из предыдущего нашего анализа кажется вполне очевидным, что Шварц направлялся в Чику, чтобы увидаться там с Шектом, а Наттер был найден мертвым на шоссе между фермой Марена и Чикой. Мы сообщили об этом в город три часа назад, и человека поймали.

— Шварц? — с недоверием в голосе спросил Министр.

— Конечно.

— Почему же вы не сказали об этом сразу?

Балкис пожал плечами.

— Ваше превосходительство, есть дела более важные и более срочные. Я сказал, что Шварц в наших руках. Он был пойман очень быстро и легко, и мне кажется, что этот факт не слишком вяжется со смертью Наттера. Как мог он быть одновременно таким умным, чтобы выследить и убить Наттера, очень способного человека, и таким глупым, чтобы на следующее же утро открыто явиться на фабрику в поисках работы?

— А он поступил именно так?

— Именно так. Тем не менее, это наводит на определенные мысли. Он мог, уже передав информацию Шекту или Арвардану, нарочно позволить нам схватить его, чтобы отвлечь наше внимание, или же существуют другие агенты, выследить которых нам еще не удалось. В любом случае нам нельзя быть слишком самоуверенными.

— Не знаю,— произнес Верховный Министр полным безнадежности голосом. Его красивое лицо прорезали беспокойные морщины.— Для меня все это становится слишком запутанным.

Балкис улыбнулся, и в этой улыбке отразилось переполнявшее его презрение.

— Через четыре часа у вас встреча с доктором Белом Арварданом.

— У меня? Зачем? Что я ему скажу? Не хочу я его видеть.

— Успокойтесь. Вы должны с ним увидаться, ваше превосходительство. Поскольку близится время экспеди-

ции, Арвардан должен вступить в игру, прося вашего разрешения на исследование Запретных Земель. Энниус предупредил нас об этом, а Энниусу должны быть известны все детали этой комедии. Полагаю, вы вполне могли бы ответить ему вопросом на вопрос и просьбой на просьбу.

Верховный Министр кивнул.

— Что ж, попытаюсь.

Бел Арвардан прибыл в точно указанное время и мог оглядеть окрестности. Для человека, отлично знакомого с архитектурой всей Галактики, Колледж Древних едва ли казался чем-то более примечательным, чем обычное гранитное строение в древнем стиле. Для человека же, который вдобавок был еще и археологом, дом мог означать, в его мрачном аскетизме, воплощение мрачности, почти дикого образа жизни. Сама его примитивность хранила на себе печать далекого прошлого.

Арвардан погрузился в раздумья. Его двухмесячное путешествие по западному земному континенту оказалось не вполне... приятным. Первый же день все испортил. Бел вернулся мыслями к тому происшествию в Чике, и тут же рассердился на себя за это. Грубая, неблагодарная, обычная земная девушка. Почему он должен чувствовать себя виноватым? И все же... Не следует ли ему сделать скидку на шок, когда девушка узнала, что он — внешний, подобно оскорбившему ее офицеру, поплатившемуся сломанной рукой за свою грубость? В конце концов, откуда ему знать, сколько страданий она уже приняла из-за внешних? И после этого получила такой, ничем не смягченный удар — узнала, что он — один из них. Если бы он оказался более терпеливым... Почему он так грубо все разрушил? Он даже имени ее не помнил. Кажется, Пола. Странно: в обычных условиях память его работала лучше. Что вынудило его все забыть?

Что ж, это имело смысл. Забыть! А что, собственно, помнить? Земную девушку, обычную земную девушку. Она была сестрой в больнице. Предположим, он найдет больницу.

Бел имел весьма смутное представление о том месте, откуда ушел ночью, но оно должно находиться неподалеку от злополучного автопита.

Прийдя к такой мысли, Арвардан фыркнул и рассердился. Он что, сошел с ума? Чего он может добиться? Она — землянка. Хорошенькая, милая и весьма сообразительная. Земная девушка!

Вошел Верховный Министр, и Арвардан обрадовался. Это означало передышку в воспоминаниях о том дне в Чике. Но в глубине его сознания жила уверенность в том, что они вернутся, эти мысли, как возвращались не раз.

Что же касается Верховного Министра, то он был в новом, излучающем свежесть одеянии. Лоб его не носил следов сомнения и раздумий, даже капли пота показались бы на нем абсолютно чуждыми.

Разговор шел самый дружеский. Арвардан стремился подчеркнуть искренность добрых отношений людей Империи к людям Земли. Верховный Министр столь же пылко стремился выразить благодарность, которую абсолютно все жители Земли питали к имперскому правительству.

Арвардан описал важность археологии для имперской философии, подчеркнув, что с ее помощью сделано великое открытие: все люди мира являются братьями. Верховный Министр покорно согласился с этим и заметил, что Земля долго ждала, когда возникнет подобное заключение, и что можно лишь надеяться на то, что скоро придет время, когда Галактика претворит свою теорию в практику.

На это Арвардан, слегка улыбнувшись, сказал:

— Именно поэтому, ваше превосходительство, я к вам и пришел. Различия между Землей и некоторыми из имперских доминионов покоятся, вероятно, во многом на различии в образе мышления. И все же большая часть этих различий может быть устранена, если доказать, что как раса земляне не отличаются от других граждан Галактики.

— И как же вы предполагаете это сделать, сэр?

— В двух словах не объяснишь. Как, вероятно, известно вашему превосходительству, два основных течения археологического мышления обычно называются теорией Мергера и теорией Радиации.

— Я знаком с обеими точками зрения.

— Хорошо. Итак, теория Мергера основывается на том, что различные типы гуманоидов, включая и независимые, перемешались путем браков в ранние, почти не оставившие о себе документов, времена примитивных космических путешествий. Подобная концепция объясняет тот факт, что сейчас гуманоиды так походят друг на друга.

— Да,— сухо вставил Верховный Министр,— и эта концепция так же включает необходимость наличия нескольких сотен или тысяч образцов отдельно развивающихся существ более или менее гуманоидного типа и столь

близких друг к другу с точки зрения химии и биологии, что перекрестные браки стали возможными.

— Правильно,— удовлетворенно согласился Арвардан.— Вы попали как раз в самое уязвимое ее место. Однако большинство археологов его игнорирует и уверенно поддерживает теорию Мергера, что должно, конечно, включать возможность существования изолированных частей Галактики с образцами гуманоидов, которые, оставаясь иными, не могли пойти на смешение путем браков.

— Вы имеете в виду Землю,— заметил Верховный Министр.

— Земля — возможный образец. Теория Радиации же...

— Рассматривает всех нас как потомков одной планетной группы гуманоидов.

— Совершенно верно.

— Мой народ,— сказал Верховный Министр,— следуя некоторым свидетельствам, оставленным нам историей, и некоторым записям, которые являются священными для нас и не могут быть предоставлены в распоряжение внешних, верит в то, что сама Земля является колыбелью человечества.

— В это же верю и я и прошу вашей помощи, чтобы доказать это всей Галактике.

— Вы — оптимист. На чем же вы основываетесь?

— На своем убеждении. Я считаю, ваше превосходительство, что большое количество остатков произведений архитектуры и искусства может быть найдено в тех землях, которые, по несчастью, обладают высокой степенью радиоактивности. Возраст этих остатков может быть точно вычислен с учетом радиоактивного распада и сравнен...

Верховный Министр отрицательно покачал головой.

— Это абсолютно невозможно.

— Почему? — нахмурился удивленный Арвардан.

— По одной причине,— прохладным, но не слишком, тоном ответил Верховный Министр.— Чего вы, собственно, надеетесь добиться? Если вы докажете вашу точку зрения, то какое значение имеет факт, что миллион лет назад все были землянами? В конце концов, биллионы лет назад все мы были обезьянами, однако сегодня вы же не предлагаете им свою дружбу.

— Ну что вы, ваше превосходительство, подобная аналогия неуместна.

— Вовсе нет, сэр. Разве не разумно было бы предположить, что земляне за время долгой изоляции так из-

менились в сравнении со своими эмигрировавшими родственниками под влиянием радиации, что теперь их можно считать совершенно другой расой?

Арвардан покусал нижнюю губу и неохотно произнес:

— Вы приводите хорошие аргументы в поддержку своих врагов.

— Потому что я спрашиваю себя, что скажут мои враги? Так что вы ничего не добьетесь, сэр, кроме, возможно, увеличения направленных против нас злобных выпадов.

— Но,— не отступал Арвардан,— существует еще вопрос интересов чистой науки, преимущество знания.

Верховный Министр важно кивнул.

— Мне искренне жаль, что приходится ставить заслоны на этом пути. Сейчас, сэр, я говорю с вами как один джентльмен Империи с другим. Сам я с радостью помог бы вам, но мой народ — раса упрямая и несговорчивая, столетия тому назад целиком ушедшая в себя из-за недоброжелательного к ней отношения в различных частях Галактики. У него есть определенные табу, определенные Обычаи, которые даже я не осмелюсь нарушить...

— И радиоактивные зоны...

— Это одно из самых важных табу. Даже если я дам вам разрешение, а мне хотелось бы так поступить, это лишь спровоцирует восстания и выступления, которые не только поставят под угрозу вашу жизнь и жизнь членов вашей экспедиции, но в конце концов навлекут на Землю гнев со стороны Империи. Я лишусь своего положения и доверия народа, если откликнусь на вашу просьбу.

— Но я готов принять все нужные меры предосторожности. Можете послать со мной наблюдателей... И, конечно, я готов посоветоваться с вами, прежде чем публиковать полученные результаты.

— Вы искушаете меня, сэр. Это интересный проект. Но вы преувеличиваете мою власть, даже если мы оставим в стороне людей. Я не являюсь абсолютным правителем. Собственно, мои возможности строго ограничены, и все дела должны представляться на рассмотрение Обществу Древних перед тем, как будет вынесено окончательное решение.

Арвардан покачал головой.

— Досадно. Прокуратор предупреждал меня о том, что возникнут трудности, но я все же надеялся. Когда вы сможете посоветоваться с правоведами, ваше превосходительство?

— Президиум Общества Древних соберется через три дня. Изменять повестку дня не в моей компетенции, так что может пройти еще несколько дней, пока начнет обсуждаться этот вопрос. Скажем, неделя.

Арвардан рассеянно кивнул.

— Что ж, придется подождать... Между прочим, ваше превосходительство...

— Да?

— На вашей планете есть ученый, с которым я хотел бы встретиться: доктор Шект из Чики. Я был в Чике, но уехал прежде, чем смог сделать то, что хотел, и мне хотелось бы теперь наверстать упущенное. Поскольку он, я уверен, человек занятой, не мог бы я попросить вас о рекомендательном письме?

Верховный Министр окаменел и в течение нескольких минут ничего не мог выговорить.

— Могу ли я спросить, по какому вопросу вы хотите с ним побеседовать?

— Конечно. Я прочел об изобретенном им приборе. Кажется, его называют Синапсифером. Он имеет отношение к нейрохирургии мозга и может иметь очень интересную связь с другим моим проектом. Я проделал кое-какую работу по энцефалогическим группам — по типу мозга, понимаете ли.

— Гм... Я что-то слышал об этом изобретении. Сообщалось, как будто, что оно потерпело неудачу.

— Ну, может, и так, но Шект большой специалист в этой области и мог бы оказаться мне очень полезным.

— Понимаю. В таком случае рекомендательное письмо для вас будет немедленно приготовлено. Только, конечно, не надо упоминать о ваших намерениях относительно Запретных Земель.

— Это понятно, ваше превосходительство.— Арвардан встал.— Благодарю за вашу любезность и приветливость и могу только надеяться, что Совет Древних отнесется либерально к моему проекту.

После ухода Арвардана вошел секретарь. На его лице играла столь характерная для него язвительная улыбка.

— Отлично,— сказал Балкис,— вы вели себя совершенно правильно, ваше превосходительство.

Верховный Министр мрачно посмотрел на него и спросил:

— Что это было насчет Шекта?

— Вы озадачены? Напрасно. Все идет как надо. Заметили реакцию на то, что вы не поддерживаете его проект?

Было ли дальнейшее ответом ученого, раздосадованного тем, что кое-что уплывает у него из-под носа без видимой причины? Или же это было ответом человека, играющего определенную роль, от которой он не прочь избавиться? И снова странное совпадение. Шварц бежит и направляется в Чику. На следующий день Арвардан появляется здесь и после ничего не значащей болтовни насчет своей экспедиции случайно упоминает о том, что намерен отправиться в Чику и повидаться с Шектом.

— Но почему он об этом сообщил, Балкис? Это выглядит почти глупо.

— Потому что вы прямолинейны. Поставьте себя на его место. Он воображает, что вам ничего не известно. В таком случае псбеждает смелость. Он направляется на встречу с Шектом. Хорошо! Он честно заявляет об этом, даже просит рекомендательное письмо. Какие же еще гарантии своей честности и невинности он может представить? И это подводит нас к следующему пункту: Шварц мог обнаружить, что за ним наблюдают, мог убить Наттера, но у него не хватило времени предупредить остальных, иначе подобная комедия не была бы разыграна.— Пока секретарь рассуждал, глаза его оставались полужакрытыми.— Невозможно сказать, сколько пройдет времени, прежде чем отсутствие Шварца покажется им подозрительным, но его должно хватить для встречи Арвардана с Шектом. Мы поймаем их вместе, тогда они не смогут отрицать тот факт, что знакомы.

— Но все-таки, сколько у нас времени? — настойчиво спросил Министр.

Балкис задумчиво посмотрел на него.

— Расписание не совсем точное, а с тех пор, как мы обнаружили предательство Шекта, эта неточность увеличилась. Но теперь нам нужно только дождаться математических расчетов необходимых орбит. Нас задерживает неадекватность наших компьютеров. И все же... теперь речь идет уже о днях. Днях!

— Дни! — в голосе Министра слышались торжество и ужас.

— Дни! — эхом отозвался секретарь.— Но помните: одной бомбой, выпущенной хотя бы на две секунды раньше времени зеро, будет достаточно, чтобы нас остановить. И даже после этого возможен период от одного до шести месяцев, когда могут быть предприняты репрессии. Так что мы не в полной безопасности.

— Дни! А потом — самая невероятная односторонняя битва в истории Галактики, когда одна Земля нападет на всю Галактику!

Руки Верховного Министра слегка дрожали.

Арвардан снова сидел в стратоплане. Его одолевала ярость. Казалось, не было причин полагать, что Верховный Министр и его психопаты-подданные разрешат официальное вторжение на радиоактивные земли, Арвардан, в принципе был готов к этому. Он мог вооружить свой корабль и ринуться в битву в любую минуту.

Кровавые дураки! Кем они, собственно, себя считают? Арвардан знал. Они считают себя настоящими людьми, обитателями планеты-матери. Самым худшим было то, что они правы.

Что ж... Стратоплан двинулся в путь. Откинувшись на мягкую подушку, Бел думал о том, что примерно через час будет в Чике.

Не то чтобы ему очень хотелось увидеть Чику, но этот Синапсифер мог оказаться важной штукой, глупо было бы приехать на Землю и не воспользоваться таким преимуществом. Он, конечно, никогда больше сюда не вернется. Крысиная дыра! Энниус прав.

Тем не менее, этот Шект... Арвардан нащупал рекомендательное письмо, набитое официальными фразами, и вдруг выпрямился — попытался это сделать, преодолевая силу инерции, которая вдавливала его в кресло по мере того, как Земля ускользала прочь, а голубое небо заливалось пурпуром.

Бел вспомнил имя девушки: Пола Шект. Как можно было забыть? Он почувствовал себя обманутым и рассердился. Память сыграла с ним шутку, пряча фамилию в своих недрах до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Но в глубине души Арвардан обрадовался этому.

Глава четырнадцатая

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

За два месяца, что прошли со дня испытания действия Синапсифера на Иосифе Шварце, физик полностью изменился. Не столько физически, хотя, возможно, он стал

больше сутулиться и слегка похудел. Изменилось его поведение. Он сделался рассеянным и болезненным, почти ни с кем не общался, избегая даже самых близких коллег, и упорство, с которым он всех избегал, видно было даже слепому. Лишь с Полой Шект делился своими сомнениями, наверное, потому, что и она тоже оказалась в странной изоляции.

— За мной следят, — повторял он. — Я почему-то это чувствую. Ты знаешь, что это такое? За последние месяцы в институте, кажется, не стало такого человека, которому я мог бы доверять. Меня ни на минуту не оставляют одного, всегда кто-то рядом. Мне даже не позволяют писать отчеты.

Пола и сочувствовала отцу, и посмеивалась над ним, повторяя снова и снова:

— Но что у них может быть против тебя? Даже если ты и экспериментировал на Шварце, не такое это ужасное преступление. Ну вызвали бы, прочитали нотацию.

Однако желтое лицо старика было растерянным и несчастным, когда он пробормотал:

— Меня не оставят в живых. Близятся мои Шестьдесят, и меня не оставят в живых.

— После того, что ты сделал? Чепуха!

— Я слишком много знаю, Пола, а мне не доверяют.

— О чем ты слишком много знаешь?

В тот вечер Шект чувствовал себя особенно усталым, ему хотелось снять с себя всю тяжесть тайны. Доктор все рассказал дочери. Вначале Пола не поверила этому, а потом, когда недоверие прошло, девушку охватил ужас.

На следующий день Пола позвонила в Стейн-хауз из общественного коммуникационного пункта, находившегося на другом конце города. Накрыв мембрану носовым платком, она попросила позвать доктора Бела Арвардана.

Его не было. Полагали, что он в Конэр, в шести тысячах миль от Чики, однако он не слишком точно придерживался своего расписания. Да, он непременно должен вернуться в Чикку, но когда — не знают точно. Не назовет ли она свое имя? Тогда ему обязательно передадут.

Пола прервала разговор и приложила пылающую щеку к стеклу будки, обрадованная его прохладе. Глаза ее были полны непролитых слез.

Дура! Он так помог ей, а она оттолкнула его. Он рисковал своим здоровьем, а может быть, и жизнью, чтобы защитить достоинство маленькой землянки перед внешними, а она...

Сто кредиток, посланные в Стейн-хауз на следующее утро после происшествия вернулись без какой-либо сопроводительной записки. Тогда у Пола мелькнула мысль позвонить ему и извиниться, но она побоялась.

Стейн-хауз предназначался только для внешних, как же она могла туда проникнуть? Она даже и не видела его никогда, разве что издали. Но теперь Пола позвонила бы даже во дворец Прокуратора, только бы...

Только он мог ей теперь помочь, он, внешний, способный говорить с землянами с позиции равенства. Почти невозможно было догадаться, что Арвардан внешний, если бы он сам об этом не сказал. Этот человек сильный и уверенный в себе и должен знать, что нужно предпринять.

Ведь должен же кто-то знать, ибо незнание означает уничтожение всей Галактики.

Конечно, многие внешние заслуживают такой судьбы, но разве все? А женщины, дети, больные, старики? Добрые и хорошие люди? Арварданы? Те, кто никогда и не слышал о Земле? А ведь в конце концов все они — люди. Подобная ужасная месть на все времена перечеркнула бы любую справедливость, на которую может — нет, могла — претендовать Земля во имя морей пролитой крови.

А потом из ниоткуда позвонил Арвардан. Доктор Шект покачал головой:

— Я не могу с ним говорить.

— Ты должен, — с яростью бросила Пола.

— Здесь? Это невозможно, это означает конец для нас обоих.

— Тогда не надо. Я позабочусь обо всем сама.

Сердце ее громко пело в груди. Конечно, это только потому, что ей представляется возможность спасти мириады человеческих жизней. Пола вспомнила широкую открытую улыбку, вспомнила, как спокойно Арвардан одержал верх над полковником, как тот, склонив голову, извинялся перед ней, земной девушкой, которая получила право прощать его.

Бел Арвардан мог все!

Арвардан, конечно, ничего об этом не знал. Отношение Шекта — а оно ему показалось необоснованно грубым — Бел присовокупил ко всем странностям, уже встреченным им на Земле. Здесь, в приемной старательно лишенного жизни офиса, он чувствовал себя нежелательным вторженцем и старался подобрать нужные слова:

— Я ни за что не осмелился бы отвлекать вас своим визитом, доктор, если бы не профессиональный интерес

к вашему Синапсиферу. Говорят, вы, в отличие от многих землян, настроены дружелюбно к людям Галактики.

Это вступление явно оказалось неудачным, ибо доктор Шект поспешно вскочил:

— Не знаю, кто дал вам эту информацию, но тот человек явно ошибся, навязав мне симпатию к чужеземцам. Я не испытываю ни симпатий, ни антипатий. Я — землянин...

Губы Арвардана сжались, и он направился к выходу.

— Понимаете, доктор Арвардан,— остановил его торопливый шепот,— мне очень жаль, но я действительно не могу...

— Я понимаю,— холодно ответил археолог, хотя не понимал абсолютно ничего.— Всего хорошего, сэр.

Доктор Шект слабо улыбнулся:

— Давление, оказываемое моей работой...

— Я тоже очень занят, доктор Шект.

Арвардан повернулся к двери, внутренне проклиная все земное племя и чувствуя, как в груди закопошились слова, которые почти не задевали его чувств дома, например, поговорка: «Вежливости на Земле столько же, сколько сухости в океане» или «Землянин даст вам все, что ничего не стоит, а ценится еще меньше».

Рука Бела уже пересеклась с фотоэлектрическим лучом, с помощью которого открывалась входная дверь, когда он услышал за собой звук торопливых шагов и легкий свист. В руке у него оказался кусочек бумаги, а когда он обернулся, то успел лишь заметить, как мелькнуло что-то красное.

Арвардан сел в наземную машину и только после этого развернул бумажку. На ней было торопливо выведено следующее:

«Спросите, как пройти в Большой игорный дом, и будьте там сегодня в восемь вечера. Убедитесь, что за вами не следят».

Арвардан сердито нахмурился и перечитал записку несколько раз, словно надеясь разглядеть следы симпатических чернил, затем невольно оглянулся. Улица была пуста. Бел поднял руку, чтобы выбросить комок бумаги в окно, но передумал и опустил его в карман пиджака.

Если бы оказалось, что в этот вечер у него были другие дела, вне всякого сомнения, данный момент можно было бы считать концом повествования, а также началом конца галактической цивилизации. Но случилось так, что других дел у Арвардана не оказалось.

Разворачиваясь, он гадал про себя, не была ли эта записка...

В восемь часов Арвардан медленно двигался в потоке наземных машин по извилистой дороге, ведущей, видимо, к Большому игорному дому. Прохожий, у которого Бел уточнил путь, подозрительно посмотрел на него (очевидно, все земляне обладали исключительной подозрительностью) и коротко бросил:

— Вам нужно только следовать за всеми остальными машинами.

Оказалось, все машины действительно направлялись к игорному дому, ибо, добравшись туда, Арвардан обнаружил, что все они одна за другой исчезают в подземном паркинге. Бел отделился от общей шеренги, медленно проехал за игорный дом и стал ждать сам не зная чего.

Стройная фигура отделилась от ограды и скользнула к его машине. Арвардан насторожился, вздрогнул, но дверца отворилась, и человек оказался в машине.

— Прошу прощения,— сказал Бел,— но...

— Ш-ш-ш-ш! — Человек опустился на сидение.— За вами следили?

— А разве должны были?

— Не нужно шутить. Поезжайте вперед, повернете, когда я скажу. Боже, чего вы ждете?

Бел узнал голос. Капюшон соскользнул на плечи, и показались светло-каштановые волосы. Темные глаза внимательно изучали его.

— Поезжайте, — мягко произнесла она.

Арвардан так и сделал, и в течение пятнадцати минут девушка ничего не говорила, если не считать указаний насчет дороги. Бел украдкой поглядывал на нее и со странным удовольствием думал о том, что она гораздо красивее, чем показалась ему в первый раз. Странно, но он не чувствовал теперь никакой обиды.

Следуя указаниям Пола, Арвардан остановил машину на углу пустынного делового квартала. Осторожно оглядевшись, девушка знаком велела ему проехать вперед по дороге, в конце которой находился частный гараж.

Дверь за ними закрылась. Единственным освещением был светильник машины. Пола серьезно посмотрела на спутника.

— Доктор Арвардан, извините, но я была вынуждена сделать все это, чтобы поговорить с вами с глазу на глаз. Я знаю, что не могу рассчитывать на расположение после того...

— Не думайте об этом,— робко сказал Бел.

— Я хочу, чтобы вы поверили: в конце концов я поняла, насколько глупо и жалко вела себя той ночью. У меня просто нет нужных слов, чтобы выразить свое сожаление...

— Прошу вас, не надо.— Арвардан отвел глаза.— Мне следовало вести себя дипломатичнее.

— Но...— Пола помолчала, собираясь с духом.— Я привела вас сюда не для этого. Вы — единственный из всех встреченных мною внешних, кто может быть честным и благородным, и мне нужна ваша помощь.

Холодный страх закрался в душу Арвардана. Что это? Что все это значит? Страх Бела выразился в сдержанном:

— Да?

— Нет, дело не во мне, доктор Арвардан,— воскликнула Пола.— Речь идет о всей Галактике.

— Что же случилось?

— Не думаю, чтобы за нами следили, но если вы услышите какой-нибудь шум, то вы...— Пола опустила глаза.— Обнимите меня. Понимаете...

Бел кивнул.

— Уверен, что смогу без труда симпровизировать. Но обязательно ли ждать шума?

Пола покраснела.

— Прошу вас, не шутите, иначе я подумаю, что обманулась в своих ожиданиях. Просто это единственный способ отвести подозрение, единственный убедительный.

— Неужели дела обстоят так плохо? — тихо спросил Арвардан и с любопытством посмотрел на нее.

Пола казалась такой юной и нежной, и он подумал, что все это в какой-то мере нечестно. Никогда в жизни Бел не действовал неблагоразумно и гордился этим. Он был человеком сильных эмоций, но умел бороться с ними и побеждать их. А здесь, только потому, что девушка казалась слабой и незащитной, он поддался неразумному порыву защитить ее.

— Дела обстоят очень серьезно,— начала Пола.— Сначала, вероятно, вы мне не поверите, но я хочу, чтобы вы постарались поверить, чтобы вы исходили из того, что я искренна, но больше всего я хочу, чтобы вы присоединились к нам после того, как я вам все объясню. Вы попытаетесь? Я займу у вас пятнадцать минут, и, если вы решите, что я не стою вашего доверия или времени, я уйду, и на этом все кончится.

— Пятнадцать минут?

Губы Арвардана дрогнули в непроизвольной улыбке. Сняв с руки часы, он положил их перед собой. Девушка стиснула руки на коленях и твердо посмотрела вперед.

Арвардан задумчиво наблюдал за ней — гладкая мягкая линия подбородка, отрицающая ту твердость, которую она старалась ему придать, тонкий нос, странно-насыщенная окраска кожи, столь характерная для землян.

Краем глаза Пола взглянула на него и мгновенно отвела взгляд. Бел уловил это движение. Впервые, с тех пор как она села в машину, на ее губах возникла слабая улыбка. Доктор бессознательно отмечал мельчайшие детали ее внешности.

— Меня удивляет, и я подумала об этом еще в прошлую ночь, почему вы не носите свинцовую одежду, если вы внешний? Это меня и ввело в заблуждение. Внешние обычно похожи на мешки с картошкой.

— А я?

— О, нет! — Пола оживилась. — Вы похожи на древнюю мраморную статую, только вы теплый и живой. Простите мне такую дерзость.

— Вы хотите сказать, будто я считаю, что вы земная девушка, не знающая своего места. Перестаньте думать обо мне подобным образом, иначе мы не сможем быть друзьями. Я не верю в эту болтовню насчет радиоактивности Земли. Лабораторные опыты на животных вполне убедили меня, что при обычных обстоятельствах радиация не причинит мне вреда. Я пробыл здесь два месяца и пока не чувствую себя больным, и волосы у меня не выпадают. — Арвардан подергал себя за волосы. — Язвы в желудке нет. И я сомневаюсь, что мои мужские способности находятся под угрозой, хотя, признаюсь, в этом отношении принял кое-какие меры предосторожности. Но в свинцовом защитном костюме, поверьте, нужды нет.

Он сказал это серьезно, и Пола снова улыбнулась.

— Думаю, вы немного безумны, — сказала она.

— Да? Вы бы удивились, узнав, сколько умных и известных археологов посвящали этому длинные речи.

— Вы выслушаете меня теперь? — спохватилась Пола. — Пятнадцать минут истекли.

— А как вы думаете?

— Думаю, согласитесь, иначе не просидели бы столько времени, да еще после того, что я сделала.

— Неужели вы считаете, что мне стоило усилий остаться рядом с вами? Если так, то вы ошибаетесь. Знаете,

Пола, я никогда не видел, я уверен, такой красивой девушки, как вы.

Она испуганно взглянула на спутника.

— Прошу вас, не надо, я не к этому клонила. Неужели вы мне не верите?

— Ну что вы, Пола. Расскажите. Я поверю вам и помогу.

Арвардан был совершенно искренен. Если бы сейчас понадобилось, он не остановился бы и перед самим Императором. Арвардан еще никогда не был влюблен, и когда это слово пришло ему на ум, вздрогнул. Любовь к земной девушке?

— Вы видели моего отца, доктор Арвардан?

— Доктор Шект ваш отец? Прошу вас, называйте меня Белом. Я же зову вас Полой.

— Если вы этого хотите, я попытаюсь. Мне кажется, вы очень на него рассердились.

— Он был не слишком вежлив.

— Отец не мог вести себя иначе — за ним следят. И мы еще раньше договорились, что он постарается избавиться от вас, а я увижусь с вами позже. Здесь.— Пола перешла на шепот.— На Земле должна произойти революция.

Арвардан не мог скрыть изумления.

— На всей Земле?

Лицо Полы вспыхнуло сердитым румянцем.

— Не смейтесь надо мной. Вы обещали выслушать меня и поверить. На Земле должна произойти революция, и это серьезно, потому что Земля способна уничтожить всю Империю.

— Земля в состоянии это сделать? — Арвардан подавил смех и мягко добавил: — Пола, как у вас обстояли дела с галактографией?

— Не хуже, чем у остальных, учитель, но какое это имеет отношение к происходящему?

— Имеет. Галактика занимает пространство объемом в несколько миллионов кубических световых лет. В состав ее входят двести миллионов населенных планет, и численность всего населения равняется приблизительно пятистам квадриллионам человек. Верно?

— Видимо, так, если вы говорите.

— Да, так, поверьте мне. Далее. Земля является единичной планетой с населением в двадцать миллионов и без всяких ресурсов. Иными словами, на одного землянина приходится двадцать пять миллиардов граждан Галактики.

Теперь скажите: какой вред может причинить Земля при такой расстановке сил?

В душе девушки на мгновение зародилось сомнение, но она быстро очнулась.

— Бел,— тон Полы не оставлял сомнений,— я не могу на это ответить, но мой отец может. Он не сообщил мне подробностей, потому что считает, что они могут стоить мне жизни, но он сделает это теперь, если вы пойдете со мной. Отец сказал, что Земле известен способ уничтожить всю жизнь, кроме земной, и он, наверное, прав. Он всегда оказывался прав.

Щеки ее порозовели, и Арвардан с трудом удержался от желания коснуться их. Касался ли он ее раньше и чувствовал ли ужас при этом? Что с ним происходит?

— Сейчас больше десяти? — спросила Пола.

— Да,— ответил Бел.

— Тогда отец должен быть наверху, если только его не схватили.— Она огляделась и непроизвольно вздрогнула.— Мы не можем войти в дом прямо из гаража, и если вы пойдете со мной...

Девушка уже положила ладонь на ручку машинной дверцы, но вдруг замерла, голос ее перешел в хриплый шепот:

— Там кто-то идет. О, скорее...

Все остальное напоминало единый долгий глоток, потом Арвардан не мог разделить его на детали. В одно мгновение он протянул к ней руки, и Пола оказалась совсем рядом, теплая и нежная. Губы ее задрожали подле его губ, а потом — бесконечное море нежности.

Секунд через пятнадцать Бел попробовал скосить глаза, чтобы рассмотреть причину тревоги, но ему это сделать не удалось. Он был ослеплен светом звезд, оглушен ударами собственного сердца.

Губы Полы отдалились, но Бел продолжал ощущать их, потом потянулся, снова нашел их. Руки его сомкнулись, Пола растворилась в объятиях, их сердца забились в унисон.

Поцелуй был долгим, затем они оторвались друг от друга, но все еще сидели некоторое время рядом, щека к щеке.

Арвардан никогда раньше не был влюблен и сейчас просто не мог подобрать нужных слов. Да и зачем? Земная она девушка или нет, Галактика не могла произвести ничего подобного ей. Он мечтательно произнес:

— Наверное, это был шум машины.

— Нет,— прошептала Пола,— я не слышала никакого шума.

Она сидела теперь на расстоянии вытянутой руки, и ее глаза не могли лгать.

— Вы — дьяволенок. Вы серьезно?

В глазах Пола мелькнули лукавые искры.

— Я хотела, чтобы вы меня поцеловали — и не жалею об этом.

— Вы думаете, я жалею? Поцелуйте меня снова, и на этот раз потому, что этого хочется мне.

И снова сладкое мгновение... Вдруг Пола отпрянула, поправила волосы и ворот платья.

— Думаю, теперь нам пора в дом. Погасите свет в машине. У меня есть карандаш-фонарь.

Бел вышел из машины следом за ней, и в темноте Пола превратилась в неясную тень за маленьким световым пятном — светом ее фонарика.

— Возьмите меня под руку,— сказала она.— Нам придется подниматься по ступенькам.

Арвардан шепнул:

— Я люблю вас, Пола.— Это получилось так легко и прозвучало так уверенно, что он повторил: — Я люблю вас, Пола.

— Но ведь вы меня почти не знаете, — резко сказала она.

— Неправда. Я знаю вас всю свою жизнь, клянусь вам! Всю жизнь. Пола, два месяца я думал и мечтал о вас!

— Я ведь землянка, сэр.

— Тогда и я стану землянином. Испытайте меня.

Бел остановил девушку, взял ее руку с фонариком и поднял. Фонарик осветил ее мокрое от слез лицо.

— Почему ты плачешь?

— Потому что, когда мой отец расскажет вам обо всем, вы поймете, что не можете любить земную девушку.

— Испытайте меня и в этом.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ШАНСЫ

Арвардан и Шект встретились в дальней комнате на втором этаже дома. Окна были тщательно поляризованы, до полной непрозрачности. Пола осталась внизу. Встреченная, она сидела в кресле и наблюдала за пустынной темной улицей.

Внешний вид Шекта резко изменился за истекшие десять часов. Лицо физика по-прежнему было измученным и бесконечно усталым, но если раньше оно казалось неуверенным и робким, то теперь хранило выражение почти непоколебимой уверенности.

— Доктор Арвардан,— сказал он твердо,— я должен извиниться перед вами за утренний инцидент. Надеюсь, вы поймете...

— Действительно, сэр, раньше я не мог этого понять, но сейчас, кажется, понимаю.

Шект опустился в кресло и потянулся к бутылке с вином. Арвардан отрицательно покачал головой.

— Если не возражаете, я бы вначале поел фруктов. Что это? По-моему, раньше я ничего подобного не встречал.

— Апельсины,— пояснил Шект.— Думаю, такой сорт встречается только на Земле. Кожа снимается очень легко.

Он продемонстрировал это, и Арвардан, с любопытством понюхав фрукт, вонзил зубы в винную мякоть. У него вырвалось восторженное восклицание.

— Да ведь это просто превосходно, доктор Шект! Земля никогда не пыталась их экспортировать?

— Древние,— мрачно проговорил биофизик,— и слышать не хотят о торговле с внешними. Да и наши соседи по космосу не хотят с нами торговать. Это один из аспектов наших трудностей.

Арвардан почувствовал легкое раздражение.

— Но это же такая глупость! Право, недолго разочароваться в человеческом разуме, когда видишь, что может ему сопутствовать.

Шект пожал плечами с терпимостью, которой научила его жизнь.

— Боюсь, это часть почти неразрешимой проблемы антитеррианизма.

— Но особенно возмутительно то, что разрешение этой проблемы кажется никому не нужным! — воскликнул археолог. — Сколько землян идут на поводу у ситуации, смертельно ненавидя всех без разбора граждан Галактики! Это почти всеобщая болезнь — ненависть за ненависть. Хотят ли ваши люди равенства, взаимной терпимости? Нет! Большинство из них жаждет лишь такого положения, при котором они играли бы главенствующую роль.

— Возможно, ваши слова несут в себе большую правду, — печально отозвался Шект, — не могу этого отрицать, но они не охватывают всего. Дайте нам шанс, и новое поколение вырастет зрелым, лишенным предвзятости и верящим в единство людей. Ассимиляторы с их терпимостью и верой в возможность всеобщего компромисса не раз становились заметной силой на Земле. Я — один из них. Или, по крайней мере, был когда-то. Но теперь на Земле правят зилоты, крайние националисты, мечтающие о господстве. Именно от них надо защищать Империю.

Арвардан нахмурился.

— Вы отрицаете революцию, о которой говорила Пола?

— Доктор Арвардан, — мрачно проговорил Шект, — убедить кого-либо в смехотворной возможности того, что Земля способна одержать победу над Галактикой — задача нелегкая, однако это правда. Я не храбрец, и мне очень хочется жить. Можете представить себе, что должно было вынудить меня пойти на риск, стать предателем в глазах местной администрации, которая и так уже ополчилась против меня.

— Что ж, — сказал Арвардан, — если это так серьезно, мне стоит сразу же сообщить вам одну вещь: я помогу всем, чем только смогу, но лишь в пределах возможностей гражданина Галактики. У меня нет здесь официального положения, нет и особого влияния в Суде или даже во Дворце Прокуратора. Я — именно тот, кем кажусь: археолог, член научной экспедиции, преследующий лишь свои собственные интересы. Поскольку вы готовы пойти на риск предательства, не лучше ли вам повидаться с Прокуратором? Он действительно способен кое-что предпринять.

— Именно этого я и не могу сделать, доктор Арвардан. Именно от такого случая и охраняют меня Древние. Когда сегодня утром вы приехали ко мне, я даже подумал, что вы можете оказаться посредником. Я думал, что Энниус что-то подозревает.

— Возможно, я за это не отвечаю, но посредником не являюсь. Сожалею. Если вы настаиваете на том, чтобы

сделать меня своим доверенным лицом, я могу обещать вам, что увижусь с ним.

— Благодарю вас. Это все, о чем я прошу. И еще... чтобы вы использовали влияние наиболее благожелательных официальных лиц и не допустили слишком сильных репрессий.

— Конечно.

В тот момент Арвардан был убежден, что имеет дело с немолодым эксцентричным параноиком, безобидным, возможно, но совершенно безумным. Однако ему не оставалось ничего другого, как слушать и пытаться сгладить проявления безумия мягкостью — ради Пола.

— Доктор Арвардан, вы слышали о Синапсифере? Сегодня утром вы говорили, что слышали.

— Да. Я читал вашу статью в «Физическом журнале», беседовал относительно этого прибора с Прокуратором и с Верховным Министром.

— С Верховным Министром?

— Ну да. Когда просил дать мне рекомендательное письмо, которое вы, кажется, отказались просмотреть.

— Мне очень жаль. Но я хотел, чтобы вы... Что конкретно известно вам о Синапсифере?

— Это очень интересное начинание. Назначение его состоит в том, чтобы улучшать способности к обучению. Он с успехом был проверен на животных, но испытание его на людях оказалось безуспешным.

Шект выглядел глубоко опечаленным.

— Да, статья не могла вам дать никаких других сведений. Она опубликована как признание в поражении, а успешные результаты были намеренно скрыты.

— Гм... Несколько необычное отношение к этике ученого, доктор Шект.

— Допускаю. Но мне пятьдесят шесть лет, сэр, и если вам что-нибудь известно об обычаях Земли, то вам известно и то, что жить мне осталось недолго.

— Шестидесят. Да, я об этом слышал, и, собственно, гораздо больше, чем мне хотелось.— Бел с неприязнью вспомнил свое первое путешествие на земном стратолайнере.— Я слышал, для некоторых известных ученых делаются исключения.

— Да, но решает это Верховный Министр и Совет Древних, и изменить их решение не волен даже Император. Мне было сказано, что цена моей жизни — держать в тайне все, что касается Синапсифера, и упорно работать для его улучшения.— Шект беспомощно развел руками

Мог ли я тогда предполагать о последствиях, о том, каким образом станут использовать прибор?

— И как же? — Арвардан извлек из портсигара сигарету и предложил другую собеседнику, но тот отказался.

— Потом... Когда мой эксперимент достиг такого этапа, на котором, как я считал, прибор мог быть безопасно проверен на людях, некоторых из биологов-землян подвергнули его действию. В каждом случае это были люди, которые, как мне известно, симпатизировали зилотам, то есть экстремистам. Все они выжили, хотя через некоторое время проявилось побочное действие. Одного из них позднее доставили для дальнейшего лечения. Я не смог его спасти, но когда он находился в предсмертной горячке, кое-что узнал.

Было уже около полуночи. День оказался долгим и насыщенным событиями, но Арвардан сохранял полную ясность ума. Он напряженно заметил:

— Хотелось, чтобы вы перешли к сути дела.

— Понимаю,— сказал Шект,— что испытываю ваше терпение. Но для того, чтобы вы поверили, я должен объяснить все подробно. Вам, конечно, известно о странном окружении Земли, о ее радиоактивности?

— Да, мои знания по этому вопросу обширны.

— И вам известно также о влиянии этой радиоактивности на экономику Земли?

— Да.

— Тогда я не стану подробно останавливаться на этом аспекте. Скажу только, что процесс мутации на Земле оказался несравненно более сильным, чем в остальной части Галактики. Утверждение наших врагов, что Земля отличается от всех прочих, имеет под собой научную основу. Собственно, речь идет даже не столько о самой мутации, так как большая часть ее процессов не имела продолжения. А то изменение, которому земляне подвержены постоянно, базируется на свойстве их организма приспосабливаться к окружающей среде. Так, они показали большую сопротивляемость действию радиации, у них быстрее заживает обгоревшая ткань...

— Доктор Шект, я знаком со всем этим.

— Тогда приходила ли вам когда-нибудь мысль, что эти мутационные процессы присущи и другим существам, живущим на Земле, причем, в гораздо большей степени, чем людям?

Последовало недолгое молчание. Затем Арвардан ска-

— Нет, я как-то не думал об этом, хотя теперь, когда вы об этом сказали, я понимаю, что такое возможно.

— Так оно и есть. Наши домашние животные существуют в неизмеримо большем разнообразии, чем в любом из других миров. Апельсин, который вы съели, является плодом длительной мутации, которой не было больше нигде. И это наряду с прочими обстоятельствами делает бесполезными усилия достичь подобного эффекта, как делает бесполезным экспорт таких же плодов. Внешние стали бы относиться к ним с таким же подозрением, с каким относятся к нам, а сами мы охраняем этот плод как нечто такое, что принадлежит только нам. И, конечно, то, что касается животной и растительной жизни, касается также и микроорганизмов.

Именно тут Арвардан почувствовал, как в его душу закрадывается страх.

— Вы имеете в виду бактерии?

— Я имею в виду все многообразие примитивной жизни; протозоа, бактерии и самовоспроизводящиеся протеины, называемые иначе вирусами.

— К чему вы клоните?

— Думаю, вы и сами уже начали понимать, доктор Арвардан. Наконец-то вы заинтересовались. Видите ли, среди ваших существует вера в то, что земляне являются носителями смерти, общение с землянином означает смерть, земляне приносят несчастье, они могут сглазить.

— Все это мне известно. Это суеверие.

— Не совсем так. И это — самое ужасное. Подобно всем остальным верованиям, суеверия, какими бы извращенными и искаженными они ни были, содержат определенную долю истины. Видите ли, иногда землянин несет в своем теле некую мутированную форму микроскопического паразита, которого больше нигде не встретишь и против которого внешние почти не имеют иммунитета. То, что за этим следует, всего лишь биология, доктор Арвардан.

Арвардан молчал. Шект продолжал:

— Мы тоже, конечно, оказывались иногда пойманными. Новые образцы микробов, случается, выныривают из радиоактивной мглы, эпидемия охватывает планету, но большая часть землян благополучно выкарабкивается. Против разнообразия микробов и вирусов мы поколениями выстраиваем защиту и выживаем. У ешных такой возможности нет.

Арвардан ощущал странную пустоту в груди.

— Вы хотите сказать, что всякий контакт...— он произвольно отодвинул стул, думая о вечерних поцелуях.

Шект покачал головой.

— Конечно, нет. Мы не создаем болезни, мы только их переносим, да и то в очень редких случаях. Живи я в вашем мире, я бы переносил микробы не чаще, чем вы. У меня нет для этого специальных свойств. И даже здесь лишь один из каждого квадрильона микробов, а может, и один из квадрильона квадрильонов является опасным. Шанс, что вы прямо сейчас получите инфекцию, меньше, чем тот, что метеорит пробьет крышу этого дома и поразит вас. Если только микроб не будет намеренно найден для этой цели, изолирован и концентрирован.

После молчания, длившегося на этот раз немного дольше, Арвардан спросил прглушенным голосом:

— И земляне это делают?

О паранойе он думать перестал и готов был во все поверить.

— Да. Вначале по невинным причинам. Наши биологи, конечно, проявляют интерес к странностям земной жизни, и в последнее время они выделили вирус лихорадки обыкновенной.

— Что такое «лихорадка обыкновенная»?

— Земная болезнь средней сложности. Собственно, она всегда с нами. Большая часть землян болеет ею в детстве, и симптомы не слишком суровы: озноб, быстро-проходящая сыпь, воспаление суставов и слизистой оболочки губ, соединенное с раздражающим ощущением жажды. Болезнь проходит в течение четырех-шести дней, и переболевший получает иммунитет. Я болел ею. Пола тоже. Иногда встречаются более сложные формы этой болезни, вероятно, они зависят от легкого изменения вируса,— и тогда это называется радиационной лихорадкой.

— Я слышал о радиационной лихорадке,— сказал Арвардан.

— Вот как? Она называется радиационной из-за ошибочного суждения, что ею можно заболеть после пребывания на радиоактивных территориях. И действительно, радиационная лихорадка часто следует за пребыванием на зараженных радиацией территориях, потому что именно там вирус претерпел особенно сильную мутацию, переродившись в опасную форму. Но дело в самом вирусе, а не в радиации. В случае радиационной лихорадки симптомы развиваются в течение двух часов. Губы так сильно напухают, что заболевший едва способен говорить, и через

несколько дней он может умереть. А теперь, доктор Арвардан, я подхожу к основному пункту. Сами земляне адаптировались к обыкновенной лихорадке, а внешние — нет. Случалось, член имперского гарнизона подхватывал ее и реагировал на нее так же, как землянин реагировал бы на радиационную лихорадку. Обычно не позже чем через двенадцать часов следует смерть. Труп сжигается землянами, потому что другие солдаты, находившиеся поблизости, тоже могут умереть. Вирус, как я уже сказал, был выделен десять лет назад. Как и большая часть фильтрующих вирусов, он представляет собой нуклеопротеин, который, тем не менее, содержит необычно высокую концентрацию радиоактивного угля, серы и фосфора. Когда я говорю «необычно высокую», имею в виду, что пятьдесят процентов его угля, серы и фосфора являются радиоактивными. Это ведет к тому, что реакция организма на подобного гостя является более сильной, чем обычно на радиацию или токсин. Естественно, кажется вполне логичным, что земляне, адаптировавшиеся к гамма-радиации, поражаются лишь незначительно. Исследования вируса сосредоточивались вначале на методе, следствием которого была концентрация радиоактивных изотопов. Как вам известно, в химии нет способов выделить изотопы, если только речь не идет о серии долгих, кропотливых процедур. Неизвестен и другой организм, кроме этого вируса, который может это сделать. Но потом направление исследований изменилось. Я буду краток, доктор Арвардан. Думаю, остальное вы и так понимаете. Эксперименты могли производиться на животных, родившихся вне Земли, но не на самих внешних, поскольку число их на Земле слишком значительно, чтобы позволить некоторым из них бесследно исчезнуть. Нельзя было выдавать свои планы раньше времени. Итак, отобрали и послали к Синапсиферу группу бактериологов. Вернулись они с полностью измененными способностями. Именно они развернули новое с позиций математики нападение на протеиновую химию и на иммунологию, что позволило им, в конце концов, создать искусственную разновидность вируса, способного поражать только людей Галактики — внешних. В настоящее время существуют тонны кристаллизированных вирусов.

Арвардан был измучен до предела. Капли пота стекали по его вискам и щекам.

— Значит, — выдохнул он, — Земля намерена направить эти вирусы на Галактику, и это станет началом огромной бактериологической войны...

— Которую мы не можем проиграть, а вы не можете выиграть. Как только начнется эпидемия, каждый день будут умирать миллионы, и ничто не остановит этот процесс. Испуганные беженцы ринутся через космос и понесут с собой вирусы, а если вы попытаетесь взорвать такую планету, эпидемия разразится вновь в новом центре. И никто не свяжет это с Землей. К тому времени как наши собственные выжившие начнут подозревать, разрушение зайдет настолько далеко, отчаяние внешних будет настолько глубоким, что ничего уже нельзя будет сделать.

— И все погибнет?

Нет, нельзя поддаваться этому жуткому страху!

— Возможно, нет. Наша новая бактериологическая наука работает в двух направлениях. У нас есть и анти-токсин, и налажено его производство. Он может быть использован в случае ранней капитуляции. И могут быть даже какие-то случаи естественного иммунитета.

В последовавшей за этим ужасной пустоте — у Арвардана ни на секунду не возникло сомнения в том, что все услышанное им — правда, ужасающая правда, уничтожающая шансы, даваемые расчетом двадцати пяти биллионов к одному,— голос Шекта показался тусклым и усталым.

— Это делает не Земля, а горсточка лидеров, чьи умы извращены гигантским давлением со стороны Галактики. Они ненавидят всех, кто сдерживает их извне, желают любой ценой нанести ответный удар.

Как только это начнется, остальная часть землян должна будет последовать за ними. Что же потом? Огромная вина, которая заставит закончить начатое. Можно ли позволить части Галактики выжить, если впоследствии рискуешь наказанием?

И все же, хоть я и землянин, прежде всего я — человек. Должны ли триллионы умирать ради миллионов? Должны ли граждане всей Галактики страдать ради возмездия, пусть даже и справедливого, одной-единственной планеты? Будет ли это лучшим исходом для нас? Сила Галактики по-прежнему покоится на мирах, обладающих необходимыми ресурсами, которых мы не имеем. Земляне могут даже править на Транторе в течение жизни одного поколения, но дети их будут транторианцами и, в свою очередь, будут смотреть сверху вниз на оставшихся на Земле. Кроме того, какое преимущество приобретет Человечество, если тирания Галактики будет заменена земной тиранией? Нет, дол-

жен существовать путь, общий для всех людей, путь справедливости и свободы.

Склонив голову, Шект закрыл лицо руками.

Арвардан воспринял все как сквозь пелену. Он пробормотал:

— В том, что вы сделали, доктор Шект, нет предательства. Я немедленно отправлюсь на Эверест. Прокуратор поверит мне, должен поверить.

Раздался звук торопливых шагов, и в комнату ворвалась девушка. Лицо ее было испугано. Дверь за ней так и осталась открытой.

— Отец, там идут люди.

Доктор Шект побелел.

— Скорее, доктор Арвардан, через гараж.— Старик настойчиво подтолкнул его.— Возьмите Полу и не беспокойтесь обо мне. Я их задержу.

Но, когда они повернулись, в комнате уже находился человек в зеленом одеянии. Он слегка улыбался и небрежно поигрывал невротическим хлыстом. В парадную дверь забарабанили, послышался треск и топот ног.

— Кто вы? — требовательно спросил Арвардан, стараясь сохранить свое достоинство перед человеком в зеленом одеянии. Он шагнул вперед и заслонил собой Полу.

— Я? — хрипло произнес человек в зеленом.— Всего лишь секретарь его превосходительства Верховного Министра.— Он тоже шагнул вперед.— Я ждал довольно долго. Гм, и девушка тоже. Как несвоевременно...

Арвардан уверенно произнес:

— Я — гражданин Галактики и оспариваю ваше право задерживать меня, а также входить в этот дом без какого-либо законного разрешения.

Секретарь осторожно постучал по груди свободной рукой.

— Я обладаю всеми правами и властью на этой планете. Пройдет еще немного времени, и я стану обладать ими во всей Галактике. Вы все в наших руках, даже Шварц.

— Шварц! — почти одновременно воскликнули Шект и Пола.

— Удивлены? Идемте, я отведу вас к нему.

Последним, что осознал Арвардан, была кривая улыбка, ставшая еще шире, и свист хлыста. Его закружило и понесло сквозь алую завесу боли навстречу бесчувственности.

ВЫБИРАЙТЕ, С КЕМ ВЫ!

Некоторое время Шварц неподвижно сидел на твердой скамье одной из маленьких подземных комнат чикского исправительного дома и тревожно прислушивался.

Дом, как его обычно называли, был типичным олицетворением власти Верховного Министра и тех, кто его окружал. Мрачные угловатые стены тянулись высоко вверх, смыкаясь вокруг земных преступников. Они становились для них куда более грозными, чем власти всей Империи.

Последние столетия множество людей ожидали суда за этими стенами: совершившие подделку, избежавшие квот на продукцию, пережившие свое время, обвиненные в попытке ниспровержения местных властей или еще в каком-нибудь преступлении. Иногда, когда полное мелочных предрассудков земное судейство имело слишком уж малый смысл для искушенного имперского правительства, приговор мог быть отклонен Прокуратором, но это вызывало волну недовольства, а временами и дикие выступления. Поэтому обычно в тех случаях, когда Совет требовал смерти, Прокуратор сдавался. В конце концов пострадать должен был всего лишь землянин...

Обо всем этом Иосиф Шварц, естественно, ничего не знал. Для него все настоящее сосредоточивалось на маленькой комнатке, стены которой тускло светились, мебели, состоявшей из двух твердых скамей и стола, да на маленьком углублении в стене, где располагались соединенные вместе унитаз и умывальник. Не было окошка, сквозь которое виднелось бы небо, почти отсутствовала вентиляция.

Шварц пригладил волосы, кольцом окружавшие лысину на темени, и сел. Попытка бежать в никуда (ибо где на Земле он мог оказаться в безопасности?) была короткой, трудной и окончилась здесь.

Но, по крайней мере, для развлечения оставалось Прикосновение Разума.

Плохо это или хорошо?

На ферме оно казалось странным, беспокоящим даром природы, которого он не знал, о возможностях которого не думал. Теперь оно стало интересным объектом для исследования.

Когда в течение двадцати четырех часов в сутки не находится другого занятия, кроме как размышления о своем заключении, то можно сойти с ума. Куда лучше испытать Прикосновение на проходящих мимо тюремщиках, достичь стражников в соседних коридорах, дотянуться дальними фибрами разума даже до капитана, сидящего в далеком от этой камеры кабинете.

Иосиф осторожно проникал в разумы и исследовал их. Они напоминали грецкие орехи — сухая шелуха, из которой дождем сыпались эмоции и понятия.

В процессе этих путешествий по разумам Шварц многое узнал о Земле и Империи — больше, чем мог узнать за два месяца пребывания на ферме. Одним из сведений, повторяющимся снова и снова, так что ошибки быть не могло, являлось следующее:

Шварц был приговорен к смерти!

Ни отступления, ни сомнения, ни оговорки.

Это могло случиться сегодня. Могло случиться и завтра. Но он должен был умереть!

Почему-то Шварц принял это известие почти с благодарностью.

Дверь отворилась, и пленник вскочил, объятый страхом. Можно относиться к смерти рассудочно, даже ожидать ее, но тело — дикое животное — до последнего отвергает смерть. Так вот оно!

Нет, не оно. Вновь появившееся Прикосновение не несло в себе ничего смертельного. Это был охранник с металлическим прутom наготове.

Шварц знал, что это такое.

— Идем со мной,— резко бросил охранник.

Шварц последовал за ним, размышляя о своей странной силе. Задолго до того, как охранник смог бы применить свое оружие, задолго до того, как он хотя бы догадался, что это следует сделать, Шварц способен был поразить его беззвучно и быстро. Разум охранника подчинялся разуму Шварца. Легкое дуновение — и все могло кончиться.

Но зачем? Будут же и другие. Со сколькими он сможет справиться одновременно? Какой предельной энергией обладал его мозг?

Шварц послушно следовал за охранником.

Комната, в которую его привели, оказалась очень большой. В ней находились двое мужчин и женщина, распростертые на носилках на высоких скамьях. Это не трупы — их разумы были активными.

Парализованы! Знакомы ли они ему? Иосиф остановился посмотреть, но на его плечо легла рука охранника.

Была четвертая пластина, пустая. В разуме охранников не было смерти, и Шварц взобрался на пластину, догадываясь, что сейчас последует.

Охранник стальным прутом коснулся его рук, ног и Шварц внезапно перестал их ощущать, казалось, не осталось ничего, кроме головы, плавающей в пустоте. Он попытался осмотреться.

— Пола! Вы — Пола, правда? Девушка, которая...

Девушка кивнула. Но Шварц узнал ее не по Прикосновению, два месяца назад он этого еще не понимал, в то время его умственные способности находились еще на стадии чувствования «атмосферы». Ясность внутреннего зрения позволяла ему хорошо помнить это.

Содержимое мозга девушки дало возможность узнать многое. За девушкой лежал доктор Шект, а дальше — доктор Бел Арвардан. Шварц подслушал их имена, ощутил их отчаяние, прочувствовал следы ужаса в сознании девушки. Какое-то мгновение он жалел их, но когда вспомнил, кто они и что с ним сделали, сердце его ожесточилось. Пусть умирают!

Эти трое были здесь больше часа. Комната, в которой их оставили, предназначалась, очевидно, для собраний нескольких сотен человек. Пленники чувствовали себя одинокими и потерянными в ее глубинах, говорить было не о чем.

Горло Арвардана саднило от сухости, он то и дело поворачивал голову в тщетной попытке испытать облегчение. Это была единственная часть тела, которой он способен был двигать.

Шект лежал с закрытыми глазами, закусив бескровные губы.

Арвардан настойчиво прошептал:

— Шект, вы меня слышите?

— Что? — послышался слабый голос в ответ.

— Что вы делаете? Вы собираетесь уснуть? Думайте же, думайте!

— Зачем? О чем думать?

— Кто этот Иосиф Шварц?

Послышался голос Пола, тонкий, измученный.

— Вы не помните, Бел? Тогда в магазине, когда я впервые с вами встретилась... Так давно!

Арвардан сделал над собой огромное усилие и обнаружил, что может приподнять голову на два горящих болью дюйма. Так он увидел часть лица Пола.

— Пола!

Если бы он мог приблизиться к ней! А ведь было два месяца, которые он так и не использовал. Девушка смотрела на него, улыбаясь такой призрачной улыбкой, что ее можно было счесть улыбкой статуи, и Арвардан проговорил:

— Мы еще победим. Вот увидите.

Пола покачала головой. Шею его свело от яростного приступа боли.

— Шект,— снова сказал Арвардан.— Послушайте меня. Как вы встретились с этим Шварцем? Почему он стал вашим пациентом?

— Синапсифер. Он пришел как доброволец.

— И был подвергнут лечению?

— Да.

Арвардан отметил это обстоятельство.

— Что вынудило его прийти к вам?

— Не знаю.

— Но тогда... Может, он — имперский агент?

Шварц уловил эту мысль и втайне улыбнулся. Он не проронил ни слова, не намеревался ничего говорить и дальше.

Шект шевельнул головой.

— Имперский агент? Вы думаете так потому, что об этом сказал секретарь Верховного Министра? Да и какая разница? Он так же беспомощен, как и мы. Послушайте, Арвардан, возможно, если вы придумаете для них какую-нибудь историю, они подождут? В случае необходимости мы могли бы...

Археолог хрипло рассмеялся, и горло сжалось от взрыва боли.

— Вы думаете, это поможет нам выжить? Жить при мертвой Галактике, на развалинах цивилизации? Я предпочел бы умереть!

— Я думаю о Поле,— пробормотал Шект.

— Я тоже,— сказал Арвардан.— Спросите ее. Пола, будем сдаваться или попытаемся выжить?

— Я выбрала, на чьей я стороне,— твердо сказала Пола.— Я не хочу умирать, но если умрет моя сторона, я умру вместе с ней.

Арвардан почувствовал нечто вроде триумфа. Если бы он привез ее на Сириус, ее могли бы называть землянкой,

но она была бы ровней им, и он с радостью вбил бы зубы в глотку всякому, кто осмелился бы... Только вряд ли он привезет ее на Сириус, да и будет ли Сириус вообще? Чтобы убежать от этой мысли, Бел крикнул:

— Эй! Шварц!

Шварц на мгновение приподнял голову и посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Кто вы? — настойчиво продолжал Арвардан.— Как вы ухитрились вмешаться в это дело? Какова ваша роль в нем?

От этого вопроса все всколыхнулось в душе Шварца: безобидное прошлое, бесконечный ужас настоящего. Он в ярости бросил:

— Как ухитрился? Слушайте. Когда-то я был никем. Честный человек, работяга-портной. Я никому не причинял зла, заботился о своей семье. А потом без всякой причины оказался здесь.

— В Чике? — спросил Арвардан, не совсем улавливая ход его мыслей.

— Нет, не в Чике! — еще яростнее прокричал Шварц.— Я оказался в этом безумном мире. Ох, да какое мне дело, поверите вы или нет, но мой мир в прошлом. Мой мир имел Землю, еду и два миллиарда человек, и он был единственным миром.

Некоторое время Арвардан пораженно молчал, потом повернулся к Шекту.

— Вы способны это понять?

— Вообразите,— тоном слабого удивления проговорил Шект,— что у него был аппендикс в три с половиной дюйма длиной. Ты помнишь, Пола? И зубы мудрости, и волосы на лице.

— Да,— все так же яростно крикнул Шварц.— И мне жаль, что у меня не было хвоста, чтобы показать вам. Я — из прошлого. Я путешествовал сквозь время, только не знаю, как, не знаю, почему. А теперь оставьте меня в покое.— Внезапно он добавил: — Скоро они придут за нами. Это ожидание нас только ослабляет.

Так же внезапно Арвардан спросил:

— Вам это известно? Кто вам сказал?

Шварц не ответил.

— Это был секретарь? Плотный человек с носом как у мопса?

Шварц не мог описать внешность того, с чьим разумом общался путем Прикосновения. Но... секретарь? Это было

лишь мгновенное ощущение Прикосновения, впечатление человека властного, и он, кажется, был секретарем.

— Балкис? — В голосе Шварца появилось любопытство.

— Что? — спросил Арвардан.

— Так зовут секретаря,— прервал Шект.

— О! Что он сказал?

— Он ничего не сказал,— ответил Шварц.— Я знаю. Всем нам уготована смерть, и выхода нет.

— Он безумец,— понизив голос, проговорил Арвардан.— Вы не находите, Шект?

— Не знаю. Строение его черепа очень примитивно.

— Вы хотите сказать...— удивился Арвардан,— но это невозможно!

— Я тоже так думал.— Некоторое время голос Шекта казался слабым подобием обычного его голоса, как будто присутствие научной проблемы перестроило его разум настолько, что личные дела отошли на дальний план.— Рассчитывая, какая энергия требуется для распространения материи вдоль оси времени, определили, что в это должна быть вовлечена величина большая, нежели бесконечность, поэтому на проект всегда смотрели как на невозможный. Но другие говорили о возможности «ошибок времени», аналогичных геологическим ошибкам. Исчезали же космические корабли, и почти на виду. Был нашумевший случай с Хором Деваллоу, который вошел однажды в дом, но никогда более оттуда не вышел, и внутри его тоже не оказалось. И потом, есть планета, которую можно найти в галактографических картах прошлого столетия. Три экспедиции посетили ее, дали полное описание, а потом ее больше никто не видел. Имеются некоторые отрасли ядерной химии, которые, похоже, отрицают закон концентрации масс энергии. Они пытаются объяснить его, постулируя утечку некоторых масс вдоль оси времени. Атомы урана, например, в смеси с медью и барием в твердых пропорциях, под влиянием гамма-лучей в резонирующей системе...

— Отец,— перебила его Пола,— хватит. Совершенно бесполезно...

Но Арвардан прервал их более решительно:

— Подождите-ка, дайте подумать. Именно я могу разрешить этот вопрос. Позвольте мне задать Шварцу несколько вопросов. Послушайте, Шварц! Ваш мир был единственным в Галактике?

Шварц кивнул, потом мрачно выговорил:

— Да.

— Но вы только думали так. Я хочу сказать, вы не совершали космических путешествий, так что не могли проверить свою гипотезу. Могло существовать множество населенных миров.

— Этого я сказать не могу.

— Да, конечно. Жаль. Как насчет атомной энергии?

— У нас была атомная бомба. Уран и плутоний. Думаю, это и сделало радиоактивным теперешний мир. Ожидалась другая война после того... после моего ухода. Атомная война.

Каким-то образом Шварц вернулся в Чикаго, в свой старый мир, еще до бомб, и ощутил жалость, но не к себе, а к тому прекрасному миру.

Арвардан что-то пробормотал себе под нос, потом сказал:

— Хорошо. У вас, конечно, был язык?

— На Земле? Множество.

— А как насчет вас?

— Английский... Когда я уже стал взрослым.

— Скажите что-нибудь на нем.

Два месяца или даже больше Шварц не говорил по-английски и теперь с огромным удовольствием произнес:

— Я хотел бы вернуться домой и быть с моим народом.

Арвардан обратился к Шекту:

— Он говорил на этом языке, когда подвергался действию Синапсифера?

— Не могу сказать,— задумчиво произнес Шект.— Странные звуки тогда и странные теперь. Как я могу их сравнить?

— Ладно, неважно. Как звучало слово «мать» на вашем языке, Шварц?

Шварц ответил.

— Угу. Как «отец», «брат», «один» — я имею в виду число — «два», «три», «дом», «человек», «жена»? — не унимался археолог.

Это продолжалось и продолжалось, и когда Арвардан замолчал, чтобы перевести дух, лицо его выражало благоговейное удивление.

— Шект,— сказал он,— или этот человек гений, или я оказался жертвой такого страшного кошмара, который просто невозможно себе представить. Он говорит на языке практически эквивалентном тому, записи на котором были найдены в странах пятидесятитысячелетней давности на Сириусе, Арктуре, Альфа Центавре и двадцати других. Язык этот был разобран лишь при нашем поколении, и,

кроме меня, в Галактике наберется не более десятка человек, способных его понять.

— Вы уверены в этом?

— Я-то? Конечно, уверен. Я ведь археолог. Знать подобные вещи — моя профессия.

На мгновение Шварцу показалось, что броня его отчужденности дала трещину. Он впервые ощутил, как возвращается к нему потерянная индивидуальность. Тайна была открыта: он являлся человеком из прошлого, и они допускали эту возможность. Это доказывало его душевное здоровье, отметало прочь мучительные сомнения, и Шварц почувствовал благодарность, но все-таки продолжал оставаться в броне.

Арвардан забыл обо всем, кроме профессионального интереса.

— Шект, вы понятия не имеете, что это означает для археологии. Шект, это же человек из прошлого! О, Великий Космос, послушайте, мы можем совершить сделку. Это же доказательство, которое ищет Земля. Они могут его получить. Они могут...

— Я знаю, о чем вы думаете,— сардонически прервал его Шварц.— Вы думаете, что Земля посредством моей особы докажет, что является источником цивилизации, и мне за это будут благодарны. Я вам говорю: нет! Я думал об этом и попробовал бы, ради спасения жизни, но мне не поверят, и вам тоже.

— Имеется абсолютное доказательство.

— Они не станут слушать. И знаете почему? Потому что у них сложились определенные представления относительно прошлого. Любое изменение превратилось бы для них в богохульство, будь оно самой чистой правдой. Они не желают правды. Им нужны только традиции.

— Бел,— вмешалась в разговор Пола,— я думаю, это верно.

Арвардан стиснул зубы.

— Мы могли бы попытаться.

— Мы непременно проиграем,— настаивал Шварц.

— Откуда вы знаете?

— Знаю!

Слово это было сказано с такой убежденностью, что Арвардан замолчал. Теперь уже Шект смотрел на Шварца со странным блеском в усталых глазах.

— Вы ощутили какие-либо нежелательные эффекты после Синапсифера?

Слово было незнакомо Шварцу, но он понял его смысл. Ученые совершили операцию на его мозге. Сколько он узнал! Однако стоит ли все рассказывать?

— Нет, никаких нежелательных эффектов не было.

— Но я вижу, как быстро вы выучили язык. Вы прекрасно говорите. Вас и впрямь можно было принять за аборигена. Неужели это вас не удивляет?

— Я всегда отличался прекрасной памятью, — последовал холодный ответ.

— Значит, вы не чувствуете в себе никакой разницы по сравнению с долечebным периодом?

— Совершенно верно.

Теперь взгляд доктора Шекта стал жестким.

— Чего вы боитесь? Я уверен, вы знаете, что я имею в виду.

Шварц издал короткий смешок.

— Что я умею читать в мыслях? Ну, и что из этого?

Но Шект уже повернул свое беспомощное лицо к Арвардану.

— Он может чувствовать разумы, Арвардан. Сколько бы я мог с ним достичь! И быть здесь беспомощным...

— Что... что... — как заведенный повторял Арвардан.

Даже на лице Пола возникло какое-то подобие заинтересованности.

— Это правда? — спросила она Шварца.

Он кивнул. Она заботилась о нем, а теперь ее должны убить. И все же она была предательницей.

— Арвардан, — говорил Шект, — помните, я рассказывал вам о бактериологе, который умер в результате воздействия Синапсифера? Одним из первых симптомов его психического срыва было заявление, что он способен читать мысли. И он мог. Я обнаружил это прежде, чем он умер, и это было моей тайной. Я никому не сказал, но это возможно, Арвардан. Видите ли, при понижении сопротивляемости мозговой клетки мозг может приобрести способность к образованию магнетических полей, стимулируемых микропотоками чужих мыслей, и преобразованию их в подобные вибрации в самом себе. Принцип тот же, что и при обычной звукозаписи. Это можно считать телепатией в любом смысле этого слова.

Шварц хранил угрюмое и враждебное молчание. Арвардан медленно повернулся к нему.

— Если это так, Шект, то мы могли бы его использовать.

Мысли с бешеной скоростью крутились в мозгу археолога. Он перебирал все возможные варианты.

— Теперь должен быть какой-то выход. И для нас, и для Галактики.

Толчок был легким, но Арвардан вскрикнул от внезапной резкой боли.

— Это сделал я,— предупредил Шварц.— Хотите еще?

Арвардан перевел дыхание.

— Вы можете сделать это с охранниками, с секретарем? Почему же вы позволили привести вас сюда? Великая Галактика, Шект, никаких неприятностей не будет. Послушайте, Шварц...

— Нет,— возразил Шварц,— это вы послушайте. Зачем мне выходить отсюда? Где я окажусь? По-прежнему в этом мертвом мире. Я хочу домой, но не могу. Я хочу к моим детям, в мой мир, но не могу попасть к ним. И я хочу умереть.

— Но речь идет еще и о Галактике, Шварц. Вы не можете думать только о себе.

— Не могу? Почему же? Почему я должен заботиться о вашей Галактике? Пусть себе гниет и умирает. Я знаю, что планирует совершить Земля, и я доволен. Эта молодая леди только что сказала, что она выбрала свою сторону. Что ж, я тоже выбрал свою сторону, и моей стороной является Земля.

— Что?

— Почему нет? Я же землянин!

Глава семнадцатая

ПЕРЕЙДИТЕ НА НАШУ СТОРОНУ!

Прошел час с тех пор, как Арвардан впервые очнулся от бессознательного состояния и обнаружил себя распро-
стертым как кусок говядины в ожидании ножа. Ничего не произошло, кроме лихорадочного бессвязного разговора, невыносимо тягучего и убивающего время. И никаких результатов. Он сознавал это. Лгать заведомо бесполезно. Даже перед лицом столь грозной опасности не следует терять своего человеческого достоинства, поддаваться слабости. Но не стоит об этом думать, иначе, когда действительно

сюда придут, он не сможет справиться с силами, чтобы бросить им вызов.

Нужно было нарушить молчание, и Арвардан сказал:

— Думаю, это место кишит подслушивателями. Придется нам меньше говорить.

— Нет,— безжизненно прозвучал голос Шварца.— Никто не подслушивает.

Археолог чуть не спросил машинально: «Откуда вам известно?», но промолчал.

Существует же такая сила! И не для него, а для человека из прошлого, который называет себя землянином и хочет умереть!

Когда смотрел вверх, он видел часть потолка. Повернувшись, он мог разглядеть острый профиль Шекта, с другой стороны — гладкая стена. Если ему удавалось на мгновение приподнять голову, перед ним возникало бледное измученное лицо Пола.

Иногда в мозгу Арвардана возникала жгучая мысль о том, что он — гражданин Империи, звезд, Галактики, и есть особо острая несправедливость в том, что именно его подвергли заключению, особенно острая нечистоплотность в том факте, что он позволил землянам сделать это с собой.

Но и это ушло.

Его могли бы положить рядом с Полой. Нет, так лучше. Сейчас не стоит на нее смотреть.

— Бел!

Это дрожащее слово распалось на звуки, странно сладостные для уха Арвардана, чужие в водовороте грядущей смерти.

— Да, Пола?

— Вы думаете, они уже скоро придут?

— Может быть, и нет, дорогая. Как плохо, что мы потеряли два месяца, правда?

— Это моя вина,— прошептала Пола.— Но мы могли бы получить хоть несколько последних минут. Это так необходимо!

Арвардан не мог ответить. Разум его походил на беспомощный водоворот. Было ли это воображение, или он действительно ощутил твердость пластика, на котором лежал? Как долго длится состояние паралича? Шварц должен прийти на помощь. Он хотел бы проследить мысли Шварца, но это невозможно, поэтому Бел позвал:

— Шварц...

Шварц лежал так же беспомощно, как и остальные, но в довершение к этому его страдания усиливались оттого, что вместо одного у него было четыре разума.

Будь он один, он мог бы одержать верх над собственными сомнениями и добиться покоя и примирения со смертью, побороть остатки той любви к жизни, которая совсем недавно — два дня тому назад или три? — заставила его броситься прочь с фермы. Но как он мог сделать это теперь?

С жалким ужасом перед смертью, который, как завеса, загораживал сознание Шекта, с сильной болью и бунтарством острого живого разума Арвардана, с глубоким и полным разочарованием молодой девушки. Ему следовало бы закрыть свой разум. Зачем ему знать о страданиях других? У него была собственная жизнь, которую он прожил, и будет собственная смерть, которой он умрет.

Но они не оставляли его, заявляли о себе мягко, но настойчиво, проникая через все каналы его мозга. И Арвардан сказал «Шварц», и Шварц знал: они хотят, чтобы он спас их. Почему он должен? Почему?

— Шварц,— повторил Арвардан настойчиво,— вы можете стать героем. Вам не за что умирать — не за тех же людей там, наверху.

Но Шварц собирал воспоминания собственной юности, беспощадно цепляясь за них. То, что вдруг вызвало в нем негодование, было странной смесью настоящего и прошлого. Он заговорил медленно и сдержанно:

— Да, я мог бы стать героем — и предателем. Меня хотят убить те люди наверху. Вы называете их людьми, но это касается только вашего языка. Разум ваш называет их как-то по-другому, я не могу точно сказать как, но это низко. И не потому, что они низки, а потому, что они земляне.

— Это ложь! — последовал возмущенный ответ.

— Это не ложь,— послышалось столь же бурное возражение.— Меня хотят убить только потому, что думают, будто я — один из ваших людей, способных подавить целую планету вашим презрением, вашим непереносимым превосходством. Так защищайтесь же сами от этих червей, которые каким-то образом смогли превратиться в угрозу для богоподобных сверхправителей. И не просите одного из них о помощи.

— Вы говорите как зилот,— изумился Арвардан.— Почему? Разве вы пострадали? Ведь вы были жителем большой независимой планеты. Вы были землянином, когда

Земля являлась единственной носительницей жизни. Вы — один из нас, человек, один из правящих. Почему же вы ассоциируете себя с жалкими потомками? Это не та планета, какой вы ее помните. Моя планета гораздо больше похожа на старую Землю, чем этот большой мир.

Шварц засмеялся.

— Я — один из правящих, говорите? Нет, так продолжать нельзя. Не стоит объяснять. Давайте лучше поговорим о вас. Вы — прекрасный образец продукта, посланного Галактикой. Вы терпимы и удивительно великодушны, и вы восхищаетесь собой, потому что держитесь с Шектом как с равным. Но за всем этим, и даже не так глубоко, потому что я достаточно ясно читаю в вашем разуме, вам с Шектом не по себе. Вам не нравится, как он говорит, как он смотрит. Собственно, он сам вам не нравится, несмотря даже на то, что он решился предать Землю. Недавно вы поцеловали земную девушку, а потом посмотрели на этот поступок как на проявление слабости. Вы стыдились его.

— Клянусь звездами, я не... О, Пола,— воскликнул Бел с отчаянием,— не верьте ему. Не слушайте его.

— Не нужно ничего отрицать и не нужно чувствовать себя несчастным, Бел,— спокойно произнесла Пола.— Он смотрел глубоко вниз, спускаясь к самому вашему детству. То же самое он мог бы увидеть, если бы заглянул в меня. И то же самое увидел бы, если бы смог заглянуть в себя столь же бесцеремонным образом, каким разглядывал нас.

Шварц почувствовал, что покраснел.

Голос Пола не возвысился и не стал более резким, когда она обратилась непосредственно к нему:

— Шварц, если вы можете исследовать разумы, займитесь моим. Скажите, замышляла ли я предательство. Посмотрите на моего отца. Проверьте, правда ли, что он мог избежать Шестидесяти, если бы согласился сотрудничать с безумцами, которые хотят уничтожить целую Галактику. Чего он добился своим предательством? А потом проверьте, желает ли кто-нибудь из нас вреда Земле. Вы сказали, что имели мимолетное впечатление о разуме Балкиса. Не знаю, насколько велика была у вас возможность рыться в его отбросах. Но когда он вернется, когда будет уже слишком поздно, исследуйте его, проникните в его мысли, обнаружьте, что он безумен, а потом умрите.

Шварц молчал. Поспешно вмешался Арвардан.

— Хорошо, Шварц, исследуйте мой разум, проникните в него так глубоко, как захотите. Я был рожден на Баронне

в Секторе Сириус, прожил жизнь в атмосфере антиземных настроений, и это в период становления моего мировоззрения, так что я не мог избежать влияния потоков лжи на мое подсознание. Но посмотрите на поверхность и скажите: разве в зрелые годы я не боролся с предрассудками — не в других, это было бы слишком просто, а в себе, и так упорно, как только мог. Вы не знаете нашей истории, Шварц! Вам неведомо о тысячах и десятках тысяч лет, в течение которых Человек шел по Галактике — годах войн и несчастий. Вы не знаете о первых столетиях Империи, когда почти не было выбора между деспотизмом и хаосом. И лишь в последние две сотни лет галактическое правительство стало представительным. Под его наблюдением различным мирам позволено развивать культурную автономию, позволено самоуправление, позволено направлять представителей в правительство. И не существовало еще такого периода в истории, когда человечество было так свободно от войн и бедности, как сейчас. Никогда еще галактическая экономика не управлялась так мудро, перспективы на будущее не казались такими радужными. И вы разрушили бы все это и начали заново? Но зачем? Деспотической теократией, единственными составляющими которой являются подозрительность и ненависть, вы заменили бы все? Несчастье Земли не вечно, со временем этот вопрос будет разрешен, если только останется жить Галактика. Но то, что делают заговорщики, не имеет ничего общего с решением проблемы. Вам известно, что они намерены предпринять?

Обладая Арвардан способностями Шварца, он различил бы следы борьбы в разуме последнего. Тем не менее, чисто интуитивно он понял, что настало время передышки.

Шварц не шевелился. Позволить умереть всем этим мирам, раствориться в ужасной болезни. Да был ли он землянином, в конце концов? Только землянином? В юности он покинул Европу и уехал в Америку, но разве, несмотря на это, он не остался тем же человеком? И если после него люди оставили изорванную и израненную Землю ради миров, лежащих за небесами, — разве перестали они быть землянами? Разве не принадлежит ему вся Галактика? Разве все они не являются его братьями и потомками?

Шварц медленно проговорил:

— Хорошо, я с вами. Но чем я могу помочь?

— Насколько глубоко вы можете проникать в разум? — Арвардан спросил с такой поспешностью, будто все еще боялся, как бы Шварц не переменял решения.

— Не знаю. Снаружи есть разумы. Охрана, я полагаю. Думаю, я могу достичь даже улицы, но чем дальше я иду, тем слабее становится чувство.

— Естественно,— согласился Арвардан.— А как насчет секретаря? Вы смогли бы идентифицировать его разум?

— Не знаю,— пробормотал Шварц.

Последовала пауза. Течение минут казалось непере-носимым.

— У меня на пути ваши разумы. Не следите за мной,— попросил Шварц.— Думайте о чем-нибудь другом.

Они попытались. Еще пауза, потом Шварц сказал:

— Нет, не получается.

— Я могу немного двигаться,— вдруг оживился Арвардан.— Великая Галактика! Я могу шевельнуть ногой. Ох!

Каждое движение требовало огромного напряжения. Бел продолжал:

— Насколько сильно вы можете кого-то поразить, Шварц? Можете вы сделать это сильнее, чем сделали со мной недавно?

— Я убил человека.

— Что? Как вы это сделали?

— Не знаю. Просто так получилось. Это...

Шварц выглядел почти комически беспомощным в своем усилии перевести на язык слов то, что их не имело.

— Ну, а с двумя-тремя одновременно вы можете справиться?

— Не пытался, но думаю, да. Я могу одновременно читать два разума.

— Вы не должны заставлять его убить секретаря, Бел,— перебила Пола.— Это ничего не даст.

— Почему?

— Как мы отсюда выйдем? Даже если мы захватим секретаря и убьем его, снаружи нас будут ожидать сотни других. Неужели вы этого не понимаете?

— Я держу его,— торопливо вмешался Шварц.

— Кого? — одновременно воскликнули все трое.

— Секретаря. Кажется, что это его Прикосновение Разума.

— Не позволяйте ему уйти.

В своих попытках вырваться из неподвижности, Арвардан почти скатился с возвышения и, скребя по полу полупарализованной ногой, делал бесплодные попытки подняться.

— Вы ушиблись! — заволновалась Пола.

— Нет, все в порядке. Держите его крепче, Шварц. Вытяните из него всю информацию, какую только сможете.

Шварц подался вперед с такой силой, что у него заболела голова. Он посылал вперед щупальца своего мозга и сжимал их слепо, неуклюже, как ребенок упорно тянется за игрушкой, которую ему не достать. До сих пор он брал то, что находил, а теперь искал сам.

С трудом Иосиф нащупывал обрывки мыслей:

— Он уверен в результатах, торжествует. Что-то насчет космических пуль. Он начал... нет, не начал, собирается начать...

Шект застонал.

— У них есть автоматически управляемые орудия для переноса вируса, Арвардан. Они нацелены на различные планеты.

— Где они находятся, Шварц? — настаивал Арвардан.— Ищите, дружище!

— Есть здание, которое я неясно вижу. Пять ответвлений, звезда, название — Слу, или что-то в этом роде.

— Это оно,— вмешался Шект.— Клянусь всеми звездами Галактики, это оно. Храм Сэнлу. Он со всех сторон окружен радиоактивными рвами. Кроме Древних, туда никто не входил. Это неподалеку от того места, где встречаются две реки, Шварц?

— Я не могу...

— Когда они будут выпущены, Шварц?

— Не могу разобрать день. Очень скоро. Его разум просто разрывается от насыщенности этим. Все произойдет очень скоро.

Мозг Шварца едва не разрывался от усилий.

Арвардан горел как в огне, когда ему удалось, наконец, приподняться на руках и коленях, хотя они подгибались, совершенно не слушались.

— Он идет?

— Да. Он у двери.— Шварц умолк, как только дверь отворилась.

В голосе Балкиса, кроме холодной насмешки, звучали вера в успех и торжество.

— Доктор Арвардан, не лучше ли вам вернуться на свое место?

Арвардан посмотрел на него снизу вверх, сознавая жестокую унижительность своего положения, но ответить было нечего, и он, ни слова не говоря, медленно позволил сведенным болью суставам опустить свое тело на пол. Он ждал, тяжело дыша. Если бы подвижность его была чуть

больше, если бы он мог совершить рывок, если бы как-то выхватить у Балкиса оружие...

С пояса, поддерживающего одеяние секретаря, свисал не невротический хлыст, а полновесный бластер, способный расчленил человека на атомы в неопиcуемо короткий отрезок времени.

Секретарь наблюдал за четырьмя распростертыми перед ним людьми с чувством кровожадного удовлетворения. Девушку он склонен был игнорировать, но остальные представляли собой огромную удачу. Землянин-предатель, имперский агент и таинственное существо, за которым они следили два месяца. Были ли другие? Собственно, были еще Энниус и Империя. Их руки, воплощенные в этих шпионах и предателях, теперь связаны, но где-то оставался активно действующий мозг, и он, возможно, посылает другие руки.

Секретарь стоял в привычной позе, небрежно держа руку так, чтобы в случае надобности быстро вернуть ее к оружию. Он заговорил спокойно и мягко:

— Настало время окончательно поставить все на свои места. Между Землей и Галактикой идет война, еще не объявленная, но уже война. Вы — наши пленники, и с вами будут обращаться так, как полагается при подобных обстоятельствах. Естественно, разумным наказанием для предателей и шпионов является смерть.

— Только в случае легально ведущейся и объявленной войны, — резко бросил Арвардан.

— Легально ведущейся? — насмешливо переспросил секретарь. — Что это значит — легально ведущаяся? Земля всегда была в состоянии войны с Галактикой, независимо от того, позволяла нам наша вежливость объявлять об этом факте или нет.

— Не обращайтесь на него внимания, — нежно обратилась Пола к Арвардану. — Пусть себе выскажется, и покончим с этим.

Арвардан улыбнулся странно, судорожно, и это совпало с последним усилием, с последней попыткой подняться на ноги и встать.

Балкис рассмеялся. Несколькими неторопливыми шагами он сократил расстояние между собой и сирийским археологом до минимума. Столь же неторопливым жестом секретарь поднял руку, положил на широкую грудь археолога и толкнул.

Пытаясь взмахнуть бездействующими руками, пытаясь напрячь парализованные мускулы, Арвардан упал.

Пола вскрикнула и, превозмогая боль в суставах, стала мучительно медленно спускаться со своего возвышения.

Балкис позволил ей подползти к Арвардану.

— Твой любовник,— съязвил он,— твой сильный любовник-внешний. Беги к нему, девчонка, чего ты ждешь? Обними своего героя покрепче и забудь в его объятиях о потоках пота и крови миллиарда землян. Вот он лежит, бесстрашный и храбрый, поверженный рукой землянина.

Теперь Пола стояла на коленях подле Арвардана, пальцы ее мягко скользили по его волосам, ища следы крови. Глаза Арвардана медленно открылись, губы беззвучно прозвнесли:

— Ничего!

— Он трус,— сказала Пола.— Кто еще станет бить парализованного человека и радоваться победе? Поверь мне, дорогой, немногие земляне таковы.

— Я знаю, иначе ты не была бы землянкой.

Секретарь выпрямился.

— Как я уже сказал, ваши жизни в наших руках, но все-таки кое-что можно изменить. Вас интересует цена?

— Вы на нашем месте заинтересовались бы,— гордо ответила Пола.— Это я знаю.

— Ш-ш-ш, Пола.— Дыхание еще не совсем вернулось к Арвардану.— Что вы предлагаете?

— О,— оживился Балкис,— вы хотите себя продать, как сделал бы я, например? Я, низкий землянин?

— Вам лучше знать, кто вы такой,— отпарировал Арвардан.— Что же касается остального, то я не продаюсь. Я хочу купить жизнь девушке.

— Я отказываюсь от перспективы быть купленной.

— Трогательно! — усмехнулся секретарь.— Унижать землянок и все еще играть в жертвоприношение.

— Что вы предлагаете? — повторил Арвардан.

— Очевидно, о наших планах стало известно. Нетрудно понять, как об этом узнал доктор Шект, но непонятно, как это достигло ушей Империи. Мы хотели бы выяснить, что известно Империи. Не то, что узнали вы, Арвардан, а что известно Империи.

— Я археолог, а не шпион,— взорвался Арвардан. Мне неизвестно о том, что знает Империя, но я надеюсь, что ей известно чертовски много.

— Так я и представлял себе. Что ж, вы можете еще изменить свое мнение. Продумайте все хорошенько.

За все это время Шварц не произнес ни слова, не поднял глаз.

Секретарь подождал, затем, не скрывая злобы, заявил:

— Тогда я назову вам цену несогласия сотрудничать. Это будет не просто быстрая смерть, потому что я уверен, что все вы готовы к сей неприятной и неизбежной будущности. Доктор Шект и девушка, его дочь, которая, к несчастью для себя, оказалась замешанной в этом деле, являются гражданами Земли. При сложившихся обстоятельствах самым желательным будет предоставить их обоих Синапсиферу. Вы понимаете, доктор Шект?

Глаза физика наполнились безграничным ужасом.

— Да, я вижу, вы понимаете,— наслаждался Балкис.— Можно, конечно, позволить Синапсиферу разрушить вашу мозговую ткань настолько, чтобы превратить вас в полных идиотов. Самое отвратительное состояние. Вас нужно кормить, иначе вы будете голодать, вас нужно мыть, иначе вы провоняете от грязи, вас можно запереть, а можно выставить на обозрение — к ужасу окружающих. В великий день, который уже грядет, это может послужить уроком для остальных.— Секретарь повернулся к Арвардану.— Что касается вас и вашего друга Шварца, то вы, как граждане Империи, тем более подходите для интересного эксперимента. Нам никогда не представлялось случая опробовать вирус лихорадки на галактических собаках. Было бы интересно подтвердить правильность наших расчетов. Доза маленькая, знаете ли, так что смерть не будет быстрой. Организм подойдет к неизбежному в течение, скажем, недели. Это будет очень болезненно.— Он помолчал, наблюдая за пленными сузившимися глазами.— Вот это,— продолжал он,— альтернатива нескольким тщательно подобранным словам. Как много известно Империи? Есть ли другие агенты, действующие в настоящее время? Каковы их планы?

— Где доказательства,— пробормотал доктор Шект,— что вы не убьете нас, как только получите то, что хотите?

— Будьте уверены, что вы умрете ужасной смертью в случае отказа. Придется рискнуть, выбирая из этих двух вариантов. Что скажете?

— Неужели нельзя дать нам время?

— А разве я не дал вам его теперь? Прошло десять минут с момента моего прихода, а я все еще жду. Ну, так вы собираетесь что-нибудь сказать? Ничего? Время не длится вечно, вы должны это понять. Арвардан, вы все еще пытаетесь играть мускулами? Думаете, сможете добраться до меня раньше, чем я доберусь до своего бластера? А если даже и сможете? Там за дверью сотни

людей, мои планы будут продолжены ими. Накажут вас и без меня. А может, вы, Шварц? Вы убили нашего агента? Вы или нет? Может, вы собираетесь убить и меня?

В первый раз Шварц посмотрел на Балкиса и холодно проговорил:

— Могу, но не стану.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Вовсе нет. Это жестоко с моей стороны. Вы сами сказали, что есть вещи похуже, чем смерть.

Арвардан вдруг поймал себя на том, что смотрит на Шварца как на последнюю надежду.

Глава восемнадцатая

ДУЭЛЬ

Мысли Шварца кружились в стремительном хороводе. Он чувствовал какое-то странное, чуть ли не сатанинское облегчение.

Некая часть его существа сохраняла, казалось, полный контроль над положением, другая же часть не могла в это поверить. Его парализовало позже, чем остальных. Даже доктор Шект сидел, а он мог лишь едва шевелить рукой. Неотрывно глядя в злобно усмевавшийся разум секретаря, бесконечно низменный, дьявольский, Шварц начал дуэль.

— Еще недавно я был на вашей стороне, хотя вы и намеревались меня убить. Мне казалось, что я понимаю ваши чувства и чаяния. Но разумы тех, кто присутствует здесь, достаточно чисты и невинны, в то время как ваш просто не поддается описанию. Вы боретесь даже не ради земель, а ради собственной власти. Я вижу в вашем сознании образ не свободной Земли, а Земли поработенной. Я вижу в нем не желание ниспровергнуть власть Империи, а желание заменить ее своим личным диктаторством.

— Вы видите все это, вот как? — ухмыльнулся Балкис. — Что ж, можете видеть, что хотите. В конце концов, мне вовсе не нужна ваша информация: во всяком случае, она не так важна для меня, как это могло показаться из моих слов. Похоже, мы подошли к часу начала. Вы этого дожидались? Интересно, какое влияние это окажет на тех,

кто утверждал, что большая скорость невозможна. Вы и это видите, проницательный чтец мыслей?

— Нет, — ответил Шварц, — я не искал этих сведений, поэтому они прошли мимо меня. Но я могу поискать их сейчас. Два дня... Меньше... Подождите... Четверг, шесть часов утра по чикскому времени.

Бластер мигом оказался в руках секретаря. Балкис сделал несколько поспешных шагов и склонился над распростертой фигурой Шварца.

— Откуда вам это известно?

Шварц окаменел; протянулись и сжались мозговые щупальца. На его лице отразилось невероятное усилие — брови нахмурились, мускулы напряглись, все говорило о нечеловеческой работе мозга. Что-то в самой глубине сознания, потянувшись, пленило разум противника.

Шло время, но Арвардану сцена эта казалась бессмысленной, и даже внезапное молчание и неподвижность секретаря не насторожили его.

Задыхаясь, Шварц пробормотал:

— Я его поймал. Возьмите оружие. Я не могу продолжать. — Его голос затих.

Наконец Арвардан все понял. С невероятным напряжением он поднялся на четвереньки, потом медленно, неуверенно выпрямился и встал, шатаясь. Пола попыталась подняться вместе с ним, но это ей не удалось. Шект сполз со скамьи, встал на колени. Только Шварц продолжал лежать с напряженным от усилий лицом.

У секретаря был такой вид, будто он увидел голову Медузы Горгоны. На гладкой поверхности его лба медленно выступали капельки пота, лицо застыло, словно маска, и лишь правая рука, сжимавшая бластер, проявляла признаки жизни.

Наблюдая со стороны, можно было заметить плавное движение пальцев, мягкое, едва уловимое давление на кнопку-контакт, слишком слабое, чтобы причинить вред, но оно усиливалось.

— Держите крепче, — выдохнул Арвардан дрожащим от радости голосом. Он прислонился к спинке стула, пытаясь вернуть себе нормальное дыхание. — Дайте мне добраться до него!

Бел снова заставил свои ноги двигаться. Он брел, как в кошмаре, сквозь невидимые заросли, плыл в невидимой тине, воюя со своими израненными мускулами. Это было так медленно... Бел не знал, не мог знать об ужасной дуэли, происходившей у него на глазах.

Секретарю требовалось лишь приложить ничтожнейшее усилие большого пальца — три унции, если быть точным, — чтобы привести бластер в действие. Его разуму нужно было только проконтролировать неуверенно балансирующее сухожилие, наполовину уже пришедшее в действие, чтобы...

Перед Шварцем стояла только одна задача — помешать давлению, но, захлестнутый хаосом ощущений противника, он не мог определить, какой именно участок управляет большим пальцем, поэтому все свои усилия он устремил на то, чтобы вызвать полное бездействие противника.

Прикосновение Разума секретаря напряглось и содрогнулось. Это был быстрый и пугающе острый разум, он противостоял усилиям Шварца, несколько секунд оставался неподвижным, выжидающим; потом в последней отчаянной попытке потянулся с яростью то к одному мускулу, то к другому...

Для Шварца происходящее было похоже на смертельную битву, словно он мертвой хваткой вцепился в чьи-то вырывающиеся руки и должен был удержать их любой ценой, хотя противник с яростью отбивался ногами. Но внешне абсолютно ничего не было видно. Лишь в углу рта Шварца подергивался мускул, дрожали губы, искушенные в кровь, да еще периодические мягкие движения большого пальца секретаря, попытки...

Арвардан остановился и перевел дыхание, он был вынужден это сделать. Его вытянутые пальцы уже почти касались одежды секретаря, но он не мог шевельнуться. Агонизирующие легкие Бела отказывались наполняться воздухом, кровь не доходила до омертвевших суставов. Глаза налились слезами от нечеловеческих усилий, сознание заволокло дымкой. Он выдохнул:

— Еще несколько минут, Шварц. Держите его!

Шварц медленно покачал головой.

— Не могу.

И действительно, весь мир в глазах Шварца превратился в бессмысленный хаос, где не на чем было сосредоточиться. Щупальца его мозга твердели, становились неуправляемыми.

Большой палец секретаря снова и снова нажимал на контакт: он не расслаблялся, давление не уменьшалось.

Шварц ощущал, как напряжены его глаза, чувствовал, как надулись вены на лбу, как собирается и нарастает в разуме противника торжество победителя.

Арвардан покачнулся, неповоротливое, сопротивляющееся любому усилию тело двинулось вперед, вытянутые руки сжались.

Секретарь, поскольку разум его был в плену, не смог ничего сделать. Бластер выскользнул из его рук и упал. Почти сразу же разум секретаря освободился из-под контроля, а Шварц в изнеможении откинулся назад. Его собственный разум напоминал клубок несвязных мыслей.

Балкис дико боролся, пытаясь высвободиться из мертвой хватки Арвардана, с яростью бил ногами по коленям противника, ударил кулаком по скуле Арвардана. Затем он рванулся, и обессиленный Арвардан отлетел в сторону. Секретарь, задыхающийся и измученный, поднялся на ноги и собрался шагнуть, но перед ним полулежал Шект; правая его рука, поддерживаемая дрожащей левой, сжимала бластер. Как ни дрожали руки Шекта, смертоносное дуло смотрело прямо на секретаря.

— Вы — банда дураков,— тонко крикнул ошеломленный Балкис.— Чего вы этим добьетесь? Стоит мне только возвысить голос...

— И вы умрете.— Слабо отозвался Шект.

— Вы ничего не измените, убив меня,— с горечью заметил секретарь,— и вы это знаете. Вы не спасете Империю, которой выдали нас, вы даже себя не спасете. Отдайте мне оружие, и вы свободны.

Он протянул руку, но Шект рассмеялся.

— Я не настолько безумен, чтобы в это поверить.

— Может, и не безумны, но наполовину парализованы.

Секретарь быстро рванулся вправо, так быстро, что слабая рука ученого не сумела справиться с бластером. Теперь внимание Балкиса всецело сконцентрировалось на бластере. Шварц снова напряг свой разум, продолжая борьбу, и секретарь, покачнувшись, рухнул лицом вниз.

Арвардан с трудом поднялся на ноги. Щека покраснела и воспалилась, он хромал при ходьбе.

— Вы можете двигаться, Шварц? — спросил Бел.

— Немного,— последовал усталый ответ, и Шварц сполз со скамьи.

— Кто-нибудь еще идет сюда?

— Я пока никого не различаю.

Арвардан грустно улыбнулся Поле, погладил ее каштановые волосы, она же смотрела на него сияющим взглядом. Несколько раз за последние два часа он ловил себя на мысли, что никогда уже не сможет коснуться ее волос, заглянуть ей в глаза.

— Может что-то еще ждет нас в будущем, Пола?

Она смогла только покачать головой.

— У нас мало времени. Только до четверга, до шести часов утра.

— Мало времени? Ладно, посмотрим.— Арвардан наклонился над лежащим Древним и не слишком деликатно приподнял его голову.— Жив? — Все еще негнушиться пальцами он искал пульс и сказал: — Сердце, по крайней мере, бьется. Вы обладаете опасной силой, Шварц. Почему вы не применили ее сразу?

— Потому что я хотел использовать этого типа, думал, что если смогу удержать его, мы воспользуемся им, как приманкой, спрячемся за его одеянием.— Внезапно заволновавшись, Шект добавил: — Это возможно. В полумиле отсюда, в форте Диббури, стоит имперский гарнизон. Оказавшись там, мы смогли бы связаться с Энниусом.

— Легко сказать — оказавшись там! Снаружи наверняка не меньше сотни охранников, да еще сотни в разных местах. И как нам поступить с этим неподвижным зеленым плащом? Тащить? Катить на колесиках? — невесело рассмеялся Арвардан.

— Кроме того,— мрачно продолжал Шварц,— я не могу держать его слишком долго. Вы видите — я слабею.

Шект уверенно сказал:

— Потому что вы не привыкли. Послушайте-ка, Шварц, кажется, я понял, что происходит с вашим разумом: это приемная станция для электромагнитных полей мозга. Я думаю, вы можете передавать приказы. Понимаете?

У Шварца был довольно неуверенный вид.

— Вы должны понять,— настаивал Шект,— вам нужно только сконцентрироваться на том, что вы от него хотите, и прежде всего мы должны вернуть ему бластер.

— Что?! — вырвалось у остальных троих.

Шект повысил голос:

— Он должен вывести нас отсюда, иначе мы не выберемся, не так ли? А как он может выглядеть наименее подозрительным, чем полностью вооруженный?

— Но я не смогу его держать. Говорю вам — не смогу.

Шварц шевелил руками, похлопывал ими, стараясь вернуть им хотя бы подобие нормального состояния.

— Мне нет никакого дела до ваших теорий, доктор Шект,— продолжал он.— Вы не знаете, что происходит. Это дело тонкое, болезненное и очень нелегкое.

— Я знаю, но у нас только один шанс. Попробуйте же, Шварц. Заставьте его шевельнуть рукой, когда он придет в себя,— умолял Шект.

Секретарь застонал, и Шварц ощутил Прикосновение Разума. Молча, испытывая страх, он позволил ему набрать силу, а потом заговорил без слов. Это была молчаливая речь, вроде той, с какой вы обращаетесь к своей руке, когда хотите, чтобы она двигалась, речь настолько молчаливая, что вы сами не отдаете себе в ней отчета.

Однако пришла в движение не рука Шварца, а рука секретаря. Землянин из прошлого посмотрел на присутствующих с безумной улыбкой, но внимание их было приковано к Балкису, который полулежал, подняв голову, и двигал рукой под странным углом.

Шварц приступил к выполнению задания.

Секретарь неуклюже поднялся, неуверенно покачался, выпрямился и удивленно, неохотно затанцевал.

Танец его был лишен ритма и красоты, но трое наблюдавших, следившие за его телом, и Шварц, следивший за его телом и разумом, смотрели с нескрываемой радостью, ибо в эти мгновения тело секретаря находилось под полным контролем разума, с которым сам он не имел ничего общего.

Медленно и осторожно Шект приблизился к роботоподобному секретарю и не без страха протянул руку; на раскрытой ладони лежал бластер.

— Пусть он возьмет это, Шварц,— сказал Шект.

Рука Балкиса потянулась и неуклюже взяла оружие. На мгновение в глазах его зажегся яркий плотоядный огонь, но тут же потух. Бластер медленно поместился на прежнее место у пояса, рука секретаря упала.

Шварц резко засмеялся.

— Он едва не ушел.

Лицо Шекта побелело.

— Ну, как? Вы можете его держать?

— Он борется как дьявол. Но это не так страшно, как раньше.

— Это потому, что вы понимаете, что делаете,— уверенно сказал Шект, хотя сам уверенности не испытывал.— Теперь передавайте, не пытайтесь его держать, просто делайте вид, будто вы сами это делаете.

— Вы можете заставить его говорить? — вмешался Арвардан.

Последовала пауза, затем тихий стон секретаря, еще пауза, и снова стон.

— Вот и все,— пожаловался Шварц.

— Почему не получается? — спросила Пола.

Вид у нее был обеспокоенный. Шект пожал плечами.

— Здесь дело в очень тонком и очень сложном действии мускулов. Это не похоже на действие мускула ноги. Ничего, Шварц, мы обойдемся и без этого.

Воспоминания о последующих двух часах были совсем разными у всех переживших эту странную сцену. Для доктора Шекта, например, главным стала та удивительная быстрота, с какой исчезли все его страхи, оставив место лишь для бесконечного восхищения внутренней борьбой Шварца, хотя глаза физика видели только круглое лицо и капли пота на нем.

Охранники, стоявшие у двери, немедленно отсалютовали при появлении секретаря, чье зеленое одеяние являлось для них символом абсолютной власти. Секретарь ответил на приветствие небрежным, равнодушным жестом, и все пятеро прошли мимо охраны.

Лишь когда позади остался большой холл, Арвардан начал осознавать безумие происходящего. Огромная невообразимая опасность, грозившая Галактике, и слабый призрак спасения, возможно, всего лишь выдумка. Но даже тогда Арвардан чувствовал, что он тонет в обаянии Полы. Несмотря на ускользавшую от него жизнь, на рушившееся на глазах будущее, на вечную недоступность прекрасного, каким бы оно ни было, никто и никогда не казался ему таким безгранично и желанным. Эта девушка была венцом его воспоминаний.

А для Полы солнечная ясность утра вернулась вместе с обращенным к ней лицом Арвардана. Девушка улыбалась, чувствуя прикосновение его сильной и уверенной руки, опираясь на которую было так легко отдыхать. Это потом стало главным воспоминанием: плоские твердые мускулы, слегка прикрытые блестящей пластиковой одеждой, гладкой и прохладной под ее рукой.

Шварц весь взмок от усилий. Извилистая дорога, отходившая от бокового входа, через который они вышли, оказалась пуста, и Шварц испытал в связи с этим огромное облегчение. Он один знал подлинную цену провала. В контролируемом разуме врага Иосиф рассмотрел невыносимое унижение, задышавшуюся ненависть, ужасные планы

мщения. Шварц обыскивал этот разум в поисках информации, которая могла бы помочь им: положение официальной наземной машины, верный путь к... Читая в этом разуме, Шварц получал полные сведения о том неизбежном мщении, которое должно было обрушиться на них, ослабь он хоть на мгновение свой контроль. Потаенные уголки его сознания запомнили только это, и не раз впоследствии в бледные предзвездные часы Иосиф снова и снова направлял шаги безумца по охраняемой врагами дороге.

Когда беглецы достигли наземной машины, Шварц выдохнул несколько слов. Он не осмелился расслабиться до такой степени, чтобы у него получилось связное предложение. Фразы были отрывистыми и короткими:

— Я не могу управлять машиной.... Не могу заставить его управлять. Это сложно. Нельзя.

Шект успокоил его понимающей улыбкой. Он не осмеливался коснуться Шварца или заговорить с ним, не осмеливался даже на секунду отвлечь его разум, а просто шепнул:

— Усадите его на заднее сидение, Шварц. Я поведу машину. Только заставьте его сидеть спокойно, а я возьму бластер.

У секретаря была наземная машина специальной конструкции, которая своей необычностью привлекала внимание. Ее зеленые фары поворачивались то влево, то вправо, и свет то тускнел, то вспыхивал изумрудным огнем. Люди останавливались и смотрели. Машины, двигавшиеся в противоположном направлении, с уважительной торопливостью уступали дорогу. Будь машина менее заметной, не привлекай она к себе такого внимания, случайный прохожий мог бы заподозрить неладное при виде бледного, неподвижного лица Древнего. Однако все замечали только машину, а время шло.

У сияющих хромом ворот, поражавших своим великолепием, как и все имперские строения по сравнению с массивными, неуклюжими зданиями Земли, беглецам загородил дорогу солдат. Его силовой автомат замер в предупреждающем жесте, и машина остановилась.

Арвардан выглянул из окна.

— Я — гражданин Империи, солдат. Мне нужно видеть командира.

— Прошу ваше удостоверение, сэр.

— Его у меня отобрали. Я — Бел Арвардан из Баронна, Сириус, выполняю поручение Прокуратора и очень тороплюсь.

Солдат тихо заговорил в передатчик, некоторое время подождал ответа, потом опустил автомат и отступил в сторону. Ворота медленно отворились.

Глава девятнадцатая

ПОЧТИ У КРАЯ

Последующие часы были заполнены суматохой как в форте Диббури, так и за его пределами. Паника, возможно, достигла и самой Чики.

Был полдень, когда Верховный Министр в Вашине запросил через соединительную волну секретаря, но поиски последнего не дали результатов. Верховный Министр был недоволен, чиновники из исправительного дома — взволнованы.

Последовали расспросы, и стража, охранявшая двери комнаты собраний, заявила, что секретарь ушел с пленниками утром в десять тридцать, не оставив никаких инструкций. Куда он направился, они сказать не могли, потому что спрашивать об этом было, конечно, не их дело. Другой отряд стражников, естественно, не смог ничего к сказанному добавить. Беспокойство нарастало.

В два часа дня поступили первые рапорты о том, что этим утром видели машину секретаря. Кому-то показалось, что он сам ее вел, но подробно разглядеть не успели, потому что машина свернула.

К двум тридцати выяснили, что машина вошла в форт Диббури.

Около трех было решено позвонить в форт командующему. Ответил лейтенант.

Приняли решение временно не распространять информацию по данному вопросу. Потом было предложено не обсуждать вопрос об отсутствии члена Общества Древних до последующих распоряжений. Однако этого оказалось достаточно, чтобы достичь противоположной имперским желаниям цели.

Люди, вовлеченные в предательство, не могут воспользоваться рычагами заговора, когда один из членов конспиративной организации, ее верхушки, находится в руках врагов, тем более за сорок восемь часов до нажатия на триггер. Такое положение дел может означать или ответное

предательство, или раскрытие карт, и оба варианта — лишь две стороны одной медали. Любая из этих альтернатив означает смерть.

По городу поползли слухи.

Население Чики зашевелилось. На углах улиц появились профессиональные демагоги. Были разбиты секретные арсеналы, руки потянулись за оружием. Люди двинулись к крепости со всех сторон, и в шесть часов вечера коменданту было послано новое сообщение, но на сей раз от самого персонала.

Однако, как же развивались события в самой крепости? Начало оказалось драматическим. Молодой офицер, вышедший навстречу наземной машине, протянул руку за бластером секретаря.

— Сдайте оружие,— последовал короткий приказ.

Рука секретаря взяла бластер и протянула офицеру. Бластер унесли, и Шварц, застонав от огорчения, отпустил секретаря.

Арвардан был наготове. Когда секретарь рванулся, как ослабленная пружина, вылетевшая из компрессора, археолог прыгнул на него, подняв кулак.

Офицеры выкрикивали приказы. Бежали солдаты. Когда грубые руки схватили Арвардана за ворот рубашки и потащили, секретарь мешком упал на сидение. Из его рта темной струйкой текла кровь.

Рана на разбитой щеке Арвардана открылась и кровоточила. Он выпрямился, шатаясь, поправил волосы и, указывая плохо гнущимися пальцами на скрючившуюся фигуру, твердо произнес:

— Я обвиняю этого человека в заговоре против Империи и должен немедленно увидаться с командующим.

— Мы позаботимся об этом, сэр,— вежливо ответил офицер.— Если не возражаете, пройдите со мной, все вы.

Несколько часов беглецы провели в отдельной, достаточно чистой комнате. Впервые за двенадцать часов они смогли поесть, хотя сделали это весьма поспешно. Им даже посчастливилось получить высший дар цивилизации — ванну.

Однако комната охранялась, время шло, наконец Арвардан потерял терпение и закричал:

— Да мы всего лишь променяли одну тюрьму на другую!

Скучная, бессмысленная жизнь военного лагеря шла своим чередом, от их заявления ничего не изменилось.

Шварц спал. Арвардан посмотрел на него, но Шект покачал головой.

— Нельзя,— предупредил он.— Это бесчеловечно. Он измучен. Пусть поспит.

— Ведь осталось только тридцать девять часов.

— Я знаю, но придется ждать.

Послышался холодный, иронический вопрос:

— Кто из вас называет себя гражданином Империи? Арвардан бросился вперед.

— Я!

Голос его упал, ибо он узнал говорившего. Тот жестко усмехнулся. Левая рука его была почти неподвижной— по-видимому, сказывались последствия их предыдущей встречи.

За спиной археолога слабо прозвучал голос Пола:

— Бел, это офицер из магазина...

— Тот, кому он сломал руку,— последовало подтверждение.— Меня зовут лейтенант Клауди и... Да, вы тот самый человек. Значит, вы член сирианских миров, не так ли? И в то же время болтаетесь с этими? Великая Галактика, до какой низости может опуститься человек! И эта девушка по-прежнему с вами! — Он помолчал и намеренно-подчеркнуто добавил: — Земная баба!

Арвардан вспыхнул, но подавил гнев. Он не мог... Не сейчас... И он заставил себя говорить бесстрастно:

— Могу я видеть полковника, лейтенант?

— Полковник в настоящий момент не несет службу.

— Вы хотите сказать, что его нет в городе?

— Я этого не говорил. Ему можно позвонить, если дело очень срочное.

— Так оно и есть. Могу я видеть дежурного офицера?

— В настоящий момент дежурный офицер — я.

— Тогда вызовите полковника.

Лейтенант медленно покачал головой.

— Я вряд ли это сделаю, так как не уверен, что ситуация действительно серьезная.

Арвардан кипел от нетерпения.

— Ради Галактики, прекратите ставить мне препоны! Речь идет о жизни и смерти.

— Вот как? — Лейтенант Клауди с видом скучающего денди поигрывал щегольской тростью.— Тогда вы можете рассчитывать на аудиенцию со мной.

— Хорошо. Итак, я жду.

— Я сказал — можете рассчитывать.

— Я могу получить аудиенцию, лейтенант?

На лице лейтенанта возникла улыбка.

— Вы можете попросить о ней — перед девушкой. Очень просто.

Арвардан проглотил слюну и сделал шаг назад. Рука Пола легла на его рукав.

— Пожалуйста, Бел. Вы не должны его сердить.

Археолог мрачно проговорил:

— Бел Арвардан с Сириуса просит об аудиенции у дежурного лейтенанта.

— Это зависит от обстоятельств, — ответил лейтенант Клауди. Он сделал шаг к Арвардану, быстро и яростно ударил его ладонью, от чего со щеки археолога упала повязка.

Арвардан непроизвольно охнул. Лейтенант продолжал с сарказмом:

— Когда-то вы сопротивлялись. Не желаете ли сейчас? Арвардан не ответил. Лейтенант торжествовал:

— Аудиенция разрешена.

Четыре солдата встали перед Арварданом и позади него. Лейтенант Клауди пошел впереди.

Шект и Пола остались одни со спавшим Шварцем, и Шект сказал:

— Я не слышу его больше. А ты?

Пола покачала головой.

— Я тоже, уже некоторое время. Отец, как ты думаешь, он что-нибудь сделает Белу?

— Разве это возможно? — мягко произнес старик. — Ты забываешь, что он не из наших. Он — гражданин Империи, и ему нельзя вредить. Ты, как я понимаю, влюблена в него?

— О, это ужасно, отец. Я понимаю, это даже смешно.

— Конечно, смешно. — Шект горько улыбнулся. — Он честен, не спорю. Но что он может сделать? Сможет ли он жить здесь, с нами, в этом мире? Сможет ли он взять тебя к себе домой? Сможет ли он представить друзьям, своей семье земную девушку?

Пола плакала.

— Не знаю. Но, может быть, ничего этого вообще не случится.

Шект снова был на ногах, потому что последняя фраза Пола послужила ему напоминанием. Он повторил:

— Я его не слышу.

Доктор имел в виду секретаря. Балкиса поместили в соседнюю комнату, оттуда и отчетливо доносился звук его

шагов, шагов льва, мечущегося по клетке. Но сейчас шаги замолкли.

Разум и тело секретаря стали для них символом ужасной болезни и разрушения, гигантская сеть которых должна была опутать Галактику. Шект осторожно похлопал Шварца по плечу.

— Проснитесь,— настаивал он.

Шварц потянулся.

— В чем дело?

Иосиф почти не чувствовал себя отдохнувшим. Усталость ощущалась с новой силой, как будто в тело продолжали поступать ее новые порции.

— Где Балкис? — быстро спросил Шект.

— Ах, да!

Шварц дико огляделся, потом вспомнил, что наиболее отчетливую информацию дают ему не глаза. Он мобилизовал щупальца своего мозга, те закружились, ища разум, который был им так хорошо знаком.

Шварц быстро нашел его, но трогать не стал. Долгое знакомство не сделало общение с ним менее болезненным. Иосиф пробормотал:

— Он на другом этаже. С кем-то разговаривает.

— С кем?

— С кем-то, чье Прикосновение мне незнакомо. Подождите, дайте послушать. Может, секретарь будет... Да, он называет его полковником.

Шект и Пола обменялись быстрыми взглядами.

— Это не может быть предательством, правда? — прошептала Пола.— Я хочу сказать, что офицер Империи не захочет пойти на сделку с Землей против Императора.

— Не знаю,— грустно ответил Шект.— Я готов поверить уже во что угодно.

Лейтенант Клауди улыбался, сидя за письменным столом с бластером у локтя, а рядом с ним стояли четверо солдат. Он говорил с той официальнойностью, которой требовала ситуация.

— Я не люблю землян, и никогда их не любил. Они болезненны, суеверны, ленивы и дегенеративны. Но, клянусь звездами, большинство из них знает свое место. В некотором отношении я могу их понять. Такими уж они были рождены, и ничего тут не поделаешь. Конечно, терпеть то, что терпит Император — я имею в виду их проклятые обычаи, — я бы не стал, будь я Императором. Но что делать? Со временем мы научимся...

— Но послушайте! — взорвался Арвардан. — Я ведь не для того сюда приехал, чтобы выслушивать...

— Послушайте вы, потому что я еще не закончил. Я как раз собирался сказать, что не могу понять, как все это укладывается в сознании внешнего, столь любящего землян. Когда человек — настоящий человек, разумеется, может опуститься до того, что ползает среди них и бежит за их женщинами, я не могу испытывать к нему уважения. Он хуже, чем они...

— Космос бы побрал и вас, и ваши глупости! — с яростью бросил Арвардан. — Вам известно, что замышляется ужасное предательство против Империи? Вам известно, насколько опасно создавшееся положение? Каждая минута промедления может стоить уничтожения Галактики.

— О, этого я не знаю, доктор Арвардан. Вы ведь доктор, не так ли? Я не должен забывать ваших обычаев. Видите ли, у меня своя теория: вы — один из них. Может, вы и родились на Сириусе, но у вас черное земное сердце, и вы используете свое галактическое гражданство, чтобы работать на них. Вы похитили их официальное лицо, этого Древнего (сама-то по себе вещь неплохая, но я не хочу, чтобы из-за него мне наступали на горло). Земляне его уже ищут и послали запрос в форт.

— Послали? Уже? Тогда о чем же мы здесь говорим? Я должен увидеть полковника...

— Вы ожидаете восстания или тому подобного беспокойства? Может, вы даже запланировали что-нибудь в этом роде как первый шаг к организованной революции?

— Вы что, с ума сошли? Зачем мне это нужно?

— Ну, тогда, значит, вы не станете возражать, если мы освободим Древнего?

— Вы не можете...

Арвардан вскочил, и несколько мгновений у него был такой вид, будто он собирается броситься на сидевшего за столом. Но в руках лейтенанта Клауди тут же оказался бластер.

— О, не можем? Послушайте-ка. Я снял часть груза с моей груди, ударив вас и заставив пресмыкаться передо мной на глазах вашей подружки-землянки. Я усадил вас здесь и сказал прямо в лицо, какой вы низкий червяк, а теперь с удовольствием воспользуюсь случаем, чтобы разнести вам руку в ответ на то, что вы сделали с моей. Так что лучше не двигайтесь.

Арвардан окаменел. Лейтенант рассмеялся и отложил бластер.

— Жаль, что я должен спасти вас для полковника. Он будет говорить с вами в пять пятнадцать.

— И вы знали об этом все это время!

Отчаяние сдавило горло Арвардана спазмом, превращая звуки в хриплый шелест.

— Конечно.

— Если время, которое мы потеряли, лейтенант Клауди, означает, что мы потеряли все, то нам осталось жить совсем недолго, — сказал Арвардан с ледяным спокойствием, и это делало его голос просто жутким. — Но вы умрете первым, потому что я проведу свои последние минуты, превращая ваше лицо в кашу из раздробленных костей и мозгов.

— Буду ждать вас, любовник землянки, в любое время.

Командующий фортом Диббури закалился на службе Империи. При стойком и неизменном мире последних столетий осталось мало путей к славе, которую мог бы заработать армейский офицер, поэтому полковник, равно как и все остальные, не заработал ее. Но в течение долгих лет восхождения по служебной лестнице он повидал многие части Галактики, так много, что даже гарнизон в невротическом земном мире был для него лишь обычной работой. Он желал лишь мирной рутины обычной оккупации. Сверх этого полковник ничего не просил и, чтобы достичь подобного состояния, шел на все, даже, в случае необходимости, на извинение перед земной девушкой.

Вошедшему Арвардану полковник показался усталым. Ворот его рубашки был расстегнут, а китель с пылающим желтым знаком «Космический корабль и солнце Империи» висел на спинке стула. Мрачно глядя на Арвардана, военный рассеянно похрустывал суставами правой руки.

— Все это — очень неприятная история, — сказал он. — Я прекрасно вас понимаю, молодой человек. Вы — Бел Арвардан с Баронна — уже были однажды причиной недоразумения. Неужели вы не можете держаться в стороне от неприятностей?

— В беду попал не я, полковник, а вся остальная часть Галактики.

— Да, я знаю, — несколько нетерпеливо проговорил полковник, — по крайней мере, мне известно, что вы так заявили. Мне сообщили, что при вас больше нет официальных бумаг.

— У меня их отобрали, но меня знают на Эвересте. Сам Прокуратор может идентифицировать меня, надеюсь, прежде, чем наступит вечер.

— Мы подумаем насчет этого.— Полковник скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.— Не изложите ли вы мне свою версию случившегося?

— Мне удалось узнать о существовании строго засекреченной маленькой группы землян, желающих силой захватить имперское правительство. Заговорщики способны уничтожить не только правительство, но и всю Империю.

— Вы заходите слишком далеко, молодой человек, в столь поспешном утверждении. Я вполне готов допустить, что люди Земли способны поднять волну досадных восстаний, осадить этот форт, причинить значительные разрушения, но я ни на мгновение не допущу, чтобы они могли серьезно угрожать имперским силам на Земле, не говоря уж об уничтожении имперского правительства. И все же я согласен выслушать детали этой истории.

— К несчастью, дело настолько серьезное, что необходимо изложить эти детали самому Прокуратору. Я прошу вас, если вы не возражаете, немедленно связаться с ним по коммуникатору.

— Гм, не будем действовать чересчур поспешно. Вам известно, что человек, которого вы привезли с собой, является секретарем Верховного Министра Земли, одним из Древних и очень уважаемым землянами человеком?

— Конечно!

— И вы утверждаете, что он — главное лицо упоминаемой вами группы заговорщиков?

— Да.

— Какие доказательства?

— Вы поймете, я уверен, когда я скажу, что не могу обсуждать это без Прокуратора.

Полковник, нахмурясь, рассматривал свои ноги.

— Вы сомневаетесь в моей компетентности?

— Совсем нет, сэр. Просто дело в том, что только Прокуратор имеет необходимую власть, чтобы принимать решения такой важности.

— Какие именно решения вы имеете в виду?

— Некое здание Земли должно быть подвергнуто бомбардировке и полностью уничтожено в течение тридцати часов, иначе жизни большинства, а может быть, и всех обитателей Империи угрожает смертельная опасность.

— Какое здание? — устало спросил полковник.

Арвардан подался вперед:

— Могу я позвонить Прокуратору?

Последовала пауза. Потом полковник холодно сказал:

— Вы отдаете себе отчет в том, что, силой захватив землянина, вы поставили себя в положение, при котором обязаны предстать перед земным судом и понести соответствующее наказание? В обычных условиях правительство защищает своих граждан и категорически настаивает на галактическом суде. Тем не менее, ведение дел на Земле требует особой осторожности, и я располагаю строжайшими инструкциями избегать возможных осложнений. Поэтому в случае, если вы откажетесь обстоятельно ответить на все мои вопросы, я буду вынужден отдать вас и ваших спутников в руки местной полиции.

— Но это равносильно смертному приговору и для вас тоже, полковник! Я гражданин Империи, и я требую аудиенции у Проку...

Его прервало гудение зуммера на столе полковника. Полковник повернулся и ответил:

— Да?

— Сэр,— раздался четкий голос,— форт окружен отрядом местных. Они, кажется, вооружены.

— Имело место какое-нибудь насилие?

— Нет, сэр.

Лицо полковника не отразило никаких чувств; в этом, по крайней мере, он был натренирован.

— Подготовьте артиллерию и воздушные суда. Всех людей по местам. Никакой стрельбы, только в случае самозащиты. Понятно?

— Да, сэр. Землянин с белым флагом просит аудиенции.

— Приведите его сюда. И приведите снова секретаря Верховного Министра.— Тут полковник холодно посмотрел на Арвардана.— Надеюсь, вы понимаете, какими осложнениями мы вам обязаны.

— Я требую присутствия на интервью,— крикнул Арвардан, почти не помня себя от ярости.— Я требую ответа: почему вы держите меня здесь под арестом, а сами в это время ведете переговоры с предателями? Мне известно о том, что вы беседовали с ним раньше, чем приняли меня.

— Вы выдвигаете обвинения, сэр? — спросил полковник, и в голосе его зазвучали стальные нотки.— Если так, то формулируйте их более определенно.

— Никаких обвинений я не выдвигаю, но напоминаю, что вы будете отвечать за эти действия и что в будущем, если только оно наступит, вы поймете, что своим упрямством погубили своих же людей.

— Молчать! Перед вами я, во всяком случае, не отчитываюсь. Мы собираемся вести дело так, как считаем нужным. Это вам понятно?

Глава двадцатая

У САМОГО КРАЯ

Секретарь прошел в дверь, придерживаемую солдатом. На его ярких воспаленных губах играла холодная улыбка. Он поклонился полковнику и никак не прореагировал на присутствие Арвардана.

— Сэр, — обратился полковник к землянину, — я связался с Верховным Министром, сообщил ему о вашем присутствии здесь и о том, как вы сюда попали. Все это, конечно, очень необычно, и моя обязанность — освободить вас безотлагательно. Тем не менее, у меня здесь находится джентльмен, который — возможно, вам известно — предъявляет вам очень серьезные обвинения. При сложившихся обстоятельствах мы должны расследовать...

— Я понимаю, полковник, — спокойно ответил секретарь. — Однако, как я вам уже объяснял, этот человек находится на Земле только два месяца или что-то около этого, так что знает о нашей внутренней политике слишком мало, если вообще что-нибудь знает. Думаю, именно по этой причине его обвинения необоснованны.

Гнев снова овладел Арварданом.

— Я — археолог по профессии, причем моей специальностью является Земля и ее обычаи, так что мои знания об этой планете никак нельзя считать минимальными. В любом случае, я не единственный, кто выдвигает обвинения.

Секретарь, как и раньше, даже не взглянул на археолога. Он обращался исключительно к полковнику.

— В это дело вовлечен один из наших местных ученых, который, приближаясь к нормальным шестидесяти годам, страдает манией преследования. Есть еще один человек, чье прошлое неясно и поведение странно. Эти трое не могут выступать в качестве обвинителей, заслуживающих доверия.

Арвардан вскочил.

— Я требую, чтобы меня выслушали.

— Сядьте, — без малейшей симпатии сказал полковник. — Вы отказались обсуждать вопрос со мной. Пусть отказ остается в силе. Стража! Приведите человека с белым флагом.

Это был еще один член Общества Древних. Даже движением век он не выдал волнения, охватившего его при виде секретаря.

Полковник поднялся со стула и спросил:

— Вы говорили с людьми из толпы?

— Да, сэр.

— Полагаю, эти волнения и недозволенные сборища основываются на требования вернуть вашего согражданина?

— Да, сэр. Он должен быть немедленно освобожден.

— Конечно! Однако, интересы закона, порядка и уважения к представителям его величества в этом мире требуют, чтобы вопрос был решен не раньше, чем вооруженные люди разойдутся. Вы должны заставить их сделать это.

Полным любезности голосом секретарь произнес:

— Полковник совершенно прав. Брат Кори, уладьте эти дела. Здесь все благополучно, никакой опасности ни для кого не существует. Вы понимаете? Ни для кого. Слово Древнего.

— Хорошо, брат. Я благодарен судьбе за то, что вы в безопасности.

Парламентера вывели. Полковник коротко бросил:

— Вы сможете спокойно выйти отсюда, как только город вернется к нормальному состоянию. Благодарю вас за сотрудничество. Оно помогло нам покончить с этим делом.

Арвардан вновь вскочил на ноги.

— Вы хотите освободить потенциального убийцу целой человеческой расы, а мне запрещаете встречу с Прокуратором, когда это — мой долг, долг гражданина Галактики. — И, не помня себя от отчаяния, сорвался: — Неужели вы больше доверяете собаке-землянину, чем мне?

Голос секретаря зазвенел от едва сдерживаемого гнева:

— Полковник, я буду рад напомнить, что пришло мое время просить о встрече с Прокуратором. Обвинение в предательстве — дело серьезное, и подозрение по такому поводу — каким бы голословным оно ни было — может перечеркнуть доверие ко мне моих людей. Я бы очень оценил предоставленную мне возможность доказать Прокуратору, что никто не может быть более лояльным по отношению к Империи, чем я.

Официальным тоном полковник заявил:

— Я разделяю ваши чувства, сэр, и готов признаться, что будь я на вашем месте, мои желания оказались бы такими же. Вы делаете честь своей расе, сэр. Я попытаюсь связаться с Прокуратором.

Арвардан ничего больше не сказал, и его отвели назад в камеру.

Бел избегал взглядов, долгое время сидел молча, прикусив зубами костяшку указательного пальца.

Наконец Шект спросил:

— Ну, что?

Арвардан покачал головой.

— Я только все испортил.

— Что вы сделали?

— Вышел из себя, обвинил полковника, и это ни к чему хорошему не привело. Я не дипломат, Шект.— Внезапно Бел почувствовал потребность в самозащите.— Но что я мог сделать? Балкис уже побывал у полковника, так что я не мог доверять последнему. Что, если ему предложили жизнь? Что, если он уже в курсе всего? Я знаю, что это дикая мысль, но я не мог рисковать, был слишком подозрителен, хотел сам повидаться с Энниусом.

Физик вскочил на ноги, заложил руки за спину.

— Ну и что, приехал Энниус?

— Думаю, он должен приехать, но только по просьбе Балкиса, а вот этого-то я и не понимаю.

— По личной просьбе Балкиса? Тогда Шварц, видимо, прав.

— Да? А что говорил Шварц?

Толстяк сидел в своем углу. Когда взгляды присутствующих устремились на него, он пожал плечами и беспомощно развел руками.

— Я поймал Прикосновение Разума секретаря, когда его проводили мимо нашей комнаты. Действительно, у них с полковником был долгий разговор, как вы и предполагали.

— Я знаю.

— В разуме офицера нет предательства.

— Да? — упавшим голосом сказал археолог.— Значит, мои догадки неверны. Когда Энниус приедет, я извинюсь. А что насчет Балкиса?

— В его разуме нет ни беспокойства, ни страха, только ненависть. Больше всего он ненавидит нас, за то, что мы взяли его в плен и притащили сюда. Мы страшно ранили

его самолюбие, он намерен рассчитаться с нами. Я видел отрывки мечтаний в его мозгу: о нем, единственном, правящем целой Галактикой, о том, что мы не в состоянии остановить его. Он одержит верх над нами, сметет нас со своего пути и лишь посмеется над всем, что произошло.

— Вы хотите сказать, что он готов рискнуть своими планами, своей мечтой об управлении Империей ради того, чтобы досадить нам? Но это безумие.

— Да,— без колебания ответил Шварц.— Он и есть безумец.

— И он считает, что его планы осуществляются?

— Да.

— Тогда вы должны помочь нам, Шварц. Нам нужен ваш разум. Слушайте меня.

Но Шект покачал головой.

— Нет, Арвардан, мы не можем действовать таким образом. Когда вы ушли, я разбудил Шварца, и мы с ним все подробно обсудили. Внутренняя сила Иосифа, которую он может описать только очень приблизительно, имеет свой предел. Шварц может остановить человека, парализовать его, даже убить. Более того, он способен контролировать крупные мышцы даже против воли их обладателя. Вот и все. Он не смог заставить говорить секретаря, поскольку мелкие мускулы, управляющие голосовыми связками, оказались вне его власти. Он не смог скоординировать движения секретаря настолько, чтобы заставить Балкиса вести машину. Даже равновесие его во время ходьбы Шварц поддерживал с трудом. Становится очевидным, что мы не можем контролировать Энниуса до такой степени, чтобы, например, заставить его написать приказ. Я думал над этим. Видите ли...— Шект покачал головой, и голос его упал.

Арвардана охватило отчаяние. Вдруг он забеспокоился:

— Где Пола?

— Она спит в нише.

Белу так хотелось разбудить девушку! О, многого сейчас хотелось бы! Арвардан посмотрел на часы. Была почти полночь, оставалось только шесть часов. Он обвел присутствующих беспомощным взглядом — все были здесь, даже Прокуратор. Пола находилась рядом, при желании он мог ощутить тепло ее тонких пальцев в своей руке, заглянуть в ее полные страха и усталости глаза, и это еще больше озлобляло археолога против всей Галактики.

Может быть, они все заслуживают смерти? Глупо.

Арвардан едва видел Шекта и Шварца, которые сидели слева. И был еще Балкис, проклятый Балкис со своими все еще воспаленными губами, с огромным синяком на скуле, которая должна отвечать ему на каждое слово дьявольской болью. При этой мысли губы Арвардана вытянулись в злой усмешке, а пальцы сжались в кулаки. Даже его собственная забинтованная щека, казалось, болела меньше.

И на всех них смотрел Энниус, хмурый, неуверенный, почти смешной в тяжелых, бесформенных, пропитанных свинцом одеяниях. Он тоже был глуп. Арвардан чувствовал, как волна ненависти поглощает его при мысли об этих галактических победителях, которые хотят только мира любой ценой. Где вы, победители прошлых столетий?

Оставалось шесть часов...

Энниус получил вызов из гарнизона часов восемнадцать назад и успел уже поговорить с половиной планеты. Мотивы, побудившие его к этому, оставались непонятными, но от этого не менее сильными. В конце концов Прокуратор выяснил, что произошло достойное сожаления похищение одного из зеленоробых, «верного сына» суеверной, мучимой кошмарами Земли. Ко всему прочему, дикие, документально не подтвержденные обвинения. Собственно, ничего такого, с чем не смог бы справиться умудренный опытом полковник.

Правда, был еще Шект, и не как обвиняемый, а как обвинитель, вот что странно.

Сейчас Прокуратор сидел, глядя на них, размышляя, понимая, что его решение по этому поводу может ускорить начало большого восстания, или, возможно, ослабить его, Прокуратора, положение во дворце, даже перечеркнуть его надежды на будущее.

Что касается длинной речи Арвардана относительно производства вирусов и распространения эпидемии, то насколько серьезно можно к этому относиться? В конце концов, если он станет строить свои действия на подобном утверждении, насколько разумными они покажутся вышестоящим? Однако Арвардан — известный археолог. Так что Прокуратор отложил окончательное решение, спросив у секретаря:

— У вас, конечно, есть что сказать по данному вопросу?

— На удивление мало,— доверительным тоном ответил секретарь.— Я бы хотел узнать, какие существуют улики для подтверждения подобного обвинения?

— Ваше превосходительство,— вынужденно-терпеливо произнес Арвардан,— я уже говорил, что этот человек допускал подобную возможность и говорил о ней во всех деталях во время нашего заключения.

— Возможно,— сказал секретарь,— что вы сочтете для себя лучшим поверить в эти слова, но они столь же необоснованны, как и все предыдущие. Собственно, имеются следующие факты: я был захвачен в плен самым насильственным образом, а не они. Не их, а моя жизнь была под угрозой. А теперь хочется, чтобы мой обвинитель объяснил, каким образом он смог обнаружить какой-то там заговор за девять недель пребывания на нашей планете, в то время как вы, Прокуратор, за долгие годы службы здесь не нашли ничего предосудительного?

— В том, что он говорит, есть смысл,— неохотно подтвердил Энниус.— Так откуда вы узнали?

— Я был информирован о существовании тайной организации доктором Шектом,— твердо сказал Арвардан.

— Это так, доктор Шект?

Взгляд Прокуратора устремился на физика.

— Так, ваше превосходительство.

— А как вы узнали?

— Доктор Арвардан,— стал объяснять Шект,— очень последовательно и точно объяснил, какую роль сыграл Синапсифер. Часть информации мы получили из уст умирающего бактериолога Ф.Смитко. Смитко был членом подпольной группы, его последние слова записаны, и запись годна к прослушиванию.

— Но, доктор Шект, слова умирающего, который мог находиться в бреду, не могут служить доказательством. Больше у вас ничего нет?

Арвардан ударил кулаком по ручке кресла и прорычал:

— Это что, суд? Кого-нибудь обвиняют в нарушении правил уличного движения? У нас нет времени, чтобы взвешивать улики на аналитических весах или измерять их микрометром. Говорю вам, у нас осталось время до шести часов утра, то есть пять с половиной часов, чтобы перечеркнуть угрозу врагов. Вы уже встречались с доктором Шектом, ваше превосходительство. Неужели вы считаете его лжецом?

— Никто не обвиняет доктора Шекта в намеренной лжи, ваше превосходительство,— тут же вмешался сек-

ретарь.— Речь идет лишь о том, что наш добрый доктор стареет и в последнее время страшно обеспокоен приближающимся шестидесятилетием. Боюсь, что комбинация страх плюс возраст повлекла за собою параноические идеи, весьма распространенные на Земле. Посмотрите на него: неужели он выглядит нормальным?

Шект, конечно, выглядел не лучшим образом, был измучен и напряжен, выбит из колеи и тем, что произошло, и тем, что должно было произойти. Все же ему удалось заставить свой голос звучать нормально, спокойно:

— Я могу сказать, что за последние два месяца подвергался постоянному наблюдению Древних, мои письма вскрывались, а ответы проверялись. Очевидно, подобные жалобы тоже будут рассматриваться как болтовня параноика, но у нас есть Иосиф Шварц, человек, который добровольно стал подопытным для Синапсифера в тот день, когда вы посетили меня в институте.

— Я помню.

Энниус был явно доволен, что разговор пошел по другому руслу.

— Это тот самый человек?

— Да.

— Для того, кто подвергся эксперименту, он довольно неплохо выглядит.

— На самом деле все обстоит куда лучше. Воздействие Синапсифера было неожиданно успешным, поскольку у подопытного с самого начала была фотографическая память, факт, о котором мне в то время не было известно. Во всяком случае, сейчас он обладает разумом, чувствительным к мыслям остальных.

Энниус подался вперед в своем кресле и в изумлении воскликнул:

— Что? Вы хотите сказать, что он способен читать мысли?

— Это можно продемонстрировать, ваше превосходительство. Но я думаю, что член Братства подтвердит это заявление.

Секретарь бросил на Шварца быстрый и полный ненависти взгляд. Лицо его перекосило. Голос задрожал от гнева:

— Это правда, ваше превосходительство. Этот человек обладает некоторыми гипнотическими способностями, хотя обязан он этим Синапсиферу или нет, этого я не знаю. Могу добавить, что этот человек подвергался воздействию Синапсифера тайно, данные записаны не были, так что

это — и вы, я думаю, со мной согласитесь — очень подозрительно.

— Да, записи не велись,— спокойно подтвердил Шект,— в соответствии с указаниями, полученными мною от Верховного Министра.

Секретарь на это только пожал плечами.

Энниус решительно вмешался:

— Давайте придерживаться сути дела и избегать колкостей. Итак, насчет Шварца? Что его способность читать мысли, или гипнотический талант, или как там еще можно это назвать, имеет общего со всем делом?

— Шект намеревался сказать,— вставил секретарь,— что Шварц прочитал мои мысли.

— Вот как? И он так считает? — спросил Прокуратор и в первый раз взглянул на Шварца.

— Сейчас он думает,— проговорил Шварц,— что у нас нет возможности убедить вас в нашей правдивости.

— Совершенно верно,— фыркнул секретарь,— хотя подобное заключение едва ли требует особых умственных способностей.

— А еще,— продолжал Шварц,— он думает, что вы несчастный дурак, боящийся действий, желающий только мира, надеющийся своей справедливостью и беспристрастностью одержать победу над людьми Земли, и оттого, что вы надеетесь на это, вы еще больший дурак.

Секретарь покраснел.

— Это ложь и явная попытка вызвать у вас неприязнь ко мне, ваше превосходительство.

— Во мне не так-то легко вызвать неприязнь,—заявил Энниус и обратился к Шварцу: — О чем думаю я?

— Что если бы даже я и мог ясно читать мысли в мозгу человека, то мне не обязательно говорить правду об этом,— ответил Шварц.

Брови Прокуратора поднялись в удивлении.

— Вы совершенно правы. Вы поддерживаете обвинение, выдвинутое доктором Арварданом и доктором Шектом?

— Каждое их слово.

— Вот как? Однако, если только не найдется второй такой человек, как вы, ваше свидетельство не может стать полноценным перед лицом закона, даже если мы поверим в вас как в телепата.

— Но речь идет не о законе,— воскликнул Арвардан,— а о спасении Галактики!

Секретарь встал.

— Ваше превосходительство, у меня к вам просьба. Я бы хотел, чтобы этот Иосиф Шварц был удален из комнаты.

— Почему же?

— Этот человек, кроме способности читать мысли, обладает еще определенной мысленной силой. Я был захвачен в плен в состоянии паралича, в которое вверг меня Шварц, и только страх перед тем, что он может повторить попытку и снова подействовать на меня, а возможно, и на вас, ваше превосходительство, вынуждает меня обратиться с подобной просьбой.

Арвардан встал, но секретарь опередил его:

— Какой же разговор может считаться искренним, если здесь присутствует человек, легко влияющий на разум людей с помощью своего удивительного дара?

Энниус быстро принял решение. Был отдан приказ, и Иосифа Шварца, не оказавшего ни малейшего сопротивления, увели. Для Арвардана это было последним ударом.

Что же касается секретаря, то теперь он встал и официальным тоном заговорил:

— Ваше превосходительство, все утверждения доктора Арвардана основаны на свидетельстве доктора Шекта. В свою очередь убеждения доктора Шекта покоятся на бредовых речах умирающего человека. И все это, ваше превосходительство, никогда не выплыло бы на поверхность, не будь Иосиф Шварц подвергнут действию Синапсифера. Задумайтесь над этим. Так кто он, этот Иосиф Шварц? До того, как он появился, доктор Шект был нормальным, спокойным человеком. Вы сами, ваше превосходительство, провели с ним несколько часов в тот день, когда Шварца доставили в институт. Был ли Шект тогда нормален? Уведомил ли он вас о предательстве? Говорил ли о какой-то там болтовне умирающего бактериолога? Казался ли хотя бы встревоженным? Сейчас он утверждает, что получил указание от Верховного Министра фальсифицировать результаты испытаний Синапсифера, не объявлять имена тех, кто подвергся испытанию. Говорил ли он об этом тогда? Нет, он заявил об этом только теперь, когда появился Шварц! И снова: кто такой Иосиф Шварц? Вначале, когда его привезли, он изъяснялся на неизвестном языке. Об этом мы узнали позже, когда начали подозревать доктора Шекта в нестабильности его разума. Шварца привез фермер, которому ничего не было известно ни о его личности, ни вообще о чем бы то ни было. Однако Шварц обладает странной умственной силой. Он может проникать на сто

ярдов одной лишь мыслью, может даже убивать на близком расстоянии. Говорят, что я захватил его в плен, что я угрожал ему смертью, что я признался в предательстве и угрозе Империи. Но позвольте мне задать им один вопрос, ваше превосходительство: не были ли обвинители подвергнуты влиянию Шварца, то есть человека, способного контролировать их разум? Может, Шварц и есть предатель? Если нет, то кто же такой Шварц?

Секретарь сел, спокойный, почти сияющий.

Арвардан чувствовал себя так, будто его мозг помещен в циклотрон и теперь крутится с все возрастающей скоростью.

Что на это ответить? Сказать, что Шварц перенесся сюда из прошлого? А где доказательства? Этот человек говорил вначале на языке далеких предков. Но это может засвидетельствовать только он, Арвардан. Как убедить, что он не подвергался влиянию Шварца? И кто, в самом деле, такой этот Шварц? Почему бы ему не мечтать о завоевании Галактики?

Арвардан размышлял. Откуда выплыла его уверенность в существовании тайной организации? Он же археолог, умеет сомневаться, а теперь... Сыграло ли решающее значение слово физика? Или поцелуй девушки? Или Иосиф Шварц? На эти вопросы Бел не находил ответа.

— Итак? — в голосе Энниуса сквозило нетерпение. — Что вы можете сказать, доктор Шект? Или вы, доктор Арвардан?

Голос Пола внезапно нарушил молчание.

— Почему вы спрашиваете их? Разве не видите, что все это ложь? Неужели вы не видите, что секретарь связывает нам руки своей ложью? О, все мы должны умереть, и мне теперь все равно, но ведь это можно еще предотвратить, а мы сидим тут и беседуем. — И она разрыдалась.

— Теперь будем слушать вопли истеричной девушки, — не унимался секретарь. — Ваше превосходительство, у меня есть предложение. Мои обвинители утверждают, что все это — измененный вирус или что там у них на уме — начнет действовать через несколько часов. Я предлагаю отложить ваше решение на неделю. Если то, что они говорят, правда, то через несколько дней на Земле станет известно об эпидемии в Галактике. В таком случае имперские силы все еще будут держать Землю под контролем.

— Земля в обмен на Галактику! Хорошая сделка! — пробормотал Шект с побелевшим лицом.

— Я ставлю на карту свою жизнь и жизнь моего народа. Мы — заложники собственной невинности, и я готов хоть сейчас проинформировать Общество Древних о том, что останусь здесь на неделю по собственной воле, чтобы предотвратить волну возмущений, которая могла бы подняться в противоположном случае.

Секретарь сложил руки на коленях. Энниус поднял взгляд. Лицо его выражало озабоченность.

— Я не нахожу в этом человеке ничего дурного.

Больше Арвардан не мог терпеть. Спокойно и решительно он встал и быстро подошел к Прокуратору. Каковы были его намерения — так и осталось неизвестным, потому что сам он потом ничего не мог вспомнить. Но это и не имело значения: у Энниуса был невротический хлыст и он воспользовался им.

В третий раз за время пребывания Арвардана на Земле все вокруг него обратилось в боль, закружилось и унеслось прочь.

В то время, когда Арвардан лежал без сознания, человечество подошло к краю пропасти.

Глава двадцать первая

ЗА КРАЕМ

И перешагнуло его!

Свет...

Пятнистый свет и неясные тени, тающие, а потом снова возникающие в фокусе.

Лицо... Глаза...

— Пола!

И сразу все сделалось понятным.

— Как долго это продлилось?

Бел так крепко схватил ее за руку, что девушка невольно поморщилась.

— Больше семи часов,— прошептала она.— Мы уже за краем.

Арвардан огляделся — он лежал в постели, нестерпимо болели все суставы. Шект, скорчившись в кресле, поднял голову и мрачно кивнул.

— Все кончено, Арвардан.

— Но тогда Энниус...

— Энниус,— сказал Шект,— не захотел воспользоваться случаем. Не странно ли это? — Он нервно засмеялся.— Мы трое сами раскрыли страшное преступление, замышляемое против человечества, сами поймали главаря и привлекли его к ответу. Как в визикасте, правда? Великие всепобеждающие герои достигают победы в самое последнее мгновение, и следует счастливый конец, так? Смешно?

Последние слова сопровождались жестким, сухим рыданием.

Арвардан почувствовал себя совершенно разбитым и отвел взгляд. Глаза Пола были как темные вселенные, влажные, затянутые дымкой слез. Казалось, девушка на мгновение растворилась в нем — вселенные заполнились звездами, и к этим звездам устремились маленькие сверкающие металлические ящички, пожирающие световые годы на тщательно высчитанном роковом пути. Вот-вот они достигнут атмосферы, исторгнут невидимые смертоносные капли вирусного дождя.

Да, все кончено. Этого уже не остановить.

— Где Шварц? — слабым голосом спросил Арвардан. Пола только покачала головой.

— Больше его сюда не приведут.

Дверь отворилась, и Арвардан посмотрел в ее сторону с тенью надежды. Видимо, он еще не полностью смирился со смертью.

Вошел Энниус. Лицо Арвардана потемнело, он отвернулся.

Энниус подошел и бросил быстрый взгляд на отца и дочь. Даже теперь доктор Шект и Пола оставались первобытными земными существами, не способными сказать что-либо Прокуратору, хотя и знали, что какими бы короткими и жестокими не были остатки их жизни, та, что оставалась Прокуратору, была еще более короткой и жестокой.

Энниус похлопал Арвардана по плечу.

— Доктор Арвардан!

— Ваше превосходительство! — сказал Арвардан, подражая интонации Прокуратора. Только горечь нарушала это сходство.

— Прошло больше шести часов.

Эту ночь Энниус не спал. Официально освободив Балкиса от подозрений, он в глубине души не мог поверить, что обвинители совершенно безумны или находятся под чьим-то мысленным контролем. Прокуратор наблюдал, как

бесстрастные стрелки хронометра отсчитывают последние секунды жизни Галактики.

— Да,— подтвердил Арвардан,— прошло уже больше шести часов, а звезды все сияют.

— Вы по-прежнему считаете, что были правы?

— Ваше превосходительство,— сказал Арвардан,— пройдут часы, и начнут умирать первые жертвы. Этого не заметят: люди умирают каждый день. Через неделю умрут сотни и тысячи. Процент выздоровевших приблизится к нулю. Понадобятся неизвестные медикаменты. Некоторые планеты бросят клич о помощи. Через несколько недель число таких планет достигнет огромной величины, целый сектор потребует срочной помощи. Через месяц Галактика превратится в корчащееся в муках животное. Через два месяца едва ли двадцать планет останутся нетронутыми. Через шесть месяцев Галактика будет мертва. А что станете делать вы, когда начнут поступать рапорты? Позвольте мне предсказать и это. Вы можете сообщить о том, что и на Земле началась эпидемия, но это уже ничего не изменит. Вы объявите войну Древним Земли, но это тоже не спасет. Вы сотрете землян с лица планеты, но это уже ни на что не сможет повлиять. Возможно, вы станете посредником между вашим другом Балкисом, Галактическим Советом — и теми, кто выжил? Тогда на вашу долю может выпасть честь вручить искалеченные остатки Империи в руки Балкиса в обмен на антитоксин, который еще успеет спасти хотя бы одно человеческое существо...

Энниус недоверчиво улыбнулся.

— Вы не находите, что говорите до смешного мелодраматично?

— О, да. Я — мертвец, а вы — безжизненное тело. Но давайте же сохранять холодность и имперское достоинство, не так ли?

— Если на вас подействовал невротический хлыст...

— Вовсе нет,— возразил Арвардан и иронически добавил: — я к нему привык. Теперь я его почти не чувствую.

— Тогда я объясню вам все как можно логичнее. Все это ужасная неразбериха. Трудно будет составить удобоваримый отчет, столь же трудно предотвратить огласку. Итак, остальные обвинители — земляне, ваш голос — единственный, имеющий вес. Предположим, вы подписываете заявление, в котором говорится, что обвинение было сделано в такое время, когда вы находились не в себе. Ну, мы придумаем какую-нибудь фразу, которая объяснит состояние без упоминания об умственном контроле.

— Это несложно. Скажем, я спятил, напился, был под гипнозом, наелся наркотиков — все подойдет.

— Вы будете благоразумны? Послушайте, я объясню вам, под каким давлением вы оказались.— Энниус понизил голос до шепота.— Вы человек с Сириуса. Чего ради вы влюбились в земную девушку?

— Что?!

— Не кричите так. Будь вы в нормальном состоянии, вам бы и в голову не пришло увлечься аборигенкой? Подумайте сами.— Прокуратор слегка повел головой в сторону Полы.

Несколько мгновений Арвардан смотрел на него в изумлении, потом быстро приподнялся и ухватил высшую имперскую власть на Земле за горло. Энниус яростно, но тщетно отбивался, стараясь вырваться из железных пальцев противника.

— Ах, вот как, да? — возмутился Арвардан.— Вы имеете в виду мисс Шект? Если так, то прошу говорить о ней с должным уважением. Понятно? Да ладно, убирайтесь, все равно вы уже мертвец.

Задыхаясь, Энниус проговорил:

— Доктор Арвардан, вы ставите себя в...

Дверь вновь отворилась, и в комнату вошел полковник.

— Ваше превосходительство, толпа землян вернулась.

— Что? Разве Балкис не говорил с официальными лицами? Он обещал объяснить им свое недельное пребывание здесь.

— Все так и он еще здесь. Но толпа есть толпа. Мы готовы в нее стрелять, и, как воинский командир, я именно это и советую сделать. У вас есть какие-либо предложения, ваше превосходительство?

— Подождите открывать огонь, пока я не увижусь с Балкисом. Приведите его сюда. Доктор Арвардан, с вами я закончу позже.

Балкис вошел, улыбаясь, и отвесил Энниусу самый любезный поклон, на что тот лишь слегка кивнул.

— Сядьте здесь,— недовольно сказал Прокуратор.— Меня проинформировали о том, что в окрестностях форта Диббури собираются ваши люди. Это не было предусмотрено нашим соглашением. Мы вовсе не желаем кровопролития, но наше терпение не беспредельно. Вы можете заставить их спокойно разойтись?

— Если я решусь на это, ваше превосходительство.

— Если решитесь? Вам лучше решиться, и поскорее.

— Вовсе нет, ваше превосходительство.— Улыбка секретаря погасла, а рука протянулась вперед.— Глупец! Вы слишком долго ждали, и за это умрете! Или останетесь жить рабом, если предпочитаете, но помните, что это будет нелегкая жизнь.

Уверенность и яркость подобного заявления не произвели на Энниуса должного эффекта. Даже сейчас, получив самый сильный удар за всю свою карьеру, Энниус был невозмутим — сказывалась вышколенность имперского дипломата. Лишь мрак и усталость еще больше сгустились в его глубоко посаженных глазах.

— Значит, я со своей осторожностью потерял слишком многое? История с вирусами была правдой? — Удивление в его голосе было почти абстрактным, безразличным.— Но сама Земля? Вы же мои заложники...

— Вовсе нет! — последовал радостный крик.— Это вы и ваши люди — мои заложники. Вирус, который сейчас распространяется по Вселенной, не минует и Землю, распределится по нашей атмосфере, достигнет даже вершин Эвереста. Мы, жители Земли, имеем иммунитет, а как насчет вас, Прокуратор? Не чувствуете ли вы слабость, сухость во рту? Не болит ли у вас горло? Долго это не продлится, уверяю вас. А антибиотики вы можете получить только от нас.

В течение долгого времени Энниус ничего не говорил. Лицо его вдруг сделалось на удивление надменным. Потом он повернулся к Арвардану и холодным, лишенным красок голосом произнес:

— Доктор Арвардан, я должен попросить у вас прощения за то, что сомневался в ваших словах. Доктор Шект, мисс Шект, прошу вас простить меня.

Арвардан пробормотал сквозь зубы:

— Благодарю вас за ваши извинения. Теперь они всем очень помогут.

— Ваш сарказм справедлив,— признал Прокуратор.— Если вы позволите, я предпочел бы вернуться на Эверест и умереть вместе со своей семьей. Возможность какого бы то ни было компромисса с этим человеком, конечно, исключена. Мои солдаты, я уверен, как следует проявят себя перед смертью, и немало землян успеют осветить для нас темные туннели смерти. Прощайте.

— Подождите, не уходите.

Энниус медленно оглянулся на новый голос.

Иосиф Шварц, хмурый, еле стоящий на ногах от усталости, медленно переступил порог.

Секретарь напрягся и отшатнулся. Внезапно в нем зародилось подозрение, и он в упор посмотрел на человека из прошлого.

— Нет,— взвизгнул Балкис,— вы не можете вырвать у меня секрет антибиотика. Он есть только у нескольких людей, которые знают, как правильно им пользоваться, и находится в безопасности, вне вашей досягаемости, пока не настанет нужное время.

— Все это находится в безопасности, но нужное время настанет совсем не тогда, когда вы рассчитываете. Видите ли, никакого токсина нет, вирус не смог распространиться.

Это заявление не сразу было понято присутствующими. В мозгу Арвардана закопошилась удивительная мысль: может, он действительно подвергся влиянию? Может, все это — гигантская мистификация, в которой замешан не только секретарь, но и он сам? Но если так, то почему?

Первым заговорил Энниус:

— Быстрее! Что вы имеете в виду?

— Это несложно,— ответил Шварц.— Вчера вечером здесь я понял, что не могу делать ничего другого, как только сидеть и слушать. Тогда я стал воздействовать на мозг секретаря. Я не хотел тут оставаться, и он, в конце концов, попросил, чтобы меня удалили из комнаты. Этого-то я и добивался, а остальное оказалось нетрудным. Я заставил охрану бездействовать и направился к воздушной машине. Форт находился в состоянии боевой готовности, и машина была снабжена горючим, вооружена и готова к полету. Пилоты ждали. Я взял одного, и мы полетели в Сенлу.

Секретарь, должно быть, хотел что-то сказать, но рот его открывался и закрывался совершенно беззвучно.

— Но вы же не могли никого заставить вести самолет, Шварц,— удивился Шект.— Все, что вы могли — это заставить идти.

— Да, когда человек действует против своей воли. Но из разума доктора Арвардана я узнал, как сириане ненавидят землян, и нашел пилота, который родился в секторе Сириус — это лейтенант Клауди.

— Лейтенант Клауди? — воскликнул доктор Арвардан.

— Да. Вы его знаете, я ясно читаю это в вашем разуме.

— Держу пари... Продолжайте же, Шварц.

— Этот офицер ненавидел землян с такой силой, что просто трудно себе представить, даже меня ненавидел, хоть я был внутри его мозга. Он желал их всех уничтожить

лишь воинская дисциплина сковывала его, мешала привести в исполнение планы. Этот разум совершенно отличался от других — небольшое предположение, маленький толчок — и никакая дисциплина его уже не удержит. Я не уверен даже, осознал ли он мое присутствие в самолете.

— Как вы нашли Сенлу? — прошептал Шект.

— В мое время, — сказал Шварц, — был город, который назывался Сан-Луис и находился у слияния двух больших рек. Теперь это Сенлу. Была ночь, но море светилось радиоактивным свечением, а доктор Шект рассказывал, что храм стоит на изолированном оазисе нормальной почвы. Мы пошарили прожектором, — по крайней мере, мне так показалось — и увидели внизу пятиугольное здание. Оно совпадало с тем изображением, которое я уловил в мозгу секретаря. Теперь в том месте, где стояло здание, имеется только дыра в тысячи футов глубиной. Это произошло в три часа утра. Вирусы не были посланы, Вселенная свободна.

Из уст секретаря вырвался животный рев — вопль смертельно раненного демона. Казалось, он сейчас прыгнет вперед, но вдруг замер и рухнул на пол. Тонкая струйка слюны медленно потекла с его губ.

— Я его не трогал, — тихо произнес Шварц. Задумчиво глядя на поверженную фигуру, он продолжал:

— Мы вернулись еще до шести, но я знал, что следует подождать, пока смертельный рубеж не будет перейден. Балкис должен был заявить о своем величии, это ясно читалось в его разуме. Он сам себе вынес приговор — поэтому здесь теперь и лежит.

Глава двадцать вторая

БЫТЬ МОЖЕТ, ЛУЧШЕЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Тридцать дней прошло с тех пор, как Иосиф Шварц поднялся в воздух с дорожки аэродрома и, несмотря на рев сирен и приказы вернуться, устремился в ночь, несущую разрушение Галактике.

Он не вернулся пока не разрушил Сенлу.

Героизм Шварца был наконец-то оценен официальными лицами — в кармане лежала лента Ордена Космического Корабля и Солнца первого класса. Лишь еще два человека

из Галактики удостоились при жизни такой чести. Для старого портного это было кое-что.

Конечно, никто, кроме самых высокопоставленных лиц, не знал в точности, что произошло, но это не играло роли. Когда-нибудь в исторических книгах события эти станут частью яркого, навсегда запечатлевшегося в памяти рассказа.

Теперь, тихим вечером, Шварц шел к дому доктора Шекта. Весь город был спокоен, как и звездное сияние над головой. В отдаленных уголках Земли банды зилотов еще служили причиной волнений, но их лидеры были обезврежены, а об остальных могли позаботиться сами умеренно настроенные земляне.

Первые грузовые суда с нормальной почвой были уже в пути. Энниус снова предложил перевезти земное население на другие планеты, но это предложение оказалось ненужным. Земляне не хотели благотворительности. Однако им была предоставлена возможность переделать собственную планету. Пусть снова строят дома своих отцов, изначальный мир людей. Пусть работают руками, изымая больную землю и заменяя ее здоровой, видя зеленую поросль там, где жила смерть, и превращая пустыню в прекрасный цветущий сад, как когда-то.

Это была огромная работа, она могла занять столетие. Ну и что же? Пусть Галактика поставляет машины, пусть галактические корабли привозят еду, почву. При неисчислимых галактических ресурсах это лишь капля в море, и потом все это воздастся сторицею.

И земляне снова станут людьми среди людей, населенной планетой среди других планет, будут смотреть на других людей с достоинством, как на равных.

Когда Шварц поднимался по ступенькам к входной двери, сердце его колотилось от волнения. На следующей неделе он вместе с Арварданом должен отправиться в центральные миры Галактики. Кому еще из его поколения дано было оставить Землю?

На мгновение пришла мысль о старой Земле, его Земле, так давно умершей. А прошло только три с половиной месяца.

Подняв руку к звонку, Шварц остановился, и слова, произносимые внутри, вошли в его сознание. Он их слышал ясно, как тоненькие колокольчики. Это, конечно, Арвардан, и сознание его было так эмоционально насыщено, что невозможно передать словами.

— Пола, я ждал и думал. Я не могу больше. Ты едешь со мной.

Пола, тоже переполненная чувствами, сказала с неохотой:

— Я не могу, Бел. Это невозможно. Мои провинциальные манеры и привычки... Я буду чувствовать себя смешной в этих больших мирах. Кроме того, только на Земле я...

— Не говори так. Ты моя жена, и все. Если кто-нибудь спросит, кто ты — ты уроженка Земли и гражданка Империи. Если захотят узнать больше — ты моя жена.

— Хорошо, а что будет, когда ты сделаешь подробное заявление в Археологическом Обществе на Транторе?

— Что будет? Во-первых, мы возьмем годичный отпуск и осмотрим все главные галактические миры. Не пропустим ни одного, пусть даже ради этого нам придется летать на почтовом корабле. Мы увидим все чудеса Галактики, и это будет самый лучший медовый месяц, какой только можно купить на правительственные деньги.

— А потом?

— А потом мы вернемся на Землю, вступим добровольцами в рабочий батальон и проведем следующие сорок лет нашей жизни, удаляя грязь с зараженных радиацией территорий.

— Но почему ты собираешься это делать?

— Потому что...— В этом месте разум Шварца уловил следы глубокого вздоха в Прикосновении Разума Арвардана.— Потому что я люблю тебя, а ты этого хочешь, и потому, что я — патриот-землянин, что могу документально подтвердить с помощью бумаг с благодарностями.

— Хорошо.

Разговор прервался. Конечно, Прикосновение Разума не прервалось, и Шварц, несколько смущенный, отступил. Не стоит беспокоить их сейчас. Все в порядке, время есть.

Он ждал на улице под светом холодных звезд — всей Галактики, видимой и невидимой.

И для себя, и для новой Земли, и для миллионов далеких планет Шварц еще раз тихо повторил слова той древней поэмы, которую знал теперь во всех мирах только он один:

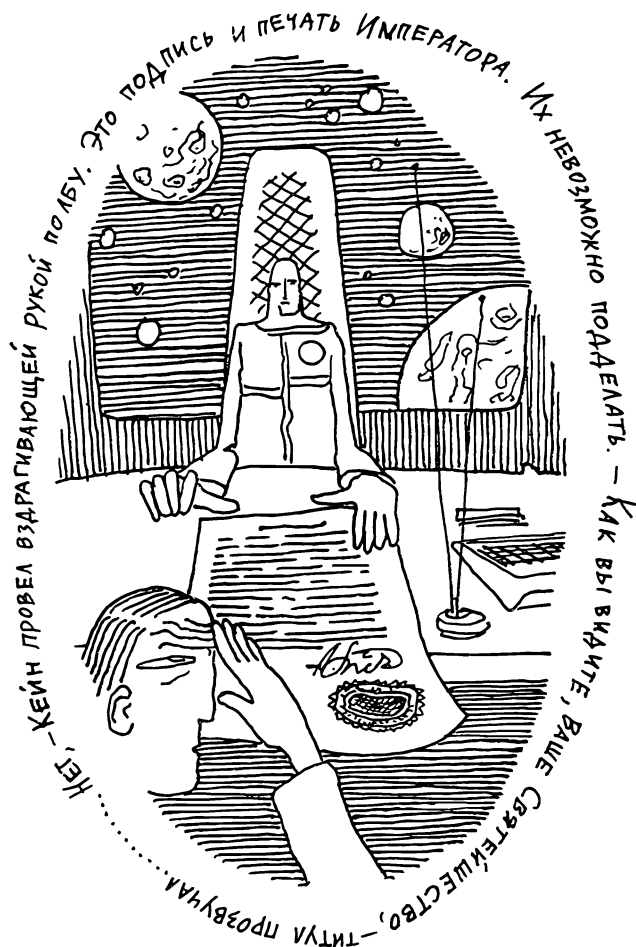
«Так старься же со мной!

Быть может, лучшее еще впереди —

Та, последняя эпоха жизни,

Ради которой была прожита первая...”

ЧЕРНЫЕ МОНАХИ ПЛАМЕНИ

Глаза Рассела Тимбалла зажглись огоньком восторга, когда он увидел почерневшие обломки того, что несколько часов назад называлось крейсером ласинукского флота. Искореженные переборки, выпирающие во все стороны, убедительно доказывали, какой чудовищной силы был удар.

Тимбалл, невысокий полный землянин, вернулся в свой ухоженный стратоплан. Очень долго он крутил в руках длинную сигару — свидетельство его явного беспокойства, — пока наконец не раскурил ее. Клубы дыма поплыли вверх, Рассел Тимбалл закрыл глаза и погрузился в размышления.

Раздались осторожные шаги, и он вскочил. Два человека, окинув прощальным взглядом разбитый крейсер, проскользнули внутрь стратоплана. Люк мягко закрылся. Один из них, Уилламс, тут же направился к пульту; второй, Петри, повернулся к иллюминатору.

Когда скоро пустынная территория забелела далеко внизу и серебристый нос стратоплана нацелился на древний метрополис Нью-Йорк, Тимбалл спросил:

— Все чисто?

Уилламс кивнул:

— Ни одного корабля тиранов поблизости. Совершенно ясно, что «Грахул» не успел обратиться по радио за помощью.

— Почту забрали? — В голосе Тимбалла слышалось нетерпение.

— Да. Мы быстро ее нашли. Она не пострадала.

— Мы обнаружили кое-что еще, — с горечью заметил Петри. — Последний доклад Сиди Пеллера.

На мгновение круглое лицо Тимбалла обмякло, изобразив нечто похожее на страдание, и тотчас вновь окаменело.

— Сиди Пеллер умер! Но он пошел на это ради Земли, значит, он жив! Он — герой и мученик!

Тимбалл помолчал, затем с печалью в голосе обратился к Петри:

— Дайте мне взглянуть на донесение.

Петри протянул ему ничем не примечательный, сложенный пополам листок. Тимбалл развернул его и медленно прочитал вслух:

«4 сентября произвел успешное проникновение на борт крейсера флота тиранов «Грахул». Весь путь от Плутона до Земли вынужден скрываться. 5 сентября обнаружил искомую корреспонденцию и завладел ею. Решил воспользоваться крепостью ракетных двигателей. Помещаю туда доклад вместе с почтой. Да здравствует Земля!»

Когда Тимбалл читал последние слова, голос его странно вибрировал:

— От руки ласинукских тиранов пал Сиди Пеллер! Не было человека более великого! Но мы отомстим — человеческая раса еще не до конца адекадентилась.

Петри глядел в иллюминатор.

— Как Пеллер все это сумел? Один! Успешно пробрался на вражеский крейсер, выкрал документы на глазах у всего экипажа и корабль уничтожил! К сожалению, мы никогда не узнаем подробностей. От него ничего не осталось, кроме сухих строчек донесения.

— Он выполнял приказ,— заметил Уилламс, зафиксировал управление и повернулся к спутникам,— который я сам доставил ему на Плутон. И он сделал все, что требовалось: захватил дипломатическую почту, разбил «Грахул» над Гоби, то есть он выполнил задание. Но только и всего! — Уилламс пожал плечами и вновь отвернулся.

В помещении воцарилась атмосфера подавленности. Тимбалл решил нарушить ее и прогрохотал:

— Забудем об этом. Вы на корабле обо всем позаботились?

Оба его спутника согласно кивнули. Петри деловито произнес:

— Все следы Пеллера выявлены и деавтоматизированы. Они никогда не обнаружат останков человека среди обломков. Сам документ заменен на заранее подготовленную копию, которая пламенем доведена до состояния, не дающего возможности ее прочтения. Она даже пропитана солями серебра именно в том количестве, какое остается после приложения официальной печати императора тира-

нов. Могу поклясться головой, что ни одному ласинуку не придет в голову, будто катастрофа подстроена, а документ нами подменен.

— Хорошо. Они уже сутки не могут установить место падения. С воздуха его не засечешь. Теперь передайте мне корреспонденцию.

Тимбалл нежно, почти с благоговением взял в руки металлоидный контейнер, слегка почерневший и деформированный, но до сих пор, казалось, хранивший слабое тепло. С силой повернул крышку, открыл контейнер и вытряхнул наружу документ, который тотчас с шумом развернулся. В нижнем левом углу показалась огромная серебряная печать самого императора Ласинука — тирана, жившего на Веге и правившего одной третью Галактики. Послание было адресовано королю Солнечной системы.

Трое землян с мрачным видом принялись внимательно изучать изящно отпечатанные строчки. Резкие, угловатые ласинукские буквы отливали красным в лучах заходящего солнца.

— Что, разве я был не прав? — прошептал Тимбалл.

— Как всегда, — согласился Петри.

XXX

По-настоящему ночь так и не наступила. Черно-пурпурное небо слегка потемнело, звезды стали ярче, но, если не обращать на это внимания, разница между днем и ночью в стратосфере практически не чувствовалась.

— Вы уже обдумали следующий шаг? — нерешительно поинтересовался Уилламс.

— Да... и давно. Завтра навещу Пола Кейна вот с этим, — он указал на послание.

— Лоару Пола Кейна! — воскликнул Петри.

— Этого... л о а р и с т а ! — выдохнул Уилламс.

— Да, — спокойно продолжал Тимбалл. — Он наш человек!

— Ласинукский лакей! — не соглашался Уилламс. — Он глава лоаризма, следовательно, предводитель изменников-землян, которые проповедуют смирение перед захватчиками.

— Совершенно верно! — Петри побледнел, но старался держать себя в руках. — Ласинуки — наши явные враги, и с ними мы еще столкнемся в открытой битве, но лоаристы — это сброд! Я скорее сам пойду на службу к вице-королю тиранов, чем соглашусь иметь что-нибудь общее с этими

гнусаемыми ковырялами в древней истории Земли, которые возносят молитвы ее былому величию, но ничуть не озабочены ее теперешней деградацией.

— Вы слишком строго судите,— Тимбалл едва заметно улыбнулся.— Мне с Полом Кейном уже приходилось иметь дело.— Резким жестом он пресек пытавшихся возразить спутников.— Я был очень осторожен. Даже вы ничего не знали, но, как видите, до сих пор он меня не предал. Эти встречи обманули мои ожидания, хотя кое-чему научили. Вот послушайте.

Петри и Уилламс подвинулись ближе, и Тимбалл продолжал жестким деловым голосом:

— Первое галактическое нашествие Ласинука завершилось две тысячи лет назад. Земля капитулировала, и с тех пор агрессия не возобновлялась. Независимые же планеты людей в Галактике вполне удовлетворены поддержанием подобного статуса-кво. Им некогда думать о возобновлении борьбы с ласинуками:— они слишком поглощены распрями между собой. Для лоаристов тоже нет разницы: люди или ласинуки правят Землей. Их интересует лишь успешное противодействие новым путям в мышлении. Ну и, конечно, чтобы процветал сам лоаризм. Возможно, мы, националисты, для них представляем даже большую опасность, нежели тираны.

Уилламс криво усмехнулся:

— Конечно, так и есть.

— Значит, если с этим согласиться, становится понятно, почему лоаризм взял на себя роль миротворца. Однако, если интересы наши совпадут, они не замедлят к нам присоединиться. А вот это,— Тимбалл похлопал по разложенному на столе документу,— поможет нам убедить их.

Его спутники хранили молчание. Тимбалл продолжал:

— У нас мало времени. Года два-три, не больше. Но вы сами знаете: надежда на успех восстания есть.

— Знаем,— кивнул Петри и процедил: — Если, конечно, сумеем разделаться с ласинуками на Земле.

— Сумеем. Только бы они не обратились за помощью на Вегу. Ведь нам просить помощи не у кого. Ни одна из планет людей не подумает вступить за нас. Даже не почешутся, как пятьсот лет назад. Именно поэтому мы должны перетянуть лоаристов на свою сторону.

Огонек ненависти зажегся в глазах Уилламса:

— Но пять веков назад во время Кровавого восстания, лоаристы бросили нас на произвол судьбы — спасали свою драгоценную шкуру.

— Сейчас не время напоминать им об этом, — спокойно заметил Тимбалл. — Сначала следует заручиться их поддержкой, а уж потом, когда все будет позади, можно и посчитаться...

Уилламс вернулся к пультам.

— Нью-Йорк через пятнадцать минут, — сообщил он, потом добавил: — Что-то не нравится мне все это. У этих пачкунов лоаристов разве есть что-нибудь за душой, кроме банальностей и предательства?

— Они последняя сила, объединяющая все человечество, — отвечал Тимбалл. — Теперь лоаризм, бесспорно, слаб и беспомощен, но в нем — единственный шанс для Земли.

Стратостат опускался, входя в более плотные слои атмосферы, и свист воздуха вырос до пронзительного визга. Уилламс выстрелил тормозными ракетами, пронизавшими насквозь серое покрывало облаков. Впереди, возле самого горизонта, показалась огромная россыпь огней — Нью-Йорк.

— Смотрите, как бы наши манеры не раздражили ласинукскую инспекцию, и подготовьте документы. Они не должны нас разыскивать, но все же...

XXX

Лоара Пол Кейн откинулся в своем богато украшенном кресле. Тонкие пальцы его рук играли с пресс-папье из слоновой кости. Сам он, чувствовалось, избегал смотреть в глаза невысокому полному человеку, сидевшему напротив, и говорил несколько высокопарно, что воспринималось не совсем естественно. — Я не могу больше рисковать, прикрывая вас, Тимбалл. Правда, до сих пор я так поступал из-за уз человечности, которые нас связывают, но... — его голос оборвался.

— Но? — подсказал Тимбалл.

Пальцы Кейна раз за разом заставляли пресс-папье крутиться.

— Ласинуки стали вести себя гораздо резче в последнее время. Они сделались излишне самоуверенными. — Кейн внезапно поднял взгляд на Тимбалла. — И я совсем не располагаю теми силой и влиянием, какие, я вижу, вы мне приписываете.

Он вновь отвел взгляд в сторону и обеспокоенно продолжил:

— Ласинуки полны подозрений. Они начинают ощущать работу хорошо организованного и законспирированного подполья, и мы не можем себе позволить оказаться втянутыми в это дело.

— Знаю. Возникнет необходимость, и вы нами просто пожертвуете, как это сделали ваши предшественники пять веков назад. Но я хочу предложить лоаризму сыграть более благородную роль в истории человечества.

— Ну какая польза от вашего восстания? — последовала утомленная реплика. — Неужели ласинуковский режим ужаснее человеческой олигархии, которая правит на Сантании, или диктатора — повелителя Трантора? Если ласинуки и не гуманоиды, то они во всяком случае разумны. Лоаризм должен жить в мире с любым проявлением власти.

Тимбалл улыбнулся, несмотря на то, что не прозвучало ничего смешного. Причем улыбка эта была полна сарказма, и, чтобы подчеркнуть его, Тимбал достал лист бумаги.

— Вы так считаете, верно? Тогда простите. Это уменьшенная фотокопия... нет, нет, не трогайте, читайте из моих рук...

Его последнее замечание перебило гневное и растерянное восклицание собеседника. Лицо Кейна покрыла маска ужаса, пока он отчаянно впивался глазами в демонстрируемую копию.

— Где вы это взяли? — он с трудом узнавал свой собственный голос.

— Удивлены? Но ведь она у меня есть, верно? К тому же цена — ее жизнь одного отличного парня и крейсер его рептилийского величества. Надеюсь, у вас не возникает сомнений в подлинности?

— Н-нет, — дрожащей рукой Кейн вытер пот со лба. — Это подпись и печать императора. Их невозможно подделать.

— Как видите, ваше святейшество, — титул прозвучал явно с иронией, — возобновление политической экспансии — вопрос не более двух лет. Может быть, трех. И первые шаги будут предприняты еще в нынешнем году, а какими окажутся эти шаги, вам ведь ясно? — тут голос Тимбалла сделался вкрадчиво-ядовитым: — Вы понимаете, приказ адресован вице-королю.

— Дайте мне подумать... Немного подумать... — Кейн упал в кресло.

— Разве в этом есть необходимость?! — воскликнул безжалостно Тимбалл. — Шесть месяцев назад я пытался объяснить вам ситуацию, но вы не захотели меня даже выслушать. Земля — мир гуманоидов. И поэтому его должны уничтожить! Вообще любой след человеческого присутствия подлежит уничтожению. Ласинуки не смогут иначе.

— Но Земля! Земля! Колыбель человеческой расы! Начало нашей цивилизации!

— Именно. Лоаризм мертв, а гибель Земли его окончательно уничтожит. Но с крушением лоаризма погибнет и последняя объединяющая людей сила. И планеты людей, непобедимые, пока дружны между собой, будут уничтожены одна за другой второй галактической экспансией. Если только...

Голос его собеседника прозвучал бесстрастно:

— Я знаю, что вы хотите сказать.

— Не более того, что говорил раньше. Человечеству нужно объединиться, а сделать это можно только вокруг лоаризма. У всех сражающихся должна быть цель, и целью этой станет освобождение Земли. Я могу заронить эту искру здесь, на Земле, но вы должны раздуть пожар по всей Галактике.

— Вы подразумеваете тотальную войну?

— Галактический Крестовый поход, — шепотом проговорил Тимбалл.

— Кому, как не мне, знать лучше, что после всех прошедших тысячелетий тотальная война невозможна. — Кейн внезапно резко рассмеялся. — Вы хоть знаете, насколько слаб сегодня лоаризм?

— Нет ничего настолько слабого, что не могло бы усиливаться. Как бы лоаризм ни ослаб со времени первого галактического нашествия, в нем и поныне сохранилось понятие дисциплины и организованности — ничего лучшего Галактика пока предложить не может. Ваши предводители, если брать в целом, толковые люди, это я вынужден признать. А обдуманно действующая группа людей способна на многое. Она обязана таковой быть, поскольку иного выхода нет.

— Оставьте меня, — безжизненно произнес Кейн. — Я пока ничего не могу вам сказать. Мне надо подумать. — Он замолчал и жестом указал на дверь.

— Что толку от размышлений?! — раздраженно воскликнул Тимбалл. — Надо действовать.

С этими словами он исчез.

Ночь для Кейна выдалась ужасной. Он побледнел, осунулся, глаза его запали и лихорадочно блестели, правда, голос по-прежнему звучал спокойно и весомо:

— Мы союзники, Тимбалл.

Тимбалл холодно улыбнулся, на мгновение коснулся протянутой руки Кейна, но тут же уронил ее.

— По необходимости, ваше святейшество, всего лишь. Мы не друзья.

— Я имею в виду, что действовать мы должны вместе. Мои предварительные указания уже разосланы. Верховный Совет их утвердит. В этом отношении, хотя бы, я осложнений не предвижу.

— Как долго мне придется ждать результатов?

— Кто знает. Лоаризму все еще не мешает и пропаганда. До сих пор люди неплохо ее воспринимают: одни — с почтением, другие — со страхом, третьи просто поддаются ее воздействию. Но кто может знать? Человечество слепо, да и лоаризм тоже. Антиласинукские настроения слабы, трудно разбудить их просто так.

— Но почему бы не сыграть на ненависти? — тут луноликое лицо Тимбалла сделалось от удивления жестким. — Эмоционализм! Пропганда! Оппортунизм искренний и неразборчивый. К тому же, несмотря на свою слабость, лоаризм богат. Массы можно покорить словами, но тех, кто занимает высокие посты и кто по-настоящему важен, нужно соблазнять кусочком желтого металла.

Кейн устало махнул рукой.

— Вы ничего нового не предложили. Подобная методика оскорблений применялась в человеческой политике еще на туманной заре его истории, когда людям принадлежала одна-единственная старушка-Земля, да и та была расчленена на множество сегментов. — Он помолчал, затем с горечью добавил: — Подумать только, нам придется возвращаться к тактике варварских эпох!

Заговорщик цинично пожал плечами:

— Вы знаете лучший способ?

— В любом случае, даже со всей этой грязью мы можем потерпеть неудачу.

— Нет, если план хорошо разработан.

Лоара Пол Кейн вскочил, потрясая сжатыми кулаками:

— Какая дурость — эти ваши планы! Все это ваше многомудрие, тайные, уклончивые, неискренние слова. Неужто вы думаете, что заговор приведет к восстанию, а

восстание — к победе? На что вы способны? Вынюхивать информацию? Неторопливо подкапываться под корни? Но руководить восстанием — это выше ваших сил. Я могу заниматься организацией, подготовкой, но стать во главе восстания — нет!

Тимбалл вздрогнул:

— Подготовка... детальная подготовка...

— Ничего она не даст, ваша подготовка. Можно иметь все необходимые ингредиенты, можно создать самые благоприятные условия, и все же реакция не пойдет. В психологии, а точнее, в психологии масс, как и в химии, необходимо наличие катализатора.

— Великий космос, о чем вы?

— Можешь ты стать предводителем восстания? — крикнул Кейн. — Крестовый поход — это война эмоций! Сможешь ты контролировать свои эмоции и обойтись без того, чтобы принимать участие в открытой битве? Я тоже не смогу стать во главе восстания. Я — старый и миролюбивый человек. Так кто же будет вождем, тем психологическим катализатором, что возьмется за унылое, ничего не значащее тело твоих изумительных «приготовлений» и вдохнет в него жизнь?

Рассел Тимбалл стиснул зубы:

— Пораженчество. Да?

Кейн резко выдохнул:

— Нет, реализм!

Воцарилось озлобленное молчание. Тимбалл резко повернулся и вышел.

XXX

По корабельному времени наступила полночь, вечерний бал достиг своей кульминации. В центральном салоне суперлайнера «Пламя Сверхновой» кружилась, смеялась, сверкала изысканными одеждами людская масса.

— Это мне напоминает те трижды проклятые приемы, что моя жена устраивала на Ланто, — пробормотал Саммелл Марони, лактонский экспортер, своему спутнику. — Я-то думал немного от них передохнуть хотя бы здесь, в гиперпространстве, но, как видите, не удалось.

Марони с неприязнью посмотрел на развлекающихся. Одет он был по последней моде, начиная от пурпурной ленты, стянувшей волосы, и кончая небесно-голубыми сандалиями, но выглядел невероятно стесненным: словно его полную фигуру с трудом втиснули в ослепительно красную

и ужасно узкую тунику. Причем редкие толчки его грудной клетки указывали на то, что с ним вот-вот случится приступ.

Его спутник, подтянутый, высокий и худощавый мужчина, был облачен в безукоризненный мундир, держался непринужденно и представлял разительный контраст с нелепым видом Саммелла Марони.

Лактонский экспортер прекрасно это понимал, но вовсе не смущался.

— Будь оно все проклято, Дрейк, а работка у вас здесь просто изумительная. Одет словно крупная шишка, хотя всего-то и требуется: приятно выглядеть и вовремя отдавать салют. Кстати, сколько вам здесь платят?

— Маловато,— капитан Дрейк вопросительно поднял левую бровь и взглянул на лактонца.— Хотел бы я, чтобы вы оказались на моем месте ненадолго. Тогда бы вы запели другую песенку. Если вы думаете, что угождать жирным вдовушкам и снобам с завитыми локонами из высшего света — это возлежать на ложе из роз, то будьте добры, займитесь этим сами.

Какое-то время он беззвучно бормотал ругательства, потом любезно поклонился глупо улыбнувшейся ему старой ведьме, с головы до ног усыпанной драгоценностями.

— Вот от этого у меня и появляются морщины и седеют волосы, клянусь Ригелем!

Марони достал из портсигара длинную «корону» и с наслаждением раскурил ее. Выпустив в лицо капитану синевато-сизое облако душистого дыма, он проказливо улыбнулся:

— Ни разу еще не встречал человека, который бы так проклинал свою работу, тем более такую пустяковую. Ты просто старый седой мошенник. Ах, если не ошибаюсь, к нам направляется великолепная Илен Сурен.

— О розовые дьяволы Сириуса! Неужели эта старая карга решила с нами пообщаться?

— Определенно... Но почему вы не счастливы? Одна из богатейших женщин на Сантании, вдова. Несомненно, мундир ее околдовывает. Какая жалость, что я женат.

Испуганная гримаса исказила лицо Дрейка:

— Чтоб на нее люстра обрушилась.

Тут он повернулся, и лицо его претерпело разительную метаморфозу, сменившись выражением глубочайшего восхищения.

— О, мадам Сурен, я уже потерял надежду увидеть вас сегодня ночью!

Илен Сурен, шестидесятилетие которой осталось в далеком прошлом, кокетливо захихикала:

— Ох оставьте, старый соблазнитель, не то я забуду, что собиралась вас выбрать.

— Ничего скверного, надеюсь? — Дрейк почувствовал, как кожа на голове собирается складками. Он уже имел дело с жалобами мадам Сурен.

— Скверного очень и очень много. Я только сейчас узнала, что через пятьдесят часов мы совершим посадку на Землю... если я только правильно выговорила это название?

— Совершенно верно, — произнес капитан Дрейк, почувствовав невыразимое облегчение.

— Но она не указана как место остановки.

— Да, не указана, но это, знаете ли, обычное дело. Через девять часов мы улетим оттуда.

— Вы просто невыносимы! Из-за вас я потеряю целый день и не смогу попасть на Сантанию на этой неделе. А ведь каждый день для меня драгоценен. К тому же о Земле я вообще слышу впервые. Мой путеводитель, — тут она извлекла из своей сверкающей сумочки переплетенный в кожу томик и раздраженно зашелестела страницами, — даже не упоминает о таком месте. И я просто уверена, что никто и не испытывает желания там побывать. Если вы будете упорствовать в намерении тратить драгоценное время пассажиров на совершенно бессмысленные остановки, то мне придется объясниться по этому поводу с президентом линии. Должна вам напомнить, что у себя дома я располагаю некоторым влиянием.

Капитан Дрейк мысленно вздохнул. Это был уже не первый случай, когда Илен Сурен напоминала ему о своем «некотором влиянии».

— Дорогая мадам, вы правы, вы совершенно правы, вы полностью правы, но я ничего не могу поделать. Все корабли с линии Сириуса, Альфы Центавра и 61 Лебедя обязаны останавливаться на Земле. Это следует из межзвездного соглашения, и даже сам президент линии, какие бы вы убедительные аргументы ему ни привели, в данном случае окажется бессильным.

— К тому же, — Марони решил, что настало время выручать попавшего в беду капитана, — двое пассажиров направляются как раз на Землю.

— Вот именно. Я совсем забыл, — лицо капитана Дрейка несколько просветлело. — Да-да. У нас есть конкретная причина для остановки.

— Двое пассажиров из более чем пяти сотен Лориса? Однако же!

— Вы несправедливы, — беззлобно произнес Марони. — В конце концов, именно на Земле зародилась человеческая раса. Надеюсь, вы об этом знаете?

Патентованные накладные брови Илен Сурен взлетели вверх:

— Неужели?

Растерянная улыбка на ее лице тут же сменилась презрением:

— Ах да! Много тысяч лет назад... Но теперь это не имеет никакого значения.

— Имеет. Например, для лоаристов. Кстати те двое, что собираются высадиться, как раз лоаристы.

— Вы хотите сказать, — ухмыльнулась вдова, — что в наш просвещенный век еще есть люди, которые заняты изучением «нашей древней культуры»? Ведь, кажется, так они выражаются?

— По крайней мере, это слова Филиппа Саната, — улыбнулся Марони. — Несколько дней назад он прочитал мне длинную проповедь именно на эту тему. Кстати, было довольно интересно. Что-то в этом есть, в том, что он говорит. — Марони добродушно улыбнулся и продолжал: — А голова у него хорошая, у этого Филиппа Саната. Из него вышел бы неплохой ученый или бизнесмен.

— Помянешь метеор — и услышишь его свист, — неожиданно заметил капитан, кивнув вправо.

— Ха! — изумленно выдохнул Марони. — Это он. Но... клянусь пространством, что он здесь делает?

Филипп Санат, стоя, прислонился к дальней двери и производил впечатление инородного для этой среды существа. Его длинная темно-пурпурная туника лоариста казалась грязным пятном на фоне веселой и яркой толпы. Мрачным взглядом он окинул Марони и тут же помахал рукой в знак приветствия.

Удивленные танцоры инстинктивно расступились перед ним, когда он двинулся через весь зал, и бросали ему вслед долгие и растерянные взгляды. Кое-кто возбужденно что-то зашептал, но Филипп Санат даже не обратил на это внимания. Глаза его неподвижно глядели перед собой, с каменным выражением лица он подошел к капитану Дрейку, Саммеллу Марони и Илен Сурен.

Филипп Санат тепло поздоровался с мужчинами, потом в ответ на официальное представление сухо поклонься вдове, которая в свою очередь окинула его взглядом, полным открытого презрения.

У молодого человека оказался приятный низкий голос.

— Прошу прощения, капитан Дрейк, что я вас потревожил,— произнес он.— Я хотел лишь узнать, когда мы покинем гиперпространство?

Капитан рывком извлек из кармана хронометр:

— Через час, не более.

— И тогда мы окажемся где?

— Чуть снаружи орбиты Девятой планеты.

— Это, скорее всего, Плутон. Солнце появится, когда мы будем в нормальном пространстве?

— Если смотреть в направлении носа корабля, то конечно.

— Благодарю вас.

Филипп Санат сделал движение, чтобы уйти, но Марони остановил его:

— Побудьте с нами, Филипп, разве у вас есть необходимость покидать нас? Тем более мадам Сурен умирает от желания задать вам несколько вопросов. Она проявляет величайший интерес к лоаризму.— В глазах лактонца заплясали веселые искорки.

Филипп Санат любезно повернулся к вдове, которую явно застали врасплох, и она, казалось, потеряла дар речи. Но очень скоро мадам пришла в себя и ринулась в атаку:

— Скажите мне, молодой человек, неужели до сих пор сохранились люди вроде вас?.. Я имею в виду лоаристов.

Филипп Санат почти невежливо, словно язык проглотив, уставился на просто исходившую удивлением вдову. Затем наконец мягко, но уверенно произнес:

— Вообще-то всегда находились и будут находиться люди, которые стремятся сохранить культуру и образ жизни древней Земли.

Капитан Дрейк не смог удержаться от изрядной доли иронии:

— Даже под грузом культуры хозяев с Ласинуки?

Илен Сурен издала приглушенный крик:

— Вы хотите сказать, что Земля — ласинукский мир? Так? — Ее голос поднялся до пугающего визга.

— Ну да, разумеется,— ответил капитан.— Он уже был не рад, что заговорил.— Разве вы не знали?

— Капитан! — С Илен Сурен явно начиналась истерика.— Вы просто не имеете права садиться! Если вы это сделаете, у вас будут неприятности такие, что вы даже себе не представляете... Я не желаю торчать напоказ перед ордами ужасных ласинуков, этих омерзительных рептилий с Веги.

— Вам нечего бояться, мадам Сурен,— холодно заметил Филипп Санат.— Подавляющее большинство земного населения — люди. Ласинуки — правители Земли — составляют только один процент.

— Хм...— не нашлась что ответить Илен Сурен, но затем оскорбленно заметила: — Нет уж, я и думать не могу, что Земля может быть настолько важной, если на ней правят даже не люди. И лоаризм не лучше. Просто напрасная трата времени, вот что я вам скажу!

Кровь прилила к лицу Саната, он на мгновение запылся, но тотчас обрел дар речи, заговорив тоном проповедника:

— Ваша точка зрения весьма поверхностна. Вы разве не понимаете, что ласинуки, контролируя Землю, никак не влияют на фундаментальные основы самого лоаризма...— он резко повернулся вокруг своей оси и двинулся прочь.

Саммелл Марони, тяжело вздохнув, наблюдал за удалявшейся фигурой.

— Вы сразили его наповал, мадам Сурен. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы он увиливал от аргументов или пускался в спор подобным образом.

— Он производит впечатление неплохого парня,— заметил капитан Дрейк.

— Отнюдь,— хмыкнул Марони.— Мы с одной планеты, этот молодой человек и я. Он типичный лактонец, ничуть меня не лучше.

Вдова откашлялась и проворчала:

— Ах, давайте сменим тему разговора, умоляю вас. Этот тип словно тень навел на всех присутствующих. И чего ради они рядятся в эти омерзительные пурпурные робы? Никакого стиля.

XXX

Лоара Брюс Порин поднял глаза, когда юный слушатель вернулся:

— И так?

— Менее чем через сорок пять минут, лоара Брюс.

Раскрасневшийся, с нахмуренным лицом Санат бросился в кресло, затем наклонился вперед и оперся подбородком на поставленные на колени руки. Порин любящим взглядом окинул своего спутника и улыбнулся:

— Опять поспорил с Саммеллом Марони, Филипп?

— Нет, не совсем,— Санат резко выпрямился.— Но какая в этом польза, лоара Брюс? Там, наверху, сотни человеческих существ, ярко разодетых, смеющихся и совершенно безразличных к тому, что снаружи Земля. Из всех пассажиров корабля только мы двое останавливаемся, чтобы посетить мир наших предков.

Санат, избегая смотреть на своего пожилого спутника, продолжил с оттенком горечи в голосе:

— А раньше тысячи людей из всех уголков Галактики ежедневно прибывали на Землю. Великие дни лоаризма прошли.

Лоара Брюс тепло рассмеялся. И как-то странно не соответствовал этот душевный смех его длинной тощей фигуре.

— Я это уже, наверное, в сотый раз от тебя выслушиваю. Глупости! Придет такой день, когда о Земле станут не просто думать. Люди массами начнут посещать ее. Их будут тысячи, миллионы...

— Нет! Все это в прошлом!

— Ха! Эти пророки гибели повторяются, пора придумать что-нибудь поновее. Но им, однако, еще предстоит доказать свою правоту.

— Им это удастся,— глаза Саната неожиданно вспыхнули.— И знаете почему? Потому что Земля осквернена захватчиками-рептилиями. Женщина, мерзкая, глупая, пустая женщина сейчас мне заявила: «Не думаю, что Земля может быть настолько важной, если на ней правят даже не люди». Она произнесла вслух то, о чем миллиарды просто думают. И я не нашелся что ей ответить.

— Но, Филипп, у тебя есть предложение?

— Изгнать рептилий! Сделать Землю, как и прежде, планетой людей. Ведь нам уже приходилось с ними сражаться во время первого галактического нашествия, две тысячи лет назад. И когда казалось, что они уже вот-вот приберут к рукам всю Галактику, мы их остановили. Сейчас только стоит начать второе нашествие — мы отбросим их назад на Вегу.

Порин вздохнул и покачал головой.

— Ты еще юн и горяч. Каждый лоарист в молодости метает молнии по этому поводу. Ты это перерастешь, как и все мы, понимаешь? — лоара Брюс поднялся и положил руки на плечи собеседнику. — Послушай, мальчик мой, люди и ласинуки наделены разумом, и больше в нашей Галактике нет разумных существ. Мы братья по разуму и должны жить в мире. А не в ненависти. Это наиболее безрассудная эмоция. Постарайся разобраться в ней.

Филипп Санат упрямо смотрел в пол, не давая понять, слышал ли он сказанное. Но Порин лишь прищелкнул языком с ласковым упреком:

— Ладно, Филипп, станешь постарше, сам все для себя решишь. А пока забудь об этом и помни: ты у цели. Через два дня мы будем на Земле, ее трава окажется у тебя под ногами, и ты пополнишь армию лоаристов. Разве этого недостаточно, чтобы чувствовать себя счастливым? Только подумай об этом. Когда ты вернешься назад, тебе присвоят титул лоары и ты сможешь носить на плече золотое солнце. А самое главное — ты будешь среди тех, кто посетил Землю.

Рука Порины скользнула к ярко-желтому кругу на тунике, немому свидетелю его трех предыдущих земных посещений.

— Лоара Филипп Санат, — медленно произнес Санат, и глаза его заблестели. — Лоара Филипп Санат! До чего превосходно звучит, верно? И ведь до этого совсем недолго.

— Ну вот ты и почувствовал себя лучше. Скоро мы покидаем гиперпространство, появится солнце.

И только он это сказал, как мутная, давящая пелена гиперматерии, охватившая снаружи корабль, начала претерпевать странные изменения, которые знаменовали собой выход в обычное пространство. Тьма постепенно исчезала, концентрические серые круги понеслись друг за другом в иллюминаторах со все возрастающей быстротой. Это была поразительная и прекрасная оптическая иллюзия, которую наука так и не смогла объяснить.

Порин выключил свет, и они оба, сидя в темноте, наблюдали за слабой флюоресценцией, бегущей рябью, пока корабль менял скорость. Вдруг с поражающей молчаливой внезапностью вся структура гиперпространства взорвалась крутящимся безумием ослепительных тонов, затем все успокоилось. Мирно заискрились звезды в изогнутом иллюминаторе — корабль снова находился в нормальном пространстве. А в верхнем углу иллюминатора засверкала самая яркая в небе звезда, засияла желтыми

лучами, превратив лица двух людей в бледные маски. Появилось Солнце!

Родная звезда человечества была так далека, что не имела четко выраженного диска, но все же без сомнения оставалась самым ярким видимым объектом. В его мягком желтом свете два человека предавались неторопливым размышлениям, и Филипп Санат наконец почувствовал, как на него снисходит спокойствие.

Два дня спустя «Пламя Сверхновой» совершило посадку на Земле.

XXX

Восторженное состояние охватило Филиппа Саната, как только его сандалии соприкоснулись с твердым зеленым дерном Земли. И все это исчезло, как сон, стояло ему впервые увидеть ласинукских чиновников.

Они выглядели совсем как люди, во всяком случае, совсем как гуманоиды. На первый взгляд преобладание человекоподобных характеристик затмевало все остальное. Строение тела ничем не отличалось от человеческого: четыре конечности, из них две ноги, две руки, довольно приличные пропорции, шея четко обозначена. Все это изумляло и бросалось в глаза. И только спустя несколько минут начинали проявляться отдельные нюансы, свидетельствующие о разнице двух рас.

Так, голову, например, покрывали не волосы, а чешуйки. Кроме того, на коже ласинуков можно было различить тусклые линии, идущие вдоль позвоночника вниз. Сами лица с плоскими, покрытыми мельчайшей чешуей носами производили скорее отталкивающее впечатление, но ничего от монстров в них не было. Одежда отличалась легкостью и простотой, а речь довольно приятно воспринималась на слух. Но самое главное — в их темных блестящих глазах светился неподдельный разум.

Порин следил за реакцией Саната. И когда тот вслед за удивлением изобразил на лице выражение нескрываемого удовлетворения, что относилось несомненно к внешности ласинукских чиновников, лоара Брюс Порин заметил:

— Вот видишь, их внешность не столь чудовищна. Так чего ради должна существовать ненависть между людьми и ласинуками?

Санат не ответил. Конечно же, старый лоарист прав. Но слово «ласинук» в мозгу Филиппа слишком долго ассоциировалось со словами «чужак» и «монстр», что вопреки

своим занятиям и логике он подсознательно ожидал увидеть этакое сверхъестественное существо. И вот, не получив ожидаемого, он сначала растерялся и удивился, затем успокоился, но вдруг слова Порина вызвали откуда-то из подсознания липкое и неотвязное чувство неприязни, переходящее чуть ли не в ярость, пока властные, говорящие по-английски ласинуки производили досмотр.

На следующий день лоаристы отправились в Нью-Йорк — крупнейший город планеты. В историческом окружении этого невероятно древнего метрополиса Санат на время позабыл обо всех проблемах. Для него настал великий момент — он наконец оказался перед Мемориалом, похожим на башню сооружением, и не удержался, чтобы не воскликнуть:

— Вот он!

Мемориал являлся величайшим монументом Земли и символом Родины человеческой расы. Как раз была среда — день, когда людям поручалось охранять Пламя. По два человека оставалось в Мемориале, чтобы следить за трепещущим желтым огнем, символизирующим мужество Человека и предприимчивость Человечества. Брюс Порин постарался, чтобы в этот день выбор пал на них, поскольку они были лоаристами, только что прибывшими издалека.

Поэтому с приходом сумерек они вдвоем остались в просторном Зале Пламени. В мрачной полутьме, при свете лишь огненных, танцующих языков, полное умиротворение опустилось на них.

Некая аура скапливалась в этом месте Мемориала и пресекала все душевные борения. Легкие тени, подрагивая, покачивались за колоннами, протянувшимися по обе стороны длинных колоннад, и плели свою гипнотическую сеть.

Постепенно Санат погрузился в полудрему, продолжая пристально вглядываться в Пламя слипшимися глазами, пока живое биение огня не расплылось перед ним в туманную молчаливую фигуру.

Но слабейшего звука оказалось достаточно, чтобы нарушить мечтательный покой. Кто-то посмел вторгнуться в царившую вокруг глубочайшую тишину, и Санат неожиданно напрягся, затем больно ухватил Порина за локоть.

— Прислушайтесь,— прошептал он.

Порин с трудом оторвался от сладкой дремы. Пристально и с тревогой Санат всматривался и вслушивался в тишину. Порин без слов приложил ухо к колонне. Тишина сделалась еще более глубокой и тревожной. Наконец в отдалении раздалось легкое пошаркивание подошв по мра-

морному полу, затем донесся слабый шепот, почти на грани восприятия, и вновь установилась тишина.

— Что это? — растерянно спросил Порин.

Санат резко вскочил.

— Ласинуки! — бросил он возмущенно. Лицо его пылало от ненависти и негодования.

— Не может быть! — Порин пытался говорить спокойно. — Мы, наверное, себе это просто придумываем. Или нервы у нас разгулялись. Скорее всего, это кто-то из служащих Мемориала.

— После захода в среду? — продолжал возмущаться Санат. — Это так же противозаконно, как и вторжение ласинукских ящеров. И еще более неправдоподобно. Мой долг Хранителя Пламени разобраться во всем. — Филипп резко развернулся, чтобы уйти. Порин бросился к нему и устало схватил его за локоть:

— Не стоит, Филипп. Повременим с этим до рассвета. Возможно, одному здесь не справиться. Ведь даже если это ласинуки, что мы можем сделать?

Санат не стал слушать дальше. Резким движением руки он освободился и проговорил:

— Оставайся здесь! Пламя необходимо охранять. Я скоро вернусь.

Санат быстро пересек просторный, мощный мрамором зал и осторожно приблизился к стеклянной двери, ведущей на темную спиральную лестницу, которая витками исчезала в крошечном мраке. Бросив прощальный взгляд на мягкое мерцание Пламени и застывшего возле него испуганного человека, Филипп скинул сандалии и двинулся по ступеням.

XXX

Два ласинука стояли в жемчужном свете пламени.

— Местечко древнее и унылое, — заметил один из них, по имени Трег Ван Сола. — Сдвинь-ка несколько книг с полок. Они послужат дополнительным фоном.

— Ты думаешь? — спросил второй — Кор Вен Хаста. — Вдруг земные мартышки всполошатся.

— Как они могут помешать? — холодно возразил Ван Сола. — Иди-ка сюда, присаживайся. — Он быстро взглянул на свои часы. — Пятьдесят кредиток за каждую минуту, что мы здесь пробудем, — куча денег! Так почему бы нам немного не передохнуть?

— Пират Фор — болван. С чего это он решил, что мы обязательно проиграем пари?

— Наверное, слышал про того солдата, которого в прошлом году разорвали в клочья, когда он пытался ограбить земной музей,— усмехнулся Ван Сола.— Мартышкам это нравится, хотя лоаризм отвратительно богат, клянусь Вегой. Людишек, конечно, призывали к порядку, но солдат-то мертв. В любом случае Пират Фор не знает, что по средам Мемориал пуст. Так что это обойдется ему в немалую сумму.

— Пятьдесят кредиток в минуту! Семь минут уже прошло.

— Триста пятьдесят кредиток. Садись, сыграем в картишки, а наши кредитки пусть накапливаются.

Трег Ван Сола достал потрепанную колоду карт из подсумка, который, будучи типично ласинукским, носил тем не менее безошибочный след своего земного происхождения.

— Поставь атомолампку на стол, я сяду между ней и окном,— повелительно распорядился он, одновременно сдавая карты.— Ха! Ручаюсь головой, еще ни одному ласинуку не приходилось играть в такой атмосфере. Что ж, удовольствие от игры только удвоится.

Кор Вен Хаста уселся и тут же вскочил:

— Ты ничего не слышал? — Он начал вглядываться в тени по ту сторону открытой двери.

Ван Сола нахмурился, продолжая сдавать:

— Ты случайно не трусишь, а?

— Нет, ясное дело. Хотя если они застукают нас в этой проклятой башне, приятного будет мало.

— Не застукают. Ты уже и теней боишься? — Ван Сола кончил сдавать.

Вен Хаста внимательно изучал свои карты:

— Будет не очень хорошо, если об этом узнает вице-король. Могу представить, как из политических соображений ему придется извиняться перед лоаристскими вожаками. Тогда опять на Сириус, где я служил раньше.

— Верно, подонков хватает,— поддержал его Сола.— Плодятся как мухи и бросаются друг на друга как ненормальные. Взгляни только на этих тварей,— он положил карты рубашкой вверх и жестами начал помогать себе говорить: — Я имею в виду по-научному и беспристрастно. Что они такое? Млекопитающие, которые каким-то образом научились думать. Но тем не менее они всего-навсего млекопитающие, и ничего больше.

— Знаю. Ты был хоть раз на одном из человеческих миров?

Ван Сола ухмыльнулся:

— Побываю и очень скоро.

— В отпуск поедешь? — Вен Хаста выразил вежливое удивление.

— В отпуск, клянусь шестью чешуйками! На своем корабле! И под пальбу пушек!

Глаза Вен Хасты неожиданно засверкали.

Ван Сола осклабился и таинственно заговорил:

— Считается, что об этом не следует знать даже нам, офицерам, но ты же в курсе, как новости просачиваются.

Вен Хаста кивнул:

— Конечно.

Оба они невольно заговорили шепотом.

— Так вот, ко второму наступлению все готово. Оно должно начаться с минуты на минуту.

— Не может быть!

— Факт! Причем начинать будем прямо отсюда! Клянусь Вегой, во дворце вице-короля ни о чем другом не шепчутся. Офицеры затеяли даже нечто вроде тотализатора по поводу точной даты первого выступления. Я сам поставил сотню кредиток из расчета двадцать против одного. Мне, правда, досталась ближайшая неделя. Можешь тоже вложить сотню при пятидесяти к одному, если у тебя хватит нервов подобрать верный день.

— Но почему отсюда, с этих задворков Галактики?

— Стратегия разработана на Отекане.— Ван Сола подался вперед.— Преступно не воспользоваться ситуацией. Несколько наших серьезных противников даже не подозревают об опасности — они слишком беспечны и разобщены. Если мы сможем сохранить такое положение, то раздавим их поодиночке. Эти человеческие миры скорее перегрызут друг другу глотку, чем станут сотрудничать.

Вен Хаста кивнул в знак согласия:

— Типичное поведение для млекопитающих. Эволюция, должно быть, здорово повеселилась, когда наградила мозгом обезьяну.

— Но Земля имеет особое значение. Она центр лоризма, именно здесь зародилось это движение. К тому же Земля — аналог нашей собственной системы Вегы.

— Ты в самом деле так думаешь? Просто невозможно, чтобы в этом крохотном затерянном миришке...

— Так они утверждают. Сам я здесь недавно, поэтому не могу судить. Но как бы то ни было, если мы уничтожим Землю, погибнет и лоризм. Ведь историки утверждают,

что именно благодаря лоаризму народы сплотились и выступили против нас в конце первого похода. Не станет лоаризма — исчезнет последняя опасность объединения врага, и наша победа значительно упростится.

— Дьявольски ловко! Но что же будет дальше?

— Значит так, говорят, всех оставшихся в живых людей выселят отсюда и разбросают по разным покоренным мирам. После этого нам останется лишь стереть с лица Земли все, что еще поворачивает млекопитающими, и превратить планету в настоящий ласинуковский мир.

— Когда мы выступаем?

— Пока не известно. Поэтому и тотализатор. Но никто не заключает пари на срок позже чем через два года.

— Слава Bege! Ставлю два к одному, что изрешечу земной крейсер раньше тебя, когда придет наше время.

— Согласен! — воскликнул Ван Сола. — Ставлю пятьдесят кредиток!

Поднявшись, они обменялись рукопожатием в знак заключения сделки. Вен Хаста бросил взгляд на часы:

— Еще минутка, и у нас в кармане по тысяче кредиток. Бедняга Пират Фор. Вот повздыхает. А теперь пошли, ждать дальше — это уже вымогательство.

Оба рассмеялись, направляясь к выходу. Их длинные плащи зашелестели и едва не задели Филиппа Саната, который припал к стене на верхней площадке лестницы, слившись с другими тенями. Но ласинуки прошли мимо и под прицелом горящих глаз человека начали спускаться.

XXX

Лоара Брюс Порин облегченно вздохнул и вскочил на ноги, увидев Саната. С потухшим взором, спотыкаясь, тот медленно приближался к Порину. Испытывая явное нетерпение, лоар Брюс бросился к своему молодому спутнику и схватил его за руки:

— Где ты был так долго, Филипп? Я такое здесь передумал, ты даже представить себе не можешь!

Лоара Брюс начал понемногу успокаиваться, неистовое облегчение его несколько поутихло. И тогда наконец ему в глаза бросились взъерошенные волосы Саната, дрожащие руки и лихорадочный блеск в глазах. Но стоило Порину это заметить, как все его старые страхи сразу вернулись.

С испугом наблюдая за Санатом, он с трудом задал вопрос, в ответе на который уже не сомневался. Короткими,

отрывистыми фразами Санат передал подслушанный разговор. И оба лоариста надолго замолчали.

Бледный как полотно лоара Брюс дважды пытался заговорить, но смог из себя выдать лишь несколько хриплых звуков и только спустя время прошептал:

— Это же смерть лоаризма! Что будем делать?

Филипп Санат рассмеялся. И от этого безумного смеха мурашки поползли по телу Брюса Порина.

— Что делать? Ха-ха-ха... Можно сообщить Всемироному Совету. Но вы прекрасно знаете, насколько он бесполезен. Еще можно связаться с отдельными человеческими правительствами. Представляете, как эти болваны начнут грызться между собой!

— Но разве такое возможно? Я не верю, это неправда!

Филипп Санат неожиданно замолчал, затем лицо его свело судорогой, и голосом, срывающимся от возбуждения, он произнес:

— Я этого не допущу! Слышите? Этого не будет! Я остановлю их!

Лоара Брюс почувствовал, что его спутником овладевают необузданные эмоции и вот-вот он потеряет над собой контроль. Крупные капли пота выступили у Порина на лбу, он обхватил Саната за талию:

— Сядь, Филипп, посиди. Ты себя плохо чувствуешь.

— Нет! — Резким толчком Санат заставил Порина отступить назад.

От движения воздуха Пламя задрожало сильнее.

— Со мной все в порядке. Время идеализма, компромиссов, подхалимажа кончилось! Настало время для битвы! Нам выпало сражаться, и, клянусь Космосом, мы победим!

Он торопливо выбежал из помещения. Прихрамывая, Порин поспешил за ним:

— Филипп! Филипп!

Санат не остановился. Сраженный отчаянием лоара Брюс застыл в дверном проеме — идти дальше он не имел права. «Пусть рухнут небеса, но кто-то должен охранять Пламя... Только на что рассчитывает Филипп Санат?» — В измученном мозгу Порина возникли видения той самой ночи, что имела место пять сотен лет назад, когда легкомысленные слова разожгли пожар по всей Земле, который в результате затушили человеческой кровью.

Ночь для лоары Пола Кейна началась спокойно. Кроме него, во внутренних помещениях дома больше никого не было. Тусклая голубоватая лампа освещала его комнату. Он сидел за письменным столом, и суховатое его лицо купалось в призрачном свете, подбородок покоился на сложенных руках. Кейн пребывал в задумчивости, когда вдруг входная дверь с грохотом распахнулась и взъерошенный Рассел Тимбалл, страшивая с себя охрану, ворвался внутрь. Кейн в полной растерянности наблюдал за незванным гостем, глаза его расширились от дурных предчувствий, и сам он весь превратился в сплошной вопрос.

Тимбалл успокаивающе махнул рукой.

— Все в порядке. Дайте мне только перевести дух.— Он с трудом отдышался, осторожно опустился в кресло и только тогда продолжил: — Ваш катализатор случайно подвернулся мне, лоара Пол. Знаете где? Здесь, на Земле, в самом центре Нью-Йорка. В полумиле от того места, где мы с вами теперь находимся.

Лоара Пол Кейн, прищулив глаза, посмотрел на Тимбалла:

— Вы с ума сошли?

— Вовсе нет, вы в этом сейчас убедитесь. Я все расскажу, но не считите за труд зажечь пару ламп. В этом голубом свете вы похожи на привидение.

Комната озарилась сиянием атомных светильников. Тимбалл начал рассказ:

— Мы возвращались с собрания, Ферни и я. И как раз проходили мимо Мемориала. Спасибо случаю, что привел нас в это время на это место.

Мы проходили мимо, когда из бокового тоннеля выскочил человек и воскликнул: «Слушайте, люди Земли!» Все повернулись и уставились на него — вы же знаете, сколько народа бывает в секторе Мемориала в ожидании часов,— не прошло и двух секунд, как он собрал вокруг себя толпу.

— Кто был этот оратор? И что он делал в Мемориале? Ведь сегодня ночь среды...

— Да? — Тимбалл замолчал, прикидывая.— Хорошо, что вы мне напомнили. Получается, он один из двух Охранников. И в тунике лоариста. К тому же он не с Земли.

— На нем была желтая туника?

— Нет.

— Тогда я знаю, кто он. Это молодой приятель Порина. Продолжайте.

— Он, значит, стоит,— Тимбалл воодушевился от собственного рассказа,— этак футок в двадцати над уровнем улицы. Вы даже представить себе не можете, как впечатляюще он смотрелся в свете юпитеров. Внушительное зрелище, не то что разные мускулистые атлеты. Он скорее аскетичного типа, вы понимаете? Бледное худощавое лицо, сверкающие глаза, длинные каштановые волосы.

И тут он заговорил. Передать это словами просто невозможно. Чтобы его понять, необходимо слушать самому. Он говорил толпе о замыслах ласинуков, причем от слов его бросало в дрожь. Очевидно, он пользовался хорошим источником, так как знал многие важные детали... О них и шла речь. Звучало это правдоподобно и страшно. Он даже меня испугал. Я стоял вне себя от страха и покорно слушал то, что он говорил, а толпа... уже на второй фразе была загипнотизирована. Людям давно все уши прожужжали о ласинуковской опасности, но тут они впервые к ней прислушались — они и в самом деле стояли и внимали ему!

Затем он принялся поносить ласинуков. Прошелся по их зверствам, вероломству, преступлениям. Он находил такие слова, что, казалось, окунал в мерзейшую грязь нечистого венерианского океана. Каждый раз, когда он давал волю эпитетам, толпа начинала переминаться на задних ногах и отвечала ревом. Это начинало выглядеть прямо как катехизис. «Позволим ли мы продолжаться этому?» — взывал он. «Никогда!» — вопила в ответ толпа. «Можем ли мы смириться?» — «Нет!» — «Будем ли мы сопротивляться?!» — «До самого конца!» «Ласинуков долой!» — бросали они. «Бей их!» — кричали другие.

И я вопил громко и неистово вместе со всеми, напрочь позабыв о собственном «я».

Не знаю, сколько бы это продолжалось, но вдруг появился ласинуковский патруль. Толпа, подстрекаемая лористом, двинулась на ящеров. Вы когда-нибудь слышали, как воеет жаждущая крови толпа? Нет? Ужаснее этого вряд ли что-нибудь можно себе вообразить. Патрульные тоже так решили, поскольку одного взгляда в нашу сторону оказалось достаточно — они развернулись и пустились наутек, несмотря на то, что были при оружии. Толпа тем временем росла, прибывали все новые и новые тысячи людей. Впервые за сотни лет завывли сигналы тревоги. Тут я наконец пришел в себя и пробился сквозь толпу к

лоаристу, который на мгновение прервал свою проповедь. Конечно, нельзя было позволить ему оказаться в лапах ласинуков.

Дальше началась сплошная неразбериха. На нас двинулся эскадрон моторизованной полиции, но, как бы там ни было, мы с Ферни умудрились ускользнуть, прихватив с собой лоариста. Так что сейчас он здесь, связанный и с кляпом во рту, чтобы вел себя смирно.

Пока Тимбалл говорил, Кейн нервно расхаживал по комнате, то и дело останавливаясь и слушая с неослабевающим вниманием. Крохотные капельки крови выступили на его нижней губе.

— Вы думаете, мятеж может выйти из-под нашего руководства? Преждевременная вспышка...

Тимбалл энергично замотал головой:

— Всех уже разогнали. Стоило молодому человеку исчезнуть, как толпа тотчас утратила свой пыл.

— Убитых и раненых будет много, но... Ладно, пригласите этого молодого смутьяна.

Кейн сел за стол и постарался придать лицу видимость спокойствия.

Филипп Санат выглядел не лучшим образом, когда преклонил колена перед первосвященником. Его туника превратилась в лохмотья, лицо обезобразили ссадины и кровоподтеки, но огонь непоколебимости по-прежнему ярко горел в глазах. Рассел Тимбалл глядел на него, затаив дыхание, точно все еще длилась магия прошедшего часа. Кейн ласково протянул Санату руку.

— Я уже слышан о твоей дикой выходке, мой мальчик. Что так сильно на тебя подействовало, заставив ринуться в бой? Это вполне могло стоить тебе жизни, не говоря о жизнях тысяч других людей.

И снова Санату пришлось повторить диалог, который он подслушал, со всеми мельчайшими подробностями.

— Так,— произнес Кейн и недобро усмехнулся, когда Санат закончил.— Ты думал, мы ничего об этом не знаем? Но мы давным-давно подготовились к отражению этой угрозы, а ты был близок к тому, чтобы разрушить все наши тщательно продуманные планы. Своим преждевременным вмешательством ты мог нанести непоправимый ущерб нашему делу.

Филипп Санат залился краской:

— Простите мне мой неумелый энтузиазм...

— Вот именно! — воскликнул Кейн.— Но ты сможешь оказать нам серьезную помощь. Твой ораторский дар и

юношеский пыл могут творить чудеса при умелом использовании. Согласен ли ты посвятить себя этому делу?

Глаза Саната сверкнули:

— Разве надо еще спрашивать?!

Лоара Пол Кейн улыбнулся торжествующей улыбкой и украдкой бросил взгляд на Тимбалла.

— Вот и отлично. Через два дня ты отправишься к другой звезде в сопровождении моих людей. Сейчас ты устал. Тебя отведут, где ты сможешь умыться, залечить свои раны и отдохнуть. Тебе необходимо выспаться, потому что в дальнейшем от тебя потребуются максимум сил.

— Но... лоара Брюс Порин... мой напарник по Пламени?..

— Туда сейчас же отправится посыльный. Он сообщит лоаре Брюсу, что ты в безопасности, и останется в Мемориале в качестве второго Охранника до исхода ночи. Можешь не волноваться, иди.

Санат поднялся, успокоенный и безгранично счастливый, но вдруг Рассел Тимбалл сорвался с места и резко схватил старого лоариста за руку:

— Великий Космос! Да послушайте же!

Пронзительный вой, доносившийся снаружи, заменил все объяснения. Лицо Кейна осунулось:

— Военное положение!

Тимбалл, бледный как полотно, добавил:

— Мы проиграли, по-видимому. Они воспользовались сегодняшними беспорядками, чтобы первыми нанести удар. И ищут Саната. Они, конечно, до него доберутся. Мышь не проскочит через кордон, которым они оцепили весь город.

— Но они его не получают! — глаза Кейна сверкнули. — Мы отведем его в Мемориал по тоннелю. Оскорбить Мемориал они не посмеют!

— Уже посмели! — воскликнул Санат. — Нам ли прятаться от ящериц! Мы будем сражаться!

— Успокойся, — произнес Кейн, — и молча следуй за мной.

Стенная панель сдвинулась в сторону, Кейн исчез в проеме.

Когда панель бесшумно вернулась на место, оставив их в холодном свете атомоламп, Тимбалл негромко пробормотал:

— Если они все заранее продумали, даже Мемориал не защитит нас.

Нью-Йорк лихорадило. Ласинуковский гарнизон был приведен в полную боевую готовность. В городе объявили осадное положение.

По улицам патрулировали наземные армейские машины, над головами проносились стратопланы, охранявшие воздушные пути.

Человеческая масса бурлила без отдыха. Люди просачивались на улицы, собирались небольшими кучками, которые тотчас рассыпались при приближении ласинуков. Колдовские слова Саната не забылись, тут и там люди обменивались хмурыми взглядами и яростным шепотом; атмосфера продолжала накаляться.

Вице-король Нью-Йорка понимал это. Сидя в своем дворце и глядя из окна на Гудзон, текущий внизу черной лентой, он разговаривал с вытянувшимся перед ним в струнку ласинуком в форме.

— Это должна быть позитивная акция, капитан. Тут вы правы. Но все же, если возможно, прямого разрыва отношений следует избегать. У нас катастрофически не хватает людей в экипажах, а на всю планету наберется не больше пяти кораблей третьего класса.

— Не столько наша сила, сколько их страх делает людей беспомощными. Ваше превосходительство, за прошедшие столетия человеческий дух окончательно сломлен. Толпа рассеется при одном появлении отряда гвардейцев. Именно из этих соображений мы должны нанести удар немедленно. Население начинает поднимать голову, они должны непременно отведать хлыста. Второй поход может с полным успехом начаться сегодняшней ночью.

— Согласен,— вице-король криво ухмыльнулся.— Мы поймали разную мелкую сошку, но... наказание этого подстрекателя черни должно стать примером. Он, надеюсь, в ваших руках?

Капитан зловеще ухмыльнулся:

— Нет. У земной собаки влиятельные друзья. Он лоарист, как вы знаете. А Кейн...

— И Кейн пошел против нас? — красные глаза вице-короля с короткими веками, покраснели еще больше.— Глупая затея! Солдаты арестуют бунтовщика, несмотря ни на что, и Кейна тоже! Если он надумает протестовать.

— Ваше превосходительство,— в голосе капитана звенел металл.— У нас есть все основания полагать, что мятежник укрылся в Мемориале.

Вице-король приподнялся, нерешительно нахмурился и опять опустился на место:

— Мемориал? Это меняет дело.

— Не обязательно.

— Мемориалу земляне придают особое значение,— пробовал протестовать вице-король.

Капитан решительно возразил:

— Смелость города берет... Нужна быстрая атака... Ведь преступника можно обнаружить и в самом Зале Пламени... тогда мы заодно покончим с лоаризмом. А после столь решительного вызова необходимость в борьбе может совсем отпасть.

— Клянусь Вегой! Что б я сторел, если вы не правы! Отлично. Беремся за Мемориал!

Капитан чопорно поклонился, резко повернулся и покинул дворец.

XXX

Филипп Санат вернулся в Зал Пламени, взгляд его метал молнии.

— Сектор целиком патрулируется ящерицами. Все улицы, ведущие к Мемориалу, перекрыты.

Рассел Тимбалл заскрежетал зубами:

— Что ж, если они не дураки и поняли, что загнали нас в Мемориал, то он их не остановит. По сути дела они могут приступить к операции уже сегодня.

Филипп нахмурился и неистово проговорил:

— А мы будем их здесь поджидать, да? Уж лучше погибнуть сражаясь, чем сдохнуть скрываясь!

— Лучше совсем не погибнуть, Филипп,— спокойно произнес Тимбалл.

Воцарилось молчание. Лоара Пол Кейн невозмутимо долго разглядывал собственный палец, пока наконец не изрек:

— Если вы сейчас подадите сигнал к восстанию, Тимбалл, какое время вы сможете продержаться?

— Чтобы нас остановить, ласинукских подкреплений должно быть более чем достаточно. Чтобы нас сломить, не хватит всего земного гарнизона, даже включая Солнечный патруль. И, по крайней мере, шесть месяцев мы смогли бы эффективно сражаться без помощи извне. К сожалению, вопрос об этом не стоит.

Его спокойствие казалось непоколебимым.

— Почему?

И тут Тимбалла прорвало. Он порывисто вскочил и весь тотчас залился краской.

— Потому что восстание — это не просто нажимать на кнопки. Ласинуки слабы. Мои люди знают об этом, но остальные земляне — нет. Ящеры располагают лишь одним оружием — страхом. Мы не сможем их победить, пока народ не поддержит нас, хотя бы только морально.— Его губы скривились в усмешке.— Мы просто не знакомы со всеми возникающими практическими трудностями. Десять лет я потратил на подготовку, планирование, объединение. Я располагаю армией, приличным флотом. И могу привести в движение колесики на всех пяти континентах одновременно. Но что толку от этого? Все бесполезно. Если бы я смог захватить Нью-Йорк — я бы доказал остальной Земле, что ласинуков можно победить...

— А если я выгоню страх из человеческих сердец?— мягко спросил Кейн.

— Тогда Нью-Йорк станет моим еще до рассвета. Но для этого потребуется чудо.

— Не исключено. А вы сможете пробраться через кордон и предупредить своих людей?

— Конечно, если понадобится. Но вы-то что задумали?

— Узнаете, когда это произойдет,— Кейн лукаво улыбнулся.— И как только это случится, сразу выступайте!

Тимбалл сделал шаг назад, в его руках внезапно оказался пистолет.

Теперь его полное лицо вряд ли можно было бы назвать добродушным.

— Я воспользуюсь этим шансом, Кейн. Удачи тебе!

XXX

Капитан с надменным видом медленно поднимался по опустевшим ступенькам Мемориала. С разных сторон его прикрывали вооруженные адъютанты. Он задержался на мгновение перед массивной двустворчатой дверью, бросил взгляд на стройные колонны, грациозно убегающие ввысь, и ехидно улыбнулся:

— А ведь впечатляет... все это... верно?

— Так точно, капитан,— в один голос отчеканили два ласинука.

— И таинственный полумрак вдобавок от этого Пламени. Видите? — Он указал на цветные стекла в нижних окнах, которые озарялись слабым мерцающим светом.

— Так точно, капитан!

— Сейчас здесь темно, таинственно, впечатляюще... И все это будет лежать в развалинах.

Он истерически засмеялся и неожиданно взмахнул саблей. Она прошлась по металлическим узорам двери резким воплем, который эхом прокатился по внутренним коридорам, глухо прозвучал в ночи, но ответа не последовало.

Стоявший слева адъютант поднес к уху передатчик, вслушиваясь в доносящиеся из него слабые слова, потом отдал честь:

— Людишки скапливаются в секторе, капитан.

Тот криво усмехнулся:

— Пусть их. Прикажи, чтобы оружие держали наготове и целились вдоль проспекта. Мартышек, которые попробуют пересечь границу хоть на полшага, сжигать без жалости.

Его лающая команда тотчас была повторена через телекоммуникатор, и в сотне ярдов позади них ласинукский гвардеец, выполняя распоряжение, вскинул оружие, внимательно наблюдая за проспектом. Слабый, зарождающийся шум был ему ответом — недовольство, смешанное со страхом, — люди подались назад.

— Если двери не откроют, — зловеще процедил капитан, — придется ломать. — Он вновь поднял свою саблю — резкий грохот наполнил помещение.

Массивные двери медленно и беззвучно разошлись, и перед капитаном предстал не кто иной, как лоара Кейн, облаченный в пурпур и сурово вззирающий на незваных гостей.

— Кто смеет нарушать покой Мемориала в День Хранителей Огня? — важно спросил он.

— Весьма драматично, Кейн. Отойдите в сторону.

— Назад! — отчетливо проговорил Кейн. — Ласинуки не смеют приближаться к Мемориалу.

— Отдайте нам преступника, и мы уйдем. Станете его покрывать — возьмем силой.

— Мемориал не выдает преступников. Это закон. Можете даже не пытаться.

— Прочь с дороги!

— Ни с места!

— Что? — раздраженно рявкнул ласинук. — Этот по-
донок еще огрызается?! — Но, оглянувшись, он понял всю бессмысленность ситуации. Улицы вокруг были пусты, и лишь вдаль, на приличном расстоянии от Мемориала, виднелись фигуры гвардейцев из оцепления. Солдаты держали оружие наизготове, а позади теснились земляне.

Люди сбились плотной и шумной толпой, их бледные лица слабо маячили в свете хромоламп.

Капитан заскрипел зубами, жесткая кожа натянулась на челюстях, чешуя на черепе встопорщилась. Он повернулся к адъютанту с телекоммуникатором:

— Распорядитесь-ка пальнуть над их головами!

Ночь тотчас раскололась пурпурными раскатами энергии, затем вновь наступила тишина. Ласинук громко расхохотался и повернулся к Кейну, застывшему на пороге, как статуя.

— Ну что, ты все еще рассчитываешь на помощь смелых своих людишек? Но следующий залп пройдет уже по их головам. Не веришь?

— Нет!

— Прочь с дороги!

Капитан в мгновение ока навел на Кейна пистолет, палец лег на спусковой крючок.

Лоара Пол Кейн медленно отступил, не сводя глаз с оружия. Капитан двинулся за ним. Но стоило ему сделать шаг, как внутренняя дверь Мемориала распахнулась и открылся проход в зал Пламени. От неожиданного притока воздуха огонь затрепетал, как живое существо. И люди, увидев это, ответили продолжительным воплем.

Кейн повернулся к Пламени, посмотрел вверх. Движения его рук были быстры и незаметны.

Внезапно пламя будто переменяли. Оно стабилизировалось, затем вдруг взметнулось бвысь, к своду потолка, и запылало ослепительной пятидесятифутовой колонной. Рука лоары Кейна шевельнулась снова, и, отвечая его движению, огонь начал менять цвет, становясь карминно-багровым. Спустя несколько секунд малиновый цвет полыхающего огненного столба растекался по городу, превращая окна Мемориала в настоженные кровавые очи.

Мучительно текли минуты. Капитан оцепенел от неожиданности. Людские толпы погрузились в благоговейное молчание. Но вот раздался растерянный шепоток, затем он стал расти и шириться, сливаясь в один короткий призыв:

— Д о л о й л а с и н у к о в !

Откуда-то сверху пурпуром сверкнул луч лазера. Капитан наконец очнулся. Но — поздно! — удар пришелся в самое сердце. Ласинук рухнул как подкошенный, и на мертвом лице рептилии застыла холодная маска недоумения.

Рассел Тимбалл, опустив пистолет, удовлетворенно хмыкнул:

— Прекрасная цель на фоне Пламени. Слава Кейну! Изменив цвет огня, он как нельзя кстати подхлестнул эмоции народа. Так что продолжим!

С крыши дома Тимбалл пальнул по стоявшему внизу ласинуку. И тотчас будто ад выплеснул наружу свое содержимое. Люди стали вырастать из-под земли словно грибы, сжимая в руках оружие. Лазерные лучи засверкали со всех сторон, прежде чем испуганные ласинуки смогли ответить. А когда они спохватились, было уже поздно: людская толпа, раскаленная добела неистовой яростью, крушила оккупантов, сметая все на своем пути. Кто-то закричал: «Бей гадов!» Крик был подхвачен и ревущим воем разросся до небес.

Людские толпы, словно многоликое чудовище, нахлынули как море в час прилива. Ласинуки яростно защищались. Десятки тысяч людей гибли, разрываясь на куски, но не отступали.

Ласинуки тоже не дрогнули, несмотря на то, что их ряды постепенно редели от смертоносного огня людей Тимбалла, а тех, кто уцелел, ожидала ужасная гибель под натиском ревущей толпы.

Сектор Мемориала освещался теперь уже кровавым Пламенем, гудел от стонов умирающих и пронзительных криков победителей.

Такой была первая битва Великого Восстания, которая больше походила на кровавое безумие и мировую анархию.

Восстание охватило весь город, от окраин Лонг-Айленда до равнин Нью-Джерси, и ласинуки везде находили свою смерть. Слухи об изменениях Пламени передавались из уст в уста с той же быстротой, с какой приказ Тимбалла достигал его снайперов, заставляя их браться за оружие. Нью-йоркцы поднимали головы и бросали свои отдельные жизни в огромный котел, именуемый «толпой».

Восстание с неодолимой скоростью несло, абсолютно не поддаваясь чьему-либо контролю. Тимбаллисты чувствовали себя беспомощными: любые их попытки направить стихийную силу масс в нужное русло оканчивались безрезультатно.

Подобно могучей реке, толпа разлилась по городу, и там, где она пронеслась, живых ласинуков не оставалось.

Солнце поднялось в то роковое утро, осветив захватчиков Земли, которые удерживали постоянно сжимавшееся кольцо в верхней части Манхеттена. С хладнокровием прирожденных воинов ласинуки, образовав живую цепь, противостояли напирающим с воплями миллионам. Дома отдавались с боем, кварталы — после отчаянного сопротивления. Ласинуки раскололись на отдельные группы и сражались за каждое здание, потом за каждый отдельный этаж, в конце концов перебираясь на крыши.

Во второй половине дня, когда солнце уже садилось, уцелел только дворец. Его отчаянная защита поставила землян в затруднительное положение. Мостовая перед дворцом вся была усеяна почерневшими трупами. Вице-король лично из своего тронного зала руководил обороной и собственноручно наводил стационарный лазер.

Но вот толпа начала выдыхаться. Тимбалл решил воспользоваться удобным случаем и принял командование на себя. Тяжелые орудия с лязгом двинулись вперед. Ядерные и дельта-лучевые установки, доставленные из арсеналов, которые захватили восставшие этой ночью, нацелили свои смертоносные хоботы на дворец.

Орудиям ответили орудия. И первая битва управляемых механизмов загорелась во всей своей первозданной ярости. Тимбалл казался вездесущим, отдавая команды, перебегая от одного орудийного расчета к другому и вызывая паля из своего пистолета.

Под прикрытием заградительного огня люди перешли в наступление, а защитники дворца отступили. Атомные снаряды проложили себе дорогу в центральную башню, и там теперь бушевало адское пламя.

Этот пожар стал погребальным костром для последних ласинуков в Нью-Йорке. С невероятным грохотом обуглившиеся стены дворца рухнули, но за минуту до этого вице-король все еще оставался на посту, целясь в плотное кольцо осаждавших. Когда его переносная установка выплюнула последние порции огня и умолкла, он швырнул ее через окно отчаянным жестом и нырнул в кипящий позади него ад.

Закат опустился над дворцом. Где-то еще продолжали пылать пожарища, и на их фоне над развалинами затрепетал зеленый флаг освобожденной Земли.

Нью-Йорк снова принадлежал людям.

После того как пал дворец, Рассел Тимбалл снова появился в Мемориале. В разорванной одежде, с необработанной раной на щеке и весь в крови с головы до пят,

он довольным взглядом обвел следы только что закончившейся бойни.

Мемориал превратился в импровизированный госпиталь. Отряды добровольцев выносили трупы и оказывали помощь раненым. Правда, раненых было немного — энергетическое оружие разит насмерть, и те, кого все-таки доставили сюда, имели слабую надежду на выздоровление. Беспорядок вокруг царил невообразимый, стоны больных и умирающих сливался в сплошной, жуткий гул с опьяненными криками возбужденных победителей, которые славили свою победу.

Лоара Пол Кейн находился здесь же. Лицо его осунулось, глаза запали.

— Скажите, все кончено? — обратился он к Тимбаллу.

— Начало положено. Земной флаг реет над развалинами дворца.

— Какой-то сплошной кошмар. Этот день...— лоара Кейн содрогнулся и зажмурился.— Если бы я знал заранее, я, наверное, предпочел бы Землю без людей и лоаризма.

— Да, получилось скверно. Но результаты могли быть более плачевными. Я уверен, что победа досталась нам еще дешево. Где Санат?

Кейн не ответил. Тимбалл раздраженно глянул на него и нетерпеливо дернул плечами:

— Я, конечно, не бессердечное чудовище, но без этого обойтись было просто невозможно. К тому же это только начало. Сегодняшние события многое решают, но еще не означают победу. Да, восстание охватило большую часть Земли, не без фанатичного энтузиазма жителей Нью-Йорка, но ласинуки окончательно не разбиты, тут не следует заблуждаться. Сейчас Солнечная гвардия движется к Земле, отзывая по пути силы с других планет. А в скором времени вся ласинукская Империя нацелится на Землю, счета будут сводиться безжалостно и только кровью. Нам необходимо добиться помощи.

Он схватил Кейна за плечи и резко тряхнул:

— Вы меня поняли? Нам необходима помощь! Даже здесь, в Нью-Йорке, первый восторг побед завтра пройдет. Без помощи мы не выстоим!

— Знаю,— без энтузиазма произнес Кейн.— Я уже говорил с Санатом. Он может отправиться хоть сейчас.— Кейн вздохнул.— Если сегодняшними событиями мы обязаны ему как катализатору, нас ожидают великие свершения.

XXX

Полчаса спустя Санат вместе со своим напарником Цетри находился в двухместном лайнере и прощался с Кейном. Протянув руку, он уверенно произнес:

— Я вернусь, и следом за мной придет флот.

Кейн крепко пожал руку молодому человеку.

— Мы рассчитываем на вас, Филипп,— он сделал паузу. Санат занял свое место за пультом, и Кейн мягко закончил: — Желаю удачи, лоара Филипп Санат!

Санат, вспыхнув от удовольствия, заерзал в кресле. Цетри помахал рукой. Тимбалл напутствовал их словами:

— Остерегайтесь Солнечного патруля.

Люк с лязгом закрылся. Мгновение спустя малышка-крейсер с кашляющим звуком вознесся к небесам.

Тимбалл проследил взглядом, пока корабль не превратился в точку и совсем не исчез, потом повернулся к Кейну:

— Теперь все в руках провидения. Да, Кейн, как, кстати, действует эта штуковина для изменения цвета Пламени? Только не говорите мне, что огонь сделался красным сам по себе.

Кейн медленно покачал головой:

— Нет! Карминовая вспышка — результат действия солей стронция. Пакет мы приготовили заранее — нужно было произвести впечатление на ласинуков. Остальное — дело десятое. Обыкновенная химическая реакция.

Тимбалл мрачно хохотнул:

— Вы хотели, наверное, сказать, что остальное — дело психологии масс. А ласинуки, могу поклясться, впечатление получили... да еще к а к о е !

XXX

В звездном небе пока не появлялось ничего настораживающего, но масс-детектор предостерегающе загудел. Он гудел настойчиво и повелительно. Цетри напрягся:

— Мы ведь вне метеоритных потоков!

Филипп Санат подавил вздох, когда его спутник протянул руки, чтобы включить экраны кругового обзора. Звездное пространство на экране визора медленно стало перемещаться, и тут-то они его увидели. Он блеснул на солнце, точно половинка оранжевого футбольного мяча. Цетри проворчал:

— Если они нас заметили, нам конец!

— Ласинукский корабль?

— Корабль? Это не кор а б л ь! Это пятидесятитысячный боевой крейсер! Что он, во имя Галактики, здесь делает, понятия не имею. Тимбалл предупреждал нас: Солнечный патруль движется в направлении Земли.

Голос Саната звучал спокойно:

— Мы сможем оторваться от него?

— Пустой номер,— рука Цетри мертвой хваткой вцепилась в рукоять акселератора.— Они слишком близко.

Тотчас стрелка аудиометра резко качнулась, кабину заполнил лающий ласинукский голос:

— Выключить тормозные двигатели, приготовиться к взятию на борт.

Цетри оторвался от пульта, вопросительно глянул на Саната:

— Я просто извозчик. Вам решать. Шансов у нас что у метеора против Солнца, но если вы не против рискнуть...

— Конечно,— согласно кивнул Санат,— ведь не капитулировать же нам, верно?

Его спутник ухмыльнулся, когда сработали тормозные ракеты:

— Для лоариста неплохо! Из стационарного лазера стрелять приходилось?

— Нет, к сожалению.

— Ладно, учиться придется теперь. Держитесь вот за это колесико и смотрите на экран монитора. Что-нибудь видите?

— Одни звезды.

— Отлично. Поворачивайте колесико вперед еще дальше. Попробуйте в другую сторону: чуть левее. Теперь видите корабль?

— Да! Вот он!

— Порядок. Наводите на центр. Туда, где перекрещиваются ниточки прицела. И Солнцем заклинаю, не выпускайте его оттуда. Теперь я попробую развернуться к рептилиям боком.— В это время сработали боковые двигатели.— А вы держите его на прицеле.

Ласинукский корабль медленно увеличивался на экране, голос Цетри упал почти до шепота:

— Я сниму экран и двинусь прямо на него. Это рискованно. Они могут догадаться и тогда тоже снимут экран, чтобы выстрелить, но, так как это будет проделано в спешке, есть надежда, что они промахнутся.

Санат молча кивнул.

— В ту же секунду, когда увидите ярко вспыхнувшую пурпурную лазерную вспышку, рвите штурвал вправо. Тяните сильно и твердо. Если вы хоть на мгновение замешкаетесь, это будет ваше последнее в жизни промедление.— Цетри пожал плечами.— Риск есть риск.— Затем резко двинул рычаг хода вперед и крикнул: — Не упускайте его!

Ускорение с чудовищной силой вдавило Саната в кресло, словно пружину. Руки его вспотели, штурвал неохотно поддавался управлению. Оранжевый футбольный мяч раскачивался в центре визора. Санат чувствовал, как дрожат его руки, но с невероятным упрямством держал рукоять управления лазером, не упуская крейсер из перекрестья прицела. Глаза его слезились от напряжения.

Ласинукский корабль постепенно увеличивался в размерах. Вдруг из его носа метнулся в их направлении пурпурный клинок. Санат зажмурился, рывком откинулся назад.

Время шло. Все было по-прежнему тихо. Санат наконец открыл глаза, глянул на собственные ноги, потом на Цетри, который стоял рядом и беззвучно хохотал.

— Везет новичкам,— проговорил он сквозь смех.— Ни разу в жизни не брался за оружие, а тут сбил ласинукский крейсер, угодив прямо в яблочко.

— Я его уничтожил? — выдавил Санат.

— Не совсем, но из строя вывел. Нам этого вполне хватит, чтобы убраться подальше. Так что вперед, в гиперпространство.

XXX

Высокий, облаченный в пурпур человек стоял у центрального иллюминатора и пристально разглядывал молчаливую планету внизу. Это была Земля во всей своей красе, огромная и восхитительная. Возможно, его мысли лишь ненадолго омрачились бы, если бы он начал вспоминать шестимесячное свое путешествие. Результат все-таки радовал: энтузиазм распространялся, перешагивая с планеты на планету через звездные бездны со скоростью света. Конфликтующие правительства внезапно притихли из-за возмущения собственных народов и снарядили флот. Столетние враги неожиданно заговорили о мире и объединились под единым зеленым флагом Земли.

Конечно, трудно надеяться на то, что эта идиллия продлится достаточно долго. Но пока единство сохранялось,

люди не знали поражений. Один флот находился в двух парсеках от самой Веги. Второй — захватил Луну и парил всего в одной световой секунде от Земли, на которой уставшие донельзя повстанцы Тимбалла упорно продолжали драться.

Филипп Санат вздохнул и повернулся, услышав шаги. Он ожидал Айона Ститта, светловолосого красавца из лактонского контингента, и, как только Ститт вошел, Санат произнес:

— По вашему лицу можно читать.

Ститт мотнул головой:

— Похоже, все бесполезно.

Санат вновь повернулся к иллюминатору и продолжил:

— Вы знаете, сегодня мы поймали сообщение от Тимбалла. Они сражаются за каждый клочок Земли. Ящеры захватили Буэнос-Айрес, вся Южная Америка под их пятой. Люди Тимбалла теряют надежду и возмущаются. Я, кстати, тоже,— Санат внезапно обернулся.— Вы говорили, что новые таранные корабли обеспечат нам победу. Тогда почему мы не атакуем?

— По одной простой причине,— старый солдат грустно улыбнулся.— Подкрепления с Сантании не прибыли.

— Я думал, они уже в пути! — удивился Санат.— Что же произошло?

— Правительство Сантании решило, что флот им необходим для защиты собственной территории,— с иронией произнес Ститт.

— Защиты собственной территории? Но ласинуки от них в пятистах парсеках!

Ститт пожал плечами:

— Оправдание — оно и есть оправдание! Ему не обязательно быть осмысленным, но я думаю, что не в этом дело.

Санат отбросил назад волосы, его пальцы скользнули по желтому солнцу на плече:

— Даже так! Но мы можем сражаться и без них. У нас свыше сотни кораблей. Враг превосходит нас вдвое, хотя с таранными кораблями и лунной базой за спиной, с повстанцами, беспокоящими их с тыла...— Он погрузился в невеселое размышление.

— Вам некого вести в бой, Филипп. Эскадроны, которые предоставил нам Трантор, отошли.— Ститт сорвался на крик: — Из всего флота я могу полагаться только на двенадцать кораблей своего собственного отряда — на лактонцев. Ах, Филипп, не знаете вы, какая все это грязь...

И никогда не знали... Вы поднимали народ на дело, но правительства вам никогда не убедить. Общественное мнение вынудило их к этому, они согласились, но лишь на то, что им выгодно.

— Я просто не могу поверить, Ститт, когда победа уже почти в наших руках...

— Победа? Для кого! Это именно та кость, из-за которой грызутся все планеты. На секретном совещании наций Сантания потребовала контроля над всеми ласинукскими мирами в секторе Сириуса, — а мы еще ни об одном из них и понятия не имеем — и ей отказали. А-а, вы об этом не слыхали?! Разумеется, правительство Сантании решило, что в первую очередь следует побеспокоиться о безопасности собственного дома, и отозвало часть отрядов.

Филипп Санат с гримасой боли на лице отвернулся, но голос Айона Ститта тяжело и неотвратимо обрушивался на него:

— Тогда-то и Трантор понял, что ненавидит и опасается Сантании больше, чем ласинуков. Так что в любой день можно ожидать приказа правителей Трантора командующему флотом: воздерживаться от потерь, поскольку корабли противника возвращаются целыми и невредимыми. — Старый воин грохнул кулаком по столу. — Человеческое единство расплзается, как истлевшая тряпка. Глупо было, конечно, надеяться, что эти самовлюбленные идиоты способны надолго объединить усилия даже ради самых серьезных целей.

Внезапно Саната осенило:

— Погодите минутку, все дела еще могут пойти как следует, если мы сумеем захватить контроль над Землей. Земля — ключ ко всей ситуации, — его пальцы забарабанили по краю стола, — эта операция совершенно точно может высечь животворную искру. Тогда народный энтузиазм, сейчас несколько охладевший, дойдет до точки кипения и правительства... что ж, или они тоже вознесутся на этой волне, или их просто разорвут на клочья.

— Я это знаю. Если мы победим сегодня, то завтра, даю слово солдата, мы будем на Земле. Они тоже понимают это, но сражаться не станут.

— Тогда... тогда их придется вынудить к этому! А единственный способ заставить их пойти в бой — это лишить выбора. Сейчас они увиливают от схватки, так как знают, что могут отступить в любой момент, но если...

Внезапно он посмотрел вверх, лицо его покраснело от возбуждения.

— Знаете ли вы, что уже несколько лет я не снимал туники лоариста? Как вы думаете, ваш мундир мне подойдет?

Айон Ститт осмотрел себя и осклабился:

— Возможно, он и не будет сидеть на вас как влитой, но для маскировки сойдет. А что вы задумали?

— Я все объясню. Риск ужасный, но... немедленно передайте лунному гарнизону следующее распоряжение...

XXX

Адмиралом Солнечной эскадры ласинукского флота был отмеченный шрамами боевой ветеран, превыше всего ненавидевший две вещи: людей и штатских. И когда перед ним предстал высокий, стройный человек в плохо сидящем мундире, адмирал раздраженно насупился.

Саната держали за руки ласинукские солдаты.

— Прикажите им отпустить меня,— выкрикнул Филипп на плохом ласинукском.— Я безоружен.

— Говори,— распорядился по-английски адмирал.— Вашего языка они не знают.— Потом он отдал распоряжение солдатам: — Стреляйте по моему приказанию.

Саната отпустили.

— Я прибыл обсудить условия перемирия.

— Это понятно, раз ты вывесил белый флаг. Но ты явился в одноместном крейсере и больше напоминаешь дезертира. Я уверен, что за весь флот ты отвечать не можешь.

— Я отвечаю за себя.

— Тогда я уделю тебе одну минуту. Если она закончится и мне не станет интересно — тебя застрелят.— Он замолчал, лицо его приняло надменное выражение.

Санат решил времени не тратить даром.

— Ваша ситуация такова,— начал он.— Вы не сможете атаковать, пока люди контролируют лунную базу. Если рискнете сделать это — в тылу Земля, и без серьезных потерь вам не обойтись. В то же время с Веги пришел приказ выбросить людей из Солнечной системы любой ценой, и ваша неудача императора не порадует.

— Ты потратил десять секунд впустую,— заметил адмирал, но многозначительные красные пятна на лице говорили о другом.

— Согласен,— торопливо ответил Санат.— Но что вы скажете на то, если я предложу вам загнать в ловушку весь человеческий флот?

Адмирал молчал, и Санат продолжил:

— Что, если я покажу вам, как захватить лунную базу и окружить людей?

— Говори дальше! — пролаял адмирал. Это было первое свидетельство его заинтересованности, которое он позволил себе проявить.

— Я команду одной эскадрой и обладаю определенной властью. Если вы согласитесь на мои условия, через двенадцать часов персонал базы капитулирует. Двух кораблей,— Санат выразительно выставил два пальца,— хватит, чтобы заставить их сделать это.

— Любопытно,— неторопливо произнес адмирал,— но каковы ваши мотивы? Зачем вам это?

Филипп процедил сквозь зубы:

— Вам это вряд ли будет интересно. Со мной плохо обошлись и отстранили от должности. К тому же,— глаза его сверкнули,— я уверен, люди проиграли кампанию, и надеюсь на вознаграждение... немалое вознаграждение. Поκληнитесь в этом — и флот ваш.

Адмирал не скрывал своего презрения:

— У ласинуков есть поговорка: «Люди постоянны только в одном — привычке изменять». Позаботьтесь изменить как следует, и я с вами рассчитаюсь. Даю слово ласинуковского солдата. Можете вернуться на корабль.

Движением руки он отпустил солдат, но потом вновь задержал их на пороге.

— Помните — я рискую всего двумя кораблями. Они немногого стоят в сравнении со всем моим флотом, но если хоть одна ласинуковская голова падет благодаря людской измене...

Чешуйки на его голове встали дыбом, и Санат опустил глаза под диким холодным взглядом ласинуковского адмирала.

Оставшись в одиночестве, старый служака долгое время сидел неподвижно, размышляя. Наконец фыркнул:

— Ну и грязь эти людишки! Сражаться с ними — одно бесчестье!

Флагман человеческого флота бездельничал в сотне миль над поверхностью Луны. На его борту собрались командиры эскадр и, сидя за столом, выслушивали резкие обвинения Айона Ститта:

— ... повторяю, ваше поведение равносильно измене. Битва за Вегу разгорается. Если же выиграют ласинуки, Солнечный флот начнет сражение с преимуществом, из-за которого мы будем вынуждены отступать. Если удача будет на стороне людей, наше преступное промедление оставит их фланги открытыми, и одно это сведет все преимущества на нет. Сколько вам можно твердить: победа за нами. С нашими новыми таранными кораблями.

Ститта перебил Жем Поркут, сонноглазый командующий транторианскими силами:

— Таранные корабли применяются впервые. Мы не можем рисковать, превращая генеральное сражение в эксперимент, к тому же ситуация складывается не в нашу пользу.

— Ваша точка зрения не оригинальна, Поркут. Вы, да и все остальные, просто жалкие предатели. Трусые и изменники!

Один из присутствующих разъяренно вскочил — стул полетел в сторону. Остальные последовали его примеру и тоже повскакивали. Лоара Филипп Санат тем временем удобно устроился у иллюминатора и оглядывал лунную поверхность, когда услышал шум и с тревогой обернулся. Жем Поркут поднял свою грубую ручищу, требуя внимания.

— Хватит защищаться, — начал он. — Я представляю тут Трантор и выполняю распоряжения, присланные только оттуда. У нас здесь одиннадцать кораблей, только Космос знает, сколько их ушло еще к Веге. А Сантания? Не выставила ни одного! Зачем она отозвала их домой? Не для того ли, чтобы иметь преимущества при оккупации Трантора? Может, надеется человек, который не слышал, что они против нас замышляют? И мы не собираемся ради их выгоды терять здесь свои корабли. Трантор не будет сражаться. Завтра наш отряд уходит. Конечно, если ласинуки захотят отпустить нас с миром...

Заговорил следующий:

— Морит тоже уходит. Дракониянское соглашение уже двадцать лет висит нейтронным грузом у нас на плечах. Империалистические планы отказались его пересмотреть,

так чего ради мы станем участвовать в войне, которая ведется только в их интересах?

Один за другим угрюмые выкрики сложились в непрекращающийся рефрен:

— Это не в наших интересах! Мы не будем сражаться.

Вдруг наступила пауза, и лоара Филипп Санат рассмеялся. Он отвернулся от Луны и смеялся огрызающимся спорщикам в лицо.

— Господа! — произнес он. — Никто из вас отсюда никуда не уйдет.

Айон Ститт облегченно вздохнул и опустил в свое кресло.

— Кто же нас остановит? — презрительно глядя на Саната, спросил Поркут.

— Ласинуки! Они только что захватили лунную базу. Мы теперь окружены.

Комната наполнилась тревожными перешептываниями. Растерянное молчание быстро прошло, и чей-то выкрик перекрыл голоса остальных:

— Объясните же, что с гарнизоном?

— Гарнизон уничтожил укрепления и эвакуировался за несколько часов до появления ласинуков. Враг не встретил сопротивления.

Воцарившееся молчание пугало еще больше, нежели предшествующие ему крики.

— Измена! — выдохнул кто-то.

— Но кому понадобилось это предательство? — Взгляды один за другим обращались к Санату. Люди сжимали кулаки, лица у многих стали багровыми.

Санат спокойно ответил:

— Мне.

Ошеломленные услышанным, все как воды в рот набрали и недоверчиво уставились на Саната. Но вот кто-то крикнул:

— Пес!

И понеслось:

— Лоаристская гадина!

— Выпустить кишки наружу!

Но тут все попятились от нацеленных на них лазеров, которые держал в руках неугомонный Айон Ститт, надежно прикрывая молодого человека.

— Я тоже в этом замешан, — прорычал он. — И теперь вы будете сражаться. Как говорили древние: клин клином вышибают? Да? Так и Санат пустил измену против измены.

Жем Поркут внимательно осмотрел присутствующих, неожиданно рассмеялся и махнул рукой:

— Ладно, раз уж нам не увильнуть, будем драться. Приказ есть приказ, но я не стану отказываться, когда есть возможность вломить этим пресмыкающимся ящерам.

Мучительная пауза наконец кончилась, полились высказывания остальных — согласие и готовность.

Два часа спустя ласинукское требование о капитуляции было с презрением отвергнуто, эскадры человеческого флота перестроились, сотни кораблей заняли свои места, образовав так называемую сферу — защитную позицию для попавшего в окружение флота, — и битва за Землю началась.

XXX

Космическое сражение между двумя приблизительно равными по мощи эскадрами очень напоминает гигантский фехтовальный матч, только рапирами здесь служат управляемые копия смертоносной радиации, а щитами — непробиваемые стены инерции эфира.

Выбрав удобные позиции, люди и ласинуки наконец сцепились в смертельной схватке.

Вот блеклый пурпур лазерного луча хлестанул яростной вспышкой по экрану вражеского корабля, тотчас засветился его собственный экран, приоткрылся на сотую долю секунды, тем самым стал уязвимым для лучей противника, которые, вырвавшись на волю, поразили его в свою очередь. Но делать нечего — на войне как на войне.

Корабли разворачивались по широким спиральям, и каждая боевая единица флота старалась скомбинировать скорость механизмов с быстротой человеческой реакции, чтобы избежать подобного критического момента и выжить.

Лоара Санат хорошо понимал не только это, но и многое другое. С тех пор как ему пришлось столкнуться с боевым крейсером Солнечного патруля, он потратил много сил на изучение космических сражений, и теперь, когда эскадры начали перестраиваться, он почувствовал, как его пальцы сводит от желания попробовать себя в битве. Он обратился к Ститту с этой сокровенной мыслью:

— Я спущусь к большим излучателям?

Ститт, не отрывая глаз от центрального визора и рук от эфирно-волнового передатчика, произнес:

— Идите, если хотите, только не заблудитесь по дороге.

Санат улыбнулся и ничего не ответил.

Личный лифт капитана доставил его на оранжевую палубу, и Санату осталось преодолеть лишь несколько сотен футов сквозь деловую толпу оружейников и инженеров. Свободное пространство на боевом корабле — роскошь, так что Санат на себе ощутил ограниченные размеры помещения, в котором многие люди спокойно и сосредоточенно работали, образуя громадный механизм, так называемый космический дредноут.

Филипп поднялся по шести крутым ступенькам к лазеру номер один и отослал оружейника прочь. Тот сначала заколебался, но глаза его скользнули по пурпурной тунике, он отдал честь и неохотно спустился вниз. Санат повернулся к координатору, сидевшему возле видеоэкрана:

— Как ты думаешь, мы сработаемся? Моя скорость реакции I-A. Классификационная карточка у меня с собой, можешь посмотреть, если хочешь.

Координатор залился краской и смущенно ответил:

— Н-нет, сэр! Это большая честь работать вместе с вами!

Система оповещения прогремела: «По местам!» Установилась глубочайшая тишина, которую нарушало лишь холодное урчание механизмов, работавших на угрожающей ноте.

Санат обратился к координатору:

— Это орудие перекрывает полный квадрат пространства, не так ли?

— Да, сэр.

— Отлично. Тогда попробуй-ка отыскать дредноут со знаком двойной звезды в положении неполного затмения.

Воцарилось молчание, лишь чуткие пальцы координатора лежали на штурвале, осторожно поворачивая его то в одну, то в другую сторону, так что поле зрения на экране смещалось. Координатор внимательно следил за выстраивавшимися в боевой порядок кораблями, а затем наконец воскликнул:

— Вот он! Ха, да это же флагман!

— Именно! Наводи на него!

С поворотом штурвала поплыло видимое на экране пространство, и вражеский флагман заскользил к точке, в которой перекрещивались линии прицела.

— Есть центр! — бросил координатор, когда вражеский крейсер застыл в перекрестье прицела.

— Так держать! — жестко распорядился Санат. — Не теряй его ни на секунду, пока он удет находиться в

нашем квадрате. На этом корабле адмирал, и мы с ним должны разделаться во что бы то ни стало — ты и я!

Корабли уже не выдерживали порядка, и Санат почувствовал возбуждение. Сейчас должно было произойти то, о чем он давно мечтал. К тому же грешно было не использовать преимущество людей в скорости, потому что ласинуки имели превосходство в численности почти вдвое.

Сверкнул первый луч, другой, третий, наконец стремительно вырвался и запылял целый сгусток пурпурной энергии.

— Попал! — выдохнул Санат и тотчас расслабился. Один из вражеских кораблей беспомощно задрейфовал, его корма превратилась в груды раскаленных добела, распадающихся обломков.

Но время для расслабления еще не наступило. Обмен выстрелами шел с ошеломляющей скоростью. Дважды пурпурные стрелы пролетали по самому краю видеозэкрана, при этом странный холодок пробегал по позвоночнику Саната — он мысленно констатировал, что палят соседние лазеры его же корабля.

Фехтовальный матч достиг кульминации. Почти одновременно последовали две ярчайшие вспышки, и Санат застонал, увидев, как одна из них превратила в ничто соседний людской корабль. Трижды нарастал тревожный шум, когда ядерщики на нижнем уровне запускали свои машины на полную мощность,— это означало, что вражеское излучение, нацеленное на их корабль, надежно блокировалось экранами.

И вот снова координатор навел прицел на флагман противника. Но время шло — шесть ласинукских и четыре земных корабля рассыпались в прах,— а флагман все еще находился в прицеле лазера Саната. По лбу координатора пот тек струйками, заливал глаза, пальцы наполовину потеряли чувствительность, но вражеский флагман не выходил из перекрестья прицела.

Санат следил за ним, не убирая палец с кнопки пуска, и ждал с надеждой.

Дважды флагман озарялся пурпурными вспышками, когда стреляли его орудия, но тотчас снова прятался за защитный экран. Дважды палец Саната готовился нажать на спуск и замирал. Филипп не успевал.

Но на третий раз он все-таки показал свое умение. Экран открылся ровно на секунду, Санат выстрелил, и тотчас разлилось пурпурное кипение энергии, ярко запылало гигантским погребальным костром, который зна-

меновал собой гибель флагамена и адмирала ласинуковского флота на его борту.

Санат рассмеялся. Он протянул руку координатору, они обменялись крепким рукопожатием.

Но торжество длилось недолго. Координатор не успел даже произнести первых ликующих слов, уже готовых сорваться с его губ, как видеоэкран подернулся пурпурным сиянием — пять человеческих кораблей взорвались одновременно, сраженные смертоносными потоками энергии.

Тотчас проревел динамик:

— Усилить экраны. Прекратить огонь. Перестраиваемся в таранный строй!

Санат ощутил, как липкое чувство неуверенности начало обволакивать всех присутствующих, так что труднее стало дышать. Случилось самое неприятное. Ласинуки сумели наладить управление гигантскими орудиями лунной базы, которые в несколько раз превосходили по мощности самые крупные лазеры кораблей. Теперь противник мог, не опасаясь возмездия, расстреливать земные корабли издали.

Фехтовальный матч таким образом завершился — начиналось настоящее сражение. Но для того чтобы не проиграть, требовались новые, никогда раньше не используемые методы борьбы, и Санат чувствовал, что каждый человек думает сейчас только об этом. Это выражали их лица, это ощущалось в их молчании. Оставалось последнее средство, оно что могло спасти, но могло и не спасти!

Земная эскадра возобновила свое сферическое построение, корабли медленно дрейфовали, не отвечая на удары. Ласинуки завершали окружение человеческого флота. Люди были отрезаны от источников энергетических ресурсов и не могли противостоять гигантским орудиям лунной базы, контролировавшим ближний космос. Поэтому их капитуляция или окончательное уничтожение представлялось для ласинуков лишь делом времени.

А пока лазеры врага, не переставая, выплевывали потоки энергии, агонизирующие экраны людских кораблей флюоресцировали под жесткими радиационными хлыстами.

Санат слышал, как гудели ядерные установки. Гул этот постепенно превращался в протестующий визг, от которого мурашки бежали по коже. Стрелка измерителя энергии, подрагивая, неуклонно ползла вниз — Санат не мог оторвать от нее взгляда.

Координатор провел языком по пересохшим губам и с надеждой обратился к Филиппу:

— Думаете, нам удастся, сэр?

— Несомненно! — заявил Санат, совсем в этом не уверенный. — Нам необходимо продержаться еще час, чтобы потом они не смогли отступить.

Ласинуки не отступили. Отойти назад — значило ослабить строй нападающих, к тому же люди внезапным отчаянным броском могли прорвать фронт и тем самым спастись.

Человеческие корабли двигались со скоростью улитки, делая чуть больше сотни километров в час. Сохраняя бездействие, подстегиваемые пурпурными всплесками энергии, они продолжали образовывать расширяющуюся сферу, так что расстояние между ними и ласинуками стало еще меньше. Что же касается внутрикорабельной жизни людей — пассивностью здесь и не пахло, шла напряженнейшая подготовка к контратаке. Люди работали над формированием калиброванных игл — последней человеческой надеждой.

Санат пересек оружейную палубу и присоединился к солдатам, крепко взявшимся за гигантский поблескивающий рычаг в ожидании команды, которая должна была вот-вот раздаться или же не раздаться никогда.

Расстояние между противниками не превышало теперь одной-двух миль — минимальное по космическим меркам. Но вот прозвучал приказ, переданный под прикрытием экранных щитов и не отзывавшийся на орудийной палубе:

— И г л у н а р у ж у !

Множество рук навалилось на рычаг. Он величественно изогнулся дугой на полу. Затем раздался оглушающий грохот — корабль содрогнулся от носа до кормы. Космический дредноут превращался в таранный корабль. На носу секции бронеплит мягко разошлись, сверкающее металлическое жало зловеще высунулось наружу. Стофудовой длины, оно, достигая десяти футов в диаметре, изящно сужалось к концу, превращаясь в настоящую иглу. В солнечном свете хромированная сталь тарана сверкала пугающим великолепием.

Все корабли людского флота, без исключения, оказались оснащенными точно такими же выдвижными рапирами. Рыбы-мечи космоса!

Там, на кораблях ласинуковского флота, должно быть, отдавались сейчас самые дикие приказы — против этой древнейшей из всех флотоводческих тактик, которая использовалась еще на туманной заре истории, сверхсовре-

менное оборудование космических кораблей защитой не располагало.

Санат поспешил к экрану, пристегнулся в противоперегрузочном кресле и, когда корабль рванулся вперед, почувствовал амортизирующую упругость стабильной стенки. Но Филипп не обращал на это внимания. Он должен был видеть ход сражения, потому что больше никто во всей Галактике не рисковал так, как он. Остальные могли расстаться разве что со своими жизнями, он же рисковал мечтой, им взлелеянной, воскрешенной из небытия и уже почти осуществленной.

Именно он расшевелил апатичную Галактику и поднял ее на борьбу с рептилиями. Именно он обнаружил Землю, беспомощную и стоящую на грани гибели. Если человечеству суждена победа, то это будет победа лоары Филиппа Саната!

Он сам, Земля и Галактика, слились теперь в единое целое и были брошены на чашу весов. Все решит последнее сражение. Или тараны сделают свое дело, или они окажутся бессильными, и тогда в величайшей катастрофе — гибели всего рода людского — будет виноват только он один!

Ласинукские корабли, медленно погасив энергию, спасались бегством на всей скорости, на которую были способны. Земные корабли тем временем успели преодолеть три четверти расстояния. Санат, ни на секунду не отрывавший взгляда от экрана, наконец про себя отметил, что ласинукский крейсер резко увеличивается в размерах. Его пурпурный энергетический кнут давно исчез — каждая унция энергии уходила на смертельно необходимую попытку набрать ускорение.

Кроме ласинукского крейсера, на экране, в нижней его части, напряженно сверкала маленькая точка, нацеленная, подобно лучезарному дротику, в самое сердце врага. Когда наконец крейсер вырос до гигантских размеров, ждать становилось все труднее.

Санат почувствовал, что еще пять минут — и будет ясно, кто же он: величайший герой Галактики или величайший ее преступник! Кровь с мучительной болью стучала в висках.

Но наконец это свершилось.

К О Н Т А К Т !

Экран зарыбил от хаотического мелькания искореженного металла. Противоперегрузочные кресла застонали, когда амортизаторы попытались смягчить удар. Понемногу ситуация прояснилась: корабль медленно уравнивался,

игла оказалась сломанной, а пропоротое ею вражеское судно превратилось в выпотрошенное, безжизненное гнездо.

Санат, затаив дыхание, следил за экраном. Звездное пространство представляло собой сплошное море разбитых кораблей, по его краям уцелевшие остатки вражеских судов пытались спастись бегством, земные корабли преследовали их. Это была победа! Неописуемый крик радости раздался вдруг позади него, и пара крепких рук опустилась на его плечи.

Санат повернулся. Перед ним стоял Ститт, ветеран пяти войн, и плакал от счастья.

— Филипп,— говорил он,— мы победили. Только что пришло сообщение с Веги. Флот ласинукской метрополии тоже разгромлен — и тоже таранными кораблями. Война завершилась. Победа за нами. Это твоя победа, Филипп, твоя!

Его объятия причиняли боль, но лоара Филипп Санат думал совсем о другом. Он замер в немом экстазе, и лицо его преобразилось.

Земля стала свободной!

Человечество было спасено!!!

ХОЗЯЙКА

Роза Смолетт вся светилась от счастья. Сняв перчатки и отложив в сторону шляпку, она торжественно воскликнула:

— Дрейк, он будет у нас!

Дрейк с досадой глянул на нее:

— Ты пропустила ужин. Я ожидал тебя к семи.

— О, это не имеет значения. По дороге домой я перекусила. Зато, Дрейк, он будет у нас!

— Кто будет? О чем ты говоришь?

— Я имею в виду доктора с планеты Хоукина. Разве ты не понял, чему была посвящена наша сегодняшняя конференция? Мы весь день только и говорили об этом. Такое волнующее событие!

Дрейк Смолетт отодвинул в сторону бокал и внимательно посмотрел сначала на него, потом на свою жену:

— Позволь мне спросить тебя кое о чем. Этот доктор

— тот самый хоукинец, которого раздобыл Институт?

— Разумеется. Кто же еще?

— Тогда объясни, что ты имеешь в виду, когда говоришь: он будет у нас?

— Дрейк, ты не понимаешь!

— А что тут понимать! Твой Институт, возможно, это и интересует, родная, но только не меня. Какое нам до этого дело?

— Но, дорогой,— терпеливо произнесла Роза,— хоукинцу хотелось бы остановиться в каком-нибудь частном доме, где бы его не беспокоили официальными церемониями и где бы он мог вести себя в соответствии со своими наклонностями. Я нахожу, что это вполне для нас приемлемо.

— Но почему именно в нашем доме?

— Потому что наш дом, по-моему, подходит для этой цели. У меня спросили, согласна ли я, и, сказать по правде,— добавила Роза с непреклонностью в голосе,— я расцениваю это как одолжение.

— Смотри-ка! — Дрейк запустил пальцы в свою густую каштановую шевелюру.— У нас здесь просто прелестное местечко, само собой разумеется. Правда, не самое лучшее на планете, но нас оно устраивает. Однако мне непонятно, где же в этом доме найдется место для внеземных гостей?

XXX

Роза не на шутку встревожилась. Она сняла очки и положила их в футляр.

— Он может жить в свободной комнате. И сам будет заботиться о себе. Я разговаривала с ним. Он показался мне очень приятным. Честно говоря, все, что от нас требуется, это лишь некоторая приспособляемость.

— Конечно! Всего лишь некоторая приспособляемость! — вспыхнул Дрейк.— Хоукинцы дышат цианидом. И мы вполне сможем к этому приспособиться, не так ли?

— Он носит цианид в небольшом баллончике. Ты даже не заметишь его.

— А чего еще я не замечу?

— Это все. Они абсолютно безвредны. Господи, они даже вегетарианцы.

— То есть мы будем готовить ему на обед охапку сена?

Нижняя губа Розы задрожала:

— Дрейк, ты преднамеренно себя взвинчиваешь. На Земле полным-полно вегетарианцев. Разве все они питаются сеном?

— А мы? Сами-то мы будем есть мясо? Или это выставит нас перед ним чем-то вроде канибалов? Мне не хотелось бы жить на одних салатах, лишь бы угодить ему, предупреждаю тебя об этом.

— Ты становишься невыносим.

Роза почувствовала себя беспомощной. Она поздно вышла замуж. Сравнительно поздно. Когда уже сделала карьеру и жизнь ее, казалось, входила в нормальное русло. Она занималась в аспирантуре естественных наук Института имени Дженкинса, у нее было уже свыше двадцати публикаций. Одним словом, жизнь ее текла размеренно и спокойно. И вот сейчас, когда ей стукнуло 35, она все

еще удивлялась тому, что меньше чем за год она стала невестой, а затем женой.

Время от времени это ее немного смущало, поскольку частенько обнаруживалось, что она не имеет никакого понятия, как обходиться с собственным мужем. Что нужно делать, например, если глава семьи начинает проявлять упрямство? Этого не было ни в одном из прослушанных ею курсов. Как женщина с независимым положением и отнюдь не куриными мозгами, она не могла опуститься до примитивной лести. Поэтому сейчас Роза открытоглянула на своего мужа и просто сказала:

— Для меня это очень важно.

— Почему?

— Потому что, Дрейк, если он останется здесь на какое-то время, я смогу наблюдать его в непосредственной близости. До сих пор сделано слишком мало в изучении биологии и психологии как отдельных хоукинцев, так и внеземного разума вообще. Мы немного знакомы с их социологией и историей, разумеется. Но это все. И вот сейчас открывается прекрасная возможность изучить его глубже. Он останется здесь, мы будем наблюдать за ним, исследовать его привычки...

— Не интересно...

— О Дрейк, я тебя не узнаю.

— Ты хочешь сказать, что обычно я не такой, правильно?

— Да, обычно ты не такой.

Дрейк некоторое время молчал, поглощенный своими мыслями. В конце концов он изрек:

— Ты только вдумайся, Роза. Я ведь тоже слышал кое-что об этих хоукинцах, когда занимался своими делами. Ты говоришь, что проводились исследования в области их социологии, а биология почти не изучалась. Да, это так. И скорее всего потому, что хоукинцам нравится, чтобы их изучали как подопытных кроликов, не больше, чем нам. Я разговаривал с теми, кто возглавляет группы безопасности, присматривающие за деятельностью различных миссий хоукинцев на Земле. Так вот, инопланетяне остаются в предназначенных им помещениях в течение всего пребывания на Земле и покидают их только для наиболее важных деловых встреч. То есть они не стремятся ни к каким контактам с землянами. Значит, мы вызываем у них такое же примерно чувство брезгливости, как и они у нас. А что касается этого хоукинца из Института, разве он чем-то отличается от остальных? Мне кажется, что его

пребывание здесь будет нарушением всех правил. А если он к тому же захочет остаться жить в доме землян, это еще больше подольет масла в огонь.

— Тут совсем другой случай,— устало произнесла Роза.— Я не удивляюсь, что ты не в состоянии этого понять, дорогой. Он врач. Идет сюда в порядке медицинских исследований, и я уверена, он не получит ни малейшего удовольствия от того, что останется с людьми. Мы для него продолжаем быть чем-то ужасным. Но именно по этой причине он должен остаться! А ты думаешь, нашим врачам очень хочется работать в тропиках или они получают особое удовольствие, когда их кусают москиты?

— При чем тут москиты? — Дрейк неожиданно вскочил.— Какое они имеют ко всему этому отношение?

— Никакого,— удивленно ответила Роза,— мне просто в голову пришло такое сравнение. Вот и все. Я подумала о Риде и его опытах с желтой лихорадкой.

Дрейк пожал плечами:

— Что ж, будь по-твоему.

На мгновение Роза заколебалась.

— Ты не сердись на меня, дорогой? — и тут же ей эти слова показались какими-то девичьими.

— Нет,— бросил Дрейк, что означало как раз обратное.

XXX

Роза критически осматривала себя в большом зеркале. Она никогда не была красавицей и примирилась с этим фактом. Во всяком случае, настолько, что не обращала на это внимания. И уж, разумеется, это не имело никакого значения для существа с планеты Хоукина. Что ее на самом деле беспокоило, так это то, что придется быть хозяйкой в доме при необычных обстоятельствах, когда нужно особенно тактично относиться к внеземному существу и в то же время не рассориться с собственным мужем. Роза понимала, что ей предстоит нелегкое испытание.

В этот день Дрейк запаздывал. Роза мысленно склонялась к тому, что он специально задерживается, и это вызывало у нее чувство обиды. Он позвонил ей в Институт как раз перед перерывом и без обиняков спросил:

— Когда ты собираешься привести его домой?

Роза сухо ответила:

— Около трех.

— Хорошо. Как его зовут? Я имею в виду среди хоукинцев?

— Зачем тебе это? — она едва сдерживалась, чтобы говорить спокойно.

— Хочу провести небольшое расследование в личных целях. Ведь в конце концов он будет жить в моем доме.

— О, ради Бога, Дрейк, не распространяй свою заботу на весь дом!

Голос Дрейка казался далеким и неясным:

— А почему бы и нет, Роза? Разве это не то самое, что я ты делаешь?

И Роза назвала ему имя инопланетянина.

Впервые за время их недолгой совместной жизни у них произошло некое подобие ссоры. И впервые Роза задумалась над тем, что вышла замуж, по сути, за полицейского. Правда, он считался не просто полицейским, он входил в состав Всемирного комитета безопасности. Но тем не менее друзья не понимали ее. Сам факт ее замужества явился грандиозным сюрпризом, но если уж она решилась выйти замуж, то все полагали, что ее избранником непременно должен стать биолог или, если ей тесны рамки своей области, антрополог, или, в крайнем случае, химик. Но почему всем им она предпочла полицейского? Никто, естественно, не высказывался об этом прямо, но ее замужество заставило задуматься многих, и она чувствовала это. Такое отношение друзей вызвало у нее тогда негодование, да и сейчас обида еще не улетучилась. Почему мужчина может позволить себе жениться на ком ему заблагорассудится, но если доктор философии, и при этом женщина, избирает себе в спутники жизни человека, не удостоенного хотя бы степени бакалавра, это у всех вызывает шок. Почему так случается? Ведь Дрейк привлекателен, с одной стороны, умен — с другой, и она считает свой выбор вполне удовлетворительным.

Тем не менее сколько точно такого же снобизма она принесла в их общий дом! Подчеркивая каждый раз, что ее собственная работа, то есть биологические исследования, являются очень важными, в то время как его работа — нечто неприличное, что всегда следует оставлять за четырьмя стенами его маленького кабинета в одном из старых зданий ООН на Ист-ривер.

Глубоко вздохнув, Роза решила пока отказаться от своих прежних воззрений. Ей совсем не хотелось ссориться с мужем. Она будет воспринимать хоукинца как обычного гостя, а что касается Дрейка, то это его дело, как хочет,

так пусть и поступает. Следовало признать, что он и так пошел на немалые уступки.

XXX

Харг Солан, так звали инопланетянина, находился в самом центре комнаты, когда Роза наконец спустилась по лестнице. Он не сидел, поскольку строение его тела не позволяло ему этого, а стоял на двух комплектах конечностей, расположенных близко друг к другу, в то время как еще одна, третья пара, совершенно отличная по своему строению, свисала из той части его тела, которая очень походила на грудную клетку человека. Кожа хоукинца была жесткой и блестела как глянец, а лицо отдаленно напоминало морду какого-то необычного быка. Все же он не вызывал особого отвращения, тем более, что некое подобие одежды прикрывало нижнюю часть его тела, чтобы не оскорблять чувств землян.

— Миссис Смолетт,— произнес он,— я высоко ценю ваше гостеприимство. Настолько высоко, что не в состоянии выразить это средствами вашего земного языка.— И он низко склонился, так что его верхние конечности на мгновение коснулись пола. Этот жест означал особую благодарность среди жителей планеты Хоукина.

Роза была очень довольна, услышав, как неплохо разговаривает он на английском. Строение его рта с отсутствием передних зубов придавало свистящий характер звукам, а в остальном его речь вполне могла сойти за земную.

— Мой муж скоро вернется,— ответила она,— и тогда мы пообедаем.

— Ваш муж? — он немного помолчал, потом добавил: — О да, разумеется.

Она пропустила это мимо ушей. Если и существовал источник извечных недоразумений между пятью разумными расами изученной части Галактики, то он касался различий в половой жизни и социальных установлений, которыми она обростала. Концепция мужа и жены, например, существовала только на Земле. Остальные расы могли представить себе, что это такое, лишь на интеллектуальном уровне, но никак не на эмоциональном.

— Я проконсультировалась в Институте, как готовить вам пищу,— сказала Роза.— Надеюсь, это не станет для вас источником огорчений.

— Протеины есть протеины, моя дорогая миссис Смолетт,— проговорил он.— Что же касается некоторых микроэлементов, которые мне требуются, но отсутствуют в вашей еде, то у меня есть концентраты, они позволяют ей стать адекватной.

«Да, протеины есть протеины»,— подумала Роза. Ее беспокойство в отношении этого чуждого существа было скорее проявлением формальной вежливости, так как изучение жизни на различных планетах наводило на мысль, что, хотя жизнь могла образоваться на основе не только протеинов, но и других элементов, все известные расы по своей природе все-таки оставались протеиновыми. А это означало, что каждая разновидность гуманоидов могла поддерживать свой жизненный цикл в течение довольно продолжительного времени за счет пищи другой расы.

Роза услышала шаги Дрейка и застыла в ожидании. Позже она вынуждена будет отметить, что Дрейк показал себя с наилучшей стороны.

Он твердой походкой подошел к хоукинцу, протянул руку и не колеблясь произнес:

— Добрый вечер, мистер Солан.

Хоукинецт поднял большую и довольно неуклюжую переднюю конечность, и представители двух различных рас обменялись чем-то вроде рукопожатия. Роза уже прошла эту процедуру, и ей было знакомо странное ощущение, возникающее при соприкосновении с рукой хоукинца, удивительно твердой, горячей и сухой. Роза представила себе, какой холодной и скользкой, очевидно, показалась хоукинцу рука Дрейка.

Во время формальных приветствий Роза не преминула воспользоваться возможностью понаблюдать за рукой инопланетянина. Это был превосходный случай конвергентной экологии. Морфологическое развитие верхней конечности хоукинца было совершенно иным, нежели у человеческой руки. Тем не менее результаты обеих эволюций имели удивительное сходство. Кисть инопланетянина содержала четыре пальца без большого, причем каждый палец состоял из четырех независимых фаланг, соединенных такими же, как и у человека, шарнирными суставами.

Таким образом, некоторая потеря гибкости кисти из-за отсутствия большого пальца компенсировалась за счет превратившихся почти в щупальца остальных пальцев. Для Розы, как для биолога, еще более интересным показалось другое: каждый палец хоукинца заканчивался очень маленьким и для непрофессионала неразличимым копытцем,

что ясно свидетельствовало о былой приспособленности к бегу, тогда как ногти человека говорили о приспособленности к лазанию.

Как можно дружелюбнее Дрейк спросил:

— Вы чувствуете себя у нас удобно, сэр?

— Вполне,— проговорил инопланетянин.— Ваша жена самым серьезным образом обо всем позаботилась.

— Не угодно ли вам что-нибудь выпить?

Хоукинец ничего не ответил, однако, глянув на Розу, несколько скривился, что выражало какое-то чувство, которое Роза, к сожалению, не смогла идентифицировать. Пытаясь скрыть волнение, она объяснила:

— На Земле существует обычай пить жидкость с небольшим количеством этилового спирта. Считается, это стимулирует жизнедеятельность организма.

— Понятно. Боюсь, что вынужден отказаться. Этиловый спирт крайне неприятно действует на мой обмен веществ.

— Подобное воздействие он оказывает и на землян, так что я вас понимаю, мистер Солан,— кивнул Дрейк.— Но надеюсь, вы не возражаете, если я выпью?

— Разумеется, нет.

Дрейк направился к буфету. Когда он проходил мимо Розы, она уловила только одно слово «Боже», сказанное достаточно спокойно, но выражением своего лица Дрейк умудрился поставить после него семнадцать восклицательных знаков.

XXX

Хоукинец почти стоял на столе, его пальцы с поразительной ловкостью управлялись с различными столовыми приборами. То, как он ел, представляло собой зрелище не для слабонервных, и Роза старалась не смотреть на него. Широкий безгубый рот уродливо расщеплял лицо хоукинца. Когда же он начинал жевать, огромные челюсти принимались двигаться во все стороны. В Розе снова заговорил биолог, и она отметила, что это еще одно свидетельство происхождения гуманоидов с Хоукины от копытных. А потом ей пришла в голову смешная мысль: после обеда, в тиши своей комнаты, хоукинец еще долго будет жевать жвачку. И она с ужасом подумала, как бы Дрейк не подумал о том же и в отвращении не встал из-за стола. Но Дрейк воспринимал происходящее на редкость спокойно.

— Я не ошибаюсь, доктор Солан, предполагая, что баллон на вашем боку содержит цианид?

Роза вздрогнула. Она почему-то совсем его не заметила. Баллон являл собой изогнутый металлический предмет, чем-то напоминающий флягу для воды; он плотно прилегал к коже инопланетянина, был наполовину скрыт одеждой и не отличался от кожи по цвету. Дрейк несомненно имел глаз полицейского.

Но вопрос этот нисколько не смутил хоукинца:

— Именно так,— сказал он. Затем пальцами, увенчанными копытцами, извлек узкий эластичный шланг, висевший вдоль туловища, и засунул его в угол своего широкого рта. Роза при этом испытала некоторое смущение, обычно возникающее при демонстрации определенных интимных предметов туалета.

— В нем содержится чистый цианид? — продолжал пытаться Дрейк.

Хоукинец весело замигал глазами:

— Я надеюсь, вы не расцениваете это как потенциальную опасность для землян? Мне известно, что цианид — сильное отравляющее средство для людей, но должен вас заверить: я не нуждаюсь в нем в больших количествах. Газ в баллончике состоит на пять процентов из гидроцианида, остальное — кислород. Он не выходит оттуда, пока я не пососу трубку, а необходимость делать это весьма редка.

— Понятно. И вам действительно для поддержания жизни требуется этот газ?

Роза слегка испугалась. Совсем не следовало задавать такие вопросы. Особенно без тщательной подготовки. Ведь невозможно предугадать, каковы наиболее чувствительные точки в психологии инопланетян. А Дрейк, по всей видимости, задал этот вопрос умышленно, поскольку наверняка знал, что ответ мог легко получить и у нее. Значит, он предпочитает действовать самостоятельно?

Хоукинец оставался невозмутимым:

— Вы, наверное, не биолог, мистер Смолетт?

— Нет, доктор Солан.

— Но вы тесно связаны с миссис Смолетт?

Дрейк улыбнулся:

— Да. Я женат на ней. Но в отличие от моей жены являюсь простым правительственным чиновником. Друзья миссис Смолетт,— добавил он,— называют меня полицейским.

Роза прикусила губу. В данном случае хоукинец затронул болезненную струнку в психологии землян. На планете Хоукина существовала строга кастовая система, а межкастовые отношения были крайне ограничены. Но Дрейк, видимо, не понимал этого.

Хоукинец повернулся к Розе:

— Разрешите, миссис Смолетт, немного пояснить биохимию наших организмов вашему мужу. Для вас это будет несколько скучным, так как, вероятно, вы все это давно и хорошо знаете.

— Пожалуйста, пожалуйста, доктор Солан.

— Понимаете, сэр,— начал Солан,— дыхательная система вашего тела и система всех дышащих воздухом существ управляется с помощью определенных металлосодержащих элементов, как мне пояснили ваши ученые. Обычно таким металлом является железо, хотя иногда вместо него бывает и медь. В любом случае ничтожное количество цианида, соединяясь с этими металлами, лишает земную клетку возможности поглощать кислород. Если же они не поглощают кислорода, то погибают через несколько минут.

Жизнь на моей планете устроена несколько иначе. Ключевые элементы в системе дыхания не содержат металлов. Именно по этой причине моя кровь бесцветна. Наш организм состоит из определенных органических фракций, которые очень существенны для жизни. Эти фракции не распадаются только в присутствии небольшого количества цианида. Несомненно, подобного рода протеин вырабатывался в результате эволюции на протяжении многих миллионов лет на нашей планете, в атмосфере которой оказалось несколько десятков процентов гидроцианида. Присутствие подобного соединения поддерживается биологическим циклом. Различные наши микроорганизмы выделяют свободный газ.

— Вы очень интересно и понятно объясняете,— кивнул Дрейк.— Но что случится, если вы перестанете вдыхать этот газ? Неужели вы просто...— он выразительно щелкнул при этом пальцами.

— Не совсем. Это не эквивалентно присутствию цианида в вашем теле. Скорее это будет напоминать медленное удушение. Иногда такое случается в плохо вентилируемых помещениях на нашей планете, когда весь содержащийся в воздухе цианид потребляется и уровень его падает ниже минимально допустимого. Результаты такого удушья очень мучительны и трудно излечимы.

Роза осталась довольна своим мужем. Он действительно казался очень любознательным. Да и инопланетянин не возражал против подобных вопросов. Остаток обеда прошел без инцидентов. Он был даже приятен. Дрейк проявлял любезность и любознательность в течение всего вечера и даже затмил свою жену, но Роза была рада, что Дрейк в этот вечер оказался в центре внимания. Она с грустью смотрела на него и думала: почему он все-таки женился на ней?

XXX

Дрейк сидел, потирая подбородок, закинув ногу на ногу и пристально глядя на хоукинца.

— Мне довольно трудно представить себе, что вы врач,— заявил он.

Хоукинец рассмеялся:

— Я вас прекрасно понимаю. Мне столь же трудно представить себе, что вы полицейский. На нашей планете полицейские несколько отличаются от других жителей, благодаря своей резко выраженной специализации.

— На самом деле? — сухо заметил Дрейк и решил переменить тему: — Судя по всему, ваши поездки на Землю не носят увеселительного характера?

— Конечно. У меня здесь множество дел. Я намерен изучить эту необычную планету, которую вы называете Земля, так, как не удалось никому из моих соплеменников прежде.

— Необычную? — изумился Дрейк. — В каком смысле? Хоукинец взглянул на Розу:

— Вашему мужу известно что-либо об Отодвинутой смерти?

Роза смутилась.

— У него очень важная работа,— сказала она,— которая совсем не оставляет времени интересоваться тонкостями моей профессии.

Она понимала, что это объяснение не вполне вразумительно, и ощущала, как непонятные ей эмоции обуревают хоукинца.

— Меня всегда удивляло, что вы, земляне, так мало знаете о собственных необычных свойствах. Как известно, в Галактике пять разумных рас. Все они эволюционировали независимо друг от друга, но тем не менее они похожи между собой во многих отношениях. Получается, что при достаточно длительном сроке развития разума ему требу-

ются определенные физические данные для своего развития. Но я оставляю этот вопрос на рассмотрение философов. И потом, мне не нужно заострять на нем свое внимание, так как скорее всего это вам давно известно. Ныне, когда различия между разумными расами хорошо изучены, обнаружено, причем неоднократно, что вы, земляне, уникальны в своем роде гораздо в большей степени, чем все остальные. Например, только на Земле жизнь зависит от металлосодержащих ферментов. Только для вас, землян, гидроцианид является смертельным ядом. Только вы не произошли от травоядных и являетесь единственной плотоядной разумной формой жизни. И, наконец, самое интересное, — только у вас прекращается рост при достижении зрелости.

Дрейк улыбнулся. Сердце Розы учащенно забилося. Эта улыбка была одной из самых привлекательных черт Дрейка, и он пользовался ею легко и непринужденно. Он привык к присутствию инопланетянина и хотел доставить ему удовольствие, но, если не гостю, а ей. Розе понравилась эта мысль, и она дважды повторила ее: он делает это ради нее! Он любезен с хоукинцем только ради нее!

— Вы на вид не очень крупный, мистер Солан, — проговорил Дрейк улыбаясь. — По-моему, вы только на дюйм выше меня, значит, ваш рост шесть футов и два дюйма. Это из-за того, что вы молоды или размеры ваших соплеменников невелики?

— Не то и не другое. Мы растем все время, но с годами скорость роста уменьшается. Поэтому в моем возрасте, чтобы вырасти на дюйм, требуется пятнадцать лет. Однако, я еще раз подчеркиваю это, наш рост полностью не прекращается. Поэтому, как следствие этого, мы никогда не умираем естественной смертью.

Дрейк от удивления раскрыл рот, и даже Роза выпрямилась и подалась вперед. Она слышала об этом впервые. О таком факте, насколько ранее она была информирована, не сообщалось ни в одном отчете многих экспедиций, посещавших планету Хоукина. От волнения у нее захватило дух, но она не успела ничего воскликнуть, ее опередил Дрейк:

— Как? Вы не умираете естественной смертью? Уж не хотите ли вы сказать, сэр, что обитатели вашей планеты бессмертны!?

— Ну что вы! Никто на самом деле не бессмертен. Всегда возможен несчастный случай, правда, он не обязательно заканчивается смертью, тогда остается только

скучать. И все же очень неприятно думать, что смерть может наступить неожиданно, не по собственной воле. Это мы воспринимаем как нечто особенно ужасное. И меня беспокоит то, что, несмотря на все предостережения, смерть все-таки иногда наступает неожиданно.

— С этим мы вполне свыклись,— грустно произнес Дрейк.

— Вы, земляне, очевидно, можете жить с такой мыслью. Мы же не в состоянии. Именно поэтому нас тревожит то, что в последние годы участились случаи Отодвинутой смерти.

— Вы так и не объяснили,— заметил Дрейк,— что же из себя представляет эта болезнь. Но если вы позволите, я пофантазирую. По-видимому, Отодвинутая смерть — это патологическое прекращение роста. Я угадал?

— Да, мистер Смолетт.

— И через какое время после прекращения роста наступает смерть?

— В течение года. Это опустошительная болезнь, абсолютно неизлечимая,— настоящая трагедия.

— Чем же она вызывается?

Хоукинец надолго задумался. И когда наконец заговорил, в его голосе почувствовалась некоторая напряженность:

— Мистер Смолетт, нам ничего не известно о причинах этой болезни.

Дрейк задумчиво кивнул. Роза следила за разговором, чувствуя себя зрителем на теннисном матче.

— Но почему именно на Земле вы решили изучать эту болезнь?

— Потому что земляне — уникальная раса. Только они из всех разумных рас обладают иммунитетом против Отодвинутой смерти. Вашим биологам известно об этом, миссис Смолетт?

Он настолько неожиданно обратился к ней, что Роза даже подскочила от неожиданности.

— Нет, неизвестно,— она пожала плечами.

— Но это объяснимо,— продолжал Солан.— Отодвинутую смерть выявили в результате только недавно проведенных исследований. Раньше ее путали с другими болезнями, к тому же на остальных планетах заболеваемость ею гораздо ниже. Но что странно и обращает на себя внимание: заболеваемость Отодвинутой смертью на нашей планете наиболее высока, Хоукина же ближе других планет расположена к Земле. Дальше заболеваемость по-

нижается. Так, на планете Тэмпора, самой удаленной от Земли, больных меньше всего. Но в то же время Земля сама иммунна к этой страшной болезни. Где-то в биохимии землян таится секрет иммунитета, и было бы интересно его отыскать.

— Но послушайте, как вы можете утверждать, что Земля иммунна? — воскликнул Дрейк. — Насколько я понимаю, заболеваемость на Земле равна ста процентам! Все земляне заражены Отодвинутой смертью: мы перестаем расти и через некоторое время умираем.

— Отнюдь нет. Земляне живут до семидесяти лет после прекращения роста. Это совсем не та смерть, о которой идет речь. Вашим эквивалентом болезни скорее является несдерживаемый рост. Эту болезнь вы называете раком. Простите, но, может быть, я уже наскучил вам?

Роза возразила, Дрейк поддержал ее даже с большим пылом, но хоукинец умышленно сменил тему разговора. Именно тогда у Розы впервые возникло подозрение в том, что Дрейк, очевидно, пытается прошупать хоукинца и именно его уколы вызывают беспокойство инопланетянина. Дрейк настойчиво выуживал информацию у хоукинца, делая это скрытно и с немалым искусством, но для Розы его намерения стали совершенно явными. Профессия, как говорится, обязывает. Словно отвечая на ее мысли, хоукинец высказал то, что уже некоторое время было у нее на уме. Он спросил:

— Вы, кажется, говорили, что работаете полицейским?

— Да,— кивнул Дрейк.

— Тогда я нуждаюсь в вашей помощи. Мне очень хотелось бы, чтобы вы кое-что сделали для меня. Я весь вечер думал попросить вас об этом, с того момента как узнал о вашей профессии, но все не решался. Мне очень не хотелось создавать лишних хлопот своим товарищам-людям.

— Мы постараемся вам помочь,— успокоил Солана Дрейк.

— Мне любопытно все, что касается жизни землян. Причем это любопытство вряд ли разделяет большинство моих соотечественников. Мистер Смолетт, не могли бы вы представить меня в одном из полицейских управлений вашей планеты?

— Я не отношусь собственно к полиции, как вам могло показаться,— уклончиво ответил Дрейк. — Но меня хорошо знают в полиции города Нью-Йорка. Так что я

устрою ваше знакомство с земной полицией. И без особых хлопот. Завтра, если вы не возражаете?

— С удовольствием. Знаете, мистер Смолетт, меня интересует Бюро розыска исчезнувших лиц.

— Что-что?

Хоукинец поджал все свои четыре ноги, предназначенные для сидения, из чего следовало, что он весь напрягся:

— Это мое хобби, небольшое чудачество. Насколько я понимаю, у вас должна быть группа работников, единственной обязанностью которой является розыск исчезнувших лиц.

— Но почему это вас интересует?

— Дело в том, что и в этом земляне не такие, как все. На нашей планете не бывает исчезнувших лиц. Мы всегда знаем о точном пребывании друг друга, независимо от того, в каком месте планеты находимся. Обитатели других планет также ощущают друг друга, особенно если связаны кровными узами.

Розу снова охватило волнение. Научные экспедиции на планету Хоукина всегда испытывали величайшие трудности как раз в вопросе проникновения в сокровенные эмоциональные механизмы ее обитателей, а здесь один из них свободно говорит об этом и многое объясняет. Она забыла все свои недавние беспокойства, связанные с Дрейком, и вмешалась в разговор:

— Вы даже сейчас испытываете эти чувства? Я хочу сказать, у нас на Земле?

— Вы имеете в виду, влияют ли на нашу способность чувствовать друг друга космические расстояния?

Роза кивнула.

— Нет,— произнес доктор Солан.— На Земле — нет. Но вы понимаете всю важность этого качества? Все уникальные свойства землян должны иметь какую-то связь между собой. Если бы можно было как-то объяснить отсутствие этого чувства, то, вероятно, удалось бы объяснить и иммунитет к Отодвинутой смерти. Кроме того, во мне вызывает крайнее любопытство то, каким образом любая из форм разумной общественной жизни создается среди людей, которым чуждо коллективное мышление. Как может землянин знать, что является членом общественной ячейки, например, такой, как семья. Вот вы, допустим, чувствуете, что между вами существует подлинная связь?

Роза произвольно покачала головой. Как ей всегда этого не хватало.

Однако Дрейк только улыбнулся:

— У нас есть кое-какие способы. Наша «любовь» так же трудно поддается объяснению, как и ваше чувство сопричастности друг к другу.

— Видимо, так оно и есть. Но все же скажите честно, мистер Смолетт, если бы миссис Смолетт вышла из этой комнаты и не сказала куда, вы бы знали, где именно она находится?

— Нет, конечно.

— Потрясающе! — воскликнул инопланетянин, затем нерешительно добавил: — Прошу вас, пожалуйста, не обижайтесь, но я нахожу это свойство отталкивающим.

XXX

Когда Дрейк погасил свет в спальне, Роза поднялась, подошла к двери и, чуть приоткрыв ее, выглянула наружу. Дрейк удивленно спросил:

— В чем дело?

— Хочу поговорить с тобой, дорогой.

— Ты боишься, что нас услышит наш приятель, не так ли?

Роза легла в постель, положила голову на подушку и заговорила шепотом:

— Зачем ты беседовал с доктором Соланом об Отодвинутой смерти?

— Твоя работа заинтересовала меня, ведь ты этого всегда хотела.

— Не будь язвительным, Дрейк, — сердито, насколько позволял шепот, произнесла Роза. — Я знаю, что тебя интересует в этом деле нечто совсем другое. Это не обыкновенное любопытство, а профессиональный интерес полицейского. Ты что-то пытаешься выяснить?

— Я расскажу тебе об этом завтра, милая.

— Нет, сейчас!

Он взял ее голову в свои руки, приподнял, и Розе вдруг показалось, что он собирается поцеловать ее, как целуют мужа жен, повинувшись вдруг нахлынувшему чувству. Однако Дрейк никогда не целовал ее так раньше, не сделал этого и сейчас. Он просто прижал ее к себе и угрожающе зашептал:

— Почему ты заинтересовалась этим?

Он так крепко сжал ей шею, что от боли она непроизвольно напряглась, пытаясь отодвинуться, и громко потребовала:

— Перестань!

— Я же хочу, чтобы ты задавала мне глупые вопросы или вмешивалась во что бы то ни было. У тебя есть своя работа, а у меня — своя.

— Чем я занимаюсь, известно и понятно всем.

— А моя работа,— парировал Дрейк,— уже исходя из ее целей, как раз наоборот предполагает наличие секрета. Но я скажу тебе. Наш шестиногий приятель находится у нас в доме по вполне определенной причине. Ты совсем не случайно была приставлена к нему в качестве биолога. Дело в том, что два дня назад он справлялся обо мне в Комиссии?

— Ты шутишь?

— Можешь не верить. Но существует и многое другое, о чем ты даже не догадываешься. В этом и заключается моя работа. Больше мне не хотелось бы говорить на эту тему. Понимаешь?

— Нет, но я не стану спрашивать, если ты против.

— Тогда спи.

Роза неподвижно лежала на спине и пыталась собрать воедино разрозненные части картины. Однако они не стыковывались друг с другом, даже несмотря на объяснения Дрейка. Она подумала о том, как бы он повел себя, если бы узнал, что она сделала запись этого ночного разговора. Особенно ей хотелось прослушать один эпизод, который не давал ей покоя. В конце этого долгого вечера хоукинец повернулся к ней и серьезно произнес:

— Спокойной ночи, миссис Смолетт. Вы в высшей степени очаровательная хозяйка.

Роза едва сдержалась, чтобы не расхохотаться. Он назвал ее очаровательной хозяйкой?! Для него она могла быть только ужасом, чудовищем с узким лицом и на двух ногах.

Но затем, когда инопланетянин проявил такую совершенно бессмысленную вежливость, Дрейк побледнел как полотно, и на мгновение в его глазах мелькнул непередаваемый ужас.

Раньше Роза никогда не видела, чтобы Дрейком овладевал страх или что-нибудь похожее на него, и картина столь яркого проявления паники еще долго вставала перед ее глазами, угаснув, лишь когда пришло небытие сна.

На следующий день в полдень Роза наконец осталась одна. Она умышленно дождалась, пока Дрейк и Солан ушли, и только тогда вытащила из-под кресла мини-магнитофон.

Сначала Роза не думала делать из этого тайну. Но Дрейк пришел домой так поздно, что она не решилась ему сказать об этом в присутствии инопланетянина. Позже, однако, ситуация изменилась... А тогда Роза должна была записать все высказывания хоукинца, его интонации, чтобы затем тщательнейшим образом прослушать в Институте вместе со специалистами. Спрятала она магнитофон, чтобы не нарушать непринужденности гостя, который, возможно, вел бы себя совсем иначе при виде записывающего устройства. Теперь же Роза и не собиралась показывать записи сотрудникам. Магнитофон послужит совсем для другой цели. Притом неблагопристойной.

Роза решила шпионить за Дрейком!

Она погладила футляр прибора и прикинула, как скоро Дрейку удастся управиться с делами. Общественные контакты между обитаемыми планетами даже теперь не были столь распространенными, чтобы не собирать толпы на улицах при виде хоукинца. Но Дрейк сумеет выкрутиться, она знала это. Он всегда с честью выходил из любой неприятной ситуации.

Роза еще раз прослушала весь вчерашний разговор, повторяя для себя наиболее интересные места. То, о чем ей перед сном сказал Дрейк, вызвало у нее недовольство. С чего бы это хоукинец стал проявлять повышенный интерес именно к ним двоим? Но, похоже, Дрейк не лгал. Розе очень хотелось проверить его слова в Комиссии по безопасности, но она знала, что ни за что этого не сделает. Даже от одной этой мысли ей стало не по себе. Нет, Дрейк определенно лгал!

Но тогда почему Харг Солан не навел нужные ему справки непосредственно в Институте? Он спокойно мог получить все сведения о семьях биологов и, исходя из своих интересов, выбрать такой дом, который бы в наибольшей степени удовлетворил его.

И потом, даже если предметом его изучения были только Смолетты, почему произошла такая большая перемена в Дрейке? От едва скрываемой враждебности к открытому интересу. Дрейк несомненно знал нечто такое, о чем пред-

почитал молчать. Одному небу известно, сколько и что он знал!

Роза невольно задумалась о возможных тайных происках в отношениях между гуманоидами. До сих пор, как она считала, не возникало никаких признаков враждебности или недоброжелательства между обитаемыми мирами в известной части Галактики. Они находились на слишком больших расстояниях друг от друга, чтобы враждовать. Между ними едва поддерживались самые слабые контакты. Что касается экономических или политических интересов, тут вообще не существовало никаких точек соприкосновения. Но это были только ее предположения, а о чем думали члены Комиссии по безопасности, она могла лишь догадываться. Если бы какой-то конфликт существовал, если бы наличествовала определенная опасность, наконец, если бы имелись какие-либо основания подозревать, что у миссии хоукинца есть и другие цели, кроме научных, то Дрейк бы об этом несомненно знал.

И все же, насколько высоким было положение Дрейка в Комиссии по безопасности? Могли ли ему доверить столь опасное дело, связанное с визитом врача-хоукинца? Роза всегда думала, что Дрейк слишком незначительное лицо в Комиссии. Во всяком случае, сам он именно таковым хотел казаться в ее глазах. Но если его положение достаточно высоко? Это напоминало шпионские романы XX века или более поздние спектакли тех времен, когда еще существовали секреты атомной бомбы.

В отличие от Дрейка, Роза не была сыщиком-профессионалом и не имела навыков настоящего расследования. Но она знала, как поступали детективы в книгах и спектаклях.

Взяв лист бумаги, Роза разделила его пополам. На одной из половинок она вывела: «Харг Солан». На другой — «Дрейк». Под «Харгом Соланом» Роза написала: «настоящий» и поставила три вопросительных знаков. Действительно, был ли он вообще врачом или его следует подозревать как межзвездного агента? Какие доказательства имелись в Институте в отношении его профессии, кроме его собственных слов. Может быть, именно поэтому Дрейк затеял расспросы относительно Отодвинутой смерти? Знал ли он об этом заранее или пытался поймать гостя на ошибке?

Некоторое время Роза пребывала в состоянии нерешительности. Затем вскочила, сложила лист и сунула его в карман жакета. Выходя из Института, она вообще не ска-

зала никому, куда идет и вернется ли сегодня назад, а сама направилась в подземку с намерением побывать в Нью-Йоркской медицинской Академии.

XXX

Академия за последние два десятилетия разрослась как в ширину, так и в высоту. Одна только библиотека занимала целое крыло третьего этажа. Если бы все книги, брошюры и периодика находились в своей первоначальной форме, а не в микрофильмах, то, без сомнения, для их хранения не хватило бы всего этого огромного здания. И ходили слухи об ограничении печатных работ если не в течение десяти, то на протяжении пяти последних лет.

Роза на правах члена Академии имела свободный доступ в библиотеку. Она поспешила в отдел внеземной биологии и с облегчением увидела, что там больше никого нет. Возможно, было бы лучше обратиться за помощью к библиотечарю, но она не стала этого делать. Чем меньше следов она оставит, тем большая вероятность, что Дрейк ничего не узнает. Без помощи проводников она пустилась в путешествие по полкам, пробегая взглядом названия на корешках книг. Большинство были на английском, многие — на немецком и русском языках. Но самое смешное: не имелось ни одной книги на языке внеземной расы. Для таких оригиналов где-то, по-видимому, существовало отдельное помещение, и вход туда разрешался только специальным переводчикам.

Наконец Роза нашла то, что искала. Сняв с полки с полдюжину томов, она разложила их на темном столике, нащарила выключатель, зажгла свет и открыла первую книгу, называвшуюся «Исследования Отодвинутой смерти». Роза перелистывала книгу, пока не нашла страничку с библиографическими данными. Имя Харга Солана значилось среди авторов книги.

Одну за другой Роза просмотрела все библиографические страницы. Затем вернулась к полкам, чтобы разыскать переводы оригиналов в статьях, которые привлекли ее внимание.

Она провела в Академии более двух часов и, когда окончила первый этап своих поисков, уже знала, что на планете Хоукина на самом деле существует врач по фамилии Харг Солан — один из главных экспертов по Ото-

двинутой смерти. Он работал в научно-исследовательском учреждении, с которым Академия вела переписку. Разумеется, Харг Солан, гостивший в нее, мог просто выдавать себя за врача, чтобы сыграть свою роль более реалистично. Но разве в этом была необходимость?

XXX

Роза вынула из кармана лист и там, где ею было написано «настоящий» с тремя вопросительными знаками, добавила «ДА» большими буквами. Затем она вернулась в Институт и в четыре часа снова сидела за своим столиком. Позвонив на коммутатор и сообщив, что она не будет отвечать ни на какие телефонные звонки, Роза заперла дверь. В колонке, озаглавленной «Харг Солан», она записала два вопроса: «Почему Харг Солан прибыл на Землю в одиночку?» и через весьма внушительный пробел — «Почему его интересует Бюро розыска исчезнувших лиц?»

Безусловно, Отодвинутая смерть была совершенно правильно описана Соланом. Из того, что Роза прочла в медицинских книгах Академии, ей стало ясно, что Отодвинутая смерть — одна из главнейших проблем на планете Хоукина. Там ее боялись даже больше, чем на Земле раковых заболеваний. Если они считают, что ключ к пониманию болезни находится на Земле, то они должны были отправить сюда целую экспедицию, в состав которой следовало включить специалистов самого различного уровня. Неужели недоверчивость и подозрительность с их стороны побудила их выслать только одного исследователя?

Что сказал Харг Солан прошлым вечером? Что заболеваемость этой болезнью выше всего на Хоукине, которая ближе других находится к Земле, и наиболее низкая на самой удаленной от Земли планете. К этому следовало добавить и то, о чем умолчал хоукинец и о чем Роза прочла в медицинских книгах: оказывается, заболеваемость чрезвычайно повысилась после установления контактов с Землей...

Медленно и неохотно Роза пришла к заключению: обитатели планеты Хоукина решили, что Земля открыла тайну Отодвинутой смерти и теперь умышленно распространяет ее среди жителей других планет, имея, по всей вероятности, намерение стать господствующей расой в Галактике. Роза отвергла это предположение как совершенно невероятное и невозможное. От одной этой мысли ей стало

не по себе. Во-первых, Земля никогда не сделает такой ужасной вещи. Во-вторых, у землян слишком ограниченные для этого возможности.

Что касается уровня научного развития, то обитатели планеты Хоукина, безусловно, не уступали жителям Земли. Об этой болезни на Хоукине знали на протяжении тысячелетий, но все попытки найти ее причину до сих пор не приносили успеха. Безусловно, земляне не могли с такой ошеломляющей скоростью найти разгадку Отодвинутой смерти, да еще распространенной на столь огромном расстоянии от Земли. Этому прежде всего препятствовало очень плохое представление о биохимической природе хоукинцев. Фактически земные биологи и врачи вообще не занимались исследованиями патологии инопланетян.

И все же многое указывало на то, что доктор Солан явился сюда, полный различных подозрений, и встретил, естественно, подозрительный прием. Под вопросом: «Почему Харг Солан прибыл на Землю в одиночку?» — она написала ответ: «Хоукинцы уверены в том, что в Земле кроется причина Отодвинутой смерти».

Тогда какое отношение ко всему этому имеет Бюро розыска исчезнувших лиц? Как ученый, она очень строго относилась к выдвинутым ею гипотезам. Все факты, все без исключения, должны вписываться в предложенную схему, а не только некоторые из них. Бюро розыска исчезнувших!!! Если это ложный след, который умышленно подсунули Дрейку, чтобы его запутать, то сделали это довольно неуклюже, поскольку все это было упомянуто только через час после разговора об Отодвинутой смерти. Может быть, требовалось лучше прощупать Дрейка и именно в этом заключается главная цель? Хоукинец навел справки в отношении Дрейка, прежде чем появился в их семье, и их дом был избран для этой цели только потому, что Дрейк являлся полицейским и имел доступ в Бюро розыска исчезнувших лиц?

Но зачем все это? Зачем???

XXX

Роза решила продумать все гораздо тщательнее, а пока принялась за колонку, озаглавленную «Дрейк».

Здесь ее больше занимал не тот вопрос, который она записала, а тот, что давно не давал ей покоя. «Почему он женился на мне?» — размышляла Роза и прикрывала

глаза руками, чтобы сосредоточиться и отбросить все ненужное.

Они встретились, можно сказать, случайно, примерно год назад, когда он переехал в дом, где она уже жила. Вежливое здорованье постепенно перешло в дружеский разговор, что, в свою очередь, повлекло за собой нечастые совместные обеды в ресторане по соседству. Все это казалось ей новым и волнующим, и она влюбилась.

Когда он предложил ей выйти за него замуж, это доставило ей удовольствие и одновременно ошеломило ее, хотя она была в состоянии объяснить предложение Дрейка. Он оценил ее образованность и дружелюбие. Она могла похвастать неплохим характером, и Дрейк наверняка решил, что она сможет стать для него хорошей женой и превосходной спутницей в жизни.

Роза неоднократно перебирала в уме каждое из этих объяснений и наполовину поверила в них, однако только наполовину. Явно этого было недостаточно. Причем нельзя сказать, что она обнаружила у Дрейка как мужа какие-то недостатки. Он всегда был добрым и чутким, настоящим джентльменом. Их супружеская жизнь текла спокойно, без всепоглощающей страсти, но тем не менее она, эта жизнь, вполне устраивала их обоих, которым было уже за тридцать. Ведь она давно не девятнадцатилетняя девчонка, так чего еще следует ожидать?

В том-то загвоздка. Роза понимала: она не молодая, не красивая, даже не особенно эффектная и обаятельная женщина. Так могла ли она рассчитывать на такого, как Дрейк, статного и сильного, мало интересовавшегося интеллектуальными занятиями и совсем не интересовавшегося ее работой, да и почти ничего не рассказывавшего о своих собственных делах. Тогда почему он все-таки женился на ней?

Однако Роза не могла ответить на этот вопрос, и ей казалось, что он не имеет никакого отношения к делу с Харгом Соланом. Роза изо всех сил пыталась убедить себя в том, что это детская прихоть, только отвлекающая ее от выполнения задачи, которую она поставила перед собой. Она ведет себя так, словно ей девятнадцать.

Кончик карандаша сломался, Роза взяла новый. В колонку, озаглавленную «Дрейк», она записала: «Почему он так подозрителен к Харгу?» И под этой фразой провела стрелку к другой колонке.

На этот вопрос Роза вполне могла ответить.

Если Земля распространяет Отодвинутую смерть или Земле известно о том, что ее подозревают в этом, то тогда, очевидно, она готовится к возможным ответным действиям со стороны инопланетян. Фактически сложившаяся обстановка, возможно, является первой фазой в межзвездной войне. Это было достаточным, хоть и ужасным объяснением. Оставался, правда, еще один момент, который Роза совершенно не могла объяснить. Она медленно написала: «Почему Дрейк так неожиданно отреагировал на слова Солана: «Вы в высшей степени очаровательная хозяйка?»

XXX

Роза попыталась точно восстановить в памяти ситуацию. Хоукинец произнес эти слова весело и непринужденно, как само собой разумеющееся, однако Дрейк, услышав их, прямо застыл от ужаса. Снова и снова она прослушивала запись эпизода. Любой землянин мог произнести эти слова столь же непринужденно, покидая заурядную вечеринку. Запись, к сожалению, не зафиксировала выражения лица Дрейка. Здесь ей приходилось полагаться только на память. В глазах Дрейка застыли страх и ненависть, хотя ему-то как раз нечего было опасаться. Что могло его так испугать в словах: «Вы в высшей степени очаровательная хозяйка»? Почему он так смутился? Из ревности? Чушь! Он почувствовал сарказм в словах Солана? Возможно, хотя и вряд ли. Она уверенно могла сказать, что хоукинец был тогда вполне искренним.

Роза решила больше не путаться в догадках и поставила перед этой фразой внушительный вопросительный знак. Теперь на листе их было два: один — в колонке Харга Солана, другой — в колонке Дрейка. Очевидно, существовала какая-то связь между интересом Солана к исчезнувшим лицам и реакцией Дрейка на прощальную фазу Солана. Но объяснить эту связь Роза не могла.

Она сжала голову руками. В кабинете становилось темно, и Роза почувствовала накопившуюся за день усталость. Некоторое время она находилась в странном состоянии между бодрствованием и сном, когда мысли и фразы начинают выходить из-под контроля сознания и причудливо переплетаются в голове. Но как бы хаотически они не плясали в броуновском движении неуправляемого мышления, все равно рано или поздно ум ее возвращался к словам: «Вы в высшей степени очаровательная хозяйка!»

Временами Роза слышала эту фразу в безжизненно правильном исполнении Харга Солана, временами ее произносил Дрейк, но в его голосе звучала любовь, такая сильная, которой никогда раньше он не выказывал. Ей нравилось слышать от него эти слова.

Наконец Роза встрепелулась, отогнав дрему. Теперь в кабинете стало уже совсем темно, она включила настольную лампу и, заморгав, нахмурилась. Неожиданно в ее мозгу мелькнула еще одна мысль. Какая-то другая фраза тоже взволновала ее мужа. Но когда и какая??? Лоб ее покрылся морщинами, она изо всех сил напрягла свою память. Нет, не в последний вечер. Слова не записаны на пленку, он их произнес раньше. Однако ничего не приходило ей в голову, и беспокойство ее росло с каждой минутой.

Взглянув на часы, Роза тихонько ахнула. Было почти восемь! Они уже дома и дожидаются ее. Но сейчас ей не хотелось идти домой. Она подняла лист с записями, медленно порвала на мелкие клочки и один за другим бросила их в аннигилятор. Клочки, вспыхнув, бесследно исчезли. Как хорошо было, если бы так же легко и быстро исчезли и ее мысли. Но все это маловероятно. Нужно возвращаться домой.

XXX

Однако Розе не пришлось опоздать. Она выходила из метро, когда увидела Дрейка и Солана. Они в это время расплачивались с водителем такси-вертолета, неподвижно зависшим над улицей. Затем вертолет резко взмыл и исчез из виду. Не сговариваясь, все трое молча добрались до дома и только в квартире наконец заговорили.

— Надеюсь, день прошел нормально? — участливо произнесла Роза.

— Вполне. Как мне кажется, даже не без пользы.

— У вас была возможность перекусить? — продолжала интересоваться Роза, хотя она сама, ничего за весь день не поев, голода не ощущала совсем.

— Да...

— Мы,— перебил хоукинца Дрейк,— заказали себе обед и ужин. Нам принесли такие сандвичи...

В голосе его чувствовалась усталость.

— Здравствуй, Дрейк,— сказала вдруг Роза, впервые за вечер обращаясь непосредственно к мужу.

Дрейк едва взглянув на нее:

— Привет.

— Ваши помидоры,— заметил инопланетянин,— просто восхитительны. Вряд ли что может сравниться с ними по вкусу. Я уверен, что съел добрых два десятка и к тому же целую бутылку э... э... томатного экстракта.

— Кетчупа,— коротко пояснил Дрейк.

— А ваш визит в Бюро по розыску исчезнувших лиц? — поинтересовалась Роза.— Вы сказали, что он был полезным?

— Именно так. Я обнаружил весьма интересный факт: оказывается, подавляющее большинство исчезнувших — мужчины. Женщины сообщают о своих пропавших мужьях, тогда как обратные случаи почти не наблюдаются.

— Ну, в этом нет ничего загадочного, доктор Солан,— улыбнулась Роза.— Вы просто не совсем понимаете, что за экономическая структура сложилась у нас на Земле. Видите ли, на нашей планете именно на мужчине держится экономическое благосостояние семьи как ячейки общества. Именно его труд оплачивается деньгами. Функции жены в этом обществе сводятся к уходу по дому и заботе о детях.

— Это универсальное правило?

— Более или менее,— в ответ кивнул Дрейк.— Если же вы судите по моей жене, то она образец меньшинства женщин, способных самих себя обеспечивать в этом мире.

Роза обеспокоенно взглянула на мужа. «Вложил ли он в свои слова дозу иронии?»

— Вы хотите сказать, миссис Смолетт, что женщины, экономически зависимые от своих компаньонов-мужчин, считают для себя менее осуществимой возможность исчезнуть?

— Мягко говоря, именно так,— согласилась Роза.

— Таким образом, можно расценивать нью-йоркское Бюро по розыску исчезнувших лиц в качестве хорошего примера для всей вашей планеты?

— Думаю, оно неплохо освещает проблему в целом.

— А существует ли экономическое объяснение того,— неожиданно резко спросил хоукинец,— что с началом межзвездной торговли, процент молодых мужчин среди исчезнувших резко подскочил?

— О Боже! — воскликнул Дрейк.— В этом еще меньше каких-либо зацепок, чем во всем остальном. В наши дни перед теми, кто пускается в бег, широко раскрыт весь космос, где любой человек может легко затеряться. Каждому, кто хочет бежать от хлопот, нужно только забраться

на борт ближайшего грузового звездолета. На них ведь всегда имеется острая потребность в членах экипажа, поэтому никаких вопросов беглецам не задают, и после этого практически нет возможностей отыскать их, если они сами где-нибудь не объявятся.

— И почти всегда молодые мужчины в первый год после свадьбы?!

Роза неожиданно для себя рассмеялась и сказала:

— Что же, как раз в это время у мужчин появляется много дополнительных хлопот. Если муж в состоянии пережить этот первый год, то потом, как правило, уже не нужно исчезать.

А Дрейк смотрел совсем не весело, и Роза снова подумала, что он выглядит усталым и несчастным. Почему он настаивает на том, чтобы нести бремя своей работы в одиночку? Может быть, он вынужден так поступать...

Неожиданно хоукинец спросил:

— Вас не обидит, если я на некоторое время отлучусь?

— Ничуть,— сказала Роза.— Вы, наверное, действительно очень устали за сегодняшний день? Ведь вы прибыли с планеты, где сила тяжести несколько больше, чем у нас на Земле, а мы, легкомысленно полагаем, что вы не устаете.

— О, я устал вовсе не физически! — инопланетянин на мгновение взглянул на ее ноги и быстро-быстро заморгал, что выражало радостное настроение.— Понимаете, меня не покидает ощущение того, что земляне вот-вот упадут вперед или назад из-за несовершенства конечностей, на которых они стоят. Вы извините меня, если мое высказывание покажется вам чересчур фамильярным, но эта мысль пришла мне на ум, когда вы упомянули о меньшем притяжении Земли. На моей планете двух ног просто не хватает. Но это не имеет никакого отношения к тому, о чем мы сейчас говорили. Мне хочется отключиться, потому что за сегодняшний день я столкнулся с многими новыми и непривычными понятиями.

Предыдущие экспедиции, побывавшие на планете Хоукина, выяснили, что хоукинцы обладают способностью отключать свое сознание от телесных функций, что позволяет им погружаться в ничем не нарушаемый процесс размышления на любое время, вплоть до земных суток. Хоукинцы находят этот процесс приятным, иногда просто необходимым, хотя ни один исследователь-землянин не смог объяснить, для чего собственно он предназначен.

В свою очередь земляне тоже, пожалуй, вряд ли смогли бы объяснить хоукинцам, что из себя представляет сон,

и не только хоукинцам, но и любым другим инопланетянам. То, что землянин называет сном или дремотой, для хоукинца — тревожный признак умственного расстройства. «Вот еще одна черта, делающая землян уникальными существами в глазах всех других рас», — подумала Роза.

Хоукинец попятился назад, опустив почти до пола свои передние конечности в знак вежливого прощания. Дрейк учтиво кивнул ему в ответ, и Харг Солан направился к себе. Они услышали, как открылась, потом захлопнулась дверь в его комнату, после чего наступила тишина.

XXX

Так прошло несколько минут, пока Дрейк не заскрипел стулом. Взглянув на него, Роза с ужасом обнаружила кровь на его губах и поняла, что он очень чем-то озабочен и срочно следует с ним серьезно поговорить. Во всяком случае, оставлять его в таком состоянии нельзя.

— Дрейк! — позвала Роза.

Он, казалось, смотрел на нее откуда-то издалека. Потом взгляд его наконец стал осмысленным, и Дрейк произнес:

— В чем дело? Ты тоже устала за день?

— Нет. Нисколько. Ты не желаешь поговорить со мной?

— Я не понимаю. О чем ты?

— Вчера вечером ты обещал мне сказать что-то важное сегодня. Я готова тебя выслушать.

Дрейк нахмурился. Роза почувствовала, как решимость начинает покидать ее.

— Мне показалось... — начал он, — мы договорились, что ты не будешь задавать вопросов, касающихся моих личных дел, особенно если это связано с хоукинцем.

— Уже поздно, Дрейк. Теперь я знаю слишком много об этом.

— Что ты имеешь в виду? — вскочив, закричал он, но затем овладел собой, подошел к ней, положил руки на плечи и повторил еще раз, уже спокойнее: — Что ты имеешь в виду?

Роза, не сводя глаз со своих рук, безвольно лежавших на коленях, до боли сжала пальцы и проговорила:

— Доктор Солан считает, что Земля умышленно распространяет Отодвинутую смерть. Все дело в этом, не так ли?

Он снял свои руки с ее плеч. Выражение его лица было смущенным и несчастным.

— Откуда ты это взяла?

— Так это правда?

Едва дыша и как-то странно, застенчиво улыбаясь, он произнес:

— Я хочу твердо знать, почему ты так говоришь? Не вздумай играть со мной в глупые штучки, Роза. Я говорю с тобой сейчас совершенно серьезно.

— Если я скажу, ты ответишь мне на один вопрос?

— Какой?

— Эту болезнь Земля распространяет умышленно, Дрейк?

Дрейк всплеснул руками и засмеялся:

— Роза, ради Бога!

Он стал перед ней на колени и взял ее руки в свои, так что она ощутила, как он весь дрожит. Стараясь говорить как можно нежнее, он начал:

— Роза, дорогая, смотри, ты ухватила за кое-что слишком опасное. Думаешь, можно воспользоваться этим, чтобы поддерживать меня в состоянии остроумия в беседах с хоукинцем? Нет, я прошу не много. Только скажи: что побудило тебя заговорить об этом?

— Сегодня днем я была в Нью-Йоркской медицинской Академии. И кое-что там вычитала.

— Но зачем? Зачем ты пошла туда?

— Дело в том... мне показалось, что тебя очень заинтересовала Отодвинутая смерть. И доктор Солан также сказал, что после первых космических перелетов заболеваемость ею резко повысилась. Причем наибольшей она является на планете, ближе других расположенной к Земле,— Роза сделала паузу.

— Что же ты там прочла? — подтолкнул ее Дрейк.— Говори же, Роза.

— Солан не лгал. Я успела, хоть и мельком, проследить за направлением исследований хоукинцев за последние несколько десятилетий. Как мне кажется, большинство их ученых серьезно рассматривает Отодвинутую смерть как болезнь земного происхождения.

— Они так прямо об этом говорят?

— Нет. Во всяком случае, я этого не заметила,— она удивленно взглянула на мужа. В подобных делах правительство обязано находиться в курсе исследований инопланетян.— А тебе неизвестны разве их исследования? Разве правительство...

— Пусть тебя это не беспокоит,— Дрейк отошел от Розы, продолжая внимательно следить за ней.— Что же

получается? Выходит, ты настоящий эксперт?! — Глаза его блеснули, казалось, он сделал для себя замечательное открытие.

«Так ли это? Неужели он только теперь обнаружил, что ему необходима ее помощь?» Ноздри ее затрепетали, когда она взволнованно произнесла:

— Я биолог!

— Да, конечно,— кивнул Дрейк.— Но я имею в виду твою специализацию — опухоли. Ведь ты этим занимаешься?

— Да, мною написаны двадцать статей по вопросу структуры кислот, входящих в состав ядра, и эмбрионального зачатия раковых клеток.

— Ладно. Мне следовало подумать об этом,— от волнения Дрейк стал заикаться.— Роза... послушай. Я вышел из себя пару минут назад... Прости меня за это. И скажи, ты смогла бы разобраться в вопросах Отодвинутой смерти, если бы познакомилась с материалами исследований хоукинцев?

— Безусловно.

— Тогда объясни, каким образом, по их мнению, распространяется болезнь? Меня интересуют подробности.

— Дрейк, ты требуешь от меня слишком многого. Я провела в Академии всего лишь несколько часов. Я не могу пока ответить на твой вопрос.

— Роза, прошу тебя, подумай. Ты даже не можешь себе представить, насколько это важно.

— Разумеется,— произнесла она с сомнением в голосе.— «Очерки об Отодвинутой смерти» — основополагающий трактат в данной области. В нем регулярно обобщаются сведения обо всех исследованиях.

— Да? И когда же было последнее издание?

— Около года назад.

— В нем есть что-нибудь о его работе? — Дрейк взглядом указал на комнату Солана.

— Он занимает в этом издании центральное место. Доктор Солан — выдающийся специалист в этой области. Я просматривала многие его статьи.

— И что же он думает относительно происхождения болезни? Постарайся вспомнить, Роза.

Она покачала головой:

— Я могла бы поклясться, что он обвиняет Землю, но в то же время он признает, что им неизвестно, каким образом эта болезнь распространяется. В этом я тоже абсолютно уверена.

Как каменная статуя, Дрейк застыл перед ней и, сжимая кулаки, прошептал:

— Возможно, все это слишком раздуто, но кто знает...

Затем повернулся, собираясь уходить. Вместо прощания он бросил через плечо:

— Я должен это выяснить, Роза, прямо сейчас. Спасибо тебе за помощь.

Она побежала за ним:

— Что ты собираешься делать, Дрейк?

— Задать нашему гостю несколько вопросов.— Он стал шарить руками в ящике стола и вытащил иглопистолет.

— Нет, Дрейк! — закричала она.

Он грубо оттолкнул ее, вышел в коридор и направился к спальне инопланетянина.

XXX

Рывком отворив дверь, Дрейк вошел. Роза следовала за ним по пятам, все время пытаясь отговорить его от подобных действий. Но только в комнате Солана Дрейк позволил себе остановиться.

Хоукинец, не замечая вошедших, в полной неподвижности пребывал на своих четырех нижних конечностях, расставленных в разные стороны как можно дальше друг от друга. Розе стало стыдно за это вторжение. Она вдруг подумала, что они нарушили нечто интимное. Но Дрейк, по-видимому, не придавал этому значения и подошел поближе.

Они стояли лицом к лицу, дуло иглопистолета уперлось в грудную клетку инопланетянина.

— Не шуми,— произнес Дрейк, обращаясь к жене.— Он постепенно и сам ощутит мое присутствие.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю,— отрезал Дрейк,— и вообще, уходи отсюда.

Роза не шевельнулась, но Дрейк был слишком поглощен своим делом, чтобы обращать на нее внимание.

Участки кожи лица хоукинца начали слегка подрагивать. От столь отталкивающего зрелища Розу передернуло, она отвела глаза в сторону. Внезапно раздался голос Дрейка:

— Это почти все, доктор Солан, не пытайтесь включать свои конечности. Вам вполне хватит и органов чувств с речевой камерой.

Инопланетянин тоже заговорил, но очень слабым голосом:

— Почему вы вторглись сюда, когда я отключился? Затем добавил громче:

— И почему вы вооружены?

Его голова слегка качнулась на все еще неподвижном туловище. Он, по-видимому, последовал указаниям Дрейка относительно конечностей. Роза удивленно подумала: откуда Дрейку известно о таком частичном отключении. Сама она об этом слышала впервые.

Хоукинец заговорил снова:

— Что вам нужно?

На этот раз Дрейк ответил:

— Хотелось бы получить ответы на некоторые вопросы.

— С пистолетом в руках? Вы шутите?

— Вам должно быть не до шуток. Вы разве не понимаете — ваша жизнь под угрозой.

— Простите меня, мистер Смолетт, возможно, я действительно многого не понимаю, однако мне очень жаль, что земляне не выполняют обязанностей гостеприимства.

— А вы вовсе не гость, доктор Солан, — произнес Дрейк. — Вы проникли в мой дом обманным путем. Признаю, что для этого у вас были причины. Вы думали использовать меня в своих целях. Я же без всяких угрызений совести собираюсь изменить направление этого процесса.

— Вы бы лучше выстрелили. Это сэкономит вам уйму времени.

— Вы уверены, что не станете отвечать на мои вопросы? Очень любопытно, более того — подозрительно. Похоже, не выдать информацию для вас важнее, чем сберечь собственную жизнь.

— Я всегда считал, что вежливость и гостеприимство лежат в основе отношений между любыми разумными расами Галактики. Вы, как землянин, возможно, этого не понимаете.

— Возможно. Но я, как землянин, понимаю вот это. — Дрейк рванулся вперед быстрее, чем успела закричать Роза, быстрее даже, чем хоукинец включил свои конечности. Дрейк успел отпрыгнуть в сторону, и эластичный ящик со шлангом и цианидом оказался в его руках. Изо рта инопланетянина, там, где раньше крепился шланг, медленно сочились капли бесцветной жидкости. На глазах она стала отвердевать, окрашиваясь в коричневый цвет.

Дрейк дернул за шланг и рывком отцепил баллончик, затем повернул головку ниппеля. Слабое шипение прекратилось.

— Думаю, утечка не настолько велика, чтобы представлять для нас опасность,— сказал Дрейк.— Но вам, надеюсь, понятно, что произойдет с вами, если вы не ответите на мои вопросы, причем у меня не должно быть сомнений в правдивости ваших ответов.

— Верните мне баллон,— спокойно произнес хоукинец.— Если вы не сделаете этого, мне придется напасть на вас, тогда вы станете убийцей.

Дрейк сделал шаг назад.

— Вовсе нет. Если вы нападете на меня, я буду, конечно, стрелять, но только по ногам. Вы их потеряете. Если понадобится, то все четыре. Но в остальном ваша жизнь будет в безопасности, правда, что это за жизнь — без ног... Затем, в скором времени, вас ожидает смерть от нехватки цианида. Это будет довольно мучительная смерть. Я всего лишь землянин, и мне трудно постичь весь ужас такой смерти, но вы-то можете себе представить, какая у вас перспектива?!

Рот хоукинца был открыт. Роза видела, как что-то желто-зеленое забулькало у него внутри. Ей хотелось вскочить и закричать. «Отдай ему баллон, Дрейк!» — но из этого ничего не получилось. Она не могла даже повернуть головы.

— У нас, как мне кажется, есть в запасе час времени,— сказал Дрейк,— прежде чем процесс умирания организма станет необратимым. Поэтому говорите, и побыстрее. Тогда я верну вам цианид.

— И после этого...— начал хоукинец.

— Не все ли равно, что будет после этого. Даже если я убью вас, это будет скорая смерть, совсем не такая мучительная, как от нехватки цианида.

С инопланетянином явно происходило что-то недоброе. Голос его стал гортанным, слова потеряли прежнюю четкость, как будто у него не было энергии говорить правильно.

— Спрашивайте,— выдавил хоукинец, не отводя глаз от баллона, которым Дрейк продолжал его дразнить.

— Меня интересуют ваши истинные соображения насчет Отодвинутой смерти. — начал Дрейк.— А также ваша истинная цель пребывания на Земле. И еще, почему вас так интересует Бюро розыска исчезнувших лиц?

Роза ждала, затаив дыхание. Именно эти вопросы она задала бы и сама, конечно, не прибегая к таким крайним средствам. Однако в работе Дрейка-полицейского доброта и гуманность отступали на задний план перед неизбежной необходимостью.

Роза внушала себе эти мысли, пытаясь перебороть отвращение, которое вызывал в ней Дрейк своим обращением с доктором Соланом.

— Правильный ответ займет времени гораздо больше. Часа, что вы мне отвели, не хватит,— заговорил хоукинец.— Я испытываю чувство горечи и стыда, потому что вы вынудили меня отвечать, применив грубую силу. На моей родной планете вы не смогли бы этого сделать ни при каких обстоятельствах. И только здесь, на этой отвратительной Земле, лишив меня цианида...

— Вы зря транжирите свое время, мистер Солан.

— Я все равно сказал бы вам об этом, мистер Смолетт. Дело в том, что мне нужна ваша помощь. Именно поэтому прибыл сюда.

— Вы уходите от ответа.

— Не торопите меня, прошу вас. Я все объясню. На протяжении многих лет независимо от официальной работы я частным образом исследовал клетки своих пациентов, ставших жертвами Отодвинутой смерти. Причем работал в обстановке строгой секретности, совсем без ассистентов, поскольку методы, при помощи которых я изучал тела моих пациентов, могли вызвать глубокое осуждение со стороны жителей Хоукины. В вашем обществе точно такие же чувства вызвали бы эксперименты над живыми людьми. По этой причине я не мог публиковать результаты своих исследований. Теперь, когда моя гипотеза подтвердилась здесь, на Земле...

— Что это за гипотеза? — вмешался Дрейк. Его снова охватило лихорадочное беспокойство.

— По мере того как я двигался дальше в своих исследованиях, мне становилось все более очевидным: направление работ, связанных с Отодвинутой смертью, избрано неверно. На физиологическом уровне эта загадка не имеет решения. Отодвинутая смерть сводится к болезни мозга.

Тонкая серая прозрачная пелена стала застилать глаза хоукинца. Он больше не смотрел на Дрейка и его жену.

— Да, это настоящее заболевание мозга, душевная инфекция. У моих пациентов наблюдалось раздвоение психики. Кроме ума, принадлежащего, со всей очевидностью,

им, я выявил следы чужого разума. Затем, работая с представителями других рас, заболевшими Отодвинутой смертью, я обнаружил то же самое. Короче говоря, в Галактике существует не пять разумных рас, а шесть. И шестая разумная рас — это паразит.

— Не может быть! — воскликнула Роза. — Вы заблуждаетесь, доктор Солан?

— Нет, миссис Смолетт. До тех пор пока я не посетил Землю, у меня оставалась надежда, что я заблуждаюсь. Но за время своего пребывания в Институте и после изысканий, проведенных в Бюро розыска исчезнувших лиц, я убедился: здесь нет ошибки. А что, собственно, такого невозможного в понятии паразитного разума? Эти разумные существа не оставляют ни ископаемых останков, ни даже орудий или предметов быта, ведь их единственная цель — питаться умственной деятельностью других разумных рас. Можно представить себе такого паразита, который на протяжении многих миллионов лет эволюционного развития утратил все составные части телесного существа, кроме тех, которые оставались жизненно необходимыми, так же, как ленточные черви, известные земные паразиты, с течением времени утратили свои земные функции, кроме одной-единственной — размножения.

В случае с паразитирующим разумом исчезли все материальные качества. Такое существо стало не чем иным, как чистым разумом, живущим за счет разума других существ. Но узнать об этом не представляется возможным. Особенно, если это относится к разуму землян.

— Почему именно землян? — удивилась Роза.

— Разве вы не догадались, что шестая разумная раса имеет земное происхождение? Человечество с самого рождения живет бок о бок с ней, приспособилось к ней и не сознает этого. Вот почему у наиболее высокоразвитых земных животных, включая и человека, прекращается рост по достижении зрелости. И со временем он умирает так называемой естественной смертью. Смертью, которая всего лишь результат всеобщего заражения организма этим паразитом. Вот почему вы спите и видите сны — в это время паразитный разум питается мозговой деятельностью, и тогда вы сознаете его присутствие. Именно поэтому разум людей, в отличие от разума других разумных рас, характеризуется определенной степенью нестабильности. Где еще в Галактике можно отыскать расщепление личности и другие подобные проявления. Наконец, сплошь и

рядом встречаются люди, разум которых полностью поражен присутствием этого паразита.

Каким-то образом разум-паразит научился пересекать космические пространства. Для него не существует физических ограничений. Он может бесконечно дрейфовать среди звезд в состоянии, аналогичном анабиозу. Когда такое удалось осуществить первым паразитам, трудно сказать. По-видимому, этого никто и никогда не узнает. Но как только эти первопроходцы открыли наличие других разумных рас в Галактике, образовался небольшой, но постоянный поток паразитного разума, пересекающего космическое пространство. Мы, обитатели других планет, должно быть, стали изысканным блюдом для гурманов шестой расы. В противном случае, с какой стати они пускались бы в такие длительные и мучительные странствия. Мне представляется, что многим из них не всегда удается закончить путешествие, однако цель, должно быть, стоит затрачиваемых усилий.

Но, как вы понимаете, мы, обитатели других планет, не прожили с этим паразитом столько лет, сколько прожили люди и их предки. Мы не адаптировались к их присутствию в своих разумах. Для этого нужны не годы — миллионы лет. Поэтому там, где земляне безо всякого вреда могут жить, пораженные этой инфекцией, десятилетиями, остальные разумные существа погибают быстрой смертью на протяжении года.

— И поэтому заболеваемость резко возросла, как только начались межзвездные перелеты?

— Да.— На мгновение воцарилась тишина, затем хоукинец добавил: — Верните мне мой баллон. Вы получили ответ на свой вопрос.

— А какое отношение имеет к этому Бюро розыска исчезнувших лиц? — хладнокровно продолжал Дрейк, все так же раскачивая баллон перед хоукинцем, у которого, однако, уже не было сил следить за ним взглядом. Серая, полупрозрачная пленка затуманила его взор, и Роза задумалась: это признак того, что он устал, или результат происходящих в его организме изменений?

— И так же, как мы не в состоянии привыкнуть к паразиту, поражающему наше сознание,— промямлил хоукинец,— так и паразит плохо приспосабливается к нашему разуму. Он может жить за наш счет, видимо, даже предпочитает это паразитирование земному, но не может размножаться. Ведь только земляне — идеальный и единственный источник его существования. Поэтому Ото-

двинутая смерть между нами прямым способом не передается — мы не можем заражать ею друг друга.

Роза с ужасом уставилась на хоукинца:

— На что вы намекаете, доктор Солан?

— Земляне остаются первоначальным и главным «хозяином» паразита и заражают остальных обитателей Галактики. Однако паразит, внедрившись в наш разум, каким-то образом должен вернуться к своему хозяину, если рассчитывает на размножение. До наступления эпохи космических перелетов это было почти невозможно. Поэтому заболеваемость оставалась на очень низком уровне. Теперь же мы заражаемся этим паразитом снова и снова, поскольку шестой разум возвращается на Землю и опять попадает к нам, используя мозг землян, путешествующих по космосу.

— А исчезнувшие?.. — робко произнесла Роза.

— Они — промежуточные «хозяева». Как этот процесс происходит на самом деле, я могу только догадываться. Мозг земных особей мужского пола, кажется, более подходит для их целей. В Институте, вы должны это помнить, мне сказали, что средняя продолжительность жизни мужчин на три года меньше, чем у женщин. Как только размножение обеспечено, мужчина — носитель паразита — покидает Землю и отправляется на звездолете на иные планеты. Отсюда пропавшие без вести.

— Но ведь это невозможно! — запротестовала Роза. — То, о чем вы говорите, подразумевает способность паразитного разума управлять «хозяином». Этого не может быть, иначе мы здесь, на Земле, давно бы обнаружили наличие паразита.

— Контроль, миссис Смолетт, может быть очень тонким, едва заметным и, более того, имеет место, возможно, только во время активного размножения. Обратимся к данным вашего Бюро пропавших без вести. Почему и как исчезают молодые мужчины? Вы привели экономические и психологические объяснения, но они неубедительны...

Однако сейчас мне очень плохо... я больше не в состоянии говорить. Скажу лишь самое главное. Паразитирующий разум — общий враг землян и других обитателей Галактики. Если бы не его присутствие, земляне не умирали бы естественной смертью. Я даже подумал о том, что если так выйдет, что я не смогу вернуться на свою родную планету с полученными сведениями, вследствие отступления от общепринятых у вас форм для их добычи, то я смогу, во всяком случае, передать эти материалы земным

властям и попросить у них помощи для борьбы с грозной опасностью. Представьте себе ту радость, когда я обнаружил, что муж одной сотрудницы работает чуть ли не в самом важном на Земле разведывательном учреждении. Вы понимаете, кого я имел в виду? Естественно, я сделал все, что было в моих силах, чтобы стать гостем в вашем доме и вступить с вами в личный контакт на неофициальном уровне. Я хотел убедить вас в реальности этой ужасной опасности и использовать ваше положение для уничтожения паразитов.

Теперь обстоятельства изменились. И я не виню вас в этом. Вы, земляне, вряд ли примете близко к сердцу трагедию моего народа. И все-таки вы должны понять главное. Я никогда больше не буду иметь дел ни с одним из вас и даже не смогу остаться на Земле...

— Значит, вы один,— прервал его Дрейк,— из ваших соплеменников знаете об этом?

— Да, только я.

Дрейк протянул баллончик:

— Вот ваш цианид, доктор Солан.

Хоукинец нетерпеливо схватил его, приладил планг своими гибкими пальцами, затем с нескрываемой нежностью отвернул ниппель. В течение десяти секунд все оставались на местах, пока хоукинец наполнял свои легкие этим смертоносным для землян газом. С глаз Солана наконец исчезла пелена, взгляд его прояснился.

Дрейк подождал, пока дыхание инопланетянина нормализовалось, затем поднял иглопистолет и выстрелил. Роза закричала. Хоукинец упал не сразу. Его четыре нижних конечности так свело судорогой, что они не могли согнуться, зато безвольно повисла голова. Из широкого рта высунулся язык, с которого тоненькой струйкой потекла слюна. «Жидкий цианид»,— подумала Роза. Словно угадывая ее мысли, Дрейк закрыл ниппель и отшвырнул в сторону баллончик. Солан наконец рухнул на пол, Дрейк стал внимательно его рассматривать. Внешних признаков убийства не было видно. Пуля иглопистолета, более тонкая, чем игла, давшая название этому виду оружия, бесшумно вонзилась в тело и, взорвавшись внутри, произвела страшные разрушения в брюшной полости.

Роза, сжав голову руками, с криком выбежала из комнаты. Дрейк бросился за ней и схватил ее за локоть. Затем Роза почувствовала тяжелые шлепки его ладоней по своим щекам. Она перестала рыдать и лишь судорожно всхлипывала.

— Я говорил тебе, чтобы ты не вмешивалась в мои дела! — произнес Дрейк, все еще не отпуская ее. — Что ты теперь думаешь делать?

— Отпусти меня, слышишь! Я хочу уйти.

— Это моя работа, понимаешь? Ты ведь слыхала, что сказала эта тварь? Я ни за что не позволил бы ему возвратиться на родную планету и распространять эти бредни. Его соплеменники наверняка поверили бы ему. Знаешь, что могло бы произойти потом? Если следовать его теории, нас всех нужно просто уничтожить, чтобы расправиться с этой ужасной болезнью в зародыше. Межзвездная война, Роза, ты понимаешь?!

Громадным усилием воли, несмотря на то, что внутри у нее все переворачивалось, Роза попыталась взять себя в руки.

Дрейк тем временем продолжал:

— То, о чем говорил доктор Солан, не является ни ложью, ни заблуждением.

— Я знаю, что это правда. И комиссии по безопасности стало об этом известно.

— Что стало известно?! Почему ты говоришь такие нелепости.

— Потому что ты сам дважды себя выдал. Понимаешь, дважды!

— Сядь! — приказал Дрейк.

Она повиновалась.

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Значит, я дважды выдал себя? Дорогая моя, ты настоящий детектив! Зачем было так тщательно скрывать свои врожденные способности?

Он сел, закинув ногу на ногу.

«Да, — подумала Роза, — этот день оказался, возможно, слишком насыщенным».

С того места, где она сидела, были видны электронные часы, висевшие на стене в кухне. Они показывали больше двух часов ночи. Харг Солан вошел в их дом 35 часами раньше и теперь мертвый лежал в комнате для гостей.

— Ну так что, Роза, ты скажешь мне, когда я совершил свои промахи? — усмехаясь, спросил Дрейк.

Роза заговорила:

— На тебе лица не было, когда Харг Солан назвал меня очаровательной хозяйкой. Ведь слово «хозяйка» имеет двойное значение, не правда ли? «Хозяйкой» можно также называться организм, дающий прибежище паразиту.

— Номер один! — кивнул Дрейк. — А второй раз?

— Это случилось еще до того, как Харг Солан появился в нашем доме. Я долгое время никак не могла вспомнить этот эпизод. А ты помнишь, Дрейк? Мы говорили о том, как неприятно хоукинцам сотрудничать с землянами, а я сказала, что Харг Солан — врач и ему приходится идти на жертвы ради науки. Я тогда спросила тебя: разве нашим врачам доставляет удовольствие работать в тропиках и подвергаться там укусам всяких mosquitos? Ты помнишь, как ты тогда смутился?

Дрейк рассмеялся:

— Я даже понятия не имел, что могу быть таким невнимательным. Да, москиты — «хозяева» возбудителей малярии и желтой лихорадки... — Он вздохнул. — Я все же пытался оградить тебя от этого. Пытался не пустить сюда это чудовище. Даже угрожал тебе... Очевидно, остается последнее средство... спасти тебя — рассказать всю правду. Я сделаю это, так как только правда... или смерть могут заставить тебя молчать. Ведь ты понимаешь, мне не хотелось бы убивать тебя, дорогая.

Роза вся съежилась, глаза ее широко раскрылись.

— Комиссии, конечно, известна вся правда об этом, — начал Дрейк. — Мы приложили максимум усилий, чтобы об этом не узнали обитатели других планет.

— Но ведь невозможно вечно утаивать истину! Харг Солан во всем разобрался. И хотя ты убил его, где гарантия, что другой инопланетянин не повторит этого же и так не будет продолжаться снова и снова? А ведь вы не в состоянии убить их всех.

— Неужели ты думаешь, что мы этого не понимаем, — невесело усмехнулся Дрейк. — Пока у нас нет выбора.

— Почему?! — вскричала Роза. — Ведь Харг Солан предложил решение. Он не угрожал войной между мирами. Он предложил объединить усилия людей и других разумных рас, чтобы уничтожить паразита. И мы можем это сделать! Если же, опираясь на помощь наших друзей на других планетах, мы умножим все свои усилия...

— Какая ты наивная, Роза! Ему нельзя доверять. Он говорил от себя, а не от имени своего правительства. И не от имени других разумных рас. Разве мы можем пойти на такой риск? — Дрейк подошел к жене и стал растирать ладонями ее холодные несопротивляющиеся руки. — Возможно, с моей стороны довольно глупо учить тебя тому, что является основой твоей профессии, но мне хотелось бы, чтобы ты внимательно меня выслушала. Харг Солан прав. Человек и его доисторические предки жили с этим

паразитирующим разумом с незапамятных времен. Так что мы не только адаптировались к паразиту, но и сам паразит стал зависеть от нас. Теперь это уже не паразиты. Это обоюдное сотрудничество. Симбиоз! Так, кажется, вы, биологи, это называете!

Она высвободила свои руки:

— О чем ты говоришь, Дрейк? Почему ты думаешь, что это симбиоз?

— Я даже не сомневаюсь в этом. К тому же у нас есть своя болезнь, помнишь? Болезнь несдерживаемого роста, или рак,— противоположность Отодвинутой смерти. Вот какова истинная причина рака. Сколько времени биологи, физиологи, биохимики и все прочие бьются над его разгадкой! И чего они добились на этом поприще? А почему? Ты не смогла бы ответить на этот вопрос?

— Нет,— покачала головой Роза.— Но я не понимаю, о чем ты? При чем тут рак?

— На словах все получается хорошо. Стоит только освободиться от этого паразита — и нам обеспечен непрерывный рост и бесконечная жизнь. Если мы того пожелаем или, по крайней мере, пока не устанем оттого, что стали такими огромными, а, может быть, прожили слишком долго. Но ведь миллионы лет понадобились на то, чтобы человеческое тело стало таким, каким оно есть. А если паразит покинет человека, как быстро приспособится к этому биохимия нашего организма? Имеются ли в нашем теле соответствующие...— Дрейк пощелкал пальцами.

— Ферменты? — шепотом помогла ему Роза.

— Да, ферменты,— подхватил Дрейк.— Думаю, что для нас это уже невозможно. Если по какой-то причине паразитирующий разум — так назвал это существо Харг Солан — покинет человеческое тело или вдруг прекратится его воздействие на высшую нервную деятельность человека, то, действительно, неограниченный рост будет иметь место, но совсем не так, как изобразил это дело хоукинец. Такой рост есть не что иное, как рак. Вот наше будущее! Так что вряд ли теперь у нас есть возможность освободиться от паразита. Мы обречены на симбиоз. Теперь ты понимаешь, что внеземные расы, чтобы избавиться от своей Отодвинутой смерти, должны уничтожить весь позвоночный мир на Земле. У них нет иного пути. Значит, мы должны приложить максимум усилий, чтобы они никогда не узнали об этом ужасном факте. Ты согласна со мной, Роза?

Дрейк замолчал, Роза облизнула пересохшие губы и с трудом выдавила:

— Да, конечно.— Только сейчас она заметила, что лоб мужа покрылся испариной и глаза его лихорадочно блестят. Она добавила: — Ты хочешь вынести труп из здания?

— Да. К тому же сейчас поздняя ночь. Но когда я вернусь — не знаю.— Он повернулся к Розе и внимательно посмотрел ей в глаза.— Не беспокойся, пожалуйста, обо мне.

— Я понимаю, дорогой,— еще раз прошептала она. Харг Солан оказался дьявольски тяжелым. Дрейку пришлось протащить его через всю квартиру. Розу от такого зрелища стало мутить, она закрыла глаза и, не переставая шептать: «Я понимаю, дорогой, понимаю...», просидела так, пока не услышала, как хлопнула входная дверь.

XXX

Было три часа ночи. Дрейк отсутствовал почти час. Роза терялась в догадках, куда он мог пойти и что собирается предпринимать дальше...

Она безучастно сидела в темноте, не имея сил ни уснуть, ни начать что-то делать. В голове ее царил полный хаос, и Роза подумала, что неплохо бы привести свои мысли в мало-мальский порядок.

Паразитирующий разум! Было ли это простым совпадением или причудливым, встречающимся у всех народов мира воспоминанием, какой-то едва уловимой традицией, время от времени возрождавшей древний миф о начале человеческого рода? Покоя не давало предание, что вначале на Земле существовали две формы разумной жизни. В райском саду обитали не только люди, но и коварный, хитрый змей. Он заразил неверием человека и, как следствие того, утратил конечности. Ему стали не нужны физические качества. А зараженный змеем человек был изгнан из рая и утратил вечную жизнь. В мир вошла смерть.

Затем Роза вновь вспомнила о Дрейке. Она гнала эти мысли прочь, но они все возвращались. Она почти кричала: «Нет! Нет! Нет!» Но отогнать их было невозможно.

Дрейк, конечно, лгал, хотя рассказ его был очень правдоподобным. В большинстве случаев он вполне мог сойти за непреклонную истину. Однако Дрейк не знал биологии, и слова его не подкреплялись известными каждому специалисту фактами. Рак совсем не та болезнь, как утверждал

Дрейк, которая является выражением утраченной способности организма к вечному росту. Рак поражал и детей, которые продолжали расти, уже будучи неизлечимо больны. Рак мог даже поражать клетки зародыша. Раковые заболевания известны и у рыб, которые, подобно инопланетянам, продолжают расти всю свою жизнь и погибают только от болезней или же насильственной смертью. Раковая опухоль встречается также у растений, совсем уж безмозглых, на которых вряд ли можно паразитировать какому-либо бестелесному разуму. Рак не имеет ничего общего с наличием или отсутствием нормального роста — это общая болезнь всей жизни, от нее нельзя защитить клетки любого многоклеточного организма.

Дрейку не следовало врать подобным образом. Просто необходимо рассказать обо всем случившемся в Институте. Паразита можно и нужно уничтожить. Его отсутствие ни в коем случае не явится причиной заболевания раком. Только вот кто поверит???

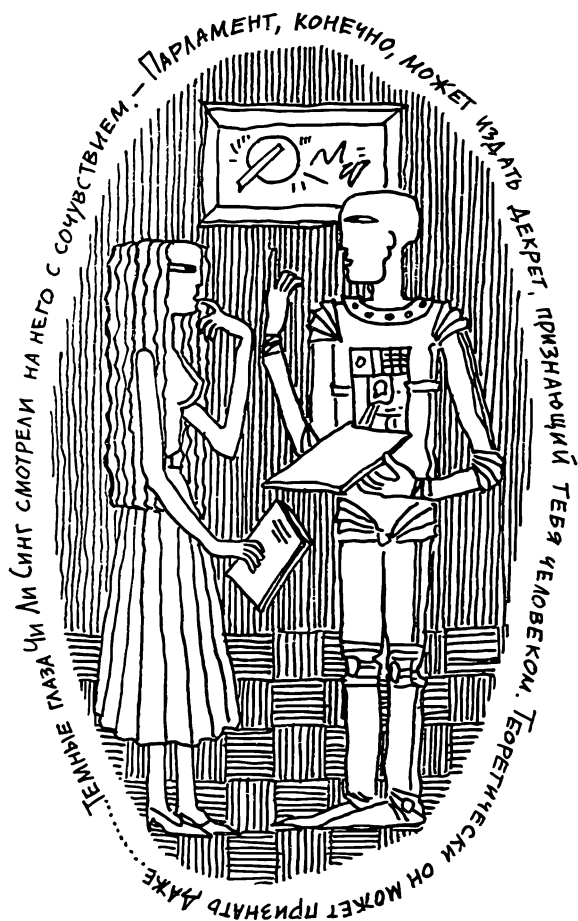
Она прикрыла глаза руками. Молодые мужчины, исчезавшие бесследно, как правило, делали это на первом году супружества. Каков бы ни был механизм размножения паразитирующего разума, он включал в себя телесную связь с другим паразитом — близкое и продолжительное общение, которое могло возникнуть только в том случае, когда «хозяева» обоих паразитов сами состояли в тесной связи. Как, например, муж и жена.

Роза наконец почувствовала, что понемногу начал успокаиваться водопад бурливших в ее мозгу мыслей. На каждый вопрос она теперь знала ответ. «Где Харг Солан?» Она ответила бы: «С моим мужем». — «А где твой муж?» — «Он исчез». Она ему больше не нужна. Он уже никогда не вернется, потому что затерялся в безднах космоса. Она, конечно, сообщит в Бюро розыска о пропаже обоих — Дрейка Смолетта и Харга Солана. Ну и что с того?

Ей хотелось плакать, но слез не было. И от этого на душе скребли кошки.

Но затем она взяла себя в руки, успокоилась и подумала: «Смешно-то как, Господи». Она с таким упорством искала ответы на множество мучивших ее вопросов и добилась того, что нашла их все. Она даже знала теперь ответ и на тот вопрос, который, казалось, не имел никакого отношения к делу. Она наконец поняла, почему Дрейк женился на ней.

ДВУХСОТЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

— Благодарю,— сказал Эндрю Мартин и сел в предложенное кресло. Он чувствовал, что доведен до крайности, но старался не подавать виду.

Впрочем, прочитать что-либо на его лице всегда было довольно трудно. И сейчас требовалось немалое воображение, чтобы заметить в его глазах грусть. Мягкие темно-русые волосы обрамляли его лицо, всегда свежее и чисто выбритое. Обращала на себя внимание его одежда, старомодная, но опрятная, в которой преобладали светло-фиолетовые тона.

Напротив, за столом, сидел робот-хирург. Рядом находилась табличка с сериями букв и цифр — его точные идентификационные данные. Но Эндрю не обращал на них внимания, называя врача просто «доктор».

— Когда можно будет сделать операцию, доктор? — поинтересовался он.

— Я не уверен, что понимаю, каким образом и кого должен оперировать,— мягко, с уважением ответил врач. В голосе робота, обращавшегося к человеку, всегда звучали нотки уважения. Правда, лицо доктора было из нержавеющей стали и потому не выражало никаких чувств.

Эндрю Мартин внимательно присматривался к правой руке доктора, той, которой робот обычно проводил операции. Теперь рука спокойно лежала на столе. Пальцы ее, длинные и тонкие, имели столь артистическую форму, что можно было даже вообразить, как скальпель прилегает к ним во время операции, составляя с рукой единое целое.

Профессия хирурга обязывает быть собранным и решительным. Здесь нельзя колебаться, тем более оступиться, у хирурга не могут дрожать руки. Эта надежность, конечно, обязана специализации в производстве роботов, которая играет для человечества настолько важную роль, что в

последнее время лишь немногим роботам разрешалось самостоятельное мышление. Хотя у хирурга по природе вещей должна присутствовать такая способность, она была настолько ограниченной, что доктор совсем не узнавал Эндрю Мартина, а возможно, о нем даже и не слышал.

— У тебя никогда не появлялось желания стать человеком? — спросил Эндрю.

Робот на мгновение заколебался: явно этот вопрос не помещался ни в одной из его позитронных ячеек памяти.

— Прошу прощения, но я ведь робот.

— А ты хотел бы когда-нибудь стать человеком?

— Я всегда хотел стать самым лучшим хирургом. Но человек об этом может только мечтать, ведь для того чтобы быть наилучшим в мире хирургом, надо быть самым усовершенствованным роботом. Поэтому я хочу стать более усовершенствованным роботом.

— Но разве ты не испытываешь неприятных чувств, когда я тебе приказываю? — настаивал Эндрю. — Я могу лишь несколькими словами заставить тебя встать, сесть, повернуться направо, налево...

— Мне очень приятно служить вам. Если бы ваш приказ противоречил моим обязанностям по отношению к вам, либо к другому человеку, то, конечно, я не послушался бы. Первый Закон касается безопасности людей, находящихся под моей опекой, и более важен, чем Второй Закон, говорящий о послушании. В любом другом случае повиновение для меня приятно... Но кого я должен оперировать?

— Меня.

— Это невозможно. Операция решительно вредна для здоровья.

— Не стоит опасаться, — покачал головой Эндрю.

— Но я не могу изувечить человека, — повысил голос хирург.

— Ты не изувечишь человека, — согласился Эндрю, — потому что я... тоже робот.

XXX

Когда Эндрю изготовили, он внешне напоминал любого другого робота, хорошо спроектированного и функционального. Эндрю исправно действовал в доме, куда его отдали еще в те времена, когда домашние роботы на планете считались большой редкостью. Семья состояла из четырех человек: Хозяина, Хозяйки, Барышни и Маленькой Барышни. Именно так он обращался к ним, хотя, конечно,

знал их имена. Правда, Хозяина он иногда называл Джеральдом Мартином.

Серийный номер Эндрю был НДР и цифры, которых он не запомнил. Наверняка, если бы он захотел, легко мог бы вспомнить и их. Просто он не считал нужным по этому поводу напрягаться. Маленькая Барышня первой начала говорить ему Эндрю, потому что буквы НДР ассоциировались у нее с этим именем. Вскоре и все остальные в доме последовали ее примеру. Маленькой Барышни давно уже не было в живых, она умерла в возрасте 90 лет. Когда-то он пробовал ей говорить «госпожа». Но она не позволила ему этого и осталась Маленькой Барышней до конца своих дней.

В принципе, Эндрю должен был выполнять обязанности лакея, то есть прислуживать в доме,— своего рода испытательный срок для всех роботов, за исключением тех, кто был занят в промышленности, на исследовательских центрах и вне Земли.

Мартины любили Эндрю и очень часто отстраняли его от работы по дому, потому что Барышня и Маленькая Барышня хотели, чтобы он играл с ними. Это именно Барышне пришла в голову мысль, как все устроить.

Она как-то сказала:

— Мы приказываем тебе играть с нами, а ведь ты должен слушаться человека, не так ли?

— Мне очень жаль, Барышня,— ответил Эндрю,— но прежде всего я должен исполнять приказы Хозяина.

— Папа сказал только, что было бы хорошо, если бы ты убрал,— не уступала Барышня.— Это ведь собственно и не приказ. А я тебе п р и к а з ы в а ю .

Хозяин не сердился. Он любил своих детей, пожалуй, даже больше, чем Хозяйка. Эндрю тоже любил их, во всяком случае, он испытывал чувство, подобное тому, которое люди называют любовью. Другого определения он не знал.

Однажды для Маленькой Барышни Эндрю вырезал из дерева брелок. Так она приказала ему, потому что Барышня получила ко дню рождения в подарок брелок, инкрустированный костью. А Маленькой Барышне хотелось иметь похожий. Но у нее был только кусок дерева, который она и вручила роботу вместе с маленьким ножиком. Эндрю быстро справился с заданием, и Маленькая Барышня воскликнула:

— Очень красиво! Надо сейчас же показать это чудо папе.

Хозяин долго не мог поверить:

— Откуда ты это взяла, Мэнди?

Мэнди — так звали Маленькую Барышню. Когда она заверила отца, что не врет, он спросил у Эндрю:

— Это правда? Но откуда ты скопировал такой чудесный узор?

— Этот геометрический рисунок наиболее подходит к фактуре дерева.

На следующий день Хозяин принес ему кусок дерева побольше, электрический нож и сказал:

— Сделай что-нибудь из этого, дружок. Безразлично что.

Эндрю выполнил приказание в присутствии Хозяина.

Тот долго рассматривал поделку робота, и с тех пор Эндрю уже не прислуживал за столом. Вместо этого ему приказывали читать книги о проектировании мебели. Так Эндрю научился делать комоды и столики.

— Ты создаешь удивительные вещи,— как-то обратился к нему Хозяин.

— Может быть, потому что я люблю эту работу.

— Любишь?!

— Когда я вырезаю, позитронные ячейки в моем мозгу работают особенно четко. Я слышал,— люди употребляют слово «любовь», и думаю, оно как нельзя лучше определяет то чувство, которое я испытываю. Да, я люблю эту работу.

Джеральд Мартин отвел Эндрю на заводы «Универсум», производящие роботов. Как член парламента Штата, он мог без труда получить право на визит к главному роботопсихологу. Впрочем, и обладателем робота Джеральд стал только благодаря своему посту, так как в те времена роботы были редкостью.

Тогда Эндрю не понимал всего этого. Накопив определенную сумму знаний, он смог обдумать давнишнюю ситуацию и соответственно оценить ее.

Роботопсихолог Роберт Мански с растущим недовольством слушал рассказ Хозяина и едва сдерживал себя, чтобы не забарабанить пальцами по крышке стола. Его выразительный лоб на худощавом лице весь покрылся морщинами, что, несомненно, его старило.

— Роботика не такая уж точная наука,— произнес наконец психолог.— Я не могу объяснить этого вам подробнее, так как расчеты позитронных ячеек очень сложны. Мы можем создавать только приближенные законы. Конечно, Три Закона, на основе которых мы конструируем

роботов, всегда остаются неизменными. Естественно, мы обменяем вашего робота...

— Да нет же! — воскликнул Хозяин. — Робот безупречен. Он идеально справляется со своими обязанностями. Речь идет только о том, что он с необыкновенным мастерством вырезает по дереву и никогда не повторяет одного и того же узора. Он создает произведения искусства!

Мански смешался.

— Должен признать, мистер Мартин, — выдавил он из себя, — мы проводим опыты с роботами, имеющими универсальные ячейки. Вы считаете, ваш робот действительно творит?

— Посмотрите сами.

Хозяин вручил психологу маленький деревянный шарик, на котором Эндрю вырезал играющих детей, мальчиков и девочек, причем настолько крохотных, что их с трудом можно было разглядеть. Однако пропорции были прекрасно соблюдены, а фигурки так идеально сливались со слоями дерева, что казалось, будто они тоже вырезаны.

— Это сделал он? — изумился Мански и вернул шарик, недоверчиво качая головой. — Вам повезло. Наверное, что-то необычное в его позитронных ячейках.

— Могли бы вы сконструировать второго такого робота?

— Вряд ли. Ни о чем подобном нам никогда раньше не приходилось слышать.

— Прекрасно! Я очень рад, что Эндрю — уникум.

— Думаю, фирма с радостью взяла бы вашего робота, чтобы более детально разобраться с этим феноменом.

— Исключено! — категорически заявил Хозяин. — Об этом не может быть и речи. — Он обратился к Эндрю: — Идем домой.

— Так точно! — кивнул Эндрю.

XXX

Барышня начала встречаться с мальчиком и мало времени проводила дома. Зато Маленькая Барышня, не такой уж и ребенок, стала теперь для Эндрю главной особой. Она всегда помнила, что первую резьбу по дереву он сделал для нее. Маленькая Барышня ужасно гордилась этим брелком, повесила его на серебряную цепочку и носила на шее. Именно она запротестовала против того, чтобы раздаривать работы Эндрю.

— Послушай, папа,— сказала она однажды,— если кто-то хочет иметь какую-нибудь из вещичек, пусть он за нее платит.

— Ну же, Мэнди,— засмеялся папа,— не надо быть такой алчной.

— Ты меня не понял, папочка. Заплатит не нам, а Эндрю. Ведь именно он автор всех поделок.

Эндрю никогда не думал об этом, да и сейчас не придавал словам Маленькой Барышни значения. Но через несколько дней состоялось очередное путешествие, на сей раз к личному юрисконсульту Хозяина.

— Что ты думаешь об этом, Ян? — спросил Хозяин, когда все уютно устроились в креслах.

Адвокат, по имени Ян Фейнгольд, совершенно седой, с заметно выпирающим животом и светло-зелеными контактными линзами внимательно осмотрел небольшую вещичку, которую подал ему Хозяин. А затем неопределенно начал:

— Красивая... Но я уже наслышан. Это резьба твоего робота, не так ли? Это он?

— Да. Эндрю вырезает по дереву. Правда, Эндрю?

— Да, сэр,— сказал Эндрю.

— Сколько бы ты заплатил за это? — спросил Хозяин.

— Мне трудно сказать, ведь я не коллекционер.

— Поверишь ли ты, что мне предлагали за эту мелочь 250 долларов? Эндрю делает кресла, которые стоят по 500 долларов штука. В банке лежит уже около тысячи долларов, вырученных от продажи поделок Эндрю.

— Мой Бог! Похоже, ты богатеешь на нем!

— В некотором отношении да,— кивнул Хозяин.— Но мне хотелось бы, чтобы половина всех денег шла на счет Эндрю Мартина.

— Робота?

— Именно! Поэтому я хочу знать, согласуется ли такое с нашими законами?

— Согласуется с законами?! — под адвокатом затрепало кресло.— Это беспрецедентно! Кстати, твой робот подписал необходимый договор?

— Он умеет расписываться, и я отнес его подпись в банк. Но я не брал его с собой. Нужно ли еще что-то сделать?

— Хм-м,—Фейнгольд задумался, на мгновение прикрыв глаза. Наконец вымолвил: — Можно выбрать уполномоченных, которые от его имени будут вести финансовые дела. Чтобы изолировать Эндрю от враждебных ему людей.

И больше ничего не советую предпринимать. Пока в это никто не вмешивается. Если же кое у кого и возникнут какие-либо соображения, пусть тот и возбуждает дело в суде.

— А ты возьмешься его защищать, в случае чего?

— Конечно. Но только вот гонорар...

— Сколько?

— Что-нибудь в этом роде,— и адвокат указал на деревянную вещичку.

— Ну что же, вполне подходящая плата,— кивнул Хозяин.

Фейнгольд усмехнулся и повернулся к роботу:

— Ты доволен, что у тебя есть деньги?

— Да, сэр.

— А что ты намерен с ними делать?

— Буду платить за разные вещи, сэр. За те, что обычно платил Хозяин. Это уберезет его от расходов.

XXX

Расходов действительно хватало. Ремонты были дорогостоящими. Еще больше денег поглощали технические обзоры. С течением времени выпускали более совершенные модели роботов. И Хозяин заботился о том, чтобы Эндрю регулярно улучшали. В результате он стал почти совершенством.

При этом все оплачивалось из сбережений самого Эндрю, так как он стоял на своем. Только его позитронные ячейки оставались нетронутыми, потому что на этом настаивал Хозяин.

— Новые гораздо хуже твоих, Эндрю,— объяснял он.— Последние роботы ни на что не годятся. На фабриках научились производить типовых, совершенно стандартных роботов. Они ничем не отличаются друг от друга и делают только то, для чего предназначены. Никаких неожиданностей. Поэтому я предпочитаю тебя.

— Очень вам благодарен, сэр.

— Ты должен знать, Эндрю, что в этом твоя вина. Я уверен, что Мански покончил с универсальными ячейками, как только хорошенько к тебе присмотрелся. Он боялся непредвиденных вещей. Знаешь, сколько раз он просил разобрать тебя? Десять. Однако я не разрешил, а теперь он ушел на пенсию, так что ты наконец сможешь обрести желанный покой.

Волосы Хозяина поредели и поседел. Черты лица стали грубее, а голос потерял прежнюю звонкость. Эндрю же, наоборот, выглядел лучше прежнего, когда только прибыл в семью. Госпожа уехала и пристала к какой-то группе художников, кочующих по Европе. Барышня стала поэтессой в Нью-Йорке. Они временами писали Хозяину, но не слишком часто. Маленькая Барышня вышла замуж и жила неподалеку. Она не хотела расставаться с Эндрю и, когда у нее родился сынишка, разрешила роботу кормить мальчика из бутылочки.

Эндрю почувствовал, что с появлением на свет внука Хозяин перестал тяготиться одиночеством, поэтому собрался с духом и обратился к нему с просьбой:

— Это очень хорошо, Хозяин, что вы позволили мне тратить деньги по моему усмотрению.

— Но ведь они твои, Эндрю. Как же иначе?

— Только благодаря вашей доброй воле. Ведь вы могли действовать по закону и оставлять все сбережения себе.

— Ни один закон не в состоянии принудить к непорядочности.

— Несмотря на все траты и налоги, у меня в банке около шестисот тысяч долларов.

— Мне известна сумма.

— Я отдаю вам эти деньги.

— Я не приму их.

— Но не даром. Взамен я хочу кое-что попросить у вас.

— Что? Что ты хочешь попросить?

— Свободу, сэр.

— Свободу?! Сво... Х-мм?

— Да, я хотел бы купить себе свободу.

Хозяин покраснел.

— Ради Бога,— пробормотал он, развернулся и стремительно вышел из комнаты. Окончательно его убедила Маленькая Барышня, причем сделала это резким, вызывающим тоном, вдобавок в присутствии Эндрю. Так уж повелось, что на протяжении тридцати лет все говорили в присутствии Эндрю, несмотря на то, касалось это его или нет. Ведь он был только роботом.

Маленькая Барышня сказала:

— Папочка, почему ты воспринимаешь это как личное оскорбление? Эндрю все равно останется с нами. И даже будет лоялен — с этим ничего не поделаешь, он так запрограммирован. Здесь важно другое: слова, то есть фор-

мальность. Он хочет осознавать себя свободным. Разве это так страшно? И разве он не заслужил этого? Мой Бог, я много лет разговаривала с ним об этом.

— Много лет?

— Да, мы постоянно говорили об этом. Эндрю медлил с просьбой, так как боялся огорчить тебя. И я заставила его, чтобы он наконец попросил тебя.

— Но он понятия не имеет, что значит свобода! Он робот!

— Папочка, ты его плохо знаешь. Эндрю прочел все книги из нашей библиотеки. Мне трудно понять, что он чувствует, но я также не знаю, что чувствуешь ты. Когда я разговариваю с ним, то вижу, как он реагирует на разные абстрактные понятия: точно так, как ты или я. А что может иметь большее значение? Если у него одинаковая с нами реакция, то этого вполне достаточно.

— Суд в этом деле может принять другую позицию,— возразил Хозяин.— Слушай, ты,— обратился он к Эндрю намеренно жестким тоном,— я могу дать тебе свободу только легальным путем, а если дело дойдет до суда, то тебе не только не присудят свободы, но и узнают о твоём громадном состоянии. Вот тогда ты услышишь, что робот не имеет права иметь деньги. Так что подумай, стоит ли все терять из-за какой-то ерунды.

— Свобода бесценна, сэр,— ответил Эндрю.— Даже если есть риск потерять все.

XXX

В суде также прозвучали слова о том, что свобода бесценна и что робот не может купить себе свободу даже на наивысшую цену. Окружной прокурор, рассматривающий этот вопрос и поддерживающий сторону противников Эндрю, вернее противников свободных роботов, кратко заявил:

— Слово «свобода» не имеет значения по отношению к роботу. Только человек может быть свободным.

Он повторял эти слова при каждом удобном случае. Он говорил медленно и ритмично, ударяя ладонью по столу, чтобы придать своим словам как можно больше убедительности.

Тогда Маленькая Барышня тоже решила выступить. Ее вызвали, объявив фамилию, которую Эндрю слышал впервые:

— Арманда Лаура Мартин Чарни.

— Благодарю Высокий суд. Я не юрист и не знаю официальной юридической терминологии. Но я верю, что Высокий суд захочет выслушать меня, принимая во внимание смысл сказанного. Нужно понимать, что свобода означает для Эндрю. В определенном смысле, он давно свободен. Уже двадцать лет никто из семьи Мартинов ему не приказывает. Он делает только то, что хочет. Да, мы могли бы приказывать ему, и даже грубым тоном, поскольку он является машиной и нашей собственностью. Но справедлив ли такой закон? Ведь Эндрю давно и верно служит нам, зарабатывает для нас столько денег, что уже не он нам должен, а мы ему. К тому же, если бы нас лишили права пользоваться невольничьим трудом Эндрю, то, несмотря на это, он и дальше бы добровольно служил нам. Предоставление ему свободы — для общества лишь красиво звучащая фраза, а для него она значит очень много. Он получил бы все, а мы бы ничего не потеряли.

На мгновение показалось, что судья сдерживает улыбку.

— Я понимаю, о чем вы хотите сказать. Однако суть в том, что в этой области нет ни одного закона. Нынешнее слушание беспрецедентно. Везде царит убеждение, что право на свободу имеет только человек. Так что я могу вынести решение, которое в высших инстанциях обязательно будет отклонено, но мне нельзя легкомысленно относиться ко всеобщему убеждению. Поэтому сейчас я хотел бы выслушать самого Эндрю.

— Я здесь, Высокий суд.

Эндрю впервые выступал в суде, и судью явно врасплох застало человеческое звучание речи Эндрю.

— Почему у тебя возникло желание стать свободным, Эндрю? Какое значение имеет это для тебя? — спросил судья.

— Хотел бы Высокий суд быть невольником? — вопросом на вопрос ответил Эндрю.

— Но ты же не раб. Ты прекрасный робот, своего рода гений среди своих братьев. Если я хорошо понял, ты способен создавать несравненные произведения искусства. Чего же больше ты сможешь достичь, получив свободу?

— Вероятно, ничего. Ведь работа давала мне главное удовлетворение. Но дело в том, что здесь, в зале суда, говорили, будто только человек может стать свободным. А мне кажется, что свободу должен получать тот, кто хочет свободы. И я ее хочу.

Именно эти слова убедили судью, и суд вынес следующее решение: «Никто не имеет права отказать в свободе кому бы то ни было, кто находится на таком уровне развития, что разбирается в понятии «свобода» и желает ее».

Это решение утвердил и Мировой суд.

XXX

Настроение Хозяина не улучшалось, и когда Эндрю слышал его жесткий голос, ему казалось, будто с ним происходит короткое замыкание.

— Мне не надо твоих денег, Эндрю, — сказал как-то Хозяин. — Я беру их только потому, что иначе ты не почувствовал бы себя свободным. С настоящего момента ты сам можешь принимать заказы и выполнять их, как находишь нужным. Ты больше не услышишь от меня ни одного приказа, за исключением последнего и единственного: поступай как хочешь. Хотя и дальше я несу ответственность за тебя, ибо так решил суд. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Перестань злиться, папочка, — вмешалась Маленькая Барышня. — Эта ответственность — пустяк. Ты прекрасно знаешь, что даже и пальцем не пошевелишь. Три Закона действуют и по-прежнему.

— Так в чем же заключается его свобода?

— А разве людей не обязывают человеческие законы? — спросил Эндрю.

— Я не собираюсь вступать в дискуссию, — покачал головой Хозяин и вышел из комнаты.

После этого разговора он стал избегать Эндрю. А Маленькая Барышня часто навещала его в доме, специально для него построенном. Там было всего две комнаты: кладовка и библиотека. Эндрю принимал много заказов и теперь, как свободный робот, работал старательнее, чем когда-либо прежде, пока не выплатил всей суммы за дом и не стал его полноправным владельцем.

Однажды пришел Внук Хозяина — Джордж Мартин. После решения суда он настоял на том, чтобы Эндрю звал его по имени.

— Свободный робот не должен употреблять слово «Внук Хозяина», — говорил он. — Я называю тебя Эндрю и ожидаю от тебя того же.

Это было сформулировано как приказ, с тех пор Эндрю стал называть его Джордж. Но Маленькая Барышня так и осталась для него Маленькой Барышней. Однажды

Джордж пришел к Эндрю с известием, что Хозяин умирает. Около него находилась Маленькая Барышня, но Хозяин попросил позвать и Эндрю.

Хозяин говорил совершенно ясно, хотя был очень слаб. С трудом он поднял руку:

— Эндрю... нет, не помогай мне, Джордж. Я не калека. Я только умираю. Эндрю, я рад, что ты обрел свободу. Я хотел тебе сказать об этом и послал за тобой.

Эндрю не мог выдавить из себя ни слова. Раньше он ни разу не присутствовал при чьей-либо смерти, но понимал, что при этом человеческий механизм перестает функционировать — неотвратимый и независимый от желания человека конец существования. Эндрю не мог найти подходящих слов. Он только стоял неподвижно и сокрушенно молчал.

После похорон Маленькая Барышня объяснила:

— Может быть, в конце концов отец так и не сказал тебе, Эндрю, о своей любви к тебе, но учти, он умирал в глубокой старости и ему всегда было очень горько оттого, что ты его покинул.

Тогда Эндрю нашел нужные слова.

— Если бы не Хозяин, я никогда не стал бы свободен, — тихо произнес он.

Только после смерти Хозяина Эндрю начал носить одежду. Сначала он надел брюки, которые получил от Джорджа. Джордж вскоре женился и работал адвокатом в фирме Фейнгольда. Старый Ян Фейнгольд уже давно умер. Но фирма продолжала жить: делами руководила его дочь. Теперь контора называлась «Фейнгольд и Мартин». Причем эта вывеска осталась даже тогда, когда дочь Фейнгольда уже в преклонном возрасте покинула фирму и никто из ее детей и внуков не занял ее места. Но это случилось позже, а пока фамилия «Мартин» только появилась в официальном названии фирмы, а Эндрю учился носить верхнюю одежду.

Джордж старался скрыть улыбку, когда Эндрю впервые примерял брюки, что явно не осталось незамеченным Эндрю. Джордж показал ему, как надеваются брюки и застегивается змейка, но Эндрю сознался, что не скоро дойдет до автоматизма этого движения.

— Зачем тебе брюки? — спросил Джордж. — У тебя настолько безукоризненное тело, что даже жаль его закрывать. Тем более, тебе не нужно беспокоиться ни о температуре, ни о приличиях. Вдобавок, брюки не слишком хорошо лежат на металле.

— Разве человеческие тела не прекрасны? Однако люди носят одежду.

— Для тепла, гигиены, защиты. Для украшения. А тебе ничего этого не нужно.

— Без одежды я чувствую себя нагим, мне кажется, что я не такой, как все.

— А ты и есть не такой. Но, Эндрю, теперь на Земле функционирует много роботов. Только в нашем районе согласно последней переписи их проживает не меньше, чем людей.

— Я знаю об этом. Ведь надо же кому-то выполнять работу.

— И ни один из них не носит одежды.

— Но ни один из них не свободен, Джордж.

Эндрю постепенно пополнял свой гардероб, хотя его смущала улыбка Джорджа и взгляды людей, заказывающих у него работу. Несмотря на полученную свободу, Эндрю и далее был точно запрограммирован на уважительное отношение к людям, так что решался продвигаться вперед только маленькими шажками. Чье-то неодобрение задерживало его развитие на целые месяцы. К тому же не все еще признавали свободу Эндрю.

Что касается эмоциональных способностей Эндрю, в этом он по-прежнему оставался роботом: не понимал, что значит испытывать радость или, например, чувство гнева; когда же начинал думать об этом, его логическое мышление давало сбой.

Он заботился о том, чтобы не носить одежду, когда ожидал прихода Маленькой Барышни. Она уже давно состарилась и часто отдыхала в теплых краях, никогда перед этим не забывая навестить старого друга. Однажды после ее прихода Джордж грустно сказал Эндрю:

— Она прижала меня к стенке. В будущем году я собираюсь выставлять в парламент свою кандидатуру. Так вот она говорит: какой дед, такой и внук.

— Какой дед...— Эндрю неуверенно остановился.

— Это значит, что я, Джордж-внук, пойду по стопам Хозяина, моего деда, и буду представителем в законодательных учреждениях парламента.

— Как было бы хорошо,— кивнул Эндрю,— если бы Хозяин и дальше...— он не закончил фразу, потому что не хотел сказать «функционировал». Это показалось ему сейчас неподходящим.

— Жил! — договорил за него Джордж.— Я тоже время от времени вспоминаю старого строптивца.

Эндрю долго думал об этом разговоре. Он заметил, что с трудом подбирает выражения, когда разговаривает с Джорджем. Внук Хозяина изменился со времени последней модернизации Эндрю, когда робот пополнил свой словарный запас. Вдобавок Джордж упорно употреблял незнакомые выражения, которых Эндрю никогда не слышал в речи Маленькой Барышни. Почему он говорит о Хозяине «строптивец»? Ведь это вовсе не подходящее слово для такого великого человека!

Эндрю искал и не находил ответа в своих книжках. Они были такими старыми и рассказывали все больше о резбе. У него не имелось никаких книг о языке и людях.

Именно тогда он решил, что должен поискать соответствующие книги. А поскольку он являлся свободным роботом, то чувствовал, что об этом нельзя просить Джорджа. Он должен сам добраться до городской библиотеки. Эта мысль принесла Эндрю огромную радость, и он почувствовал, как его электрический потенциал явно повысился, так что он вынужден был применить добавочную катушку сопротивления.

Эндрю моментально оделся, даже повесил себе на шею деревянную цепь. Он хотел также нацепить светящийся пластик, но Джордж говорил, что дерево более элегантно, кроме того, у полированного кедра стоимость несравненно выше.

Эндрю отошел метров на сто от дома. Вдруг постоянно растущее сопротивление остановило его. Тогда он удалил из цепи катушку сопротивления, когда и это не помогло, вернулся домой и на куске картона написал: «Я пошел в библиотеку». Затем положил лист на видное место и вышел.

Но Эндрю не суждено было на сей раз добраться до места. Перед этим он сверился с планом и знал дорогу, хотя не представлял себе, как она выглядит. В действительности точки ориентирования отличались от изображенных на карте, так что он двигался неуверенно. Наконец он пришел к выводу, что заблудился, так как все вокруг выглядело довольно странно. Он миновал какого-то работающего робота и уже намеревался спросить у него дорогу, когда тот внезапно куда-то исчез. Затем проехал автомобиль, не затормозив. Эндрю в нерешительности остановился. Именно тогда показались двое мужчин, шедших через поле по направлению к нему. До этого они громко разговаривали, Эндрю ясно слышал их голоса, теперь же они молча шли навстречу. Их лица выражали чувство, которое Эндрю классифицировал у людей как неуверен-

ность. Это были молодые люди, лет по 25, хотя Эндрю так и не научился правильно определять возраст человека.

— Не могли бы вы указать мне дорогу к городской библиотеке? — спросил Эндрю.

Один из них, тот, что повыше, обратился к другому, игнорируя Эндрю:

— Смотри, робот!

Второй, с носом «картошкой» и тяжелыми веками, пожал плечами и сказал своему спутнику:

— К тому же он одет!

Высокий щелкнул пальцами:

— Похоже, это тот самый знаменитый свободный робот. У Мартинов есть робот, который никому не принадлежит. Только зачем он одет?

— Спроси у него, — предложил другой, с носом «картошкой».

— Ты робот Мартинов? — задал вопрос высокий.

— Меня зовут Эндрю Мартин, сэр, — ответил Эндрю.

— Порядок. Раздевайся. Роботы не носят одежду, — он обратился ко второму: — Просто возмутительно. Посмотри только на это чучело!

Эндрю заколебался. Он так давно не слышал приказа, отданного подобным тоном, что цепи Второго Закона на мгновение замкнулись. Раздраженно высокий крикнул:

— Раздевайся! Я тебе приказываю.

Эндрю начал медленно снимать одежду.

— Брось ее, — не понижал голоса высокий, обращаясь попеременно то к Эндрю, то к своему напарнику. — Раз он никому не принадлежит, значит спокойно может быть и нашим. Во всяком случае, мы имеем право делать с ним все, что нам нравится, ведь мы не уничтожаем чью-либо собственность... Стань на голову! — это уже касалось Эндрю.

— Голова не предназначена... — начал было Эндрю.

— Это приказ. Если не знаешь как, то во всяком случае попробуй.

Эндрю снова заколебался, потом наклонил голову, упираясь ею в землю. Он попробовал поднять вверх ноги и тяжело упал. Высокий засмеялся:

— А ну не вставай! — затем обратился к своему спутнику: — Давай разберем его на части. Ты когда-нибудь раскручивал роботов?

— А он дастся?

— А как он может нам помешать?

Эндрю должен был повиноваться, если ему решительно приказывали не сопротивляться. Второй Закон имел первенство над Третьим о самообороне. Впрочем, если бы он оборонялся, то мог случайно причинить им вред, что автоматически означало нарушение Первого Закона. От этой мысли все способные к движению элементы его тела резко сжались, и он задрожал, оставаясь лежать на земле. Высокий подошел и пнул его ногой:

— Тяжелый. Пожалуй, без инструмента ничего не получится.

— Прикажи ему, чтобы он сам себя разобрал. Ну и смеху будет, когда он за себя возьмется,— захлопал себя по ляжкам второй, нос «картошкой». Но спустя минуту почесал у себя за ухом, хмыкнул и добавил: — Только давай уберем его с дороги. А то неровен час кто-нибудь подойдет.

Решение, к счастью для Эндрю, он принял слишком поздно: к ним действительно приближался мужчина, которым оказался не кто иной, как Джордж. Эндрю увидел его, еще когда тот поднимался на вершину ближайшего холма. Он охотно издал бы какой-либо звук, но высокий отдал приказ:

— Лежи и не шевелись!

Джордж, чувствуя неладное, теперь уже бежал и остановился, запыхавшись. Молодые люди, немного отступив, ожидали, что будет дальше.

— Эндрю, с тобой что-нибудь случилось? — обеспокоенно спросил Джордж.

— Со мной ничего, сэр,— ответил Эндрю.

— Ну так встань... Что с твоей одеждой?

— Это ваш робот? — спросил высокий Джорджа.

— Это ничей робот,— резко ответил тот.— Что здесь происходит?

— Мы всего лишь попросили, чтобы он разделся. А почему, кстати, вас это так волнует, если вы не его владелец?

— Что о. и делали с тобой, Эндрю? — не слушал их Джордж.

— Намеревались каким-то образом разобрать на части, сэр. Они как раз хотели перенести меня в спокойное место и приказать, чтобы я сам себя размонтировал.

Джордж глянул на этих двоих, его подбородок задрожал. Но незнакомцы не отступали, а продолжали стоять и ухмыляться.

— Что ты нам сделаешь, толстяк? Побьешь? — съехидничал высокий.

— Никоим образом,— покачал головой Джордж.— Если хотите знать что, я сейчас объясню. Этот робот находится в моей семье свыше семидесяти лет. Он уважает и ценит нас больше, чем кого бы то ни было. Так вот, я сейчас скажу ему, что вы оба хотите меня убить, попрошу, чтобы он защитил меня, и, безусловно, он это сделает. А вы подумайте, что с вами будет, когда он вас атакует?

Молодые люди сделали по несколько шагов назад, но самодовольное выражение окончательно не покинуло их физиономий. Тогда Джордж усмехнулся и резко произнес:

— Эндрю, мне грозит опасность. Эти двое хотят причинить мне вред. Подойди к ним!

Эндрю двинулся по направлению к парням. Но те не стали ждать, пока он приблизится, а бросились бежать со всех ног.

— Порядок, Эндрю. Можешь остановиться,— махнул рукой Джордж. Происшедшее вывело его из равновесия, ведь он давно уже перешел возрастную границу, когда могут себе позволить выяснять отношения при помощи силы, тем более сразу с двумя противниками.

— Я вряд ли сделал бы им что-нибудь плохое, Джордж. Ведь они на тебя не нападали,— сказал Эндрю.

— А разве я требовал применять силу? Ты только получил приказ подойти к ним. Остальное сделал страх.

— Но почему они так боятся роботов?

— Это болезнь людей, Эндрю, от которой они еще не избавились. На этом закончим. Но что ты здесь делаешь, черт побери? Я уже собирался вернуться домой и вызвать вертолет, когда наконец нашел тебя. Что ударило тебе в голову? Зачем ты пошел в библиотеку? Я принес бы все необходимые книги?

— Я...— начал Эндрю.

— Свободный робот. Да, да. Ладно, раз уж ты хотел попасть в библиотеку, говори, что тебе там нужно?

— Мне хочется больше знать о людях, о мире, вообще обо всем. И, конечно, о роботах. Я хотел бы написать историю роботов.

— Ну хорошо. Пошли домой. Но прежде возьми свою одежду. Уже написан, наверное, миллион книг на тему робототехники и по истории роботов. Мир вскоре заполнят не только роботы, но и литература о них.

Эндрю покачал головой, причем это был человеческий жест, который в последнее время вошел у него в привычку:

— Речь идет не об истории робототехники, речь идет об истории роботов, написанной роботом! Я хочу выяснить, какое положение в мире занимают роботы с того времени, когда первым из нас позволили работать и жить на Земле.

Джордж от удивления поднял брови, но ничего не ответил.

XXX

Маленькой Барышне минуло 83 года. Но у нее еще вполне хватало и энергии, и решительности. Она чаще жестикулировала палкой, нежели опиралась на нее. С огромным возмущением она выслушала рассказ о происшедшем:

— Это страшно, Джордж. Кто были эти жулики?

— Не знаю, да и какая разница. В конце концов они ведь ничего ему не сделали.

— Но могли сделать! Ты адвокат, Джордж. И имеешь состояние только благодаря таланту Эндрю. Именно он когда-то начал зарабатывать деньги, ставшие основой нашего капитала. Сейчас он продолжает обеспечивать нашей семье благосостояние, поэтому я не позволю, чтобы с ним обходились как с механической игрушкой.

— Так что я должен по-твоему сделать, мама? — воскликнул Джордж.

— Я повторяю: ты адвокат. Нужно наконец добиться того, чтобы окружные суды вынесли постановление о правах роботов, а парламент утвердил соответствующие законы. Если это необходимо, апеллируй к Мировому суду. Я сама буду следить за процессом, Джордж. И не собираюсь терпеть медлительность и отговорки.

Маленькая Барышня говорила очень серьезно. В результате дело, начатое для того, чтобы задобрить маленькую пожилую женщину, стало юридической проблемой, довольно трудной и запутанной, а потому не очень популярной в народе. Джордж, как самый старый компаньон, составлял стратегический план, но действовать предоставлял младшим компаньонам, чаще всего сыну Полу, который также был адвокатом.

Маленькая Барышня, в свою очередь, ежедневно обсуждала все вопросы с Эндрю. Его же очень взволновало это дело. Работа над книгой о роботах снова задерживалась: он теперь корпел над юридическими текстами, временами даже выдвигая свои предложения.

— Тогда Джордж сказал, что люди боятся роботов. Пока страх перед нами не исчезнет, ни суды, ни парламент не будут нас защищать. Не нужно ли как-то затронуть общественное мнение? — подал мысль Эндрю.

И пока Пол выступал в суде, Джордж начал произносить речи на публичных собраниях. Преимущество заключалось в том, что он выступал неофициально и подчеркивал это. Он надевал длинное черное платье — предмет шуток со стороны его сына, который каждый раз говорил отцу:

— Смотри, не споткнись о полы, когда пойдешь на трибуну.

— Постараюсь, — кивал обычно Джордж, совсем не восхищаясь таким замечанием.

Однажды, произнося речь на ежегодном съезде журналистов, Джордж среди прочего сказал:

— Коль по Второму Закону мы вправе требовать от робота абсолютного послушания в любой области, которая не приносит вреда людям, то согласно этому закону каждый человек, я повторяю, каждый из нас обладает тревожной властью над роботами. Абсолютно каждый! Говоря точнее, поскольку Второй Закон господствует над Третьим, значит, каждый человек может воспользоваться законом послушания, то есть аннулировать закон, относящийся к самообороне. Любой человек вправе приказать роботу повредить самого себя и даже уничтожить. При этом причина может оказаться несерьезной или ее вообще может не быть. Разве это справедливо? Мы ведь не поступаем так с животными? Даже неодушевленный, но полезный нам предмет требует уважения. А робот не предмет и не животное. Он мыслит достаточно четко, чтобы разговаривать с нами, дискутировать, шутить. Можем ли мы, относясь к роботам как к друзьям, работая вместе с ними, одновременно отказывать им в этой дружбе, причем отказывать из принципа, преклоняясь перед Законом?

Коль скоро человек властен над роботами, он должен помнить об элементарной порядочности, когда собирается отдать приказ, который может оскорбить робота. Если только безопасность человека не требует такой необходимости. Вместе с большой властью должна существовать и не меньшая ответственность: раз роботы обязаны соблюдать Три Закона, то, наверное, было бы справедливо, если бы и люди выполняли законы, охраняющие роботов.

Эндрю оказался прав. Именно борьба за общественное мнение имела ключевое значение в решении суда и парламента. Наконец было введено юридическое положение,

по которому приказы, приносящие вред роботам, запрещались. В положении имелись бесконечные оговорки, предусматривающие наказания и штрафы за нарушение этого положения. И пусть наказания эти были настолько малы, что казались скорее символическими, все равно радовало их наличие. Окончательное утверждение закона совпало с днем смерти Маленькой Барышни.

Это было не случайно. Маленькая Барышня до самого последнего заседания изо всех сил держалась за жизнь. И умерла только тогда, когда пришло известие о победе. Роботы были обращены ее последние слова:

— Ты был для нас добрым, Эндрю...

Она умерла, держа его за руку, а ее сын, невестка и внук стояли на почтительном от них расстоянии.

XXX

Эндрю терпеливо ждал, в то время как девушка из приемной исчезла во внутренней комнате. Иногда кто-то входил в комнату, чтобы посмотреть на него. Эндрю не пытался избегать любопытных взглядов. Он смотрел до тех пор, пока человек не отводил глаз. Наконец Пол Мартин вышел из кабинета. Он был удивлен, но Эндрю не знал об этом, так как не мог разобрать выражения его лица. С определенного времени Правнук Хозяина сильно пользовался косметикой — сказались веяния последней моды для обоих полов. Благодаря этой гримировке слишком мягкие черты лица Пола становились более решительными, но Эндрю не одобрял этот обычай. Он открыл для себя, что неодобрение по отношению к людям, если только он не облакал его в слова, уже не вводило его в замешательство. Он даже мог письменно выражать это неодобрение. Однако он чувствовал, что раньше все было иначе.

— Войди, Эндрю. Прошу прощения, что заставил тебя долго ждать. Мне необходимо было кое-что закончить. Ты как-то говорил, что хочешь побеседовать со мной, но я не мог подумать, что ты сделаешь это здесь, в городе.

— Если ты занят, Пол, я могу подождать.

Пол посмотрел на мигающие тени от стрелок на стене и сказал:

— У меня есть немного времени. Как ты сюда добрался?

— Я нашел автоматическую авиетку.

— Никаких хлопот? — с беспокойством спросил Пол.

— А какие хлопоты могут быть с автоматом. Мои права защищены...

На лице Пола появилось выражение еще большего беспокойства:

— Я тебе уже говорил, что трудно заставить всех людей соблюдать это юридическое постановление. Во всяком случае, чаще всего это действительно невозможно. Если ты и дальше будешь настаивать на ношении одежды, у тебя может возникнуть множество проблем.

— Но ведь та история больше не повторялась, Пол. Хотя мне очень жаль, что ты недоволен.

— Эндрю, подумай! Ты ведь стал живой легендой и по многим причинам слишком ценен, чтобы подвергаться опасности. Как там книга?

— Я уже заканчиваю ее. Издатель, кажется, доволен.

— Прекрасно!

— Но я не уверен, доволен ли он самой книгой. Думаю, он ожидает большого спроса только потому, что автор ее — робот. Это основная причина его удовлетворения.

— Что же тут удивительного? Вполне по-человечески.

— Мне все равно, будут ли эту книгу покупать или нет. Главное, появятся деньги, которые я смогу тратить.

— Бабушка оставила тебе...

— Маленькая Барышня всегда отличалась щедростью, и я уверен, что и дальше смогу рассчитывать на помощь вашей семьи. Но этот авторский гонорар должен стать основой моих дальнейших начинаний.

— Начинаний? Каких?

— Я хотел бы переговорить с директором фирмы «Универсум». Пока мне это не удастся. Фирма не оказала мне никакой помощи в написании книги, поэтому, ты понимаешь, меня это удивляет.

— Помощь — самое последнее, на что ты можешь рассчитывать в мире людей. Вспомни, помогала ли нам фирма в нашей битве за права роботов? Совсем наоборот, и ты, наверное, понимаешь почему. Если роботы обретут права, люди не смогут покупать их.

— Однако, если ты им позвонишь, вдруг мне дадут аудиенцию? — попытался шутить Эндрю.

— Я так же для них нежелателен, как и ты.

— А если ты им дашь понять, что, если меня примут, компания «Фейнгольд и Мартин» прекратит свою работу в области расширения прав роботов?

— Но это будет ложью, Эндрю!

— Конечно, Пол, поэтому звонить должен ты, ведь я не могу лгать.

— Да, ты не способен на ложь, зато в состоянии подговорить к этому меня. Что ж, ты все больше становишься похожим на человека, Эндрю.

XXX

Нелегко было организовать такую встречу даже при довольно известной фамилии Пола и его видном положении. Наконец это удалось. Президентом «Универсума» являлся Харли Смит-Робертс, потомок основателя фирмы по женской линии. Он взял себе двойную фамилию, чтобы подчеркнуть свое происхождение.

Особо доволен этим визитом он не был: в течение своей долгой президентской деятельности он постоянно имел дело с теми, кто добивался прав для роботов, что не входило в интересы фирмы. Смит-Робертс был в аккуратном уложенном седом парике. Грима он не употреблял.

Смотрел он на Эндрю откровенно враждебным взглядом. Эндрю начал:

— Сэр, около ста лет назад Роберт Мански, представитель вашей фирмы, сказал, что математика, управляющая системой позитронных ячеек, недостаточна сложна. Поэтому только приблизительно может описывать процессы мышления роботов. В связи с этим нельзя в точности определить, в частности, мои возможности.

Смит-Робертс заколебался, но тут же твердо произнес:

— Это случилось сто лет назад. Сегодня подобное заявление неверно. Нынешние наши роботы точно запрограммированы для определенных работ.

Пол, сопровождающий Эндрю, чтобы, как он выразился, фирма не обвела Эндрю вокруг пальца, тут же вмешался:

— Да, и поэтому моя секретарша не может самостоятельно решить ни одного вопроса.

— Вы были бы недовольны намного больше, если бы ваша секретарша принимала самостоятельные решения, поверьте мне.

— Значит ли это, что вы уже не производите роботов, таких, как я, умеющих приспосабливаться к любой обстановке и способных на самостоятельное мышление?

— Уже нет!

— Исследования, которые я провел в связи с моей книгой, показывают, что я самый старый робот, функционирующий в настоящее время.

— Да, самый старый робот, функционирующий сейчас, и останешься самым старым, существовавшим когда-либо. А также самым старым, который когда-либо будет существовать! В настоящее время робот после 25 лет работы становится бесполезным. Мы его забираем и заменяем новой моделью.

— Ни один из производимых сейчас роботов не может функционировать больше 25 лет? Я вас правильно понял? — вежливо спросил Пол. — Так Эндрю — исключение и с этой точки зрения?

Но Эндрю, стараясь не отвлекаться от темы, продолжал:

— Как самый старый и наиболее самостоятельный робот в мире, не являюсь ли я достаточно необычным, чтобы заслужить особое отношение ко мне со стороны фирмы «Универсум»?

— Ни в коем случае! — ледяным тоном ответил Смит-Робертс. — Эта необычность повлекла за собой слишком много хлопот для нашей фирмы. Невезение было уже в том, что тебя продали, а не дали взаймы, иначе тебя давно бы забрали и обменяли на более функциональную модель.

— Но ведь именно об этом идет речь, — сказал Эндрю. — Я свободный робот и сам себе хозяин. Поэтому я пришел с просьбой, чтобы вы меня заменили, чего никак нельзя сделать без согласия владельца. Сейчас подобное согласие является предварительным условием для получения робота взаймы, но в мое время ситуация выглядела иначе.

Слова Эндрю застали Смита-Робертса врасплох — он казался потрясенным до глубины души. В помещении воцарилась тишина. Эндрю обратил внимание на голограмму, вмонтированную в стену и представлявшую собой посмертную маску Сьюзен Келвин, покровительницы всех роботов. Она умерла почти двести лет назад, но Эндрю, работая над своей книгой, столько узнал о Сьюзен, что ему казалось, будто он был лично с ней знаком.

Смит-Робертс, хмуро улыбаясь, наконец произнес:

— Как же я могу тебя обменять по твоему требованию? Если я заменю тебя как робота, то каким образом я верну тебе-владельцу нового робота? Ведь в результате ты перестанешь существовать.

— Нет проблем,— вмешался Пол.— Дело в том, что индивидуальность Эндрю зависит от его позитронного мозга, который трогать нельзя. Позитронный мозг и есть Эндрю-владелец. Все остальные части его тела можно заменить без всякого влияния на его индивидуальность, так как они являются собственностью мозга. То есть я хочу сказать, что Эндрю стремится получить для своего мозга новое тело.

— Да, речь идет именно об этом,— спокойно подтвердил Эндрю и обратился к главе фирмы: — Насколько я знаю, ваши заводы одно время производили андроидов. Такие роботы очень напоминают людей, вплоть до кожи, как у человека.

— Да, это правда. Их кожу делали из синтетического волокна, поэтому их мышцы функционировали безупречно. Для мозга мы применяли металл, но эти роботы были столь же долговечны, как и металлические, а может, еще долговечнее.

— Я ничего не знал об этом! — воскликнул Пол.— Сколько же таких андроидов находится сейчас в обращении?

— Нисколько! — голос Смита-Робертса прозвучал несколько резковато.— Такие роботы стоили слишком дорого и на рынке не пользовались успехом. Они очень напоминали людей.

— Но я готов поспорить, фирма сохранила документацию, относящуюся к производству таких изделий,— заявил Эндрю.— Если да, то мне хотелось бы получить новое тело органического робота-андроида.

— Бог мой! — не смог удержаться Пол.

Смит-Робертс не в состоянии был вымолвить ни слова.

— Это н е в о з м о ж н о ! — наконец выдавил он.

— Но почему? — удивился Эндрю.— Я заплачу любую сумму, естественно, в разумных пределах.

— Мы больше не производим андроидов,— покачал головой Смит-Робертс.

— Вы не хотите производить их,— вновь вмешался Пол.— Но ведь это не значит, что вы не можете их производить.

— Так или иначе, но изготовление таких моделей противоречит политике, которую компания проводит в жизнь,— гордо заявил Смит-Робертс.

— Нет закона, запрещающего подобное производство,— парировал Пол.

— Мы не производим андроидов и никогда не будем их производить,— повторил Смит-Робертс.

Пол кашлянул.

— Сэр,— сказал он,— Эндрю — свободный робот, которого охраняет закон о правах роботов. Вы осознаете это?

— Даже слишком хорошо.

— Он носит одежду, потому что желает этого. И это нормально, так как он свободный робот. Но ему часто доставляют неприятности не совсем разумные люди, несмотря на то, что законом запрещается унижать роботов. Нелегко подавать в суд иск о нарушении этого закона, потому что подобные вещи не встречают осуждения со стороны тех, кто решает вопросы виновности и невиновности злоумышленников.

— Наша фирма осознавала это с самого начала. К сожалению, фирма вашего отца не сумела такого предвидеть.

— Мой отец давно умер,— ответил Пол.— Я же, напротив, вижу, что мы имеем дело с явным намеренным нарушением этого закона.

— Что вы тут плетете?

— Мой клиент, Эндрю Мартин, является свободным роботом, имеющим право требовать от фирмы замены, на которую могут рассчитывать все обладатели роботов по истечении 25 лет. Говоря точнее, фирма требует, чтобы он пользовался ее услугами.

Пол улыбнулся и продолжал:

— Позитронный мозг моего клиента как раз тот самый владелец тела, которому, несомненно, больше 25 лет. Поэтому позитронный мозг желает сменить тело и хочет заплатить достойную цену за тело андроида, которое будет для него скоро сконструировано. Отказывая в этой просьбе, вы унижаете моего клиента, значит, мы передадим дело в суд. Конечно, общественное мнение, как правило, не поддерживает дел такого рода, однако я позволю напомнить вам, что фирма «Универсум» так же не пользуется сейчас популярностью. Даже те, кто извлекает из ваших роботов максимальную пользу, смотрят на вас довольно косо. Очевидно, это эхо тех времен, когда роботов еще опасались. А может быть, неприязнь к могуществу и популярности фирмы, имеющей мировую монополию. Впрочем, не будем о причинах. Главное, что такая неприязнь существует. И мне думается, вам лучше не нарываться на судебный процесс, тем более, что мой клиент состоятелен и проживет еще

много столетий. Так что я не вижу причин, почему бы ему не вести судебное разбирательство до бесконечности...

Смит-Робертс покраснел:

— Вы вынуждаете меня...

— Ни в коем случае,— покачал головой Пол.— Вы можете отказать в просьбе моему клиенту. Тогда мы выйдем отсюда молча... Но учтите, дело непременно будет передано в суд, потому что, без сомнения, мы имеем на это право. И в конце концов вы поймете, что проиграли.

Смит-Робертс хмыкнул и ничего не сказал.

— Думаю, вы все-таки согласитесь,— нарушил молчание Пол.— Сейчас вы колеблетесь, но позже примете верное решение. Однако я хотел бы сделать еще одну оговорку. Если во время замены оболочки позитронный мозг будет хоть в малейшей степени поврежден, я не отдохну до тех пор, пока окончательно не разделаюсь с вами. В случае необходимости я предприму все шаги, чтобы настроить общественное мнение против вашей фирмы.— И Пол обратился к своему клиенту: — Ты согласен Эндрю?

Колебание робота длилось целую минуту. Если он даст утвердительный ответ, значит, одобрит ложь и шантаж, запугивание и унижение человека. «Но это не причиняет физического вреда,— говорил себе Эндрю.— Ни малейшего физического вреда».

И он вполголоса пробормотал:

— Да!

XXX

Эндрю казалось, что его заново сконструировали. Целые дни, недели, а потом и месяцы его не покидало чувство, будто он больше не является сам собой. Даже элементарные действия были для него сложны. Пол бушевал:

— Они повредили тебя, Эндрю, я должен обратиться в суд.

Эндрю отвечал очень медленно:

— Не делай этого. Ты никогда не будешь в состоянии доказать п... пр...— Преднамеренность.

— Да, преднамеренность. Кроме того, я чувствую себя все лучше и лучше. Это только ш...

— Шум?

— Шок. Как бы то ни было, но до сих пор никогда не проводились подобные операции.

Эндрю ясно ощущал, как действует его мозг. И никто другой не смог бы этого сделать. Он чувствовал, что все в порядке. Целые месяцы он учился координации и взаимодействию позитронных ячеек. А также по многу часов проводил перед зеркалом. Он получил не совсем то лицо, какое хотел иметь. Неподвижное, мало эластичное, мышцы только учились двигаться. Им не хватало свободной и небрежной плавности, но со временем это должно пройти. Во всяком случае, когда он был одет, уже не возникало того странного контраста, который составляла одежда с железным лицом.

Наконец Эндрю заявил:

— Я возвращаюсь к работе.

Пол рассмеялся:

— Значит, все в порядке? А чем ты собираешься заняться? Написать следующую книгу?

— Нет,— серьезно ответил Эндрю.— Я слишком долго живу, чтобы посвящать себя одному занятию. Художником я уже был и всегда снова могу им стать. Потом я увлекся историей и к этому тоже могу вернуться. А теперь мне хотелось бы заняться роботобиологией.

— Ты хочешь сказать — роботопсихологией?

— Нет. Изучать позитронный мозг у меня в данный момент нет никакого желания. Мне кажется, роботобиолог должен заниматься взаимодействием позитронного мозга и тела.

— Это, пожалуй, область робототехники.

— Робототехника изучает металлическое тело. Я же хочу заняться органическим телом, похожим на человеческое, телом, которым, по всей видимости, обладаю только я один.

— Ты суживаешь себе поле деятельности. Когда ты был художником, ты, воплощая в жизнь свои идеи, создавал произведения искусства для людей. Когда ты был историком, то занимался роботами, а сейчас собираешься сконцентрироваться только на себе.

Эндрю утвердительно кивнул:

— Похоже на это.

Он решил начать все с начала, так как понятия не имел о биологии и точных науках, и стал частым гостем в библиотеках, где долгие часы проводил за просмотром каталогов из области электроники. Он носил одежду и внешне почти не отличался от человека. А те немногие, знавшие, что он робот, никогда не нарушали его спокойствия.

Эндрю пристроил к своему дому комнату, которую отвел под лабораторию, и усиленно начал пополнять домашнюю библиотеку.

Прошли годы. Однажды к нему пришел Пол и сказал:

— Жаль, что ты уже не работаешь над историей роботов. Я узнал, что фирма «Универсум» радикально изменила линию своего поведения.

Пол постарел, его ослепшие глаза заменили фотооптические линзы. И с этой точки зрения он больше приблизился к Эндрю, нежели Эндрю к нему.

— Чем они сейчас занимаются? — поинтересовался Эндрю.

— Начали производить центральные компьютеры. Это своего рода гигантские позитронные мозги, умеющие с помощью ультракоротких волн общаться с роботами, которых у них в подчинении от дюжины до нескольких тысяч. У самих роботов вообще нет мозга. Они являются членами гигантского совершенного мозга, но физически не имеют с ним никакого контакта.

— Разве это лучшее решение?

— Так считает фирма. Смит-Робертс перед смертью утвердил генеральное направление в работе компании, и мне кажется, тут не обошлось без нас. Фирма «Универсум» делает все возможное, чтобы не допустить производства роботов, которые бы доставляли им столько хлопот, как это случилось с тобой. Потому они отделили мозг от тела. Теперь у мозга нет тела, которое бы он хотел сменить, а у тела нет мозга, который бы мог чего-то желать. Видишь, Эндрю, какое влияние ты оказал на историю роботов. Сначала твоя художественная деятельность толкнула фирму на производство более нормализованных роботов. Затем в результате обретенной тобой свободы уничтожили рабство роботов. Наконец, требуя тела андроида, ты добился того, что фирма сконцентрировала свои усилия на отделении мозга от тела.

— Я допускаю, что когда-нибудь фирма произведет один огромный мозг, способный контролировать всех роботов на Земле. Все нити окажутся в одной руке, а это уже опасно. Так не должно быть!

— Пожалуй, ты прав, — согласился Пол. — Но я не думаю, что это произойдет в ближайшие лет сто. А мне, по правде говоря, осталось жить совсем не много.

— Пол! — с беспокойством откликнулся Эндрю.

Внук Маленькой Барышни лишь пожал плечами:

— Человек смертен, Эндрю. Не то, что ты. Но коль речь зашла об этом, я хотел бы сказать тебе кое-что очень важное. Я — последний из рода Мартинов. Боковая ветвь, берущая начало от моей двоюродной бабушки, не имеет значения. Имущество, которое принадлежит мне лично, я запишу на тебя, так что в обозримом будущем, финансами ты будешь обеспечен...

— Это совершенно излишне,— с трудом выдавил Эндрю. Он все еще никак не мог согласиться с мыслью, что Мартини, как и все люди, смертны.

— Не будем больше об этом говорить,— покачал головой Пол.— Считай, что такова моя воля. А над чем ты сейчас работаешь?

— Продумываю систему, которая смогла бы позволить андроидам, то есть мне, получать энергию от сгорания углеводов, а не атомных клеток.

Пол поднял брови:

— Означает ли это еду и дыхание?

— Да.

— И как давно ты работаешь в этой области?

— Уже довольно долго. Я даже спроектировал подходящую камеру сгорания для каталитически контролируемого анализа.

— Но зачем, Эндрю? Атомная клетка несомненно лучше.

— Для роботов — может быть, но не для человека.

XXX

Дело длилось долго, но Эндрю не торопился. Прежде всего он ничего не хотел предпринимать, при жизни Пола. Когда же умер Правнук Хозяина, Эндрю почувствовал себя совсем незащищенным в этом недоброжелательном мире, и только усилилась его решимость шагать дальше по пути, который он избрал уже давно. Хотя по сути он не был одинок. Кто-то действительно умер, однако, несмотря на это, фирма «Фейнгольд и Мартин» продолжала существовать. У нее имелось свое кредо, и действовала она без каких бы то ни было сантиментов. Благодаря завещанию Пола и хорошей работе фирмы Эндрю стал богаче. За довольно внушительный аванс, сделанный из подопечного фонда, адвокаты фирмы занялись юридической стороной новой камеры сгорания Эндрю.

Наконец наступил момент, когда Эндрю в очередной раз должен был обратиться в фирму «Универсум». Но те-

перь не было рядом ни Хозяина, ни Пола, и Эндрю отправился туда без провожатого. Впрочем, своим внешним видом он совсем не отличался от человека.

В фирме произошли изменения. Промышленное предприятие перенесли в космическое пространство, поскольку вышел закон, направленный на то, чтобы промышленность полностью убрать с лица Земли. Вместе с заводами исчезли и роботы. Земля стала чем-то вроде парка с постоянным населением в один миллиард и таким же количеством роботов, из которых, самое большое, треть имела отдельный мозг. Председателем фирмы по научным исследованиям являлся Алан Магдески, смуглый и темноволосый человек небольшого роста. От пояса и выше, как диктовала последняя мода, он носил только шарф, обмотанный вокруг шеи. Эндрю же, наоборот, не считаясь с модой, был в одежде, закрывающей все тело.

После взаимных приветствий Магдески сказал:

— Конечно, я слышал о тебе и очень рад, что имею возможность познакомиться с тобой. Ты самый известный наш робот. Очень жаль, что Смит-Робертс относился к тебе враждебно. С твоей помощью мы могли бы многого достичь.

— И теперь можете,— усмехнулся Эндрю.

— Пожалуй, поздно. Подходящий момент прошел. Роботы существуют на Земле более тысячи лет, но с тех пор ситуация изменилась. В скором времени всех роботов уберут с планеты, отправив в космическое пространство.

— Всех?

— Ну, некоторые останутся. Правда, они вряд ли будут способны к самостоятельному мышлению.

— Но я все же существую и останусь на Земле.

— Конечно, хотя в тебе слишком немного осталось от робота. Чего ты снова хочешь?

— Еще в меньшей степени быть роботом. У меня уже настолько органическое тело, что я думаю добавить к этому и органический источник энергии. Здесь чертежи...

Магдески взял папку и начал просматривать чертежи Эндрю. Буквально через минуту первоначальное желание поверхностно ознакомиться с документами исчезло — он помимо воли начал изучать содержимое папки, а через полчаса пробормотал:

— Любопытно. Но кто это придумал?

— Я,— ответил Эндрю.

Магдески внимательно посмотрел на робота:

— Чертежи предлагают полный пересмотр и реконструкцию твоего тела. Довольно сложный и опасный эксперимент. Ведь до сих пор подобную работу на Земле никто не проводил. Я бы не советовал тебе начинать ее. Оставайся таким, какой ты есть.

Лицо Эндрю имело ограниченную возможность, для выражения нужных эмоций, но голос компенсировал этот недостаток, и робот заговорил с явным нетерпением:

— Сэр, вы не поняли существа дела. Необходимо удовлетворить мое требование. Другого выхода у вас нет. Раз такие приспособления можно встроить в мое тело, значит, с тем же успехом их можно встроить и в тело человека. С определенного времени существует тенденция в продлении человеческой жизни с помощью протезирования тела. И пока нет устройств лучших, нежели я спроектировал. Я буду проектировать их и дальше. Так случилось, что от имени фирмы «Фейнгольд и Мартин» я имею возможность просматривать все патенты. Мы сами можем начать производство протезов. Это приведет к тому, что у многих людей окажутся заменяемые части, такие же, как у роботов. Ваши интересы тогда несомненно пострадают. Если же вы, однако, прооперируете меня теперь и согласитесь на операции в будущем, то получите разрешение на пользование патентами и сможете производить не только роботов, но и протезы для людей. Но разрешение у вас будет только после первой операции, причем должно пройти время, чтобы можно было утверждать, что она удалась.

Первый Закон теперь не удерживал Эндрю от постановок человеку таких серьезных требований. Он уже давно убедил себя, что кажущаяся жесткость со временем может превратиться в благодеяние.

Магдески был явно потрясен:

— Я не в состоянии сам принять столь ответственное решение,— только и пролепетал он.— Здесь требуется согласие всего совета, а это, вы, конечно, понимаете, вопрос не одного дня.

— Я могу подождать,— ответил Эндрю.— Но не до бесконечности.

С удовлетворением он подумал, что сам Пол не обделал бы это дельце лучше.

Решение совета было вынесено неожиданно быстро, и операция удалась.

Магдески на прощание сказал ему:

— Я возражал против операции, Эндрю, совсем по другим причинам, нежели ты думаешь. Я не имел бы ничего против опыта, если бы его проводили на ком-то другом. Но мысль о том риске, которому подвергнется твой позитронный мозг, просто приводила меня в ужас. Теперь, когда позитронные ячейки исправно взаимодействуют с нервными окончаниями, все позади. Но представь, что произошло бы с твоим мозгом, если бы как-нибудь пострадало твое тело?

— Я полностью доверял мастерству работников вашей фирмы,— усмехнулся Эндрю.— Самое главное, я уже могу есть.

— Да, можешь попивать масло, но время от времени нужно очищать камеру сгорания. Как? Мы уже объяснили тебе. Операция не слишком приятная.

— Да, хотя я намереваюсь идти дальше в своих исследованиях. Самоочищение возможно. Мое новое устройство должно решить проблему употребления твердой пищи с частицами, которые будут перевариваться почти как у людей.

— Значит, тебе потребуются органы удаления?

— Да.

— А что еще, Эндрю?

— Все остальное.

— И половые органы?

— Если только им найдется место в моих планах. Мое тело — это полотно, на котором я намереваюсь писать...

Магдески ждал, когда Эндрю закончит фразу, но не дождался и закончил сам:

— Человека?

— Поживем — увидим,— усмехнулся Эндрю.

— Это страшное решение, Эндрю. Ты гораздо совершеннее человека, а опускаешься все ниже и ниже с тех пор, как решил сравняться с людьми.

— Мой мозг ведь от этого не пострадал?

— Конечно, нет. В этом я могу тебя заверить. Но, Эндрю, послушай. Ты произвел революцию в протезировании. Патенты под твоей фамилией продаются на рынке. Ты всюду известен как великий изобретатель и пользуешься

заслуженным уважением. Зачем же и дальше экспериментировать над своим телом?

Эндрю ничего не ответил.

Да, он заслужил почет и уважение всего мира и доказал, что является незаурядной личностью. Он стал членом нескольких научных обществ, включая и то, которое занималось роботобиологией, областью науки, им изобретенной и со временем получившей название протозоологии. И в стопятидесятую годовщину со дня сконструирования Эндрю фирма «Универсум» дала в его честь обед. Правда, Эндрю видел в этом некую иронию, но ни с кем не поделился своими сомнениями.

Алан Магдески давно ушел на пенсию, но по этому случаю прибыл на обед, чтобы занять место председателя. Ему стукнуло 94, но он еще жил благодаря протезным устройствам, выполнявшим, между прочим, даже функции желудка и печени. Обед достиг кульминации, когда Магдески провозгласил тост в честь 150-летия робота.

Эндрю уже давно научился свободно управлять своими мышцами лица, выражая ими целую гамму чувств. Однако на протяжении всего торжества серьезное выражение не сходило с его физиономии. Эндрю совсем не восхищало то, что его называли стопятидесятилетним роботом!

Очень скоро Эндрю вынужден был покинуть Землю, с которой давно исчезли объекты его исследований. Да и Луна, с любой точки зрения, кроме тяготения, становилась все более земной, нежели сама Земля. Плотность населения в подземных лунных городах была уже достаточно высокой.

При конструировании протезов на Луне следовало учитывать во внимание более слабое тяготение. Эндрю провел там пять лет, разрабатывая с местными протозоологами изменения в конструкциях. Свободные минуты он проводил с роботами, которые относились к нему с естественной по отношению к людям почтительностью.

Он вернулся на Землю, где жизнь, в отличие от лунной, текла монотонно и спокойно. И первый визит нанес фирме «Фейнгольд и Мартин». Директор конторы Шимон Ди Лонг удивленно воскликнул, протягивая Эндрю руку:

— Нам говорили, что ты собирался возвращаться, но не раньше чем через неделю.

— Я не мог больше терпеть,— жестко ответил Эндрю. Ему хотелось как можно скорее приступить к делу.— На Луне, Шимон, я руководил исследовательским коллективом из двухсот ученых. Никто не оспаривал мои указания.

Тамошние роботы относились ко мне так же уважительно, как и к людям. Почему тем не менее я не человек?

В глазах Ди Лонга мелькнуло беспокойство:

— Дорогой Эндрю, ты и сам говоришь, что роботы и люди относились к тебе как к человеку. Де-факто — ты человек.

— Но мне этого мало. Речь не о том, чтобы ко мне относились как к человеку, а чтобы меня легально признали человеком. Я хочу быть ч е л о в е к о м де-юре.

— Да, это совершенно другое дело,— согласился Ди Лонг.— Но я уверен, что при этом мы наткнемся на стену человеческих предрассудков и непонимания. Ведь, Эндрю, как бы ты ни был похож на человека, ты все же робот.

— А с какой точки зрения я не человек? У меня человеческий облик. Мои устройства соответствуют человеческим органам. Причем многие люди продлевают себе жизнь благодаря протезам, которые ничем не отличаются от моих. Наконец, я внес большой вклад в человеческую культуру. Разве я не занимался искусством, а затем наукой? У меня не меньше заслуг, чем у кого бы то ни было из живущих сейчас людей. Так чего же еще не хватает?

— Лично мне этого более чем достаточно. Но вся соль в том, что Мировой парламент должен специальным актом признать тебя человеком. Честно говоря, я сомневаюсь, что подобное может произойти.

— К кому из членов парламента стоит обратиться?

— Скорее всего, к председателю комиссии по делам науки и техники?

— Можешь ли ты похлопотать, чтобы он меня принял?

— Но ведь тебе не нужен посредник. С твоим положением ты можешь...

— Нет. Ты должен все уладить!

Эндрю даже в голову не пришла мысль, что он отдает приказ. Категорический приказ человеку! К этому он давно привык за время пребывания на Луне.

— Я хочу, чтобы все знали: фирма «Фейнгольд и Мартин» поддерживает меня!

— Ну, до этого...

— Поддерживает меня, Шимон, сейчас и всегда поддерживала раньше. Вот уже 170 лет я работаю на фирму и тем или иным образом увеличиваю ее фонды. Когда-то у меня были обязательства к совладельцам фирмы. Теперь все обстоит иначе. Так что мне приходится напоминать о выплате долга.

— Я сделаю все, что смогу,— заверил его Ди Лонг.

Председателем комиссии по делам науки и техники оказалась женщина. Она была родом из Юго-Восточной Азии, звали ее Чи Ли Синг. Она носила прозрачные одежды, которые скрывали ее тело только благодаря блеску этих воздушных одежд, так что казалось, будто она обернута в прозрачный пластик.

— Я понимаю, что ты желаешь получить полные права человека,— кивнула Чи Ли Синг.— Бывали в истории такие периоды, когда определенные этнические группы боролись за свое равноправие. Но разве существуют какие-то права, которыми ты не обладаешь? Чего ты еще хочешь?

— Попросту говоря — право на жизнь. Робот рискует в любую минуту быть разобранным на части.

— Человек в любую минуту может быть приговорен к смерти!

— Но подобная экзекуция возможна только после судебного процесса. А чтобы демонтировать меня, не требуется никакого разбирательства. Достаточно одного человеческого слова, если этот человек занимает хоть мало-мальски значимую должность. Кроме того...— Эндрю любой ценой старался избежать просительного тона, но его подвели очень уж старательное изучение человеческих средств выражения и слишком человеческий тон.— Дело в том, что я хочу быть человеком. Я жажду этого вот уже шесть поколений людей.

Темные глаза Чи Ли Синг смотрели на него с сочувствием.

— Парламент, конечно, может издать декрет, признающий тебя человеком. Теоретически он может признать человеком даже мраморный памятник. Но вероятность издания как первого, так и второго декретов скорее всего ничтожна. Депутатами парламента являются люди, у которых до сих пор сохраняется недоверие к роботам.

— Неужели до сих пор?

— Да. Все бы охотно признали, что ты заслуживаешь называться человеком, но помехой является опасение в возникновении прецедента.

— Какого прецедента? Я единственный свободный робот. Первый и последний робот подобного типа. Другого никогда не будет. Это может подтвердить фирма «Универсум».

— «Никогда» — это слишком абстрактно, Эндрю. Или, если предпочитаете, мистер Мартин. Вы получите возмож-

ность убедиться в том, что большинство депутатов не захочет прецедентов, несмотря на их незначительность, мистер Мартин. Я сочувствую вам всем сердцем, но не буду поселять в вас надежды... Хуже того...

Ли Синг выпрямилась и, нахмутив брови, продолжала:

— Хуже того, если дебаты станут слишком горячими, то есть обсуждение начнется не только между членами парламента, но и среди жителей Земли, тогда может возникнуть угроза того демонтажа, о котором вы недавно упомянули. Ваше уничтожение может показаться самым простым решением проблемы. Прошу вас не забывать об этом, когда начнете форсировать дело.

— Но разве никто не вспомнит о том, что я сделал для человечества?

— Конечно, это жестоко, но люди способны забывать о таких вещах. А если даже и вспомнят, то могут использовать все это против вас: например, заявят, что вы имели в виду только самого себя, или назовут ваши добрые дела своего рода кампанией, направленной на роботизацию людей или же на очеловечивание роботов, но в любом случае это вещь плохая и вредная. К тому же вы никогда не занимались политикой. Так что уверяю вас, вы можете стать объектом столь гнусной клеветы, степень которой ни вы, ни я себе даже не представляем. И обязательно найдутся люди, которые поверят всему сказанному, мистер Мартин.

Ли Синг поднялась с кресла. Даже в сравнении с сидящим Эндрю она казалась хрупкой и миниатюрной, словно двенадцатилетняя девочка.

— Если я все-таки решусь на борьбу за мою человеческую сущность, будете ли вы на моей стороне? — спросил Эндрю.

Немного подумав, она ответила:

— Да, но, если мое участие в этом деле станет мешать моей политической карьере, мне придется вас покинуть. Среди тех дел, которым я себя посвятила, ваше не самое главное. Поймите, я стараюсь быть с вами совершенно искренней.

— Благодарю вас и не прошу о большем. Я все-таки намерен бороться, несмотря ни на какие последствия, и надеюсь только на ту помощь, которую вам не трудно будет мне оказать.

Борьба приняла затяжную форму. Контора «Фейнгольд и Мартин» призывала к терпению. Эндрю ожесточенно

бормотал, что чего-чего, а терпения у него хватит. Тогда фирма начала кампанию за сужение границ битвы.

Внимание общественности привлек процесс, который затеяла контора «Фейнгольд и Мартин». Должник с искусственным сердцем был освобожден от выплаты долга фирме на том основании, что обладание столь важным органом-протезом является идентификацией его с роботами и влечет за собой потерю человекоподобия, а вместе с тем и лишение конституционных прав.

Когда был вынесен окончательный приговор и фирма «Фейнгольд и Мартин» потерпела поражение, Ди Лонг по этому случаю дал обед.

— Мы приобрели две вещи,— заявил Ди Лонг,— и обе полезные. Прежде всего, подтвержден тот факт, что, несмотря на количество протезов, человеческое тело не перестает быть человеческим телом. Во-вторых, мы заинтересовали этой проблемой общественность, так что она без колебания приняла сторону более широкого понятия «человек», поскольку нет на свете человека, который бы не согласился продлить свою жизнь с помощью протезов.

— Можно ли надеяться на то, что парламент признает меня человеком? — спросил Эндрю.

Ди Лонг казался несколько озабоченным:

— В этом деле трудно быть оптимистом. Есть еще один орган, признанный Мировым судом как критерий человекоподобия. Человек рождается с органическим мозгом, состоящим из клеток. Робот же, наоборот, обладает позитронным мозгом, если он у него есть вообще. У тебя, без сомнения, позитронный мозг. Но, Эндрю, не смотри на меня так и не обижайся...

— Что же в таком случае необходимо делать?

— Нужно, конечно, попытаться.

Ли Синг сказала:

— Мы сделали все, что было в наших силах, Эндрю. Попробуем еще раз после каникул. Но, честно говоря, мы наверняка потерпим поражение, тогда, скорее всего, придется отказаться от этого дела. В последнее время мои попытки как-то помочь тебе привели к тому, что моя кандидатура вряд ли будет выставлена для избрания на еще один срок в парламент.

— Я знаю,— кивнул Эндрю.— Поверьте мне, я в отчаянии. Когда-то вы сказали, что оставите меня, если мои дела пойдут плохо. Почему же вы не сделали этого в самом начале избирательной кампании?

— Каждый свободен в выборе решения. Я и сама не знаю, почему так вышло, но бросить тебя сейчас — для меня слишком высокая цена за еще один срок в парламенте. Я и так была депутатом более четверти века. Думаю, с меня этого хватит.

— Может быть, есть какой-либо способ повлиять на общественное мнение?

— Мы постарались изменить мнение тех, кто способен к рациональному мышлению. Остальные — то есть большинство — не в состоянии избавиться от иррациональных предрассудков.

— Иррациональные предрассудки не являются достаточной причиной, чтобы голосовать за или против.

— Дело в том, что люди не осознают, как те или иные предрассудки диктуют им решения.

— Итак, все сводится к соперничеству клеток и позитронных ячеек. Но разве это повод? Может быть, есть способ провести функциональное определение? Разве так уж необходимо говорить, из чего состоит мозг? Пожалуй, было бы достаточно утверждать, что мозг является чем-то... способным к определенному уровню мышления.

— Ничего из этого не выйдет,— покачала головой Ли Синг.— Ты все еще стараешься найти логику в поведении людей. Не сердись, но в тебе от робота как раз то, что ты мыслишь логичнее, нежели человек.

— Я об этом знаю,— ответил Эндрю.— Если бы я решился...

— Если бы решился на что?..

Он давно знал на что и был уверен, что когда-нибудь все-таки решится... Поэтому он в конце концов и сидит сейчас у хирурга. Эндрю нашел хорошего врача-робота, способного безукоризненно сделать операцию,— человеку такую работу было доверить нельзя. Причем нельзя ни с точки зрения умения, ни с точки зрения намерения.

А хирург-робот не имел права делать подобные операции на людях, поэтому Эндрю после долгого раздумья перечеркнул Первый Закон несколькими словами:

— Я тоже робот.

Потом он добавил:

— Я приказываю тебе сделать мне операцию,— он произнес это тем решительным тоном, каким в последнее время научился обращаться даже к людям.

Поскольку Первый Закон не играл уже никакой роли, решительный приказ, отданный человеком или кем-то напоминавшим человека, привел в действие Второй Закон.

Эндрю казалось, что ощущение слабости возникает только в его воображении. Ведь он снова обрел здоровье после операции. Но, несмотря на это, он незаметно оперся о стену, чтобы не сесть, так как этим бы выдал себя. Ли Синг сказала:

— Окончательное голосование состоится на этой неделе. Я не могла больше тянуть, иначе мы проиграем... И это будет конец.

— Я благодарен вам за то, что вы мне дали время, которое я употребил на одно дело. Рискованное, но необходимое.

— Что такое? — забеспокоилась женщина.

— Я не мог говорить об этом раньше ни с вами, ни с кем бы то ни было из фирмы «Фейнгольд и Мартин». Я думал, что вы постараетесь удержать меня от этого. Поймите, ведь если камнем преткновения является мой мозг, то, по всей вероятности, речь идет о бессмертии. Кого по сути дела волнует, как этот мозг выглядит или каким образом сформирован. Важно, что клетки мозга умирают, потому что должны умирать. Даже если любой другой человеческий орган можно заменить, не уничтожая личность человека, с мозгом этого не сделаешь! Иначе личность исчезнет. Мои позитронные ячейки просуществовали 200 лет без каких бы то ни было заметных искажений и могут функционировать еще на протяжении веков. Не в этом ли заключается суть дела? Люди могут снисходительно относиться к бессмертному роботу, потому что не важно, как долго функционирует машина. Однако они не в состоянии быть терпимыми к бессмертному человеку — невозможно согласиться с неотвратимостью собственной смерти, если она не касается всех без исключения! Смерть является всеобщей! Именно поэтому люди не хотят признать во мне человека!

— К чему ты клонишь, Эндрю? — брови Ли Синг удивленно поползли вверх.

— Я ликвидировал это препятствие. До сих пор мой мозг был соединен с органическим телом. Во время последней операции, связь нарушилась, и теперь, мои позитронные ячейки медленно, но утрачивают свой потенциал.

По испещренному тоненькими морщинками лицу Ли Синг трудно было понять, о чем она думает. Наконец она произнесла:

— Значит, в результате последней операции ты стал смертным? Но это невозможно. Ты нарушаешь Третий Закон.

Ли Синг крепко схватила Эндрю за руку, как будто желала встряхнуть его, чтобы он пришел в себя. Однако она тут же овладела собой:

— Эндрю, ведь этого явно недостаточно. Вернись к прежнему состоянию!

— Поздно. Процесс зашел слишком далеко. Мне остался примерно год жизни. Я еще доживу до двухсотой годовщины моего рождения или, вернее, конструирования. Может быть, я должен стыдиться этой слабости, но мне хотелось бы отпраздновать свой юбилей.

— Стоило ли решаться на это, Эндрю. Если бы что-то подобное совершил человек, можно было бы подумать, что он обезумел.

— Вот я и поступил нелогично. Если благодаря этой операции меня признают человеком — игра стоила свеч. Если нет, то наступит конец моим напрасным усилиям, что тоже немаловажно.

Ли Синг не нашла, что сказать и неожиданно для себя расплакалась.

XXX

Как ни странно, этот последний поступок Эндрю сильно повлиял на воображение людей. Все, что он делал до сих пор, ни на кого не производило впечатления. Но Эндрю в своем стремлении стать человеком решился на последнее, чем окончательно обезоружил людей, — принял смерть. Конечно, подобное самопожертвование немыслимо было игнорировать.

Главное торжество преднамеренно тянули до его двухсотлетия. Президент Мира собирался подписать декрет и издать акт.

Все торжество намечалось транслировать по Всемирному телевидению, принимая во внимание даже лунные колонии и марсианские подземные города.

Эндрю сидел в кресле на колесиках. Он еще мог ходить, но уже очень неуверенно. Президент Мира произнес:

— Эндрю, пятьдесят лет назад тебя поздравляли как стопятидесятилетнего робота... — После паузы, уже более серьезным тоном, он добавил: — Мистер Мартин, сегодня мы признаем вас двухсотлетним человеком!

И Эндрю, раздумавшись, протянул руку, чтобы пожать ладонь президента.

XXX

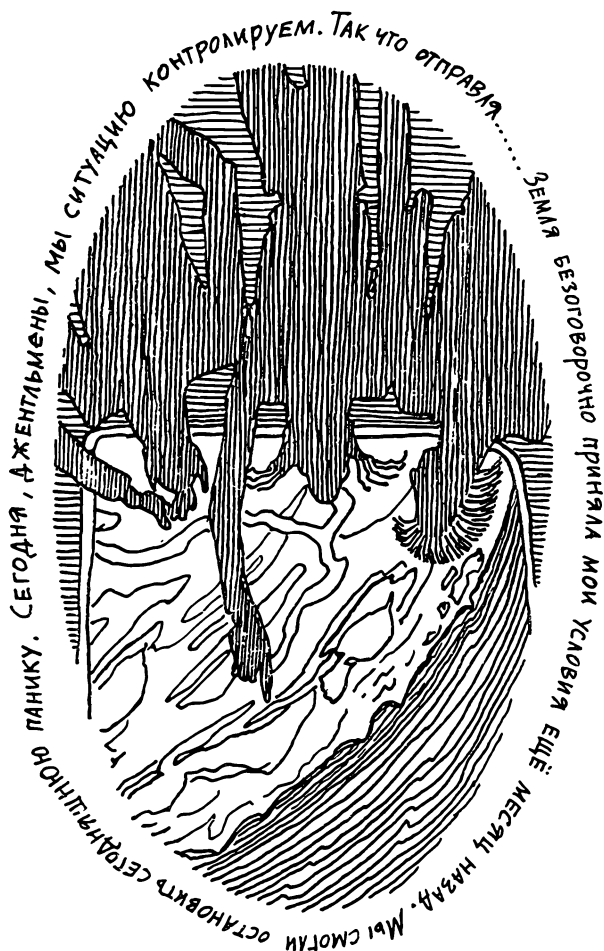
Эндрю лежал в постели. Его мысли все больше путались. Он отчаянно старался поймать их. Он — человек! Человек!!! Эндрю желал, чтобы эта мысль оказалась последней. Он хотел исчезнуть, вернее умереть, именно с этой счастливой мыслью.

Он еще раз открыл глаза и, наверное, уже в последний раз увидел серьезное, опечаленное лицо Ли Синг. Рядом были и другие люди, но они казались тенями, которые с трудом распознавал его мозг. И только Ли Синг выделялась на фоне наступающих вечных сумерек. Медленно он протянул ей руку и едва-едва почувствовал, как она сжала его ладонь. Ее фигура расплывалась, исчезая в его глазах, и так же медленно расплывались последние мысли Эндрю.

Но вот Ли Синг растворилась совершенно, когда родилась его самая последняя мысль, на мгновение задержавшаяся у него в голове, прежде чем все кончилось.

— Маленькая Барышня, — прошептал он тихо. Слишком тихо, чтобы кто-то из присутствующих мог его услышать.

ХОМО СОЛ

Семь тысяч пятьсот сороковая сессия Галактического Конгресса восседала торжественным конклавом в просторном полукруглом зале на Эроне, второй планете Арктура.

Председатель медленно поднялся и обвел взглядом собравшихся делегатов. Как и все арктурианцы, он отличался широким лицом, сейчас несколько покрасневшим от волнения. Перед тем как обратиться к делегатам с официальным заявлением, председатель выдержал паузу, чтобы придать происходящему особую торжественность.

Ведь в великую галактическую семью новые планетные системы принимались не так уж часто. Иной раз в ожидании подобного события можно было прожить целую человеческую жизнь.

Длинной паузе председателя делегаты ответили не менее долгим молчанием.

Двести восемьдесят восемь планет с кислородной атмосферой и гидрохимизмом входили в Систему. Двести восемьдесят восемь делегатов присутствовало на сессии.

Здесь были представлены существа всех человекообразных форм и обликов: высокие и худые, широкие и дородные, низенькие и коренастые. Некоторых отличали гибкие волосы, кое у кого редкий серый пух покрывал всю голову и лицо. Встречались пышные кудри, уложенные в высокую прическу. Но в большинстве своем делегаты были лысыми. Одни выделялись крупными ушными раковинами, поросшими волосами, у других выпячивались на макушку слуховые мембраны. Глаза некоторых, словно у газелей, отливали глубоким пурпуром, крохотные зрачки других напоминали черные бусинки. Попадались делегаты с зеленой кожей, а отдельные гуманоиды могли похвастать наличием небольшого хвоста и даже восьмидюймового хоботка вместо носа.

Но все они походили друг на друга тем, что являлись гуманоидами и обладали разумом.

Наконец пауза кончилась. Снова загудел голос председателя собрания:

— Делегаты! Система Солнца раскрыла тайну межзвездных перелетов. На основании этого факта она может быть принята в состав Галактической Федерации.

Сообщение вызвало бурю аплодисментов, и арктурианец поднял руку, призывая к тишине.

— Передо мной,— продолжал он,— официальный рапорт с Альфы Центавра, на пятой планете которой высадились гуманоиды с Солнечной системы. Рапорт полностью положителен, потому запрет на полеты в Солнечную систему и коммуникации с ней может быть снят. Солнце теперь открыто для кораблей Федерации. В настоящее время готовится экспедиция под руководством Джоселина Арна с Альфы Центавра с тем, чтобы передать этой системе формальное предложение на вступление в Федерацию.

Он сделал паузу. Двести восемьдесят восемь делегатов принялись скандировать:

— Слава тебе, хомо сол! Слава тебе, хомо сол! Слава!

Таким было традиционное приветствие Федерации всех ее новых членов.

XXX

Там Порус выпрямился во все свои пять футов два дюйма — хотя на родном Ригеле он был роста выше среднего — и, плохо скрывая раздражение, окинул собеседника быстрым, но пронизательным взглядом зеленых глаз.

— Такие вот дела, Ло Фан. Вот уже шесть месяцев этот уродец, этот проклятый сквид с Беты Дракона ставит меня в тупик.

Ло Фан осторожно дотронулся до своего лба длинными пальцами, при этом одно из его волосатых ушей несколько раз дернулось в судороге. Он проделал пятьдесят восемь световых лет, чтобы побывать на Арктуре II у крупнейшего психолога Федерации и — самое главное — посмотреть на этого странного моллюска, реакции которого завели в тупик великого ригелианина.

На первый взгляд сквид ничем не отличался от других сквидов: жирная, тускло-пурпурная масса мягкой плоти,

равнодушно распустившая шупальцеобразные отростки по всей поверхности огромного бака с водой.

— Да, выглядит достаточно ordinarily,— заметил Ло Фан.

— Ха,— фыркнул Тан Порус.— Сейчас увидите!

Он щелкнул выключателем, свет погас, тусклый голубой луч рассеял темноту и осветил бак с водой, в котором, не обращая ни на кого внимания, безразлично плавал сквид с Беты Дракона.

— Даем стимул,— сообщил Порус.

Экран над головой наполнился мягким зеленым светом, точно сфокусировавшимся на баке. Через мгновение зелень сменилась тускло-красным и почти сразу ярко-желтым светом. С полминуты освещение менялось, сдвигаясь по спектру, когда же сделалось ослепительно белым, раздался чистый, напоминающий колокольчик звук.

Но вот стихло эхо, вторившее колокольчику, и по телу сквида прокатилась дрожь. Затем сквид медленно сместился к краю бака. Порус потянулся к занавеске.

— Этот звук вообще-то усыпляет,— проворчал он.— Еще одна неудача. Любой сквид, с которым нам приходилось иметь дело, камнем шел ко дну, стоило ему услышать эту ноту.

— Усыпляет, говорите? Странно. Вы строили графики импульсов?

— Непременно. Там все в порядке. Отмечена точная длина используемых световых волн, продолжительность каждого светового диапазона, указано точное значение тона звукового сигнала в конце.

Ло Фан, не скрывая сомнения, изучал график, при этом лоб его покрылся морщинами, уши удивленно торпорщились. Он достал логарифмическую линейку из внутреннего кармана:

— Какого типа нервная система у этого животного?

— 2-Б. Простенькая и ordinary 2-Б. Я заставил анатомов, физиологов и экологов уточнить это, что они и делали до посинения. И все же они утверждают: 2-Б! Проклятые дураки!

Ло Фан ничего не ответил, только аккуратно стал перемещать туда-сюда движок линейки. Остановился, пригляделся как следует, пожал плечами и потянулся к одному из толстенных томов, стоявших на полке у него за спиной. Зашелестел страницами, подбирая близкие значения среди приведенных в таблицах, завершил свои манипуляции и беспомощно произнес:

— Бессмыслица!

— Сам знаю. Я шестью разными способами пробовал рассчитать эту реакцию и каждый раз терпел неудачу. Даже когда я выстраивал систему, объясняющую, почему эта тварь не засыпает, я не мог понять специфического воздействия раздражителя.

— А оно очень специфическое? — спросил Ло Фан, и голос его зазвучал в самом верхнем регистре.

— И это самое скверное, — отрезал Тан Порус. — Ведь он должен засыпать, если сместить длину световой волны на пятьдесят ангстрем в любую сторону, в л ю б у ю ! А тут меняешь время светового облучения на две плюс-минус секунды, но он не засыпает. Тогда попробуешь сменить высоту конечного звукового сигнала на восемь октав в любом направлении — он все равно не засыпает. Но стоит угадать какую-то определенную комбинацию — и результат налицо: спит мертвым сном!

Уши Ло Фана превратились в два напряженных волосатых полотнища.

— Галактика! — прошептал он. — Так вы споткнулись на комбинации?!

— Не я. Это случилось на Бете Дракона. Мои провинциальные классные коллеги проводили лабораторное занятие для первокурсников, демонстрируя реакцию моллюсков на свет и звук, — было это несколько лет назад. И вот у одних студентов сложилась случайная свето-звуковая комбинация, при которой это пакостное существо погрузилось в сон. Разумеется, они решили, что тронулись рассудком, и бросились к наставнику. Наставник проверил реакцию другого сквида, уснувшего так же быстро. Тогда изменили комбинацию — сна как не бывало. Они вернулись к начальной — снова сон. Когда наконец они достаточно долго с ним провозились, то поняли, что даже не могут разобраться, где у сквида голова, а где хвост. Они отослали сквид на Арктур, пожелав побыстрее докопаться до истины. И вот уже целых шесть месяцев мне не удастся даже вздремнуть как следует.

Раздался музыкальный звонок, Порус нетерпеливо обернулся:

— В чем дело?

— Посланник от председателя сессии Галактического Конгресса, сэр, — слышался металлический голос из коммуникатора на столе.

— Пусть войдет.

Посланник приблизился, церемонно вручил Порусу запечатанный конверт и энергично произнес:

— Великие новости, сэр. Система Солнца квалифицирована как достойная принятия.

— Что дальше? — фыркнул Порус. — Мы давно все знали, что так и будет.

Он достал из прозрачного целлофана пачку бумаг и углубился в их изучение.

— О Ригель!

— В чем дело? — поинтересовался Ло Фан.

— Эти политикины осмеливаются меня беспокоить по самому ничтожному поводу. Можно подумать, на Эроне нет другого психолога. Взгляните только. Мы предполагали, что солариане откроют гиператомный принцип в ближайшее столетие. Они наконец-то до этого додумались, и их экспедиция совершила посадку на Альфу Центавра. Разумеется, для политиканов такой праздник! Теперь нам следует отправить собственную экспедицию, чтобы пригласить их вступить в Федерацию. И, ясное дело, для этого требуется психолог, способный вручить приглашение самым милым образом, заранее предугадав их реакцию. Ведь в армии вряд ли найдется хоть один солдат, который бы обладал навыками психологии даже в очень малой степени.

Ло Фан совершенно серьезно кивнул:

— Знакомо, знакомо. У нас случались такие же трудности. Психологи им ни к чему, пока они не вляпаются в неприятности. Тогда же мчатся к нам со всех ног.

— Ладно, то, что я не отправлюсь к Солнцу, совершенно очевидно. Этот дрыхнувший сквид слишком важен, чтобы обойти его своим вниманием. Работа там рутинная, как всегда с присоединением новых миров: реакция А-типа, с которой любой первокурсник справится.

— И кого вы пошлете?

— Еще не решил. Под моим началом трудилось несколько неплохих юнцов. Они выполняют это задание с закрытыми глазами. Поручу кому-нибудь из них. Кстати, надеюсь видеть вас завтра вечером на встрече факультета.

— Увидите... И даже услышите. Мне предстоит произнести речь о возбудителях указательного пальца.

— Прекрасно! Я над этим тоже работал, так что интересно будет послушать, до чего вы там додумались. Значит, до завтра!

Оставшись один, Порус еще раз взялся за официальный рапорт с Солнечной системы, который вручил ему порученец. Ученый неторопливо, но без особого интереса полистал его, потом отложил со вздохом.

— Лор Харидин с этим справится, — пробормотал он сам себе. — Славный парнишка, стоит дать ему шанс.

Тан Порус вырвал из объятий кресла свои тощие бедра, сунул рапорт под мышку, вышел из кабинета и быстро двинулся по длинному наружному коридору. Когда он остановился перед дверью в дальнем конце, охранная вспышка осветила его и голос изнутри предложил войти. Ригелианин открыл дверь, сунул внутрь голову:

— Занят, Харидин?

Лор Харидин поднял глаза и тут же вскочил..

— Великий космос, босс, нет! Мне просто зачем заниматься с тех пор, как я завершил работу над реакцией злости. Может быть, вы подыскали для меня что-нибудь? — спросил он с надеждой.

— Подыскал... если, конечно, ты уверен, что справишься. Слышал о Солнечной системе?

— Ясное дело! Все визоры ею забиты. Они научились осуществлять межзвездные перелеты, я не ошибся?

— Не ошибся. Через месяц с Альфы Центавра к Солнцу отправится экспедиция. Им требуется психолог для тонкой работы. Я подумал: не послать ли тебя?

Молодой человек от удовольствия залился краской вплоть до макушки лысого черепа:

— Вы не передумаете, босс?

— С чего бы? Можешь заняться, если наверняка знаешь, что справишься.

— Разумеется, справлюсь. — Лицо Харидина вытянулось от обиды. — Реакция А-типа, тут не ошибешься.

— Видишь ли, тебе придется освоить язык соляриан и управлять их реакциями так, чтобы им все было понятно. А это не всегда просто.

Харидин пожал плечами:

— Я не должен ошибиться. В подобных делах переводу требуется лишь 75 процентов эффективности, чтобы добиться необходимой реакции с точностью девятью девятью и шесть десятых процента. Так что здесь, шеф, вы меня не собоете.

Порус рассмеялся:

— Ладно, ладно, Харидин, знаю, тебя на мякине не проведешь. Но все-таки постарайся не подвести меня. Закругляйся здесь, в университете, подавай заявление о бессрочном отпуске и, если получится, напиши какую-нибудь статейку об этих солярианах. Если все пройдет удачно, ты сможешь приобрести неплохое положение.

Молодой ученый нахмурился:

— Но, шеф, все это уже устарело. Реакции гуманоидов известны слишком хорошо, тут просто не о чем больше писать.

— Всегда что-нибудь отыщется, если присмотреться повнимательнее, Харидин. В природе нет ничего, исследованного до конца и полностью, не забывай об этом. Если сейчас ты посмотришь таблицу 25 в докладе, то обнаружишь там некоторые сведения, вызывающие беспокойство: соляриане оснащают свои корабли оружием с особой тщательностью.

Харидин отыскал указанное место.

— Вполне разумно,— заметил он.— Совершенно нормальная реакция.

— Согласен. Но они не собираются отказываться от оружия, даже не смотря на особую теплоту встречи с братьями по разуму. Займись этим, вдруг обнаружишь что-нибудь очень важное.

— Ну... раз вы так говорите... Благодарю, что вы предоставили мне такой шанс. Да... сдвинулись с места в экспериментах со сквидом?

Порус наморщил лоб:

— Уже шестой по счету скорчился и вчера вообще подох. Какая безвкусица.

С этими словами ученый развернулся, и Харидин не успел опомниться, как остался один.

XXX

Тан Порус проглядел полученные бумаги, сложил их вдвое, разорвал пополам. Он чувствовал, что начинает дрожать от ярости, и, резко пододвинув к себе телекоммуникатор, рывкнул в микрофон:

— Сантина мне из математического управления, немедленно!

Зеленые глаза Поруса метали молнии, а по ту сторону экрана улыбалось безмятежное лицо, которому психолог показал огромный кулак:

— Найдется на Эроне хоть один человек, способный разобраться в этом анализе, что вы только что мне прислали, слиянник с Бетельгейзе!

Изображение с кротким недоумением подняло брови:

— Не сваливайте все на меня, Порус. Это же ваши уравнения, не мои. Откуда вы их выкопали?

— Вас не касается, где я их взял. Это забота департамента психологии.

— Отлично! Но решать их — забота департамента математики. Ваша семерка образует такую дьявольскую головоломку, какие мне еще не встречались. К тому же вы допустили семнадцать приближений, которыми не имели права пользоваться. У нас ушло две недели, пока удалось распутать и кое-что сократить.

Порус подпрыгнул, словно от удара:

— Знаю я, что вы там насокращали! Я просмотрел выкладки. Вы берете семнадцать независимых переменных в тринадцати уравнениях, тратите два месяца на работу, наконец-то добираетесь до сути и излагаете на последней странице истину, которую в силах понять только оракул: «а» равно «а». Работа сделана. Молодцы!

— Я тут ни при чем, Порус. Ваши уравнения замкнулись сами на себе, математически получается, что они равнозначны, тут ничего не поделаешь. — Сантин снисходительно улыбался с экрана. — Кстати, чего вы кипятитесь. Ведь «а» и должно быть равно «а», не так ли?

— Сгинь!

Экран погас, и психолог плотно стиснул зубы, ощущая, как душа разрывается на части.

Световой сигнал на телекоммуникаторе вновь подал признаки жизни.

— Что там еще?

В ответ раздался вежливый безразличный голос секретаря:

— Посланник от правительства, сэр.

— К чертям правительство! Скажите им, что я умер!

— Это важно, сэр. Лор Харидин вернулся с Солнца и хочет вас видеть.

Порус нахмурился:

— С Солнца? Какого еще Солнца? Ах да, вспомнил! Пускай входит, но попроси его поторопиться.

— Заходи, заходи, Харидин, — говорил он немного погодя. Чувствовалось, что он рад видеть своего молодого коллегу, еще более помолодевшего и слегка похудевшего

с тех пор, как шесть месяцев назад он покинул Арктур.— Ну-с, молодой человек, статью написали?

Арктурианец внимательно разглядывал свои ногти.

— Нет, сэр.

— Но почему? — ригелианский психолог подозрительно прищурился.— Только не говорите мне, что возникли сложности...

— Честно говоря, да, шеф,— с трудом выдавил Харидин.— Психологический отдел обратится непосредственно к вам после того, как вы заслушаете мой отчет. Суть дела в том, что Солнечная система отказалась вступить в Федерацию.

Тан Порус пулей выскочил из своего кресла, так что чуть было не оступился:

— Что!?

Харидин с несчастным видом кивнул и откашлялся.

— Ну и ну, клянусь Великой Темной Туманностью,— проревел ригелианин как безумный.— Ничего не скажешь, праздничный сегодня денек. Сначала мне сообщают: «а» равняется «а», потом ты заявляешь, что напортачил с реакцией А-типа, причем окончательно!

Молодой психолог вспыхнул:

— Я ничего не напортачил. Что-то не в порядке с самими солярианами. Они ненормальные. Когда я прилетел, они устроили фантастические празднества и вели себя настолько необузданно, что я решил: уж не свихнулись ли они. Я выступил с приглашением перед парламентом на их же языке. Есть у них такой простенький, называется эсперанто. Могу поклясться, мой перевод был на девяносто процентов адекватным.

— Допустим. Что дальше?

— Остального я не в силах понять, шеф. Поначалу последовала нейтральная реакция, удивившая меня, а затем...— он вздрогнул от воспоминаний,— через семь дней, всего через семь дней вся планета полностью переменила к нам отношение. Я не смог понять их психологию, я ощущал себя так, будто нахожусь в сотне миль от них. Вот копии газет того периода, в которых они протестуют против союза с «чужеродными монстрами» и отказываются подчиняться нелюдям, живущим во многих парсеках от них. И я подумал: есть ли смысл во всем этом? Но это только начало. Мне кажется, в жизни моей не было световых лет хуже. Милосердие Галактики, я все силы бросил на реакцию А-типа, пытался вычислить ее и не смог. В конце концов нам пришлось отступить. Мы испытали чисто

физическую угрозу со стороны этих... землян, как они себя называют.

Тан Порус прикусил губу:

— Интересно. Отчет с тобой?

— Нет. Он у психологической группы. Все эти дни они его чуть ли не с микроскопом изучают.

— И что же они выискали?

Молодой арктурианец скривился:

— Прямо не говорят, но, мне кажется, у них создалось такое впечатление, будто ответы в отчете ошибочны.

— Ладно, поговорим об этом, когда я его прочту. А пока отправимся в зал парламента и по дороге ты мне ответишь на кое-какие вопросы.

XXX

Джоселиан Арн, военный с Альфы Центавра, потер шетинистый подбородок шестипалой рукой и взглянул из-под нависших бровей на ученых, которые сидели полукругом и с большим вниманием глядели на него. В состав психологической группы входили психологи с двух десятков планет, и выдержать их одновременные внимательные и серьезные взгляды было не таким уж легким делом.

— Нас информировали,— начал Фриан Обель, руководитель группы с Веги, родины зеленокожих людей,— что разделы отчета, касающиеся военного уровня солариан, написаны вами.

Джоселиан Арн наклонил голову в знак молчаливого согласия.

— И вы готовы отстаивать то, что написали, несмотря на полное их неправдоподобие? Вы ведь не психолог?

— Нет! Но я солдат! — челюсти центаврианина упрямо выпятились, когда его голос прогремел над залом.— Я не разбираюсь в уравнениях, не понимаю графиков, но смыслю в звездолетах. Я видел их корабли, хорошо знаю наши и считаю, что их звездолеты лучше. Я видел их самый первый корабль. Дайте им сотню лет, и их гипер-атомный привод во всем превзойдет наш. А их оружие?! Они располагают почти всем тем, что есть у нас, хотя при этом отстают на тысячелетия исторического развития. То, чего у них нет, они изобретут. Это наверняка. А то, что у них есть, они непрерывно совершенствуют. Например, военные заводы. Наши более современны, зато их — более эффективны. А что касается солдат, то я скорее предпочел

бы сражаться вместе с ними, чем против них. Обо всем этом говорится в моем отчете, и я не устану повторять это снова и снова.

На этом его резкое, отрывистое выступление закончилось. Фриан Обель подождал, пока стихнет возбужденное перешептывание среди присутствующих:

— А чего достигли солариане в остальных областях науки: медицине, химии, физике? Что вы можете сказать об этом?

— Здесь я не могу быть судьей. У вас же есть отчет тех, кто в этом лучше разбирается. И исходя из того, что я знаю, конечно, их поддерживаю.

— А эти солариане, они настояще гуманоиды?

— Если судить по критериям Центавра — да.

Старый ученый с раздраженным видом опустил в свое кресло и бросил хмурый взгляд вдоль стола.

— Коллеги,— произнес он,— мы добились малого успеха в том, чтобы по-новому оценить всю эту путаницу. Перед нами раса гуманоидов на высочайшем технологическом подъеме, которой в то же время присуща антинаучная вера в сверхъестественное, невероятное, дэтское пристрастие к индивидуализму, одиночному и групповому, и, хуже всего, отсутствие достаточно широкого кругозора, чтобы воспринять внегалактическую культуру.

Фриан Обель взглянул на сидевшего напротив угрюмого центаврианина и продолжил:

— Именно с такой расой мы имеем дело, если верить отчету. Значит, придется пересмотреть все фундаментальные аксиомы психологии. Но я лично отказываюсь верить подобному, выражаясь вульгарно, кометному газу. Если откровенно, то все упирается в неумение подобрать нужных специалистов для этого исследования. Надеюсь, вы все согласитесь со мной, когда я скажу, что этот отчет можно смело выбросить. Только следующая экспедиция, составленная из специалистов в своей области, а не учеников-психологов и солдат...

Монотонный голос ученого внезапно прервал удар железного кулака по столу. Джоселиан Арн, чье огромное тело содрогнулось от ярости, утратил выдержку, давая выход скопившемуся гневу:

— Нет уж, клянусь трясущимся отродьем Темплиса, червяками ползучими и комарами летучими, выгребными ямами и чумными язвами, клянусь одеянием самой смерти, такого я не потерплю! Вы, значит, расселись тут со своими теориями, со своей всеобъемлющей мудро-

стью и отрицаете то, что я видел собственными глазами. Или же мне не верить глазам своим, — он говорил, и глаза его сверкали огнем, — только лишь потому, что вы своими параличными ручонками испачкали бумагу парочкой уклончивых замечаний! На Центавре не продохнешь от этих мудрецов, что задним умом крепки, скажу я вам. И в первую очередь психологи, чтоб их разорвало. Уткнулись в свои талмуды, позапирались в лабораториях и в упор не видят того, что происходит в живом мире вокруг них. Психология, как же! Гнилые, вонючие...

Пряжка на его поясе грозила отлететь, глаза сверкали, лицо пылало, кулаки сжались. Но вот его взгляд остановился на крохотном человечке, в свою очередь смотревшем на Арна, и вояка вдруг почувствовал, что не может оторвать своих глаз от этих зеленых, загадочных и внимательных, пронизывающих насквозь. Это действовало на великана как ушат холодной воды.

— Я тебя знаю, Джоселиан Арн, — Тан Порус говорил медленно, старательно выговаривая слова. — Ты мужественный человек и хороший солдат, но я вижу, не любишь психологов. Это скверно для тебя, поскольку именно на психологии основаны политические успехи Федерации. Стоит от нее отказаться, и наш союз развалится, наша великая Федерация распадется. Галактическое объединение рухнет. — Его мягкий голос обволакивал, действовал как музыка. — Ты давал великую клятву защищать Систему от всех ее врагов, Джоселиан Арн, а теперь сам стал величайшей ее опасностью. Ты разрушаешь фундамент, потому что подкапываешь под основу, отравляя ее истоки. Ты беспринципен, бесчестен. Ты — изменник!

Центаврианский воин беспомощно потупил взгляд, опустил голову. Порус говорил, а его охватывало болезненное и глубокое раскаяние. Воспоминание о собственных словах мгновением позже тяжким грузом легло на его плечи, на его совесть. Когда психолог кончил, Джоселиан опустил голову и зарыдал. Слезы потекли по изрезанному боевыми шрамами лицу, по которому они не текли уже лет сорок.

Порус снова заговорил, но теперь его голос был подобен ударам грома:

— Хватит ныть, трус! Опасность надвигается! К о р у ж и ю !

Джоселиан Арн мгновенно насторожился; печаль, охватившая его, молниеносно исчезла, точно ее вовсе не существовало. Зал содрогнулся от хохота: воин разобрался в ситуации. Таким способом Порус решил наказать его.

С его превосходным знанием оковых воздействий на мозг гуманоида ему достаточно было надавить на соответствующую кнопочку и...

Центаврианин смущенно прикусил губу, но ничего не сказал.

Правда, Тан Порус тоже не смеялся. Довести вояку до слез — одно дело, но унижить его — совсем другое. Он быстро выбрался из кресла и похлопал маленькой ручкой по могучему плечу Арна:

— Не обижайтесь, друг мой, это всего лишь небольшой урок, не более. Боритесь с субгуманоидами и враждебным окружением в полусотне миров! Рвитесь в космос на протекающем, дряхлом вертолете! Бросайте вызов любой опасности, какой заблагорассудится! Но никогда, н и к о г д а не задевайте психологов! В следующий раз мы можем рассердиться всерьез.

Арн откинул назад голову и захохотал. Его могучий раскатистый рев больше смахивал на землетрясение, и зал содрогнулся.

— Я получил хороший урок, психолог. Разнеси меня на атомы, если ты не прав.

Большими шагами он вышел из зала, а его плечи все еще вздрагивали от сдерживаемого смеха.

Порус нырнул в свое кресло и повернулся лицом к присутствующим:

— Коллеги, мы с вами споткнулись на интересной расе гуманоидов.

— Ну-ну,— едко произнес Обель,— великий Порус почувствовал необходимость взять своего ученика под защиту.— Похоже, ваша способность усваивать материал улучшилась, поскольку вам все-таки хотелось принять на веру доклад Харидина.

Харидин, стоя в стороне, почувствовал, что краснеет, наклонил голову и не произнес ни слова. Порус нахмурился, но голос его ничуть не изменился:

— Вот именно. И доклад, если его должным образом проанализировать, может привести нас к революции в науке. Это же для психологии золотые россыпи, а хомо сол — находка, случающаяся раз в тысячелетие!

— Говорите конкретнее, Тан Порус,— протянул кто-то.— Ваши трюки хорошо срабатывают на тупоголовых центаврианах, но на нас-то они не действуют.

Вспыльчивый маленький ригелианин буквально зашипел от возмущения, погрозив говорившему маленьким кулачком:

— Можно и поконкретнее, Инар Тубал, клоп ты волосатый, космический.— Благоразумие, казалось, сейчас отступит перед охватившей Поруса яростью.— Да здесь найдется материала для работы больше, чем вы себе можете представить. И уж, конечно, гораздо больше, чем вы, умственные калеки, способны понять. Нет, просто необходимо ткнуть вас в ваше же невежество, вы, сборище иссохших ископаемых. Могу гарантировать, что продемонстрирую вам немного психотехнологии, так что у вас все кишки перевернутся. Я вам обещаю панику, дебилы, панику! Всемирную панику!

Наступила мертвая тишина.

— Вы сказали, панику? — заикаясь от услышанного, проговорил Обель, причем его зеленые глаза почему-то стали серыми.— Всемирную панику?

— Именно, попугай несчастный. Дайте мне шесть месяцев и шестьдесят ассистентов, и я продемонстрирую вам мир, охваченный паникой.

Обель тщетно пытался ответить. Он скривил рот в героическом усилии сохранить серьезность и не смог этого сделать. Тогда, словно по сигналу, все общество психологов разразилось в едином пароксизме хохота.

— Помню,— с трудом выдавил Инар Тубал, сирианин, смеявшийся так сильно, что из его глаз брызнули слезы,— был у меня один студент. Так вот однажды он заявил, что открыл способ, которым можно вызвать всемирную панику. Я проверил его вычисления и обнаружил: он возвел в степень число, не так отделив целое от дроби. Так что он сбился всего на десять порядков. На сколько порядков сбились вы, коллега Порус?

— Порус, разве вы не знаете закона Краута, согласно которому невозможно вызвать панику более чем у пяти гуманоидов одновременно? Может, нам и атомную теорию отменить, если мы ее не понимаем? — весело прохихикал Семпер Гор с Капеллы.

Порус выскочил из кресла и схватил председательский молоток Обеля:

— Любой, кто вздумает снова засмеяться, получит вот этим молотком по своей пустой башке.

Тотчас стало тихо.

— Я беру с собой пятьдесят ассистентов, а Джоселиан Арн доставит меня к Солнцу,— отрезал зеленоглазый ригелианин.— Но я требую, чтобы со мной отправились пятеро из вас: Инар Тубал, Семпер Гор и еще трое на ваш выбор, чтобы я мог полюбоваться их дурацкими выраже-

ниями физиономий, когда продемонстрирую то, что обещал.— Он угрожающе посмотрел на молоток.— Ну?

Фриан Обель, стараясь казаться серьезным, решил не смотреть на Поруса и потому уставился в потолок:

— Договорились, Порус. С вами отправятся Тубал, Гор, Хелвин, Прат и Винсен. В конце отведенного срока или мы оказываемся свидетелями всемирной паники, что будет очень приятно, или же услышим, как вы станете отказываться от собственных слов, что доставит нам еще большее удовольствие.

Вынеся это постановление, он хихикнул про себя.

XXX

Тан Порус задумчиво глядел в окно. Перед ним до самого горизонта раскинулся Терраполис, столица Земли. Приглушенный шум города слышался даже здесь, на полукилометровой высоте, где он находился.

Было что-то в этом городе невидимое и неосоздаемое, но не становившееся от этого менее реальным. И наличие оного являлось для маленького психолога более чем очевидным. Удушающая пелена липкого страха опустилась на весь мегаполис. Он сам ее вызвал: ужасающую пелену темной неуверенности, смыкающуюся холодными пальцами на горле человечества ненадолго, всего лишь на чуть-чуть, чтобы прекратить подлинную панику.

Именно об этом говорили голоса, сливавшиеся в шум города, и каждый голос состоял из крохотных крупиц страха. Ригелианин с неудовольствием отвернулся.

— Эй, Харидин! — рявкнул он.

Молодой арктурианец оторвался от телевизора:

— Вы меня звали, шеф?

— А что, по-твоему, я еще делал? Сам с собой беседовал? Что было в последней сводке из Азии?

— Ничего нового. Стимулы еще недостаточно сильны. Похоже, у желтокожих более флегматичная натура, чем у белого большинства Америки и Европы. Но я распорядился все же не усиливать воздействия.

— Да-да,— согласился Порус.— Усиливать не надо. Мы не можем рисковать. Активная паника чревата последствиями.— Он задумался.— Слушай-ка, мы почти у цели. Скажи, чтобы ударили по нескольким крупным городам,— они более восприимчивы — и на том остановимся.

Он опять повернулся к окну:

— Великий Космос, ну и мир!.. Открывается совершенно новая ветвь психологии... мы о такой и мечтать не могли. Психология толпы, Харидин, психология толпы.

Порус выразительно покачал головой.

— Зато у нас множество неприятностей,— пробормотал юноша.— Эта пассивная паника полностью парализовала торговлю и коммерцию. Деловая жизнь на всей планете остановилась. Несколько правительств бессильны. Они никак не могут понять, что приключилось.

— Они поймут, когда я сочту необходимым им это растолковать. Что до неприятностей, мне от них тоже мало удовольствия. Но главное, что все это означает конец, дьявольский и важный конец.

Последовало продолжительное молчание, потом губы Поруса сложились в некое подобие улыбки.

XXX

— Эти пять придурков сегодня возвращаются из Европы, не так ли?

Харидин кивнул и улыбнулся:

— Да. И чувствуют себя прескверно. Ваши предсказания сбылись наполовину. Они согласятся на ничью.

— Прекрасно! Жаль, что я не смогу видеть физиономию Обеля сразу после того, как он получит мое сообщение. Кстати,— Порус заговорил тише,— какие новости от них?

Харидин показал два пальца:

— Две недели, и они будут здесь.

— Две недели... две недели... — Порус торжествовал. Он вскочил и направился к двери.— Думаю, что мне следует навестить наших дорогих уважаемых коллег и провести с ними остаток дня.

XXX

Когда появился Порус, пятеро ученых, входивших в группу, оторвались от своих записей и воцарилось смущенное молчание.

Психолог злорадно усмехнулся:

— Записи вас устраивают, джентльмены? Основные мои предсказания процентов на 50-60 ошибочны, не так ли?

Хиброн Прат с Альфы Цефея встопорщил на голове свой серый мех, который он именовал волосами:

— Я не доверяю вашим дьявольским трюкам и ненормальным математическим выкладкам.

Ригелианин коротко хохотнул:

— Тогда выдумайте что-нибудь получше. Как бы там ни было, но разве скверный метод управления реакциями не сработал?

Немузыкальный фон покашливаний заменил конкретный ответ.

— Что, не так? — громыхнул Порус.

— Ладно, пусть даже так, — сказал Винсен, все еще пытаясь сопротивляться. — Но где ваша паника? Все обстоит тихо-мирно. А вы нам обещали шумное представление с этими космическими уродцами, местными гуманоидами! Пока вы не смогли нарушить закон Краута, все ваши конструкции не стоят даже следа обгорелого метеорита.

— Вы и без того проиграли, джентльмены! Да, проиграли! — ликовал миниатюрный корифей психологии. — Я доказал саму идею, ведь с точки зрения классической психологии эта пассивная паника столь же невозможна, как и активная ее форма. Конечно, вам не хочется ударить лицом в грязь. Вот вы и пытаетесь отрицать факты и тянете волюнку с техническими деталями. Собирайтесь домой, джентльмены, ведь вам место в теплых постельках.

Психологи, несмотря на всю свою ученость, все равно были людьми со всеми их человеческими слабостями. Они могли анализировать свои побудительные мотивы, но при этом оставались рабами мотивов в той же степени, как и любой простой смертный. И поэтому сейчас эти прославленные на всю Галактику психологи корчились от мук оскорбленного самолюбия и невероятного тщеславия, что механически выливалось в тупое упрямство. Они все это прекрасно понимали и знали, что Порус тоже это понимает, но ничего не могли с собой сделать.

Инар Тубал злобно сверкнул глазами с красными ободками:

— Активная паника или ничего, Тан Порус. Вы нам это обещали, и мы требуем. Да, мы настаиваем на буквальном выполнении, а на все технические нюансы, клянусь пространством и временем, нам начхать. Или активная паника, или мы засчитываем вам поражение.

Порус еле сдерживал свое раздражение и только благодаря чудовищному усилию воли заставил себя говорить спокойно:

— Будьте же разумны, джентльмены. У нас нет оборудования для прекращения активной паники. Нам нечего

противопоставить этой сверхразновидности, с которой мы столкнулись здесь, на Земле. Что если она выйдет из-под контроля?

И в знак протеста Порус яростно замотал головой.

— Изолируем их, и все! — прорычал Семпер Гор.— Начинайте, нечего тянуть. Можете пользоваться любыми средствами, на ваше усмотрение, лишь бы сработало.

— Если сумеете,— добавил Прат.

Больше сдерживать свои чувства Тан Порус не хотел и решил, что может позволить себе слегка расслабиться. Тотчас его меткий и злой язычок как вихрь вырвался наружу и погреб маленького психолога в волнах концентрированных ругательств.

— Будь по-вашему, вакуумноголовые! Будь по-вашему, чтобы на вас небеса обрушились! — У него перехватило дыхание от гнева.— Мы начнем прямо здесь, в Тераполисе, как только все население разойдется по домам. Но вы очень хорошо подумайте, чем этот пожар будете тушить!

Он раздраженно фыркнул и исчез за дверью.

XXX

Легким движением руки Тан Порус приоткрыл занавеску, и пятеро психологов повернулись к нему, отводя в сторону глаза. Гражданское население покинуло улицы земной столицы. Уверенный топот солдат, патрулирующих городские магистрали, звучал панихидой. Неприветливое небо низко нависло над грудami павших тел. На смену дикой разрушительной оргии пришло гробовое молчание.

— Опыт произведен. На это потребовалось всего несколько часов, коллеги,— в голосе Поруса чувствовалась усталость.— Если паника распространится за пределы города, мы окажемся бессильны остановить ее.

— Кошмар, кошмар! — пробормотал Прат.— Ради такой сцены психологу не жалко без руки остаться, даже можно и жизнью riskнуть.

— И это — гуманоиды! — простонал Винсен.

— Вы хоть понимаете, что все это значит, Порус? Ведь земляне — это неконтролируемая цепная реакция, ими невозможно управлять. Будь они дважды теми технологическими гениями, какими являются, они бесполезны. С их психологией толпы, массовой паникой, суперэмоциональностью им просто нет места среди нормальных гуманоидов.

Порус удивленно поднял брови и отпарировал:

— Кометный газ! Как индивидуумы мы эмоциональны не менее их. Просто они превращают это в массовое действие. Мы — нет. Вот и вся разница.

— Но и этого достаточно! — завопил Тубал. — Наше решение, Порус, созрело прошлой ночью, когда мы наблюдали за... э т и м . Солнечная система должна остаться сама по себе. Она источник заразы, и мы не желаем иметь с ней ничего общего. Для хомо сол нужно установить строгий карантин. Это решение окончательное.

Ригелианин снисходительно улыбнулся:

— Для Галактики оно может быть окончательным. А для хомо сол?

Тубал пожал плечами:

— К нам они не присоединятся.

Порус улыбнулся еще раз:

— Слушайте, Тубал. Только между нами. Вы не пытались провести временную интеграцию сто двадцать восьмого уровня в соответствии с ростом тензоров Карлеона?

— Н-нет. Я бы не сказал, что занимался этим.

— Отлично! Тогда, я думаю, вас обрадуют мои вычисления. Психологи столпились вокруг листка бумаги, которую протянул им Порус. Их лица менялись в соответствии с их чувствами: от интереса к недоумению, затем к чему-то, очень близко напоминающему панику. Хелвин судорожным движением швырнул листки на стол.

— Это ложь! — крикнул он.

— Сейчас мы опережаем их на тысячу лет и еще пару сотен продержимся впереди, — отрезал Тубал. — Они не смогут ничего поделывать со всей Галактикой.

Тан Порус захохотал:

— Вы все же не верите математике? Разумеется, это вполне совпадает с вашими поведенческими характеристиками. Что ж, поглядим, смогут ли вас убедить специалисты, раз уж контакт с этими ненормальными гуманоидами вас наизнанку выворачивает. Джоселиан... Арн... зайти-ка!

Появился командир-центаврианин, автоматически отдал честь и застыл в ожидании.

— Сможет ли в случае необходимости военный звездолет Федерации выстоять в поединке с земным кораблем?

Арн скривился в кислой улыбке:

— Ни малейшего шанса, сэр. Эти гуманоиды нарушают закон Краута не только при панике, но и в сражении. Личный состав наших кораблей комплектуется из корпуса специалистов — их экипажи состоят из одиночек, умеющих

функционировать как целое, лишенное индивидуальности. Они нашли свой способ борьбы: мне представляется, паника здесь будет самым подходящим названием. Каждая личность на борту становится отдельным органом корабля. Для нас, как вы знаете, такое невозможно.

Кроме того, мир этот — масса сумасшедших гениев. Они воспользовались, только по моим наблюдениям, по меньшей мере, двадцатью оригинальными, но бесполезными изобретениями, с которыми познакомились в Ласунском музее, когда посещали нас. Вывернув эти изобретения наизнанку, земляне на их базе изготовили целый ряд очень неприятных военных устройств. Все вы знаете фиксатор гравилиний Юлвина-Тилла, использовавшийся, и довольно эффективно, для обнаружения рудных месторождений, до того как появились новые методы на электронных потенциалах.

Они его — уж не знаю как! — переделали в один из самых смертоносных корректировщиков огня, каких я еще не имел удовольствия видеть. Он сам по себе наводит орудие или излучатель на совершенно не видимое в космосе устройство, но обладающее массой.

— Но мы,— ввернул Тан Порус,— располагаем значительно более многочисленным и мощным флотом на данном этапе. Мы в состоянии их сокрушить, разве не так? Джоселиан Арн помотал головой:

— Победить их сейчас можно. Но я уверен, что эта победа будет не из легких. Во всяком случае, меня такой исход сражения не привлекает. Вся беда в том, что эта компания маньяков-изобретателей выдумывает новые военные устройства до отвращения быстро. Технологически они столь же нестабильны, как и волна на воде. Наша же цивилизация больше напоминает песчаную дюну. Я видел их фабрики наземных машин, предусматривающие изготовление любых деталей для новых марок: через шесть месяцев от них отказываются, считая, что они полностью устарели. Теперь мы вошли ненадолго в контакт с их цивилизацией, и, оказывается, наши чудеса двухсотсорокадвухлетней давности почти не дают никакого преимущества. Это они скорее присоединят к себе любую недавно открытую цивилизацию, даю вам стопроцентную гарантию.

— А как будет выглядеть наше военное положение,— поинтересовался Порус,— если мы полностью игнорируем их, скажем, лет этак с двести?

Джоселиан Арн отрывисто хохотнул:

— Если мы сможем, но лучше сказать, если они нам позволят, то я отвечу: сложите руки и на том успокойтесь. Боюсь, что они теперь энергично возьмутся за дело. Двести лет работ над новыми изобретениями, на которые их натолкнуло недолгое знакомство с нами, и мне страшно подумать, что они там навывдумывают. Подождем еще немного, и никакого сражения не потребуются: это будет аннексия с их стороны.

Тан Порус церемонно поклонился:

— Благодарю вас, Джоселиан Арн. Те же результаты следуют и из моих математических выкладок.

Джоселиан Арн отдал честь и вышел из помещения.

Повернувшись к пяти парализованным размышлениями ученым, Тан Порус продолжил:

— Надеюсь, наши слишком образованные джентльмены прореагируют на это глубоко гуманоидным образом. Вы убедились, что для нас не выход — прекратить любое общение с этой расой? Мы на это можем пойти, они же — никогда! Глупцы! Неужели вы думаете, что я стану тратить время на споры с вами? Это я устанавливаю закон, понятно вам? Хомо сол станут частью Федерации. И за две сотни лет достигнут зрелости. Об этом я вам заявляю официально.

Ригелианин свирепо обвел глазами помещение и бесцеремонно распорядился:

— Марш за мной.

XXX

Они последовали за маленьким психологом, смирившиеся и покорные, и оказались в его жилых помещениях. Тан Порус отодвинул в сторону занавеску, и все увидели полотно, изображавшее взрослого землянина в полный рост.

— Вам это о чем-нибудь говорит?

Изображенный человек совсем не походил на тех жителей Земли, с которыми психологам пришлось иметь дело. Невольное почтение внушали его горделивая осанка, величавая поступь и суровый, строгий взгляд. Одной рукой он поглаживал седовласую бороду, другой — поддерживал ниспадавшие одежды, облекавшие его могучее, прекрасное тело. И весь он олицетворял собой величие и силу.

— Зевс, — сказал Порус. — Первобытные земляне создали его как персонификацию бурь и дождей, штормов и гроз. — Он повернулся к растерянной пятерке. — Не напоминает ли он вам кого-нибудь?

— Хомо канопус,— неуверенно предположил Хелвин.

Порус был очень доволен собой, но лишь на мгновение позволил этому чувству вырваться наружу, чтобы затем вновь надеть на лицо каменную маску.

— Верно,— отрезал он.— Кто в этом будет сомневаться? Живой канопусец, полностью поглощенный осязанием своей бородачи.

— Теперь,— продолжал Порус, отодвигая следующую занавеску,— еще кое-что.

На втором полотне была изображена женщина, полногрудая, широкобедрая, с несказанной улыбкой на лице, в венке из колосьев и с корзиной плодов в руках.

— Деметра,— улыбаясь пояснил Порус.— Еще одна персонификация, уже культурного изобилия. Идеализированная мать. Кого она вам напоминает?

На этот раз сомнений не последовало. Пятеро в один голос воскликнули:

— Хомо бетельгейзе!

Слабая улыбка тронула губы Поруса:

— Вот мы их и заполучили? Верно?

— Что верно? — переспросил Тубал.

— Неужели не видите? — улыбка исчезла с лица Поруса.— Что вам не понятно? Ничтожества! Если сто Зевсов и столько же Деметр придут на Землю как члены торговой миссии и окажутся опытными психологами... Мне продолжать или теперь вам ясно?

Семпер Гор неожиданно рассмеялся:

— Пространство, время и микрометеорит! Конечно же! Земляне станут глиной в руках своих собственных персонификаций непогоды и материнства, воплощенных в жизнь. И через двести лет... да, через двести лет мы от них сможем добиться чего угодно.

— Но что касается этой вашей так называемой «торговой миссии», Порус,— вмешался Прат,— для начала необходимо уговорить землян согласиться на нее.

Порус склонил голову набок.

— Дорогой коллега Прат,— проворчал он,— не думаете ли вы, что я устроил пассивную панику только для собственного удовольствия или желания проучить пять тупоголовых кретинов? Пассивная паника парализовала промышленность, и земное правительство оказалось перед лицом революции — еще одной формой реакции толпы, которая ждет своего исследования. Предложите им галактическую торговлю и бесконечное процветание, и вы ду-

маете, они начнут на нас бросаться? А что на это скажут массы?

Психологи взволнованно зашушукались, но ригелианин нетерпеливым жестом прервал их.

— Если у вас больше нет вопросов, джентльмены, начнем подготовку к возвращению. Честно говоря, я устал от Земли и горю желанием вновь взяться за сквида,— заключил Порус и отвернулся, обращаясь к Харидину: — Скажи Арну, чтобы готовил корабль. Мы отбываем через шесть часов!

— Но... но...

Общее недовольство выразил неожиданный поступок Семпера Гора, вдруг рванувшегося к Порусу и рывком оттащившего его назад, словно тот намеревался отбыть немедленно. Маленький ригелианин тщетно пытался вырваться — противник обладал недюжинной силой.

— Убери руки!

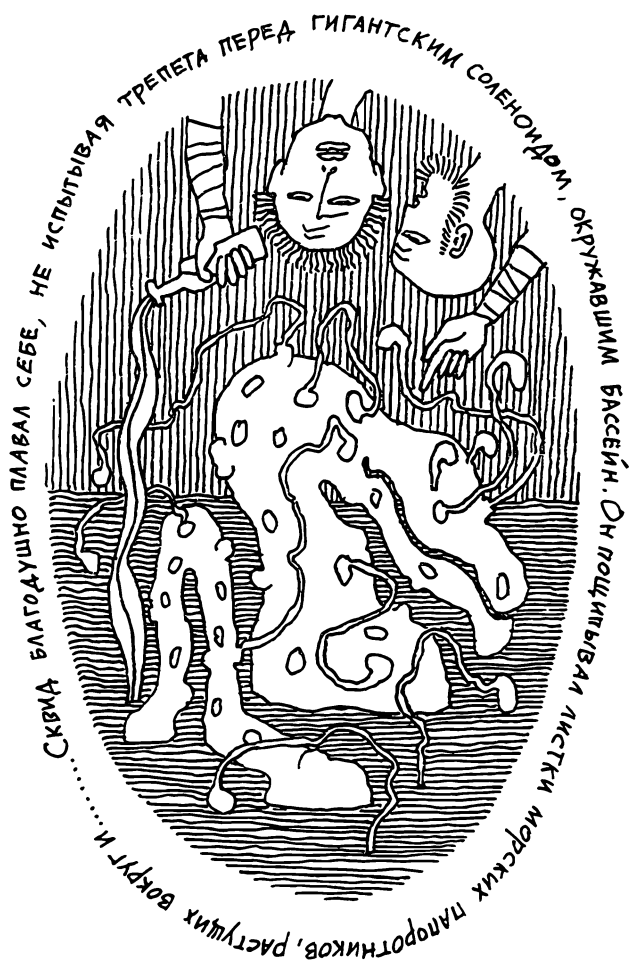
— Мы достаточно терпеливы, Порус,— выдохнул Гор,— Так что, будь добр, успокойся и води себя как гуманоид. Что бы вы ни говорили, мы не улетим, пока все не сделаем. Надо договориться с этим правительством насчет нашей торговой миссии. Мы должны спокойно обсудить ее состав. Подобрать подходящих психологов... Мы...

Тут Порус ловким движением освободился из объятий своего коллеги:

— И вы хоть на мгновение могли предположить, что я стану ждать, пока ваша изумительная миссия выяснит каждую детальку вопроса, убив на это еще два-три столетия!? Прошел целый месяц с тех пор, как Земля безоговорочно приняла мои условия. А пять месяцев назад был выслан отряд с Канопуса и Бетельгейзе. Позавчера он прибыл. Только с их помощью мы смогли остановить сегодняшнюю панику — а вы об этом даже не подозревали. Вы, должно быть, решили, что сами справитесь?! Но, джентльмены, сейчас они держат ситуацию под полным контролем и в наших услугах больше не нуждаются. Так что отправляемся домой.

И Порус позволил себе слабо усмехнуться.

МНИМЫЕ ВЕЛИЧИНЫ

Телекоммуникатор разбрасывал судорожные вспышки, пока психолог с Ригеля Тан Порус неторопливо устраивался перед экраном. В глазах Тана появился блеск, возбуждение передалось всем членам его худенького тела. И даже необычная его поза — Порус уселся, водрузив ноги на стол, — подчеркивала неординарность происходящего. Наконец коммуникатор ожил, засветился, и на экране появилось широкое лицо жителя Арктура, глядевшего раздраженно и хмуро.

— Сейчас середина ночи! Ты вызвал меня сюда прямо из постели, Порус!

— А у нас самый что ни на есть день, Финал. Но мое сообщение у тебя начисто прогонит мысли о сне.

Легкое беспокойство охватило Гара Финала, редактора журнала «Галактическая психология». Финал знал, что Порус, как и всякий гуманоид, имеет множество недостатков, но обладает при этом одним несомненным достоинством: никогда и никого не поднимет из постели по ложной тревоге. Если Порус говорил, что назревает событие огромной важности, то степень важности оказывалась не просто огромной, а, как минимум, колоссальной. К тому же сейчас Порус был несомненно доволен собой, что случалось с ним не так уж часто.

— Финал, — произнес он, — следующая статья, которую я намерен продать вашему журнальщику, станет величайшей работой, когда-либо мною напечатанной.

На Финала это произвело впечатление.

— Вы отдаете отчет своим словам? — спросил он.

— Не задавайте идиотских вопросов. Разумеется, отдаю. Послушайте...

Тут последовало неожиданное молчание, в течение которого нетерпение Финала возрастало с величайшей ско-

ростью, но наконец Порус, будто актер, разыгрывающий на сцене драму, выдал из себя напряженным шепотом:

— Я разрешил проблему сквида!

Реакция оказалась как раз такой, какую психолог предвидел. Своим сообщением он вызвал немалой силы эмоциональный взрыв, продолжавшийся примерно минуту, в течение которой ригелианин не без удовольствия отметил, что словарный запас благочинного и респектабельного арктурианца богат также и непристойными выражениями.

Сквид Поруса давно стал притчей во языцех для всей Галактики. Вот уже два года ученый бился с непонятным организмом с Беты Дракона, который настойчиво погружался в сон, когда ему вовсе не полагалось этого делать. Порус выводил все новые уравнения и уничтожал их с такой периодичностью, что это уже превратилось в стандартную шутку среди психологов Федерации, но необычную реакцию сквида объяснить не мог никто. И теперь Финала вытащили из постели, чтобы сообщить, будто решение найдено, — всего-то навсего!

Финал разразился заключительной фразой, передать которую телекоммуникатор мог лишь частично.

Порус выждал, пока ураган стих, после чего мирно поинтересовался:

— Знаешь, каким образом я ее решил?

В ответ послышалось невнятное бормотание.

Наконец ригелианин заговорил. От бывшего е веселья не осталось и следа, а после первых слов пропаль и следы ярости на лице Финала, уступив место выражению, означавшему, что арктурианец испытывает нескрываемый интерес.

— Не может быть! — с трудом выдал журналист.

Порус договорил, и Финал тут же принялся яростно дозваниваться до издательства, чтобы приостановить печатание журнала «Галактическая психология» на две недели.

XXX

Фуру Сантис, декан математического факультета университета Аркура, долго и внимательно рассматривал своего коллегу с Сириуса.

— Нет, нет, вы ошибаетесь. Его уравнения совершенно правильны. Я сам работал с ними.

— Математически — да, — отозвался круглолицый сирианец. — Но с точки зрения психологии они лишены смысла.

Сантис хлопнул себя по широкому лбу:

— Смысл! Послушайте только — и это говорит математик! Всемогуший Космос, коллега, что общего у математики со смыслом? Математика просто инструмент, и до тех пор пока с его помощью даются правильные ответы и делаются верные предсказания, актуальный их смысл роли не играет. Именно так я и заявил Тану Порусу. Большинство психологов знают математику настолько, чтобы не всегда путаться со сложением и умножением, но он в этом деле разбирается.

Собеседник Сантиса с сомнением покачал головой:

— Да знаю я, знаю. Но использование мнимых величин в уравнениях по психологии несколько превосходит мою веру в науку. Квадратный корень из минус единицы?

Он передернул плечами.

Комната отдыха старших в здании Психологического центра была переполнена и гудела взволнованными головами. Слух о том, что Порус разрешил ставшую уже классической проблему сквида, распространился мгновенно, и разговоры велись только об этом.

Постепенно всеобщим вниманием завладел Лор Харидин, который, несмотря на свою молодость, недавно был удостоен титула старшего. И теперь, являясь ассистентом Поруса, он явно считал себя хозяином положения.

— Значит, слушайте, коллеги... только учтите, всех подробностей я не знаю. Они секрет старика. Все, что я могу сообщить, это, так сказать, генеральную идею, то есть каким образом Порус решил эту проблему.

Психологи пододвинулись ближе.

— Говорят, он воспользовался мерой новых математических символов, — заметил один из присутствующих, — и как раз в тот момент, когда у нас возникли затруднения с гуманоидами с Земли.

Лор Харидин покачал головой:

— Еще хуже! Представить не могу, что заставило старика работать в том направлении. Может, мозговая атака, может, кошмары. Но, как бы там ни было, он обратился к мнимым величинам — квадратному корню из минус единицы.

Наступило благоговейное молчание, снова прерванное тем же голосом:

— Просто не могу поверить!

— Это факт! — благодушно ответил Харидин.

— Но ведь в этом нет никакого смысла. Что может собой представлять квадратный корень из минус единицы, если брать его в психологическом понимании? Значит...— говорящий производил в уме быстрые вычисления, как и большинство присутствующих...— получается, что нервные синапсы смыкаются не более и не менее как в четырех измерениях.

— Именно так,— раздался еще один голос.— Если воздействовать на сквид сегодня, то его реакция последует вчера. Вот что должны означать эти мнимые величины. Кометный газ! И ничего больше.

— Дело в том, что Тан Порус — особенный человек,— снова вмешался Харидин.— Вы полагаете, что его интересовало, как много мнимых величин возникло на промежуточных стадиях, если все они в конечном счете свелись к квадратному корню из минус единицы? На самом деле, ему требовался конечный результат, сводившийся к простенькому выражению, которое может объяснить эти непонятные приступы сонливости. Что же касается их физической природы — какое это имеет значение? Математика всего лишь инструмент, не более.

Последовало длительное молчание: удивленные присутствующие обдумывали услышанное.

XXX

Тан Порус занимал отдельную каюту на борту новейшего и самого шикарного межзвездного лайнера. Перед психологом стоял смущенный молодой человек, которого Порус не без удовольствия осматривал. Он был в поразительно хорошем настроении и, пожалуй, впервые за всю свою жизнь не выходил из себя, давая интервью деловитому представителю прессы.

Репортер в свою очередь молча изумлялся приветливости ученого. На собственном горьком опыте он убедился, что ученые в большинстве своем недолгобливают репортеров, а психологи — в особенности, и часто используют их в качестве объектов для отработки своих методов, вызывая убийственно смешные для окружающих реакции.

Журналист вспомнил, как однажды старикан с Канопуса убедил его, что величайшее наслаждение — жить на деревьях. Тогда потребовалось двенадцать человек, чтобы стащить его с вершины, а специальный психолог приводил в порядок его рассудок.

Сейчас же он имел дело с самым великим из психологов — Таном Порусом, который деловито отвечал на вопросы, как и полагается нормальному живому существу.

— И еще, профессор,— продолжал расспрашивать репортер,— я хотел бы узнать, как следует понимать эти мнимые величины. Не в математическом смысле,— торопливо добавил он,— тут мы верим в на слово, а, так сказать, генеральную идею, понятную среднему гуманоиду. Я слышал, что у сквида четырехмерный мозг?

Порус взревел.

— О Ригель! Четырехмерная чепуха. Если говорить чистую правду, то мнимые величины, вызывающие столь удивительные фантазии у общественности, на самом деле свидетельствуют лишь об определенных аномалиях в нервной системе сквида. Но каких именно, я не знаю. С точки зрения основополагающих законов экологии и микропсихологии, ничего необычного в обнаруженном не было. Очевидно, ответ нужно искать в атомной структуре мозга этого объекта, но тут я бессилен.— В голосе Поруса появились презрительные нотки. — Ядерные физики настолько отстали от психологов, что нет смысла просить их разобраться в этом нюансе.

Репортер яростно записывал. Завтрашний заголовок уже сформулировался у него в голове: «Прославленный психолог обвиняет физиков-ядерщиков!»

И тут же возник заголовок для послезавтрашнего номера: «Оскорбленные физики разоблачают прославленного психолога!».

Научные распри пользовались большой популярностью в прессе, в особенности те, что случались между физиками и психологами, переносившими друг друга с трудом.

Репортер поднял сияющие глаза на Поруса:

— Профессор, вы, конечно, знаете, что гуманоиды Галактики очень интересуются личной жизнью ученых. Надеюсь, вы не обидитесь, если я задам вам несколько вопросов относительно вашей поездки домой, на Ригель-IV?

— Валяйте,— добродушно согласился Порус.— Скажите им, что я впервые за последние два года выбрался домой и сейчас нахожусь в предвкушении отличного отдыха. Арктур несколько желтоват для моих глаз, и обстановка здесь слишком шумная.

— Это правда, что дома вас ждет жена?

Порус закашлялся:

— Мгм, да. Самая очаровательная малышка во всей Вселенной. Можете записать: мне очень приятно, что я ее скоро увижу.

— Тогда почему вы не взяли ее с собой на Арктур?

Выражение добродушия частично испарилось с лица ученого:

— Работать я предпочитаю один. Женщины хороши, когда они на своем месте. К тому же мое представление об отдыхе — это отсутствие посторонних, я люблю иногда побыть в одиночестве. Этого, пожалуй, не записывайте.

Репортер отложил блокнот и посмотрел на своего миниатюрного собеседника с нескрываемым восхищением.

— Скажите, профессор, но каким образом вам удалось оставить ее дома? Надеюсь, это не секрет? — Он проныкнувненно вздохнул и добавил: — Очень скоро это могло бы мне пригодиться.

Порус хохотнул:

— Так и быть, сынок, скажу. Если ты первоклассный психолог, то должен быть хозяином в собственном доме.

Интервью подошло к концу, репортер собрался уходить, но внезапно Порус схватил его за руку. Зеленые глаза профессора сделались маленькими и злыми:

— Послушай, сынок, не забудь опустить в статье последнее замечание.

Репортер побледнел и отшатнулся:

— Конечно, сэр, ни в коем случае. Журналисты хорошо знают, что лучше не обезьянничать с психологом, иначе он сделает обезьяну из тебя!

— Неплохо сказано! Выражаясь литературно, знаешь ли ты, что мне это под силу, если понадобится?

Молодой репортер поспешил покончить с расспросами, втянул голову в плечи и вытер холодный пот со лба. Направляясь к выходу, он почувствовал себя так, будто стоит на краю пропасти. И мысленно решил: больше никаких интервью с психологами. Во всяком случае, пока ему не повысят зарплату.

XXX

На приближение к родной планете первым отреагировало сердце Поруса, застучав сильнее обычного, а затем его глаз достиг свет девственно-белого шара Ригеля, при этом мозг ученого бесстрастно констатировал: реакция В-типа, то есть ностальгия или условный рефлекс, связанный

с тем, что Ригель всегда напоминал Порусу о счастливых переживаниях молодости...

Термины, фразы, уравниения закружились в его изощренном мозгу, но назло им он был счастлив. На недолгий период человек восторжествовал над психологом — Порус отказался от анализа ради изумительной радости побыть некритично счастливым.

За две ночи до прибытия он пожертвовал сном, чтобы не пропустить появления Ханлона, четвертой планеты Ригеля. Это и был его родной мир, который населяли маленькие люди. Где-то там, на берегу спокойного моря, стоит маленький двухэтажный домик. Совсем крохотный, в отличие от высоких и громоздких зданий, что строят себе арктурианцы и прочие дылды гуманоиды.

Как раз наступил летний сезон, когда дома кажутся купающимися в жемчужном свете Ригеля, — какое это должно быть удовольствие после желтого солнца Арктура!

И, конечно, самое главное наслаждение, которого Порус был лишен вот уже два года, он получит, обедаясь жареным триптексом. Причем его жена — лучшая мастерица в приготовлении этого изумительного блюда.

При мысли о жене Тан Порус слегка поморщился. Конечно, было подлостью — бросить ее вот так на два года, но это диктовалось необходимостью. Он еще раз взглянул на разложенные перед ним бумаги и принялся их перебирать. Пальцы его слегка подрагивали. Весь остаток дня психолог потратил на вычисление реакции жены, когда она впервые увидит его после двухлетней разлуки, и результат получался не очень утешительным.

Тина Порус обладала неукротимыми эмоциями — ему предстояло действовать быстро и эффективно.

XXX

Ученый быстро отыскал жену в толпе и улыбнулся. Было приятно снова ее видеть, даже если вычисления предвещали затяжной и мощный шторм. Он еще раз мысленно пробежал свою заготовленную речь и внес последние коррективы.

В этот момент Тина заметила его, неистово замахала руками, пробиваясь в передние ряды встречающих, и повисла на его шее раньше, чем он успел к этому приготовиться. Оказавшись в ее любящих объятиях, Тан Порус с удивлением констатировал, что млеет от счастья.

Правда, это была вовсе не та реакция, которой он ожидал. Что-то шло вразрез с его предположениями.

Жена ловко провела ученого сквозь толпу поджидавших репортеров к тратоплану, не переставая тараторить всю дорогу:

— Тан Порус, Тан Порус, я уже думала, что не доживу до того момента, когда вновь тебя увижу. До чего же здорово, что мы опять вместе. И ты был совершенно не прав. Здесь, дома, конечно, очень хорошо, но, когда тебя нет, что-то тут не так.

Порус не верил своим глазам. Подобная встреча была совершенно не характерна для Тины. А чуткий слух психолога все это воспринимал как бред безумной. У него не хватало соображения отвечать хотя бы мычанием на отдельные высказывания. Медленно коченея в своем кресле, он с ужасом наблюдал, как уносится земля под ними, слышал, как воеет вокруг ветер, когда они неслись к своему домику на берегу моря.

А Тина Порус продолжала болтать, легко и ненавязчиво связывая воедино слова, составляющие непрерывную цепь ее монолога:

— И конечно же, дорогой, я приготовила тебе целого триптекса, зажаренного на вертеле, с гарниром из сарни-есов. Ах да, что это за история с новой планетой?.. Землей, ведь ты ее так назвал? Я тобой так гордилась, как только услышала. Я сразу сказала...

И так далее и тому подобное, пока ее слова не превратились для Поруса в бессмысленный конгломерат звуков.

Но где же ее упреки? Где слезы, вызванные жалостью к себе?

За обедом Тан Порус попытался взять себя в руки и мысленно призвал на помощь всю свою волю. Перед ним стояла испускавшая пары тарелка с триптексом, почему-то совсем не вызывающим аппетит, но психолог заговорил как ни в чем не бывало:

— Это мне напоминает тот день на Арктуре, когда я обедал с председателем правления...

Он погрузился в подробности, хотя совсем отклонился от сути дела; живописал шуточки, при этом лирически гневался на собственное от них удовольствие; сделал упор, почти не замаскированный, на тот факт, что он чуть было не забыл свою жену; наконец, в последней дикой вспышке отчаяния, как бы ненароком вспомнил, что поразительное количество ригелианских женщин встретил в системе Арктура.

На все эти его слова жена проговорила с улыбкой:

— Я так рада, мой дорогой. Это просто замечательно, что ты там был не один. Ешь же свой триптекс.

Но Порус не мог есть даже триптекс. При одной мысли о еде его начинало мутить. Растерянно, пожалуй, даже испуганно он посмотрел на жену, медленно поднялся; пытаясь сохранить остатки достоинства, решил спастись бегством и уединился в своей комнате.

Там он лихорадочно полистал расчеты, потом рывком опустил в кресло. Кипя от ярости, Порус понимал: с Тиной явно происходило что-то недоброе. Невероятно недоброе! Даже интерес, появившийся к другому мужчине, — на мгновение он предположил и такое — не мог настолько революционно изменить ее характер.

Психолог рванул на себе волосы. Существовал какой-то тайный фактор, еще более невероятный, чем этот, — а он понятия не имел какой! В это мгновение Тан Порус отдал бы все свои всемирные заслуги только за то, чтобы его жена сделала хоть одну попытку снять с него скальп, как в добрые старые времена.

А рядом, в столовой, Тина Порус позволила веселым искоркам заиграть в ее глазах.

XXX

Лор Харидин отложил ручку и сказал:

— Войдите!

Дверь открылась, появился его приятель Эбло Раник, одним движением расчистил угол стола и уселся на его край:

— Харидин, у меня идея!

Голос его прозвучал необычно, словно виноватый выдох. Харидин с подозрением покосился на него:

— Вроде той, когда ты подстроил ловушку старине Обелю?

Раник пожал плечами. Действительно, целых два дня ему пришлось скрываться в вентиляционной шахте, когда его шутка великолепнейшим образом сработала.

— Нет. на этот раз все законно. Слушай, Порус ведь тебе поручил заботиться о сквиде, не так ли?

— Ага, вижу, на что ты нацелился. Ничего не выйдет. Я имею право лишь накормить сквида и ничего больше. Даже если я хлопну в ладоши, чтобы вызвать у него реакцию перемены цвета, шеф меня потом прикончит.

— Космос с ним. Он где-то там, за много парсеков отсюда.— Раник извлек экземпляр журнала «Галактическая психология» и развернул на нужной странице.

— Ты следил за экспериментами Ливелла на Проционе-V? Интересно, там использовались магнитные поля или ультрафиолетовое облучение?

— Не моя область,— ответил Харидин,— но, конечно, я о них слышал. А в чем дело?

— Так вот, появляется реакция Е-типа, которая порождает, хочешь верь, хочешь не верь, стройный эффект Фимбала практически в каждом случае, в особенности у высших беспозвоночных.

— Хм-м-м!

— Значит, если мы попробуем применить это к сквиду, то получим...

— Нет и нет! — Харидин неистово замотал головой.— Порус меня в порошок сотрет. Великие звезды, что он тогда со мной сделает!

— Да послушай ты, дурачок. Последнее слово не за Порусом, а за Фрианом Обелем. Ведь Обель — глава департамента психологии. От тебя требуется лишь обратиться к нему за разрешением, и ты его получишь. Говоря между нами, после той прошлогодней заварухи с хомо сол он старается Порусу на глаза не попадаться.

Харидин все еще пытался сопротивляться:

— Вот ты и обратись за разрешением.

Раник поперхнулся:

— Нет. Если по правде, то мне не стоит показываться ему на глаза. Кажется, он до сих пор подозревает, что ту штуку с ним выкинул именно я. Так что мне лучше не соваться.

— Хм-м-м. Ладно, попробую.

XXX

Выглядел Лор Харидин так, словно неделю не спал как следует. Раник посмотрел на него кротко и терпеливо и вздохнул:

— Взгляните на него. Может, ты соизволишь сесть? Сантин сказал, что есть возможность получить окончательный результат уже сегодня, не так ли?

— Да, я знаю. Но какой позор! Я семь лет убил на высшую математику. А теперь допускаю дурацкую ошибку и даже не могу ее найти.

— Но если ее и искать не надо?

— Не будь идиотом. Ответ тут просто невозможен. Он и должен быть невозможен. Должен! — высокий лоб Харидина пошел морщинами. — О-о, я просто не знаю, что и думать.

Его все еще продолжали одолевать дремота и навязчивое желание растянуться на ковре, лежавшем на полу, но Харидин не прекращал отчаянных размышлений. Неожиданно он опустился в кресло.

— Это все временные интегралы. С ними просто невозможно работать, я же тебе говорил. Нахожу их в таблице, трачу полчаса, чтобы подобрать наиболее подходящее значение, и они дают — ни много ни мало — семнадцать возможных вариантов ответа. Пытаюсь отыскать хотя бы один, имеющий смысл, и — помоги мне Арктур! — выходит, что или они все имеют смысл, или ни один! Составляю таблицу для восьми из них, как в нашей задаче, но комбинаций получается столько, что разбираться с ними нужно всю оставшуюся жизнь! Ложный ответ! Я удивлюсь, если после этого живым останусь.

Взглядом, который он бросил на толстый том «Таблиц временных интегралов», очень даже можно было испепелить переплет, чего к величайшему удивлению Раника все-таки не произошло.

Замигала сигнальная лампочка. Харидин рванулся к двери. Выхватил из рук курьера пакет, с яростью распечатал его, не взирая на печати, и, пролистав не глядя, остановился на последнем абзаце последней страницы.

Сантин писал:

«Ваши вычисления правильны. Желаю успеха. Но не стоит Порусу наносить удар из-за спины! Лучше сразу войти с ним в контакт».

Раник прочел резюме, выглядывая из-за плеч Харидина, и они долго и недоуменно смотрели друг на друга выпученными глазами.

— Я был прав, — прошептал Харидин. — Мы обнаружили такое сочетание, при котором мнимые числа в квадрат не возводятся. Эта предсказуемая реакция включает в себя мнимые величины.

Раник сглотнул, чувствуя, что его охватывает оцепенение:

— И как ты это интерпретируешь?

— Великий Космос! Клянусь Галактикой, не знаю! Нужно передать дело Порусу, вот и все.

Раник хрустнул пальцами и схватил своего коллегу за плечо.

— Нет, нет, только не это. Мы упустим величайший шанс. А если доведем дело до конца, будущее нам обеспечено,— он не мог говорить от возбуждения.— Великий Арктур! Да любой психолог дважды заложил бы собственную жизнь ради малейшей возможности оказаться на нашем месте!

XXX

Сквид с Беты Дракона благодушно плавал себе, не испытывая трепета перед гигантским соленоидом, окружавшим его бассейн. Множество перепутанных проводов, освинцованных кабелей, подвешенных кверху ртутных ламп ничего для него не значили. Он пощипывал листки морских папоротников, растущих вокруг, и, казалось, был доволен тем, что существует в мире со всем миром.

Другие чувства испытывали два молодых психолога. Эбло Раник суетился над сложной паутиной переплетений, в попытке еще раз заново все проверить. Лор Харидин помогал ему тем, что кусал себе ногти, безжалостно отгрызая их один за другим.

— Готово,— заявил наконец Раник и вытер платком пот со лба.— Бей его, не жалея!

Засветились ртутные лампы. Харидин задернул занавеси на окнах. В холодном тускло-красном свете Раник и Харидин с позеленевшими лицами внимательно наблюдали за сквидом.

Животное безостановочно двигалось. В жестком ртутном свете сквид казался тускло-черным.

— Врубай ток! — хрипло бросил Харидин.

— Никакой реакции? — проронил Раник, словно бы ни к кому не обращаясь. И тут же затаил дыхание, так как Харидин еще ниже склонился над сквидом.

— С ним что-то происходит. Мне кажется, он начал слегка светиться... или меня глаза подводят.

Свечение сделалось более отчетливым, казалось, оно отделилось от тела животного, образовав вокруг светящуюся оболочку. Томительно текли минуты.

— Он излучает какой-то вид радиации, можешь называть ее как угодно, и с течением времени этот процесс усиливается.

Ответа не последовало. Оба продолжали терпеливо наблюдать. Вдруг Раник испустил приглушенный вопль и с чудовищной силой вцепился в локоть Харидина:

— Взрывающиеся кометы, это еще что такое?

Светящаяся сфера неведомо как выбросила наружу псевдоподию. Маленький язычок коснулся покачивающегося папоротника, листья которого мгновенно побурели и завяли.

— Отключай ток!

Щелкнул выключатель, погасли ртутные лампы, сгустились тени, и экспериментаторы нервно переглянулись.

— Что это было?

Харидин покачал головой:

— Не знаю. Что-то определенно ненормальное. Я никогда раньше ничего похожего не видел.

— Но ты никогда раньше не видел и мнимых величин в уравнениях реакций, верно? К тому же я не думаю, чтобы это расширяющееся поле было какой-то неизвестной нам формой энергии...

Раник выдохнул со свистом и медленно отступил от бассейна со сквидом. Моллюск лежал неподвижно, но уже половина папоротников в бассейне побурела и увяла.

Харидин с трудом дышал. Он сдвинул защитные очки. Во тьме светящийся туманный шар распространился более чем на половину бассейна. Тоненькие подвижные щупальца тянулись к уцелевшим растениям, а одна змейка пульсирующей тенью перекинулась через стеклянный край бассейна и теперь ползла по столу.

От испуга Раник перешел на невразумительный хрип:

— Запаздывающая реакция! Ты не проверял ее на теорему Вилбона?

— Чего ради! — Харидина охватил приступ отчаяния, голова его тряслась. — Теорема Вилбона не имеет смысла, если туда подставить мнимые величины. Надо было бы...

Раник развил бешеную энергию. Выскочив из помещения, он тотчас вернулся с крохотной, пронзительно верещащей, похожей на белку зверушкой из собственной лаборатории. Бросил ее на стол, по которому ползла пульсирующая змейка, и линейкой пододвинул примерно на ярд.

Светящееся щупальце задрожало, очевидно, ощутило близость жизни каким-то жутковатым незрячим образом и сделало быстрый бросок. Маленький грызун издал последний вопль, означавший непередаваемую муку, затем замолк. Через две секунды от него осталась лишь съевшаяся шкурка.

Раник выругался и с отчаянным криком выронил линейку, так как светящееся щупальце, уже более толстое, двинулось по столу в его сторону.

— Иди сюда! — распорядился Харидин.— С этим пора кончать. Он рывком расстегнул кобуру и выхватил поблескивающий хромом лазер. Острая тонкая игла пурпурного света ринулась вперед к сквиду и взорвалась с ослепительной беззвучной яростью на границе силовой сферы. Психолог выстрелил еще раз, передвинул рычажок, и образовался непрерывный пурпурный луч разрушения, который прекратился только тогда, когда иссякла энергия разрушения.

Но светящаяся сфера осталась неподвижной. Теперь она занимала уже весь бассейн. Папоротники превратились в мертвую бурую аморфную массу.

— Надо связаться с советом,— выкрикнул Раник.— Эта тварь совсем вышла из повиновения.

XXX

Растерянности не возникло — гуманоиды в своей массе просто не способны на панику, если не принимать во внимание полугенияльных, полугуманоидных обитателей Солнечной системы,— и эвакуация с территории университета протекала спокойно.

— Один глупец,— заметил старый Мир Деан, ведущий физик Арктурианского университета,— способен задать столько вопросов, что на них не сможет ответить и тысяча мудрецов.

Он провел пальцем по своей жидкой бороденке и звучно фыркнул в знак презрения:

— Если проводить аналогию, то один космически глупый психолог способен заварить такую кашу, что ее не расклебать и тысяче физиков.

Обелю ужасно захотелось оттащить зарвавшегося физика за бороду. У него, конечно, было свое мнение насчет Харидина и Раника, но не увечному же физику позволять себе...

Появившаяся полная фигура Куала Уинна, ректора университета, разрядила возникшее напряжение. Уинн задыхался, слова его перемежались с пыхтением.

— Я связался с Галактическим Конгрессом. Они обещали эвакуацию всего Эрона в случае необходимости,— в голосе его появились умоляющие нотки.— Неужели нельзя ничего больше сделать?

Мир Деан вздохнул:

— Ничего... пока. Этот сквид излучает особого вида псевдоживое поле радиации. Оно не носит электромагнит-

ного характера — это все, что мы сейчас знаем. Его распространение не удалось остановить ничем из того, что мы перепробовали. Все виды нашего оружия неэффективны, потому что в пределах поля радиации обычные качества пространства-времени, как мне кажется, нарушаются.

Ректор озабоченно покачал головой:

— Скверно! Скверно! Надеюсь, вы уже послали сообщение Порусу?

Он произнес это так, словно Порус был последней надеждой, той самой соломинкой, за которую хватается утопающий.

— Да,— хмуро ответил Фриан Обель,— Порус единственный человек, который должен знать, что же на самом деле представляет собой сквид. Если и он не сможет нам помочь, значит, больше никто не сможет.

Обель перевел взгляд на сверкающую белизну университетских зданий. Трава более чем наполовину превратилась в бурю массу, деревья высохли.

— Вы полагаете,— ректор повернулся к Деану,— это поле сможет распространяться и в межпланетном пространстве?

— Пламя сверхновой энергии?! Да я совсем не знаю, что тут делать! — взорвался Деан и раздраженно отвернулся.

Полнейшая безысходность охватила присутствующих, и воцарилось гнетущее молчание.

XXX

Тана Поруса уговорили сходить на концерт, результатом чего явилась глубочайшая апатия. Психолог ничего не видел и не слышал: ни бриллиантового сверкания вокруг, ни мелодичной музыки, которая заполняла зал. Концерты для Поруса всегда были проклятием, и двадцать лет супружеской жизни он умело от них откручивался — одно это было под силу только величайшему из психологов. А теперь... Из оцепенения его вывел неожиданный дисгармонический звук, раздавшийся у него за спиной. Порядок нарушили билетеры, вдруг столпившиеся у выхода, лишь виднелись протестующие движения рук людей в униформе, наконец раздался скрипучий голос:

— Я направлен Галактическим Конгрессом и прибыл по неотложному делу. Присутствует ли в зале Тан Порус?

Психолог прыжком вскочил на ноги. Любую возможность покинуть концерт он воспринимал не иначе, как дар небес.

Порус распечатал сообщение, врученное ему посыльным, и жадно впился в его содержание. На втором абзаце приподнятое настроение покинуло ученого. Наконец он дочитал сообщение до конца и поднял кверху глаза — они метали молнии.

— Когда мы можем вылететь?

— Корабль ждет.

— Тогда не следует терять времени.

Он сделал шаг вперед и остановился. Чья-то рука ухватила его за локоть.

— Куда это ты собрался? — спросила Тина Порус, в голосе ее послышались стальные нотки.

На мгновение Тан Порус почувствовал, что задыхается. Он предвидел, что сейчас может произойти:

— Дорогая, я вынужден немедленно отправиться на Эрон. На карту поставлена судьба целого мира, возможно, всей Галактики. Ты представить себе не можешь, насколько это важно. Я тебе все расскажу...

— Хорошо, я еду с тобой.

Психолог опустил голову.

— Конечно, дорогая, — выдавил он и вздохнул.

XXX

Психологи из комиссии дружно, как один, хмыкнули и забормотали, после чего с подозрением уставились на висящий перед ними крупномасштабный график.

— Смелее, коллеги, — проговорил Тан Порус. — Я сам чувствую себя в данном случае не совсем уверенно, но... вы все ознакомились с моими результатами, сами проверили вычисления. Это единственное воздействие, способное прекратить реакцию.

Фриан Обель нервно теребил подбородок:

— Да, с математикой все четко. Рост водородно-ионной активности может повысить интеграл Демана, и тогда... Но послушайте, Порус, это не увязывается с пространством-временем. Математика здесь может оказаться бессильной, хотя, возможно, и все остальное не поможет.

— Это наш единственный шанс. Если бы мы имели дело с обычным пространством-временем, достаточно было бы залить этого проклятого красавчика сквида изрядной долей кислоты или зажарить из лазера. А поскольку дело

обстоит иначе, у нас нет выбора и мы вынуждены пользоваться этой единственной возможностью...

Поруса перебил чей-то звучный голос:

— Дайте же мне пройти, говорю вам! Меня это не заботит, пусть идет хоть десять конференций сразу.

Дверь распахнулась, в проеме возникла массивная фигура Куала Уинна. Он поискал глазами Поруса и устремился к нему:

— Порус, должен вам сообщить, что я схожу с ума. Парламент намерен возложить всю ответственность на меня, как на ректора университета. А теперь еще Деан говорит, что...

И он беззвучно зашевелил губами, а Мир Деан, стоявший позади, продолжил рассказ:

— Поле теперь покрывает примерно одну тысячу квадратных миль, причем его способность к росту равномерно увеличивается. Теперь больше не остается сомнений, что оно способно распространяться и в межпланетном пространстве, а если понадобится, то и в большом межзвездном. Это уже вопрос времени.

— Вы слышали? Слышали? — Уинн прямо заблеял от тревоги. — Можете вы хоть что-то предпринять? Ведь вся Галактика погибнет! Погибнет, говорю я вам!

— Да оставьте вы в покое свою тунику, — громыхнул Порус. — И позвольте нам все уладить. — Он повернулся к Деану: — Сообразят ваши шутейные физики выполнить такие хотя бы грубые замеры, как, скажем, скорость проникновения поля сквозь различные преграды?

Деан сухо кивнул:

— Проницаемость варьируется в зависимости от плотности. Осмий, иридий и платина — хорошо; золото, свинец — прекрасно.

— Чудненько! Все срабатывает. Мне потребуется скафандр с осмиевым покрытием и шлемом из оцинкованного железа. И чтобы покрытие было с обеих сторон, а шлем надежным и толстым.

Куал Уинн с яростью сорвался с места:

— Осмиевое покрытие! Осмиевое! Клянусь Великими Галактиками, о цене вы подумали?

— Подумал, — холодно проронил Порус.

— Но ведь они взвалят все это на университет, они... — Он с трудом опомнился, ощутив на себе угрюмый взгляд психолога.

— Когда он вам понадобится? — обреченно промычал Уинн.

XXX

— Вы на самом деле решили идти сами?

— А почему бы нет? — спросил Порус, забираясь в скафандр.

Мир Деан сказал:

— Шлем из освинцованного стекла сможет противостоять полю не больше часа, а возможно, вы испытаете его частичное проникновение и через более короткий промежуток времени. Понятия не имею, что вы тогда станете делать.

— Это уж мои заботы. — Порус замолчал, потом неуверенно добавил: — Я буду готов через несколько минут. Мне нужно поговорить с моей женой, наедине.

Беседа отличалась краткостью, причем это был один из тех крайне редких случаев, когда Тан Порус позабыл, что он психолог, и говорил то, что подсказывало сердце, без пауз, чтобы видеть непосредственную реакцию собеседника.

Единственное, в чем он оставался уверен — срабатывала интуиция — это в том, что жена его не повредила рассудком и не сделала его сентиментальным, и он знал, что не ошибается. Ведь только в последнюю секунду она отвела глаза, а голос ее задрожал. Тина выхватила платок из широкого рукава и торопливо выбежала из комнаты.

Психолог поглядел ей вслед, затем нагнулся и поднял тоненькую книжицу, которая выпала, когда жена доставала платок. Не глядя, он сунул брошюрку в карман туники, криво усмехнулся и сказал:

— Талисман!

XXX

Одноместный крейсер Тана Поруса мчался сквозь поле смерти. И почти сразу его охватило липкое ощущение заброшенности. Он передернул плечами:

— Воображение! Сейчас нельзя нервам позволить распуститься.

Настоящее сияние — искры, гаснущие раньше, чем он успевал их рассмотреть, — разлилось в воздухе вокруг него. Потом сияние охватило весь корабль. Порус глянул вверх и увидел, что пять эрианских розовых рисовых птичек, которых он прихватил с собой, лежат мертвыми на полу клетки, представляя собой беспорядочную грудку встопорщенных перьев.

— Значит, «поле смерти» уже здесь,— пробормотал он.

Поле действительно проникало сквозь стальную оболочку крейсера.

Посадка прошла довольно неуклюже: крейсер сильно ударился об университетское поле. Тан Порус в нелепом и громоздком осьмиметровом скафандре выбрался наружу, и его взору предстал безжизненный пейзаж. Все, начиная от бурой щетины под ногами и заканчивая светящимся небом, ничего общего не имевшим с голубизной,— говорило о смерти. Порус направился к факультету психологии.

В лаборатории было темно. Шторы так и остались опущенными. Психолог поднял их и принялся изучать бассейн со сквидом. Водяной клапан продолжал работать, и бассейн был полон. Впрочем, это единственное, что казалось здесь нормальным. Лишь несколько темно-коричневых искрошившихся обломков напоминали о морских папоротниках. Сам сквид инертно лежал на дне бассейна. Тан Порус вздохнул. Он вдруг почувствовал, как усталость и оцепенение наваливаются на него. Мозг не мог работать нормально, пребывая как будто в тумане. Какое-то время ученый глядел прямо и ничего не видел. Наконец собрался с силами, поднял бутылку, которую принес с собой, и поглядел на этикетку. Двенадцатимолева гидроклоридная кислота. Он рассеянно промышчал про себя:

— Две сотни кубиков. Теперь все содержимое выливаем и насильно заставляем радиацию понизиться. Если только ионная активность водорода имеет здесь какое-либо значение.

Порус нащупал стеклянную пробку и неожиданно для себя рассмеялся. Он вдруг вспомнил, что похожие ощущения испытал, когда единственный раз в жизни напился. Порус помотал головой, чтобы стряхнуть оцепенение, охватившее мозг как паутина.

— Теперь выждем несколько минут, пока сработает... и что потом? Понятия не имею... что-нибудь, как-нибудь. А эта тварюга станет хламом! Станет хламом! Хламом-хламом-хламом! — и он принялся напевать простенькую песенку, пока кислота делала свое дело в открытом бассейне.

Тан Порус был доволен собой и опять рассмеялся. Затем взболтал воду своей бронированной рукой и расхохотался еще сильнее. А потом снова вернулся к песенке.

Наконец он заметил неуловимые перемены в обстановке. Начал присматриваться, на время даже перестал

петь. И тут случившееся обрушилось на него потоком холодной воды. Сияние в атмосфере исчезло!

С внезапной решимостью Порус расстегнул шлем, отбросил его прочь и полной грудью вобрал в себя воздух, несколько затхлый, но не смертельный.

Наполнив кислотой бассейн, он уничтожил поле в зародыше. Можно отметить новую победу чистой математической психологии. Порус выбрался из своего осьмиевого скафандра, потянулся и вдруг почувствовал, как грудь ему сдавила та книжица, которую выронила его жена. Доставая брошюру, он подумал:

— Талисман свое дело выполнил! — и виновато улыбнулся собственному капизу. Улыбка застыла, когда Порус прочитал название: **«ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ КУРС ПО ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ. ЗАНЯТИЕ ПЯТОЕ»**.

Это было равносильно тому, как если бы что-то большое и тяжелое внезапно обрушилось на голову. Порус наконец-то прозрел:

— Тина, оказывается, целых два года изучала прикладную психологию!!!

Так вот каким был недостающий фактор! Ему следовало предусмотреть это. Тогда он смог бы воспользоваться тройным переменным интегралом, но...

Психолог надавил клавишу телекоммуникатора и вышел на связь:

— Эй, говорит Порус. Слушайте все-все! Поле смерти исчезло. Я перехитрил сквида!

Он отключился и с торжеством добавил:

— ... и свою жену тоже!

Довольно странно, — а может, ничего странного! — но эта вторая победа доставила ему гораздо большее удовольствие.

СОДЕРЖАНИЕ

Камешек в небе	3
Черные монахи пламени	197
Хозяйка	249
Двухсотлетний человек	293
Хомо сол	335
Мнимые величины	359

Азимов А

А 35 Камешек в небе; Черные монахи пламени; Хозяйка; Двухсотлетний человек; Хомо Сол; Мнимые величины: Пер. с англ.: Для ст. шк. возраста /Сост. А. В. Березнев. — Мн.: ИПКА «Паблсити»; Старый Свет, 1993. — 384 с.: ил. — (Лучшая фантастика мира . Сер. (бестселлеры).

ISBN 5-88016-008-4 (Старый Свет).

ISBN 5-86958-043-9 (Паблсити).

Будущее Земли... Сколько раз сознание фантастов будоражила эта тема? Не обошел ее вниманием и признанный маэстро фантастики А. Азимов.

Что станет с нашей планетой через 100, 1000, 10 000 лет? Можно лишь загадывать. Одну из оригинальных версий будущего автор излагает в романе «КАМЕШЕК В НЕБЕ». Не менее интересны впервые публикующиеся другие его повести и рассказы.

Сборник предназначен для широкого круга читателей.

А 4703040100

ББК 84.7США

Литературно-художественное издание

Азимов Айзек
Камешек в небе
Черные монахи пламени
Хозяйка
Двухсотлетний человек
Хомо Сол
Мнимые величины

Составитель Березнев Александр Васильевич

Редакторы Т. Бугаева, Е. Юркевич

Компьютерный набор и верстка Е. Пристром

Сдано в набор 5.08.92. Подписано в печать 12.05.93.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага газетная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 100 000 экз.
Заказ 520

Издательско-просветительское коммерческое
агентство «Паблисити». Лицензия ЛВ N 426.
220600, г. Минск, ул. Красноармейская, 7.

Компания «Старый Свет». Лицензия ЛВ N 190.
220030, Минск, пл. Свободы, 17.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
«Белорусский Дом печати». 220041, г. Минск,
пр. Ф. Скорины, 79.

Компания **"СТАРЫЙ СВЕТ"**—
ПОДХОДЯЩАЯ КОМПАНИЯ
для Вас и
Ваших детей

В ближайшее время
Компания “Старый Свет”
пополнит Вашу детскую библиотеку
новыми интересными книгами:

- Джанни Родари
“Приключения Чиполлино”
- Джанни Родари
“Джельсомино в стране лгунов”
- “Кованый сундук”
(Волшебные сказки народов Европы)
- Фрэнк Баум “Дороти у короля Гномов”
- Цакариас Топелиус “Звездоглазка”
(сборник финских сказок)
- Энид Блайтон
“Новые приключения Братца Кролика”
Катя Бесков “Удивительные приключения
мышонка Патрика”
- “Дюгол. Большая Книга Сказок”
(Веселые рассказы с комиксами и играми)
- “Детская энциклопедия”
(Перевод с английского)
- “Робин Гуд”
(По мотивам английских легенд)
Зинаида Шишова “Джек-соломинка”

Эти (и многие другие книжки) выйдут
в сериях “СКАЗКИ СТАРОГО СВЕТА”

и

“ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТАРОГО СВЕТА”

ISAAC

ASIMOV

